Древняя
Русская исторія.

Курсъ лекцій

Э. О. профессора В. О. Ключевскаго,

читанный въ

188$^{4}/_{5}$

акад. году.

въ Императорскомъ Московскомъ

Университетѣ.

Введеніе.

Я начинаю общій курсъ исторіи Россіи и въ настоящемъ году изложу его первую половину до конца шестнадцатаго столѣтія, т. е. до пресѣченія старой московской династіи Калитина племени. Изложенію этого курса я предпошлю нѣсколько общихъ мыслей о цѣли и пріемахъ предстоящей намъ работы.

Предпринимая изложеніе исторіи Россіи, прежде всего надо рѣшить вопросъ: какую цѣль можетъ имѣть изученіе мѣстной исторіи? Цѣль эта двоякая: во первыхъ, чисто научная, а во вторыхъ, прикладная, практическая. Та и другая должна быть выведена изъ общей задачи историческаго изученія. Итакъ какую научную цѣль можно поставить изученію исторіи одной какой-нибудь страны, одного какого-либо народа? Цѣль эта, очевидно, должна быть та же, къ какой направлено изученіе общей исторіи человѣчества.

Задача каждой науки заключается въ познаніи происхожденія и свойствъ изучаемаго предмета. Предметомъ науки, которая называется всеобщей исторіей, служитъ историческій процессъ человѣческаго общежитія, или жизнь человѣчества въ ея развитіи. Человѣческое общежитіе такой же фактъ міроваго бытія, какъ и жизнь природы, и изученіе этого факта такая же неизбѣжная потребность человѣческаго ума, какъ и изученіе жизни природы. Человѣческое общежитіе выражается въ разнообразныхъ человѣческихъ союзахъ, которые могутъ быть названы историческими тѣлами и которые возникаютъ, ростутъ и размножаются, переходятъ одинъ въ другой и наконецъ разрушаются, — словомъ, рождаются, живутъ и умираютъ подобно органическимъ тѣламъ природы. Возникновеніе, ростъ и смѣна этихъ союзовъ со всѣми условіями и послѣдствіями ихъ жизни мы называемъ историческимъ процессомъ.

Процессъ этотъ слагается изъ совокупной работы разныхъ силъ, первичныхъ и производныхъ, строящихъ человѣческое общежитіе. Двѣ основныя первичныя силы участвуютъ въ этомъ строеніи: это человѣческій духъ и внѣшняя природа. Но человѣческій духъ проявляется въ исторіи въ двухъ видахъ, или конкретныхъ формахъ: эта

человѣческая личность и человѣческое общество. Каждая изъ этихъ силъ вноситъ въ составъ человѣческаго общежитія свой рядъ элементовъ, въ которыхъ выражается ея дѣятельность. Это тѣ простѣйшія стихіи, которыя найдемъ въ каждомъ людскомъ союзѣ, анализируя его составъ, тѣ тончайшія связи, которыми держится человѣческое общежитіе и благодаря которымъ случайныя и разнохарактерныя людскія единицы съ мимолетнымъ существованіемъ складываются въ стройныя и плотныя общества, живущія цѣлые вѣка. Эти элементы: языкъ, полъ, кровь или кровное родство, мысль, знаніе, чувство, обычай, право, порядокъ, трудъ и капиталъ и т.п. Каждый изъ этихъ элементовъ имѣетъ свою долю участія въ созданіи и развитіи человѣческихъ союзовъ; всѣ эти элементы присутствуютъ вездѣ, въ каждомъ обществѣ; но общества, создаваемыя ими въ разныя времена и въ различныхъ мѣстахъ, не похожи одно на другое ни по характеру, ни по формамъ. Это разнообразіе происходитъ отъ того, что основные элементы общежитія въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена приходятъ въ различныя сочетанія, являются въ несходныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Такъ въ странѣ, недостаточно населенной, отношеніе труда къ капиталу не походитъ на то, какое устанавливается въ странѣ переселенной. Возьмемъ другой примѣръ. Откры

тыя и ровныя степныя пространства, питая скотоводство и заставляя населеніе съ его стадами передвигаться большими родственными группами, поддерживали кровные союзы дольше, чѣмъ страны горныя и обильныя лѣсомъ, которыя побуждали родственниковъ расходиться въ разныя стороны на постоянныя мѣста жительства.

При кочевомъ образѣ жизни выдѣленіе лица изъ первобытнаго стихійнаго союза задерживалось, а при осѣдломъ ускорялось, и кровное родство замѣнялось сосѣдствомъ, т.е. невольный союзъ уступалъ мѣсто добровольному соглашенію.

Обѣ эти параллели наглядно показываютъ, какъ сцѣпляются другъ съ другомъ разные элементы общежитія, образуя различныя общественныя формаціи. Въ первомъ изъ приведенныхъ случаевъ отношеніе пространства страны къ количеству ея населенія дѣйствуетъ на экономическій бытъ послѣдняго; во второмъ, отношеніе природы страны къ экономическому быту ея населенія отзывается на ходѣ его юридическаго и нравственнаго развитія. Такимъ образомъ измѣненіе взаимнаго отношенія однихъ элементовъ общежитія измѣняетъ взаимодѣйствіе другихъ элементовъ, сообщая тѣмъ иной характеръ людскимъ отношеніямъ.

Разбирая разныя сочетанія элементовъ общежитія, мы замѣтимъ, что д..же одни и тѣ-же элементы дѣйствуютъ неодинаково въ различныхъ комбинаціяхъ, обнаруживаютъ различныя свойства своей природы. Такъ иногда видимъ, что въ одной и той же странѣ капиталъ то порабощаетъ трудъ, то помогаетъ развитію его свободной дѣятельности, усиливая его производительность. Причина этого различія часто заключается въ переворотахъ, какимъ подвергалось право, дѣйствовавшее въ этой странѣ. Такъ извѣстно, что крѣпостн

трудъ производитъ далеко не то дѣйствіе на хозяйственный и нравственный быть народа, какое имѣетъ трудъ вольный: первый убиваетъ энергію, ослабляетъ предпріимчивость, развращаетъ нравы и даже портитъ расу физически. Второй примѣръ: высвобожденіе лица изъ-подъ гнета первобытнаго кровнаго союза считается значительнымъ успѣхомъ въ развитіи личности, необходимымъ для того, чтобы общество могло устроиться на началахъ равноправности и личной свободы. Но прежде чѣмъ восторжествовали эти начала въ средніе вѣка у насъ, какъ и на западѣ, личная свобода предоставленнаго самому себѣ человѣка значительно содѣйствовала успѣхамъ рабства, вела къ развитію личной кабалы, иногда болѣе тяжкой сравнительно съ гнетомъ старыхъ родовыхъ отношеній, т.е. личная свобода иногда можетъ вести къ подавленію личности.

При различныхъ сочетаніяхъ даже одна и та-же форма общежитія является не съ одинаковымъ характеромъ: древне-римская семья далеко не похожа на ново-европейскую ни по юридическимъ, ни по нравственнымъ отношеніямъ своихъ членовъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что чѣмъ больше изучимъ мы разнообразныхъ историческихъ сочетаній, тѣмъ больше узнаемъ свойствъ разныхъ общественныхъ элементовъ, тѣмъ полнѣе раскроется предъ нами природа каждаго изъ нихъ. Съ другой стороны, изучая происхожденіе того или другаго сочетанія общественныхъ элементовъ, мы узнаемъ, при какихъ условіяхъ завязывается то или другое отношеніе между ними, т.е. при какихъ условіяхъ извѣстный элементъ выступаетъ той или другой стороной своей природы. Значитъ, путемъ историческаго изученія мы познаемъ не только природу общежитія, но, такъ сказать, и его механику, познаемъ при какихъ условіяхъ извѣстный элементъ его двигаетъ человѣчество впередъ по пути міроваго прогресса и когда задержи-

вать это движеніе, когда, напр., капиталъ убиваетъ свободу труда, не усиливая его производительности, и когда наоборотъ помогаетъ труду стать болѣе производительнымъ не порабощая его. Такимъ образомъ изъ науки о томъ, какъ строилось человѣческое общежитіе, можетъ современемъ развиться наука о томъ, какъ его строить.

Такова общая задача историческаго изученія. Она состоитъ въ познаніи природы и дѣйствія общественныхъ элементовъ посредствомъ изученія тѣхъ сочетаній, въ которыя они приходили въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена. Эти элементы суть проявленія $2^{х}$ основныхъ силъ, человѣческаго духа и внѣшней природы. Первый есть двигающее и творческое начало историческаго процесса, а вторая доставляетъ матеріальныя средства для исторической дѣятельности перваго, служитъ обстановкой и вмѣстѣ объектомъ этой дѣятельности. Отсюда можетъ быть выведено и приблизительно точное опредѣленіе исторіи, какъ науки. Она есть наука о многообразныхъ мѣстныхъ и временныхъ проявленіяхъ духа въ человѣческомъ общежитіи, созидаемомъ имъ во взаимодѣйствіи съ природой, или наука о человѣческомъ духѣ, какъ онъ, дѣйствуя вмѣстѣ съ природой, проявляется въ мѣстныхъ и временныхъ формахъ человѣческаго общежитія. Изъ опредѣленной такъ общей задачи историческаго изученія легко вывести научную цѣль изученія исторіи отдѣльнаго народа. Какія своеобразныя мѣстныя сочетанія общественныхъ элементовъ представляетъ эта исторія, какими условіями вызывались они и какія новыя у другихъ народовъ не замѣченныя свойства обнаруживали въ себѣ разные общественные элементы въ этихъ сочетаніяхъ, — вотъ научные вопросы, на которые должно отвѣчать изученіе мѣстной исторіи. Слѣдовательно научный интересъ исторіи той или другой страны опредѣляется количествомъ своеобразныхъ мѣстныхъ сочетаній и не замѣчаемыхъ въ другихъ мѣстахъ свойствъ общественныхъ элементовъ.

Исторія страны

которая была бы только повтореніемъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ исторіи другихъ странъ, еслибы можно было найти такую страну, не имѣла бы для насъ никакого научнаго значенія. Въ этомъ отношеніи исторія Россіи можетъ дать намъ обильный и своеобразный матеріалъ для научныхъ историческихъ наблюденій.

Опредѣливши такимъ образомъ научную задачу изученія мѣстной исторіи мы тѣмъ подсказали себѣ и методъ, котораго должно намъ держаться при изученіи нашей исторіи. Въ разнообразныхъ явленіяхъ той или другой эпохи мы должны прежде всего разсмотрѣть отношенія, какія устанавливались между разными элементами общежитія, замѣтить, какіе элементы имѣли господствующее значеніе и какіе — служебное, потомъ указать тѣ историческія обстоятельства, которыя вызвали именно такія отношенія, разсмотрѣть условія, благодаря которымъ явились такія сочетанія, и наконецъ отмѣтить результаты, какіе отложили послѣ себя эти сочетанія въ разныхъ сферахъ народной жизни, въ политической, юридической, экономической и другихъ. Въ своемъ курсѣ я ограничусь явленіями жизни политической, юридической, экономической, не касаясь умственной и нравственной. Такое ограниченіе програмы оправдывается разными причинами: во первыхъ, исторія нашей умственной и нравственной жизни еще недостаточно изучена, а я обязанъ излагать вамъ факты наиболѣе изслѣдованные и провѣренные; во вторыхъ, эти факты составляютъ предметъ особаго спеціальнаго изученія въ исторіи руской литературы.

Способъ приложенія этого метода я покажу на томъ дѣленіи, какое я ввожу въ изучаемый нами предметъ. Я дѣлю нашу исторію на періоды соотвѣтственно различнымъ отношеніямъ, какія устанавливались въ теченіи руской жизни между главными общественны-

ми элементами. Дѣленіе это должно отразить на себѣ смѣну различныхъ господствовавшихъ въ разныя времена нашей исторіи общественныхъ элементовъ, преемство ихъ историческихъ комбинацій. Эта смѣна выходила изъ одного основнаго сочетанія, дѣйствовавшаго въ нашей исторіи цѣлые вѣка, которое не перестало дѣйствовать и въ наше время, именно изъ своеобразнаго отношенія страны къ ея населенію.

Обширная равнина, на которой образовалось русское государство, въ началѣ нашей исторіи не является на всемъ своемъ протяженіи заселенной однимъ народомъ, который теперь дѣлаетъ ея исторію. Исторія наша открывается тѣмъ фактомъ, что населеніе, которое потомъ разрослось въ Русскій народъ, вступаетъ на русскую равнину изъ одного ея угла, юго-западнаго, со склоновъ Карпатъ. Во все продолженіе нашей исторіи этого населенія было далеко недостаточно, чтобы занять всю равнину. Притомъ оно распространялось по равнинѣ не постепенно путемъ нарожденія, не *разселяясь*, а *переселяясь*, переносилось птичьими перелетами изъ края въ край, покидая насиженныя мѣста и садясь на новыя. При каждомъ такомъ передвиженіи оно становилось подъ дѣйствіе новыхъ условій, вытекавшихъ какъ изъ физическихъ особенностей занятой страны, такъ и новыхъ внѣшнихъ отношеній, которыя завязывались на новыхъ мѣстахъ. Эти новыя условія и создавали новыя сочетанія общественныхъ элементовъ, сообщая народной жизни особый складъ и характеръ. Такъ переселеніе, колонизація страны была основнымъ фактомъ нашей исторіи, съ которымъ въ близкой или отдаленной связи стоятъ всѣ другіе факты ея. Но этотъ основной фактъ самъ выходитъ изъ совокупнаго дѣйствія двухъ причинъ: 1) изъ несоразмѣрности населенія съ пространствомъ страны, 2) изъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, заставлявшихъ населеніе переноситься изъ края въ край, обстоятельствъ, которыя были сами въ извѣстной* степени дѣломъ той же природы страны. Это и есть то основное сочетаніе, какое дѣйствуетъ впродолженіе всей пережитой нами исторіи, — то своеобразное отношенію страны къ населенію, которымъ были вызваны въ ней всѣ важнѣйшія движенія. Этимъ основнымъ сочетаніемъ извѣстныхъ элементовъ и опредѣляется основаніе дѣленія исторіи на періоды. Періоды нашей исторіи ничто иное, какъ этапы, послѣдовательно пройденные нашимъ народомъ въ занятіи и разработкѣ страны, пока, наконецъ, *онъ при помощи* естественнаго нарожденія и поглощенія встрѣчныхъ ино-

*Читай: значительной.

разселяясь по всей равнинѣ, и даже перешелъ за ея предѣлы. Рядъ этихъ періодовъ — рядъ привалов или стоянокъ, которыми прерывалось это движеніе русскаго народа по равнинѣ и при каждомъ изъ которыхъ общество устраивалось иначе, чѣмъ оно было устроено прежде. Я перечислю эти періоды, указывая въ каждомъ господствующіе факты, политическій и экономическій, и обозначая при этомъ территорію, на которой сосредоточивалась масса русскаго населенія, — не все населеніе, а главная масса его, дѣлавшая исторію.

Съ VIII вѣка до конца XII приблизительно масса русскаго населенія сосредоточивалась на среднемъ и верхнемъ Днѣпрѣ съ его притоками и историческимъ его воднымъ продолженіемъ, областью Ловати-Волхова. Во все это время Русь политически раздроблена на отдѣльныя самостоятельныя волости, въ каждой изъ которыхъ центромъ является большой торговый городъ, первый устроитель и руководитель политическаго быта, потомъ встрѣтившій соперника въ пришломъ князѣ. Господствующимъ фактомъ экономической жизни является внѣшняя торговля съ вызванными и поддерживаемыми ею лѣсными промыслами, звѣроловствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ). Это Русь Днѣпровская, городовая, торговая.

Приблизительно съ конца XII вѣка до половины XV-го масса русскаго населенія является на верхней Волгѣ съ ея притоками. Въ эти вѣка русскій народъ по прежнему остается раздробленнымъ политически, но не на городовыя волости, а на княжескіе удѣлы. Господствующимъ фактомъ экономической жизни народа является сельско-хозяйственная эксплуатація Алаунскаго суглинка съ помощью вольнаго крестьянскаго труда. Это Русь верхне-волжская, удѣльно-княжеская, вольно-земледѣльческая.

Съ половины XV-го до втораго десятилѣтія XVII вѣка главная масса русскаго населенія изъ области верхней Волги растекается на югъ и востокъ, но, растекаясь, она впервые соединяется въ политическое цѣлое подъ властью Московскаго государя, который правитъ государствомъ съ помощью боярской аристократіи, образовавшейся изъ бывшихъ удѣльныхъ князей и ихъ бояръ. Господствующимъ фактомъ экономической жизни остается сельско-хозяйственная эксплуатація верхне-волжскаго суглинка и новозанятаго чернозема посредствомъ вольнаго крестьянскаго труда; но его воля начинаетъ уже стѣсняться по мѣрѣ сосредоточенія землевладѣнія въ ру-

какъ служилаго сословія, военнаго класса, создаваемаго государствомъ. Это Русь Великая, Московская, монархическо-боярская, военно-земледѣльческая.

Со второго десятилѣтія XVII вѣка до минувшаго царствованія русскаго на[родъ] распространяется по всей равнинѣ отъ Урала до морей Балтійскаго, Бѣлаго и Черного и уходитъ далеко на востокъ за Уралъ. Политически русскій народъ по прежнему соединенъ подъ одной властью; но уже дѣйствуетъ не съ помощью боярской аристократіи, а съ помощью военнаго служилаго класса, созданнаго государствомъ дворянства. Господствующимъ фактомъ экономической жизни остается земледѣльческій трудъ, окончательно ставшій крѣпостнымъ, къ которому присоединяется обработывающая промышленность, фабричная и заводская. Это Русь всероссійская, монархическо-дворянская, земледѣльческая и вмѣстѣ фабричная.

Вотъ главные періоды нашей исторіи, въ которыхъ отразилась смѣна дѣйствовавшихъ у насъ различныхъ сочетаній общественныхъ стихій. Перечитаемъ эти періоды, считая и обозначая ихъ по территоріямъ, на которыхъ въ разныя времена сосредоточивалась главная масса народонаселенія: 1) Днѣпровскій, 2) Верхне-Волжскій, 3) Великорусскій, 4) Всероссійскій.

Изъ общей задачи историческаго изученія мы вывели какъ научную цѣль изученія мѣстной исторіи, такъ и методъ ея изученія, который указалъ намъ самый порядокъ этого изученія, давъ основаніе, на которомъ мы построили дѣленіе нашей исторіи на извѣстные періоды. Но при помощи той же задачи рѣшается еще одинъ вопросъ: сверхъ научнаго какой еще практическій результатъ можетъ получиться отъ изученія мѣстной исторіи. Этотъ вопросъ тѣмъ важнѣе, что мѣстная исторія, изученіе которой мы предпринимаемъ есть исторія нашего отечества. Должны ли остаться научные выводы, къ которымъ приведетъ насъ эта работа въ области чистаго знанія, или они могутъ выйти изъ нея и какъ нибудь подѣйствовать на наши поступки и стремленія? Можетъ ли научная исторія отечества имѣть свою прикладную часть для дѣтей его? Я думаю, что можетъ и должна имѣть, потому что смыслъ всякаго знанія заключается въ его связи съ нашими житейскими нуждами, поступками и стремленіями; иначе знаніе становится простымъ балластомъ памяти, годнымъ для ослабленія житейской качки развѣ только пустому кораблю, который плыветъ безъ настоящаго цѣннаго груза. Какая же можетъ быть эта

прикладная* цѣль? Чему научитъ насъ рядъ сочетаній общественныхъ элементовъ въ нашей исторіи, которыя мы изучаемъ? Они вопервыхъ покажутъ намъ, какіе элементы общежитія преобладали въ развитіи нашей исторіи и какіе дѣйствовали слабѣе, — слѣдовательно какіе элементы мы должны стараться усилить и развивать, чтобы достигнуть возможной полноты своего развитія. Если, напр., мы замѣтимъ, что право часто бывало у насъ силой капитала, то нашей практической задачей должно стать усиленное развитіе права, какъ оплота общественной правды и личной свободы, а не какъ орудія, которымъ закрѣпляется перевѣсъ матеріальной силы. Если мы въ продолженіе всей нашей исторіи должны были упорно бороться съ природой своей страны, тратя народныя ~~ста народныя~~ силы на черную подготовительную работу цивилизаціи, то намъ предстоитъ, не теряя пріобрѣтенной въ этой работѣ физической выносливости, напряженно развивать свои умственныя и нравственныя силы, съ особенной заботливостью устанавливать свои общественныя отношенія. Такимъ образомъ изученіе нашей исторіи выяснитъ намъ задачи предстоящей намъ практической дѣятельности; но это же изученіе укажетъ намъ и ея границы. У каждаго поколѣнія есть свои идеалы: у моего одни, у вашего — другіе, и несчастно то поколѣніе, у котораго нѣтъ никакихъ. Идеалы эти создаются совокупными усиліями всѣхъ образованныхъ народовъ, но не всегда и не вездѣ, не въ каждомъ народѣ они осуществимы въ одинаковой мѣрѣ. Чтобы знать, какіе изъ нихъ и въ какой мѣрѣ могутъ быть осуществлены въ извѣстномъ народѣ, надобно хорошо изучить весь наличный запасъ общественныхъ и нравственныхъ силъ и средствъ, какой накопилъ себѣ этотъ народъ, а для этого нужно собрать и изучить всѣ историческіе опыты и впечатлѣнія, пережитыя этимъ народомъ. Это тѣмъ необходимѣе, что мы живемъ во время, обильное идеалами, но идеалами, борющимися другъ съ другомъ, непримиримо враждебными. Правильный выборъ между ними невозможенъ безъ историческаго изученія, которое только и можетъ подсказать, какіе изъ предполагаемыхъ порядковъ общежитія ниже наличныхъ силъ и средствъ народа и какіе выше ихъ, не подъ силу народу. Чтобы знать, куда и какъ идти, нужно знать, откуда и какъ мы пришли.

Опредѣляя задачи и направленія своей дѣятельности, каждый изъ насъ долженъ быть, хоть немного историкомъ, чтобы стать сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ гражданиномъ своего отечества.

---

*практическая

Періодъ первый.
(VIII — XII)

Древне-русскія лѣтописи. 1) Начальная лѣтопись.

Обращаясь къ изученію перваго періода нашей исторіи, мы должны конечно прежде, чѣмъ начнемъ изложеніе фактовъ этого времени, познакомиться съ главнымъ источникомъ, откуда будемъ черпать извѣстія о нихъ. Однимъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ для изученія нашей древней исторіи служатъ лѣтописи.

Лѣтописаніе было любимымъ занятіемъ нашихъ древнихъ книжниковъ, и они достигли замѣчательнаго искусства въ этомъ дѣлѣ, выработали свои пріемы, особый стиль, свое особое историческое міросозерцаніе и своеобразную оцѣнку историческихъ событій. Въ различное время и въ разныхъ мѣстахъ Руси частныя лица записывали для себя изъ года въ годъ событія, совершавшіяся въ отечествѣ. Сверхъ этихъ частныхъ записокъ велись при княжескихъ дворахъ и лѣтописи оффиціальныя, канцелярскія. Изъ сохранившейся въ лѣтописи грамоты Волынскаго князя Мстислава, относящейся къ 1289 году, видно, что при дворѣ этого князя велась такая оффиціальная лѣтопись, имѣвшая какое-то политическое значеніе. Наказавъ жителей Берестья за крамолу, Мстиславъ прибавляетъ въ грамотѣ: «а вписалъ есмь въ лѣтописець коромолу ихъ». Съ образованіемъ Московскаго государства оффиціальная, канцелярская лѣтопись получаетъ особенно широкое развитіе. Лѣтописи велись преимущественно духовными лицами, епископами, простыми монахами, священниками и проч.; оффиціальную московскую лѣтопись вели приказные дьяки. Съ теченіемъ времени подъ руками древне-русскихъ книжниковъ накопился значительный запасъ частныхъ и оффиціальныхъ мѣстныхъ записей. Грамотѣи, слѣдовавшіе за первоначальными лѣтописцами, собирали эти рукописи, сводили ихъ въ цѣлый погодный разсказъ, къ которому и съ своей стороны прибавляли описаніе нѣсколькихъ новыхъ дальнѣйшихъ лѣтъ. Такъ произошли лѣтописные своды, составленные вторичными лѣтописцами изъ записей древнихъ первичныхъ. Подобный характерный образчикъ такого свода представляетъ, такъ называемая неточно «Тверская лѣтопись» (издана въ XV томѣ

«Полнаго собранія лѣтописей»); этотъ сводъ составленъ въ 1534 году сельскимъ священникомъ ростовскаго края. Составитель сокращалъ или дополнялъ, иногда буквально переписывалъ древнія лѣтописи, вставляя въ свою компиляцію отрывки изъ житій, сказаній и т.п.

Первоначальныя подлинныя записи, веденныя въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества почти всѣ погибли; но уцѣлѣли составленные изъ нихъ лѣтописные своды. Своды эти составлялись также въ различныя времена и въ разныхъ мѣстахъ. Если соединить ихъ въ одинъ цѣльный общій сводъ, то мы получимъ почти непрерывный погодный разсказъ о событіяхъ въ нашемъ отечествѣ, разсказъ, не вездѣ одинаково полный и подробный, но отличающійся однимъ духомъ и направленіемъ, съ одинаковыми пріемами и одинаковымъ взглядомъ на историческія событія. Этотъ разсказъ начинается почти съ половины IX вѣка и тянется непрерывной нитью черезъ цѣлыя столѣтія, прерываясь въ древнѣйшихъ сводахъ въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка, а въ сводахъ позднѣйшихъ теряясь въ XVII столѣтіи.

Въ такомъ сводномъ изложеніи дошли до насъ и древнѣйшія извѣстія, повѣствующія о томъ, что случилось въ нашей землѣ въ IX, X, XI и въ началѣ XII вѣка по 1110 годъ включительно. Разсказъ о событіяхъ этого времени, сохранившійся въ старыхъ лѣтописныхъ сводахъ и принято называть «Начальной лѣтописью» или «Лѣтописью Нестора». Въ библіотекахъ не спрашивайте «Начальной лѣтописи» — васъ не поймутъ и спросятъ: «какой списокъ лѣтописи нуженъ Вамъ?». Тогда вы въ свою очередь придете въ недоумѣніе. До сихъ поръ не найдено ни одной рукописи, въ которой «Начальная лѣтопись» была бы помѣщена отдѣльно въ томъ видѣ, какъ вышла изъ подъ пера древняго лѣтописца. Во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ она сливается съ разсказомъ ея продолжателей, который въ позднѣйшихъ сводахъ доходитъ до конца XVI вѣка и даже простирается далѣе. Если хотите читать «Начальную лѣтопись» въ наиболѣе древнемъ ея видѣ, возьмите Лаврентьевскій или Ипатьевскій ея списокъ. Лаврентьевскій списокъ — самый древній изъ сохранившихся. Онъ писанъ 1377 году «худымъ, недостойнымъ и многогрѣшнымъ рабомъ Божіимъ мнихомъ Лаврентіемъ» для князя Суздальскаго Димитрія Константиновича и хранился потомъ въ Рождественскомъ монастырѣ въ городѣ Владимірѣ на Клязьмѣ. Въ этомъ спискѣ за «Начальной лѣтописью» слѣдуютъ извѣстія объ южной Кіевской и сѣверной Суздальской Руси, прерывающіяся на 1305 году.

Другой списокъ — Ипатьевскій писанъ въ концѣ XIV или началѣ XV столѣтія и найденъ въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, отчего и получилъ онъ свое названіе. Здѣсь за «Начальной лѣтописью» слѣдуетъ подробный и превосходный по простотѣ, живости и драматичности разсказъ о событіяхъ южно-кіевской Руси XII вѣка, иногда со вставками о Руси сѣверной, а 1201—1292 годъ здѣсь идетъ столь же превосходный и часто поэтическій разсказъ Волынской лѣтописи о событіяхъ смежныхъ княжествъ Галицкаго и Волынскаго. Разсказъ съ половины IX столѣтія и по 1110 годъ включительно по этимъ двумъ спискамъ и есть древнѣйшій видъ, въ какомъ дошла до насъ «Начальная лѣтопись». Всматриваясь въ этотъ разсказъ легко замѣтить, что онъ не есть подлинная древняя кіевская лѣтопись, а представляетъ такой же лѣтописный сводъ, каковы и другіе, позднѣйшіе. Это можно замѣтить по двумъ признакамъ: во первыхъ, въ этой «Начальной лѣтописи» мы встрѣчаемъ отрывочныя извѣстія и даже цѣлыя статьи, повѣсти, написанныя не кіевскимъ лѣтописцемъ, а вставленныя въ сводъ позднѣе; во вторыхъ, въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ мы находимъ извѣстія о кіевскихъ событіяхъ, очевидно заимствованныя изъ древней кіевской лѣтописи, но опущенныя въ древнѣйшихъ, намъ извѣстныхъ, ея спискахъ.

Чтобы объяснить такой составъ «Начальной лѣтописи», надобно замѣтить, что слѣды лѣтописанія и вообще литературно-историческаго повѣствованія становятся замѣтны у насъ еще въ половинѣ XI вѣка. Такъ въ Новгородѣ велась лѣтопись уже около половины XI столѣтія. Сохранилось извѣстіе въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ новгородскихъ сводахъ о смерти перваго новгородскаго епископа Іоакима въ 1030 году, сопровождающееся замѣчаніемъ: «Бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше». Изъ этого мы можемъ заключить, что еще въ первой половинѣ XI столѣтія въ Новгородѣ жилъ лѣтописецъ, который называетъ себя ученикомъ перваго новгородскаго епископа. Вставки изъ этой древней новгородской лѣтописи находимъ уже въ начальномъ лѣтописномъ сводѣ. Таковъ, напримѣръ, читаемый нами въ обоихъ древнихъ спискахъ подъ 1115 годомъ* разсказъ объ ослѣпленіи Теребовльскаго князя Василька княземъ Давидомъ Игоревичемъ, помѣщенный въ начальномъ сводѣ подъ 1097 годомъ, написанъ нѣкіимъ священникомъ Василіемъ, который плохо зналъ кіевскій край, но бывалъ во Владимірѣ на Волыни; онъ является даже

* пропущено: разсказъ о походѣ Ярослава на Святополка изъ Новгорода. Деньг… и т.д.

дѣйствующимъ лицемъ въ этомъ событіи, былъ посредникомъ въ переговорахъ между обоими князьями. Былъ ли это лѣтописецъ Волынскій, или только авторъ отдѣльной повѣсти объ ослѣпленіи Василька, сказать трудно. Онъ писалъ еще до смерти Василька (1124 г.), потому что, говоря о порѣзѣ лица, нанесенномъ Васильку при его ослѣпленіи, онъ замѣчаетъ: „есть рана та на Василькѣ и нынѣ".

До половины XI вѣка въ начальной лѣтописи не встрѣчаемъ слѣдовъ древняго кіевскаго лѣтописца; но во второй половинѣ вѣка находимъ въ сводѣ нѣсколько указаній на него. Такъ подъ 1064 годомъ, разсказывая о ребенкѣ-уродѣ, вытащенномъ рыбаками изъ рѣки Сетомли близъ Кіева, лѣтописецъ говоритъ: „его же позоровахомъ до вечера". Былъ ли онъ уже инокомъ Печерскаго монастыря или бѣгалъ мальчикомъ смотрѣть на диковину, сказать трудно. Но въ концѣ XI вѣка онъ жилъ въ Печерскомъ монастырѣ: разсказывая подъ 1096 годомъ о набѣгѣ половцевъ на Печерскій монастырь, онъ говоритъ: „и пріидоша въ монастырь Печерскій, намъ сущимъ по келіямъ, почивающимъ заутреней". Далѣе узнаемъ, что лѣтописецъ былъ еще живъ въ 1106 году: въ этомъ году, пишетъ онъ, скончался старецъ добрый Янъ, жившій 90 лѣтъ, въ старости маститой; жилъ онъ по закону Божію, не хуже былъ первыхъ праведниковъ, „отъ него же азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ". На основаніи этого можно составить нѣкоторое понятіе о начальномъ кіевскомъ лѣтописцѣ. Онъ, вѣроятно, былъ обитателемъ кіевской области, въ молодости въ 1064 году бѣгалъ на рѣку близъ Кіева смотрѣть урода въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка жилъ въ Печерскомъ монастырѣ и велъ лѣтопись. Съ половины XI вѣка и лѣтописный разсказъ становится подробнѣе и теряетъ легендарный отпечатокъ, какой лежитъ на извѣстіяхъ лѣтописи до этого времени.

Кто былъ этотъ лѣтописецъ? Еще въ началѣ XIII столѣтія существовало преданіе въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, что этимъ лѣтописцемъ былъ инокъ того же монастыря — Несторъ. Объ этомъ Несторѣ, „иже написа лѣтописецъ", упоминаетъ въ своемъ посланіи монахъ того же монастыря Поликарпъ, писавшій въ началѣ XIII столѣтія. Несторъ извѣстенъ въ нашей древней письменности, какъ авторъ двухъ житій: преподобнаго Θеодосія и святыхъ князей Бориса и Глѣба. Сличая эти памятники съ извѣстной намъ начальной лѣтописью, находимъ непримиримыя противорѣчія. Напримѣръ въ лѣтописи авторъ ея говоритъ, что его принялъ въ монастырь преподобный Θеодосій, а въ житіи Θеодосія біографъ замѣчаетъ, что онъ былъ принятъ въ монастырь уже преемникомъ Θеодосія — игуменомъ Стефаномъ. Впрочемъ всѣ противорѣчія между лѣтописью и названными памятниками находятся въ двухъ

мѣстахъ лѣтописи, именно въ сказаніи объ основаніи Кіево-Печерскаго монастыря, подъ годомъ 1051 и въ сказаніи о преподобномъ Ѳеодосіи подъ годомъ 1074. Можетъ быть эти извѣстія суть особыя статьи, вставленныя въ лѣтопись составителемъ ея, но не принадлежащія Нестору, а заимствованныя у какого нибудь другаго писателя. Однако эти разнорѣчія подали поводъ нѣкоторымъ ученымъ сомнѣваться въ принадлежности начальной лѣтописи Нестору, тѣмъ болѣе, что за разсказомъ о событіяхъ 1110 года слѣдуетъ такая неожиданная приписка: „Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Володимерѣ, княжащу ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящу у святаго Михаила, въ 6624." Сомнѣваясь въ принадлежности древней кіевской лѣтописи Нестору, нѣкоторые изслѣдователи останавливаются на этой припискѣ, какъ доказательствѣ, что начальнымъ кіевскимъ лѣтописателемъ былъ игуменъ Выдубицкаго монастыря въ Кіевѣ Сильвестръ, прежде жившій инокомъ въ Печерскомъ монастырѣ. Но и это предположеніе сомнительно. Если начальная лѣтопись оканчивалась 1110-мъ годомъ, а Сильвестръ сдѣлалъ приписку въ 1116омъ году, то почему онъ пропустилъ промежуточные годы, не записавши совершившихся въ нихъ событій, или почему сдѣлалъ приписку не одновременно съ окончаніемъ лѣтописи, а пять-шесть лѣтъ спустя. Съ другой стороны въ XIV–XV вѣкѣ въ нашей письменности повидимому отличали начальнаго кіевскаго лѣтописателя отъ Сильвестра, какъ его продолжателя. Въ одномъ изъ позднихъ сводовъ, Никоновскомъ, послѣ разсказа о несчастномъ для русскихъ нашествіи Эдигея въ 1409 году, современникъ лѣтописецъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Я написалъ это не въ досаду кому-нибудь, а по примѣру начальнаго лѣтословца кіевскаго, который, не обинуясь, разсказываетъ „вся временна бытства земская" (всѣ событія, совершавшіяся въ нашей землѣ); да и наши первые властодержцы безъ гнѣва позволяли описывать все доброе и недоброе, случавшееся на Руси, какъ при Владимірѣ Мономахѣ, не украшая, описывалъ оный великій Сильвестръ Выдубицкій." Значитъ Сильвестръ не считался въ началѣ XV вѣка начальнымъ лѣтословцемъ кіевскимъ.

Разбирая составъ начальной лѣтописи, мы, кажется, можемъ угадать отношеніе къ ней этого Сильвестра. Эта лѣтопись есть сборникъ очень разнообразнаго историческаго матеріала, нѣчто въ родѣ исторической хрестоматіи. Въ ней соединены и отдѣльныя, краткія извѣстія и пространные разсказы объ отдѣльныхъ событіяхъ, заимствованные изъ разныхъ источниковъ, и дипломатическіе документы, напр. договоры Руси съ греками и посланіе Мономаха къ Олегу Чер-

ниговскому и даже поученія духовныхъ пастырей, напримѣръ поученія Өеодосія Печерскаго. Въ основаніе свода легли, какъ главныя его составныя части три особыя цѣльныя повѣствованія. Мы разберемъ ихъ, идя съ конца свода, въ порядкѣ, обратномъ тому, какъ они помѣщены тамъ: I. Начальная лѣтопись кіевская. Ее писалъ въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка монахъ Печерскаго монастыря, прервавшій свой разсказъ на 1110 году. Но съ какого времени началъ онъ свой разсказъ? По видимому изложенію событій, совершившихся во время его жизни въ монастырѣ, онъ предпосылалъ разсказъ о событіяхъ болѣе ранняго времени. Такъ ему повидимому принадлежитъ помѣщенный въ сводѣ разсказъ о событіяхъ 44 года. Говоря о вступленіи князя Всеслава Полоцкаго на отцовскій столъ, лѣтописецъ упоминаетъ о повязкѣ, которой этотъ князь прикрывалъ язву на своей головѣ. Объ этой повязкѣ лѣтописецъ замѣчаетъ „еже носитъ Всеславъ и до сего дне на себѣ", а онъ умеръ въ 1101 году: значитъ, разсказъ кіевской начальной лѣтописи начинался событіями, предшествовавшими тому времени, когда лѣтописецъ предпринялъ свой трудъ.

II. Сказаніе о крещеніи Руси при Владимірѣ. Оно разбито на три года: 986, 987 и 988. Но это не лѣтописный разсказъ: онъ лишенъ лѣтописныхъ пріемовъ, отличается полемической тенденціей, желаніемъ охулить всѣ вѣры, кромѣ православной. Эта повѣсть, очевидно, не принадлежитъ лѣтописцу, а вставлена въ сводъ его составителемъ. Въ ней уцѣлѣли слѣды времени, когда она была составлена. Когда ко Владиміру пришли Евреи съ предложеніемъ своей вѣры, князь спросилъ ихъ: „гдѣ земля ваша?" — Миссіонеры отвѣчали: „въ Іерусалимѣ". — „Полно, такъ ли?" спросилъ ихъ князь. — Тогда миссіонеры сказали: „разгнѣвался Богъ на отцевъ нашихъ и расточилъ насъ по странамъ грѣховъ ради нашихъ, и предана была земля наша христіанамъ." Еслибы авторъ разумѣлъ первыхъ, кто покорилъ землю Евреевъ, онъ долженъ былъ бы назвать язычниковъ римлянъ; еслибы онъ разумѣлъ властителей Іерусалима, современныхъ Владиміру, то онъ долженъ былъ бы назвать магометанъ; если же онъ говоритъ о христіанахъ, ясно, что онъ писалъ послѣ завоеванія Іерусалима крестоносцами, то есть, въ началѣ XII столѣтія.

Наконецъ III. «Повѣсть временныхъ лѣтъ». Читая первые листы лѣтописнаго свода, мы замѣчаемъ, что это тоже связная и цѣльная повѣсть, лишенная лѣтописныхъ пріемовъ. Эта повѣсть разсказываетъ о раздѣленіи земли послѣ потопа между сыновьями Ноя съ перечнемъ странъ, доставшихся каждому, о разселеніи народовъ послѣ столпотворенія, о поселеніи славянъ на Дунаѣ и разселеніи ихъ оттуда, о славянахъ восточныхъ и ихъ разселеніи въ предѣлахъ Россіи, о хожденіи апостола Андрея на Русь, объ основаніи Кіева съ новымъ очеркомъ разселенія восточныхъ славянъ и сосѣднихъ съ ними финскихъ племенъ, о нашествіи

разныхъ народовъ на славянъ съ третьимъ очеркомъ разселенія славянъ восточныхъ и съ описаніемъ ихъ нравовъ, о нашествіи на нихъ хозаръ, о дани, которую они платили варягамъ и хозарамъ, объ изгнаніи первыхъ, о призваніи Рюрика изъ за моря, объ Аскольдѣ и Дирѣ и объ утвержденіи Олега въ Кіевѣ. Повѣсть составлена по образцу византійскихъ хронографовъ, обыкновенно начинающихъ свой разсказъ со времени послѣ потопа. Одинъ изъ этихъ хронографовъ — Георгія Амартола (IX вѣка съ продолженіемъ до половины X) сталъ рано извѣстенъ на Руси въ славянскомъ, именно въ болгарскомъ переводѣ. Его даже прямо называетъ повѣсть какъ одинъ изъ своихъ источниковъ; отсюда между прочимъ заимствованъ разсказъ о походѣ Аскольда и Дира на грековъ. Но вмѣстѣ съ выдержками изъ Георгія она передаетъ рядъ преданій о восточныхъ славянахъ, преданій, въ которыхъ, несмотря на прозаическое изложеніе, уцѣлѣли еще черты исторической народной пѣсни, напримѣръ, преданіе о нашествіи аваровъ на славянъ-дулѣбовъ. Въ началѣ повѣсть представляетъ сплошной разсказъ безъ хронологическихъ помѣтокъ. Хронологическія указанія являются только съ 852 года, но не потому, что повѣсть имѣетъ что нибудь сказать о славянахъ подъ этимъ годомъ: она не помнитъ ни одного событія, касавшагося славянъ въ этомъ году; но этотъ годъ она считаетъ началомъ царствованія императора Михаила III^го^, а при этомъ византійскомъ императорѣ впервые стало извѣстно Византіи имя Руси, ибо Русь при этомъ царѣ нападала на Царьградъ, о чемъ авторъ повѣсти узналъ изъ греческаго хронографа. Самое нашествіе Руси на Царьградъ случилось не въ 852 году, а отнесено имъ къ 866 году. Далѣе, первое русское извѣстіе, помѣченное въ повѣсти годомъ, таково, что его нельзя пріурочить къ какому-либо одному году: именно подъ 859 годомъ повѣсть разсказываетъ о томъ, что варяги брали дань съ сѣверныхъ племенъ, а хозары — съ южныхъ. Когда началась та и другая дань, когда и какъ варяги покорили сѣверныя племена, о чемъ здѣсь узнаемъ впервые, — объ этомъ повѣсть ничего не помнитъ. Еще болѣе неловко поставленъ 862 годъ. Подъ этимъ годомъ мы читаемъ цѣлый рядъ извѣстій: объ изгнаніи варяговъ и усобицѣ между славянскими родами, о призваніи князей изъ-за моря, о прибытіи Рюрика съ братьями и смерти послѣднихъ, о походѣ двухъ бояръ Рюрика Аскольда и Дира на Кіевъ изъ Новгорода. Здѣсь подъ однимъ годомъ, очевидно, соединены событія нѣсколькихъ лѣтъ: сама повѣсть говоритъ, что братья Рюриковы умерли спустя два года послѣ ихъ прихода. Вслѣдъ за тѣмъ встрѣчаемъ совершенно безсмысленную хронологическую помѣтку. Разсказъ 862 года кончается такими словами: „[Въ лѣто 6370] Рюрику же княжащу въ Новѣ-городѣ, въ лѣто 6371, 6372, 6373, 6374 — иде Аскольдъ и Диръ на греки", то есть, вставка годовъ оторвала главное предложеніе отъ придаточнаго. Очевидно, что хронологическія помѣтки, встрѣчающіяся въ повѣсти при

событіяхъ IX^го вѣка, не принадлежатъ автору разсказа, а вставлены позднѣйшей рукою. Въ этой повѣсти находимъ указаніе на время, когда она была составлена. Разсказывая о нападеніи хозаръ на полянъ, повѣсть замѣчаетъ въ концѣ: „Володѣютъ Козари Руськіе и до днешняго дне". Такъ не могъ сказать рускій повѣствователь XII вѣка: въ то время землею хозаръ владѣли половцы. Въ 965 году рускій князь Святославъ разрушилъ хозарское царство; скоро впрочемъ землею хозаръ завладѣли печенѣги. Въ 1036 году Ярославъ на голову разбилъ подъ Кіевомъ печенѣговъ, такъ что остатки ихъ убѣжали въ степь и пропали безъ вѣсти. По ихъ слѣдамъ къ предѣламъ Руси придвинулись торки, а потомъ половцы. Послѣдніе въ 1061 году одержали первую побѣду надъ Русью и завладѣли степями, которыми прежде владѣли хозары. Итакъ повѣсть, которая считаетъ русскихъ властителями Хозаріи, могла быть написана между 1036 и 1061 годами. Въ той же повѣсти находимъ другое, болѣе точное указаніе на время ея составленія. Разсказывая, какъ Олегъ утвердился въ Кіевѣ и началъ устанавливать дани съ подвластныхъ племенъ, повѣствователь добавляетъ, что и на новгородцевъ была наложена дань въ пользу варяговъ по триста гривенъ въ годъ, «еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ». Такъ написано въ Лаврентьевскомъ спискѣ; но въ одномъ изъ позднѣйшихъ сводовъ, Никоновскомъ, мы встрѣчаемъ это извѣстіе въ другомъ изложеніи: Олегъ указалъ Новгороду давать дань варягамъ, «еже и нынѣ даютъ». Очевидно, это первоначальная подлинная форма извѣстія. Слѣдовательно повѣсть составлена до смерти Ярослава, т. е. раньше 1054 года. Если это такъ, то авторомъ ея не могъ быть начальный кіевскій лѣтописецъ. Трудно сказать, чѣмъ оканчивалась эта повѣсть, на какомъ событіи прерывался ея разсказъ. Пересчитывая народы, нападавшіе на славянъ, повѣствователь говоритъ, что послѣ страшныхъ обровъ, такъ мучившихъ дулѣбовъ, пришли печенѣги, а потомъ уже при Олегѣ прошли мимо Кіева угры, что было въ 898 году. Итакъ печенѣги предшествовали венграмъ; но далѣе въ сводѣ мы читаемъ, что уже при Игорѣ въ 915 году т. е. послѣ угровъ печенѣги впервые пришли на рускую землю. Итакъ повѣствователь о временахъ Игоря имѣлъ нѣсколько иныя историческія представленія, чѣмъ повѣствователь о временахъ, предшествовавшихъ княженію Игоря; т. е. событія 915 года и слѣдующихъ лѣтъ описаны уже не авторомъ повѣсти. Эта повѣсть носитъ въ сводѣ такое заглавіе:

«Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Руськая земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Руськая земля стала есть». Итакъ авторъ обѣщаетъ разсказать, какъ началась руская земля. Разсказывая объ утвержденіи Олега въ Кіевѣ въ 882 году, повѣствователь замѣчаетъ: «быша у него Варязи и Словѣни и прочі, прозвашася Русью». Вотъ и начало Руси — исполненіе обѣщанія, даннаго повѣствователемъ. Итакъ, повѣсть

временныхъ лѣтъ" есть заглавіе, относящееся не къ цѣлому своду, а только къ разсказу, составляющему его начало и прерывавшемуся на княженіи Олега. Эта повѣсть составлена не позже смерти Ярослава.

Таковы три основныя части, изъ которыхъ составленъ начальный лѣтописный сводъ: 1) повѣсть временныхъ лѣтъ, прерывающаяся на княженіи Олега, т.е. на событіяхъ начала X вѣка, а можетъ быть и раньше; 2) повѣсть о крещеніи Руси, помѣщенная въ сводѣ подъ годами 986–988 и 3) начальная кіевская лѣтопись, въ которой описаны событія XI и XII в. до 1110 г. включительно. Вы видите, что между этими составными частями свода остаются обширные хронологическіе промежутки. Кто и какъ наполнилъ ихъ? Читая сводъ, легко замѣтить, что эти промежутки наполнены извѣстіями изъ разныхъ источниковъ, частію изъ греческихъ хронографовъ, но всего больше изъ цикла народныхъ историческихъ преданій кіевской Руси. Такъ первый походъ Игоря на грековъ, относящійся къ 941 году, разсказанъ по хронографу Георгія Амартола, а разсказъ о второмъ походѣ въ 944 году, отличающійся поэтическими чертами, заимствованъ изъ народной кіевской саги. Эта народная кіевская сага, повѣствующая о давно минувшихъ событіяхъ на Руси, проходитъ, какъ основной источникъ свода, по всему X вѣку, а слѣды ея замѣтны даже въ началѣ XI столѣтія, именно въ разсказѣ о борьбѣ Владиміра съ печенѣгами. По этимъ уцѣлѣвшимъ въ сводѣ обломкамъ кіевской былины можно заключать, что къ половинѣ XI вѣка уже сложился въ кіевской Руси цѣлый циклъ историко-поэтическихъ преданій, содержаніе которыхъ составляли походы Руси на Византію; другой - позднѣйшій циклъ богатырскихъ былинъ, воспѣвающій борьбу богатырей Владиміра со степными кочевниками также образовался въ кіевской Руси. Второй циклъ былинъ до сихъ поръ еще держится въ народѣ[1], между тѣмъ какъ обломки перваго уцѣлѣли только въ лѣтописномъ сводѣ и изрѣдка встрѣчаются въ старинныхъ рукописныхъ лѣтописныхъ сборникахъ. Трудно сказать, кто наполнилъ указанные промежутки: едва ли это сдѣлалъ самъ кіевскій лѣтописецъ, предпославъ описанію современныхъ ему событій разсказъ о событіяхъ X и начала XI вѣка; гораздо вѣроятнѣе, что эти промежутки наполнены составителемъ начальнаго лѣтописнаго свода. Хронологическій распорядокъ преданій IX и X вѣка въ сводѣ находится въ тѣсной связи съ хронологическимъ планомъ, на которомъ построенъ весь сводъ. Этотъ планъ составленъ при помощи византійскаго хронографа. Въ «Повѣсти о началѣ русской земли» вслѣдъ за преданіемъ о нашествіи хозаръ на полянъ встрѣчаемъ такую вставку подъ 852 годомъ: сказавъ, что при императорѣ Михаилѣ III «нача ся прозывати Руска земля», потому что тогда Русь напала впервые на Царьградъ

1) Былины этого цикла собраны и изданы Рыбниковымъ, Кирѣевскимъ и Гильфердингомъ.

какъ повѣствуется о томъ въ греческомъ лѣтописаніи, авторъ вставки продолжаетъ: „тѣмже отселѣ почнемъ и числа положимъ". Эта вставка очевидно сдѣлана составителемъ свода. Хронологію свою онъ начинаетъ отъ потопа, указывая, сколько лѣтъ прошло отъ потопа до Авраама, отъ Авраама до исхода евреевъ изъ Египта и т. д. Высчитывая различные хронологическіе періоды, составитель свода доходитъ до того времени, когда (въ 882 г.) Олегъ утвердился въ Кіевѣ: „отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, русскаго князя, лѣтъ 29; отъ перваго лѣта Олгова, понелиже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31" и т. д. Перечитывая лѣта по княженіямъ, составитель свода доходитъ до смерти великаго князя кіевскаго Святополка. Эта смерть, случившаяся въ 1113 году, служитъ предѣломъ хронологическаго расчета, на которомъ построенъ сводъ. Итакъ сводъ составленъ уже при преемникѣ Святополка Владимірѣ Мономахѣ, между 1113 и 1125 годами. Но мы видѣли, что начальная кіевская лѣтопись прерывается еще при Святополкѣ 1110 годомъ; слѣдовательно хронологическій расчетъ свода не принадлежитъ начальному кіевскому лѣтописцу, который не дожилъ до смерти Святополка или по крайней мѣрѣ раньше ея кончилъ свою лѣтопись. Отъ смерти Изяслава до смерти Святополка — 50 лѣтъ, — значитъ, хронологическій расчетъ сдѣланъ рукою писавшаго въ княженіе Святополкова преемника Владиміра Мономаха, т. е. между 1113 и 1125 годомъ. На это именно время и падаетъ игуменство Сильвестра; его и считаю я составителемъ свода. Собирая матеріалы по отечественной исторіи, Сильвестръ нашелъ рядъ поэтическихъ былинъ, народныхъ преданій о старинѣ, и нѣсколько письменныхъ сказаній, въ числѣ которыхъ главныя были: Повѣсть о началѣ русской земли, повѣсть о крещеніи Руси Владиміромъ съ очеркомъ дальнѣйшей дѣятельности этого князя, наконецъ начальная кіевская лѣтопись. Эти три повѣствованія, кой гдѣ сократилъ, а кой гдѣ пополнивъ ихъ, онъ положилъ въ основаніе своего свода, а оставшіеся между ними хронологическіе промежутки наполнилъ самъ изъ другихъ, извѣстныхъ ему, источниковъ, черпая частью изъ византійскаго хронографа, частью изъ былиннаго кіевскаго эпоса и проч., въ самую кіевскую лѣтопись вставилъ нѣсколько дополнительныхъ статей (о Печерскомъ монастырѣ и преп. Ѳеодосіи, объ ослѣпленіи князя Василька) и весь этотъ разнохарактерный запасъ матеріаловъ расположилъ по одному хронологическому плану, имъ самимъ составленному при помощи византійскаго хронографа и туземныхъ источниковъ. Поэтому всѣ хронологическія помѣтки при событіяхъ IX и X вѣковъ въ сводѣ всѣ искусственны и не могутъ считаться вполнѣ достовѣрными. Съ довѣріемъ можно относиться только къ хронологическимъ отмѣткамъ въ разсказѣ о событіяхъ XI вѣка, описанныхъ начальнымъ кіевскимъ лѣтописцемъ.

Таковы главные выводы, къ которымъ приводитъ насъ разборъ начальнаго лѣтописнаго свода. Еще разъ повторю эти выводы. Этотъ сводъ состоитъ изъ трехъ главныхъ и разно-

временныхъ частей: изъ повѣсти о началѣ русской земли, составленной неизвѣстнымъ авторомъ никакъ не позже 1054 года, изъ повѣсти о крещеніи Руси, написанной кѣмъ-то въ началѣ XII вѣка, наконецъ начальной кіевской лѣтописи, которую велъ во второй половинѣ XI и въ началѣ XII вѣка до 1110 года включительно монахъ Печерскаго монастыря, по древнему кіевскому преданію Несторъ. Промежутки между этими главными частями наполнены изъ разныхъ иноземныхъ и туземныхъ источниковъ составителемъ свода, которымъ былъ по всей вѣроятности игуменъ Выдубицкаго монастыря Сильвестръ, кончившій свой трудъ въ 1116 году. Такъ можно объяснить отношеніе этого Сильвестра къ начальной лѣтописи. Древнѣйшая читаемая нами лѣтопись есть лѣтописный сводъ, а не подлинная начальная лѣтопись печерскаго инока. Эта начальная кіевская лѣтопись не дошла до насъ въ подлинномъ видѣ, а частію сокращенная, частію дополненная вставками, вошла въ начальный лѣтописный сводъ, какъ его часть. Значитъ, нельзя сказать ни того, что Сильвестръ былъ начальнымъ кіевскимъ лѣтописцемъ, ни того, что Несторъ составилъ читаемую нами древнѣйшую лѣтопись, т.е. начальный лѣтописный сводъ: Несторъ былъ составителемъ начальной лѣтописи, не дошедшей до насъ въ подлинномъ видѣ, а Сильвестръ составителемъ начальнаго лѣтописнаго свода и редакторомъ вошедшихъ въ его составъ устныхъ народныхъ преданій и письменныхъ повѣствованій, въ томъ числѣ и начальной кіевской лѣтописи. Эти выводы даютъ намъ нѣкоторую опору для оцѣнки достовѣрности древнѣйшихъ извѣстій о нашей землѣ, встрѣчаемыхъ въ начальномъ лѣтописномъ сводѣ. Преданія, передающія въ полусказочной формѣ событія IX и X в., были записаны спустя меньше, чѣмъ 200 лѣтъ послѣ событій того и другаго вѣка, именно первыя (IX в.) не позднѣе половины XI вѣка, а вторыя (X в.) не позднѣе первой четверти XII вѣка. Полтора или два вѣка не долгое время для крѣпкой народной памяти: чрезъ такое хронологическое пространство она умѣетъ пронести сущность, зерно факта, растерявъ его подробности только, которыя обыкновенно замѣняетъ поэтическими чертами. Этимъ соображеніемъ мы и должны руководиться при разборѣ сказаній Древней Повѣсти о началѣ Русской земли, какъ и преданій, слѣдующихъ за нею въ начальномъ лѣтописномъ сводѣ. Теперь перейдемъ къ лѣтописямъ XII вѣка.

Лѣтописи XII вѣка. Послѣ приписки Сильвестра Выдубицкаго, съ 1111 года Лаврентьевскій и Ипатьевскій списки, какъ и списки болѣе поздніе, разнятся между собою гораздо больше, чѣмъ до этого пункта: очевидно*, различные своды, а не разные списки одного и того же свода. До конца XII вѣка въ обоихъ сводахъ описываются большею частью одни и тѣже событія и по одинаковымъ источникамъ, которыми служатъ первичныя мѣстныя лѣтописи и сказанія, писанныя современниками и очевидцами. Но неодинаково пользуясь общими источниками, каждый сводъ изображаетъ эти событія по своему: Ипатьевскій сводъ вообще полнѣе, Лав-

* это уже

рентьевскій сокращенные. Притомъ можно замѣтить, что въ изложеніи событій, ихъ причинъ и слѣдствій составитель Ипатьевскаго свода больше придерживался южно-русскихъ источниковъ, Лаврентьевскій — больше источниковъ сѣверныхъ, суздальскихъ. Наконецъ сверхъ общихъ источниковъ у каждаго свода были свои особые, которыхъ не зналъ другой. Поэтому оба свода представляютъ намъ какъ бы одну общерусскую лѣтопись въ двухъ различныхъ редакціяхъ. Въ этомъ смыслѣ Ипатьевскій списокъ у насъ принято называть сводомъ южно-русскимъ, а Лаврентьевскій сѣвернымъ суздальскимъ. Изучая тотъ и другой мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ слѣды лѣтописцевъ то кіевскаго, то суздальскаго, то черниговскаго, то волынскаго. Судя по этимъ слѣдамъ, можно подумать, что во всѣхъ главныхъ областныхъ городахъ Руси XII вѣка были свои мѣстные лѣтописатели, записки которыхъ вошли въ* съ большею или меньшею полнотой въ мѣру значенія каждаго города въ общей жизни Русской земли. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежало Кіеву, и изъ кіевской лѣтописи всего больше черпаютъ оба свода, только изрѣдка мимоходомъ отмѣчая извѣстія, идущія изъ какого-нибудь далекаго угла Руси, изъ Полоцка или Рязани. Какъ могли составители обоихъ сводовъ собрать такой богатый запасъ мѣстныхъ записей и сказаній и какъ ихъ сводили въ послѣдовательный погодный разсказъ — это для насъ не вполнѣ ясно. Во всякомъ случаѣ они оказали неоцѣненную услугу позднѣйшей исторіографіи тѣмъ, что сберегли множество историческихъ данныхъ, которыя безъ нихъ пропали бы безслѣдно. Эти своды еще тѣмъ дороги, что составители ихъ, сводя мѣстныя записи, удержали ихъ особенности, тонъ и колоритъ. Лѣтописцы того времени не были безстрастными и даже безпристрастными наблюдателями совершавшихся событій: у каждаго изъ нихъ были свои мѣстные политическіе интересы, свои династическія и областныя сочувствія и антипатіи. Такъ лѣтописецъ кіевскій обыкновенно горячо стоитъ за своихъ любимыхъ Мономаховичей, черниговскій за ихъ противниковъ Ольговичей, а суздальскій радъ при случаѣ кольнуть Новгородцевъ за ихъ «злое невѣрствіе», гордость и буйство, за ихъ привычку нарушать клятву и выгонять князей. Отстаивая своихъ князей и свои мѣстные интересы, лѣтописецъ не чуждался желанія по своему изобразить ходъ событій, тенденціозно комбинируя и толкуя ихъ подробности, причины и слѣдствія. Разнообразіе мѣстныхъ источниковъ сообщаетъ тому и другому своду значеніе обще-русской лѣтописи, а разнообразіе мѣстныхъ интересовъ и сочувствій вноситъ въ оба свода много живости и движенія, дѣлая ихъ вѣрнымъ зеркаломъ настроенія, чувствъ и понятій тогдашняго русскаго общества. Читая напримѣръ по Ипатьевскому списку о шумной борьбѣ Изяслава Мстиславича съ черниговскими князьями (1146–1154 г.),

мы слышимъ поочередно то голосъ кіевскаго лѣтописца, сочувственный Изяславу, то лѣтописца черниговскаго, радѣющаго объ интересахъ его противниковъ, а со времени вмѣшательства въ борьбу князей Юрія суздальскаго и Владимірка галицкаго къ хору центральныхъ лѣтописцевъ присоединяются голоса бытописателей этихъ далекихъ другъ отъ друга окраинъ Руской земли. Благодаря этому, вчитываясь въ оба свода, вы чувствуете себя какъ бы въ широкомъ общерускомъ потокѣ событій, образующемся изъ сліянія мелкихъ и крупныхъ мѣстныхъ ручьевъ. Подъ перомъ лѣтописца XII вѣка все дышетъ и живетъ, все безустанно движется и безъ умолку говоритъ; онъ не просто описываетъ событія, но драматизируетъ, разыгрываетъ ихъ предъ глазами читателя. Этимъ драматизмомъ изложенія особенно отличается Ипатьевскій списокъ. Несмотря на разноголосицу чувствъ и интересовъ, на шумъ и толкотню описываемыхъ событій, въ лѣтописномъ разсказѣ нѣтъ хаоса. Всѣ событія мелкія и крупныя стройно укладываются подъ одинъ взглядъ, которымъ лѣтописецъ смотритъ на всѣ мировыя явленія: это — взглядъ историка-моралиста, который видитъ во всемъ борьбу двухъ началъ, добра и зла, Провидѣнія и дьявола, а человѣка считаетъ лишь педагогическимъ матеріаломъ, который Провидѣніе воспитываетъ, направляя его къ высокимъ, предначертаннымъ ему цѣлямъ. Добро и зло, внѣшнія и внутреннія бѣдствія, самыя знаменія небесныя, — все служитъ въ рукахъ Провидѣнія воспитательнымъ средствомъ для человѣка, пригоднымъ матеріаломъ для «строенія Божія», мірового нравственнаго порядка, созидаемаго Провидѣніемъ. Это сообщаетъ удивительную цѣльность разсказу лѣтописца, гармонію и твердость его сужденіямъ.—

Познакомившись съ основными источниками для изученія перваго періода нашей исторіи, перейдемъ къ изложенію фактовъ этого періода.

Славяне на Карпатахъ.

Первый періодъ нашей исторіи простирается съ древнѣйшихъ временъ до конца XII вѣка. Обращаясь къ его изученію, я напомню то сочетаніе общественныхъ элементовъ, которое направляло рускую жизнь въ этомъ періодѣ: Территорія, на которой сосредоточивалась масса рускаго населенія, тянулась длинной и узкой полосой по среднему и верхнему Днѣпру съ сѣвернымъ продолженіемъ этого бассейна до устьевъ Волхова. Эта территорія была политически раздроблена на самостоятельныя «волости» (области), устроителями и руководителями которыхъ были большіе волостные города древней Руси. Эти города были средоточіями экономическаго

движенія, направлявшаго весь хозяйственный бытъ тогдашней Руси, — внѣшней торговли. Всѣ остальныя явленія этого времени, явленія права, нравственно-религіозной жизни, успѣхи знанія и искусства были прямыми и отдаленными послѣдствіями совокупнаго дѣйствія указанныхъ двухъ силъ. Первый и самый трудный вопросъ, представляющійся при изученіи этого періода, касается того, какъ и какими условіями создано было указанное сочетаніе, когда появилось на указанной полосѣ русское населеніе и чѣмъ вызваны были къ дѣйствію обѣ указанныя силы.

Въ нашей исторической литературѣ господствуютъ два взгляда на начало нашей исторіи. Одинъ изъ этихъ взглядовъ изложенъ въ критическомъ изслѣдованіи о Несторѣ, составленномъ членомъ русской академіи наукъ прошлаго столѣтія, знаменитымъ ученымъ нѣмцемъ Шлецеромъ (Nestor. Russische Annalen) на нѣмецкомъ языкѣ въ 5 томахъ, напечатанныхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Вотъ основныя черты Шлецерова взгляда. До половины IX вѣка, то есть до прихода Варяговъ, на обширномъ пространствѣ нашей равнины отъ Новгорода и до Кіева, по Днѣпру, направо и налѣво, все было дико и пусто. Въ эту обширную пустыню, заселенную бѣдными и разбросанными племенами Славянъ и Финновъ, начатки гражданственности впервые были занесены изъ Скандинавіи пришельцами Варягами около половины IX вѣка. Извѣстная картина нравовъ восточныхъ славянъ, какъ ее нарисовалъ составитель древней Повѣсти о началѣ русской земли, повидимому оправдываетъ этотъ взгл. Здѣсь читаемъ, что восточные Славяне до прихода Варяговъ «жили звѣринскимъ образомъ, скотски», въ лѣсахъ, какъ всѣ звѣри, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, жили разбросанными и враждебными другъ другу родами: «живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Итакъ нашу исторію слѣдуетъ начинать около половины IX вѣка изображеніемъ тѣхъ первичныхъ историческихъ процессовъ, которыми начиналось человѣческое общежитіе, картиной выхода изъ первобытнаго дикаго состоянія. Второй взглядъ на начало нашей исторіи прямо противоположенъ первому. Этотъ новый взглядъ началъ распространяться въ нашей литературѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Наиболѣе полное выраженіе его вы можете найти въ различныхъ сочиненіяхъ покойнаго профессора нашего университета Бѣляева и г. Забѣлина въ первомъ томѣ его «Исторіи Русской жизни съ древнѣйшихъ временъ». Вотъ основныя черты ихъ взгляда. Восточные Славяне искони обитали тамъ, гдѣ застаетъ ихъ наша начальная лѣтопись; здѣсь они поселились, можетъ быть, за нѣсколько вѣковъ до Р.Х. Ученые этого направленія изображаютъ долгій и сложный историческій процессъ, которымъ изъ первобытныхъ мелкихъ родовыхъ союзовъ Слав

нымъ выростали цѣлыя племена, среди племенъ возникали города, изъ среды этихъ городовъ поднимались главные города, составлявшіе съ младшими городами или пригородами племенные политическіе союзы Полянъ, Сѣверянъ и другихъ племенъ, и наконецъ главные города разныхъ племенъ начали соединяться въ одинъ общерусскій союзъ. Недостатокъ этой теоріи состоитъ въ томъ, что развитіе такого сложнаго историческаго процесса въ ней поставлено внѣ времени и историческихъ условій, не видно къ какому времени относятся начало и дальнѣйшіе моменты этого процесса. Слѣдуя этому взгляду мы должны начинать нашу исторію задолго до Р. Х., за много вѣковъ до призванія заморскихъ князей, ибо уже до ихъ прихода у восточныхъ Славянъ успѣлъ выработаться сложный и твердый общественный строй, который уже отлился въ развитыя политическія формы. Войдемъ въ разборъ уцѣлѣвшихъ древнѣйшихъ извѣстій о нашихъ Славянахъ и тогда получимъ возможность оцѣнить оба вышеизложенные взгляда.

Повѣсть о началѣ Русской земли не помнитъ времени прихода Славянъ изъ Азіи въ Европу: она застаетъ Славянъ уже на Дунаѣ. Изъ этой придунайской страны, которую составитель повѣсти зналъ подъ именемъ земли Угорской и Болгарской, Славяне разселились въ разныя стороны; оттуда же вышли и тѣ Славяне, которые разселились по Днѣпру, его притокамъ и далѣе къ сѣверу. Повѣсть не помнитъ, чтобы эти восточные Славяне останавливались гдѣ нибудь на пути отъ Дуная; но византійскіе писатели VI и начала VII вѣка указываютъ на такую промежуточную остановку, разсказывая о Славянахъ, племенное имя которыхъ появляется въ ихъ извѣстіяхъ съ конца V вѣка. Эти писатели раздѣляютъ Славянъ на двѣ главныя вѣтви: на Антовъ, живущихъ по черноморскому прибрежью отъ нижняго Дуная до нижняго Днѣпра, и на Славянъ собственно, которые жили къ сѣверу отъ Дуная до верхней Вислы и къ востоку до Днѣстра. Такъ опредѣляетъ границы разселенія Славянъ писатель VI вѣка, хорошо знакомый съ міромъ задунайскихъ варваровъ и самъ варваръ, родомъ изъ нижней Мизіи, Iорнандъ. Значитъ Славяне собственно занимали тогда Карпатскій край. Карпаты дѣйствительно были общеславянскимъ гнѣздомъ, изъ котораго впослѣдствіи Славяне разошлись въ разныя стороны. Эти прикарпатскіе Славяне въ продолженіе всего VI вѣка громили имперію, переходя за Дунай; слѣдствіемъ этихъ постоянныхъ вторженій, начало которыхъ относятъ еще къ III вѣку, и было постепенное заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. Итакъ прежде чѣмъ Славяне съ Дуная попали на Днѣпръ, они долго оставались на карпатскихъ склонахъ; здѣсь была промежуточная стоянка восточныхъ Славянъ. Есть два указанія на эту стоянку, пред-

шествовавшую заселенію Днѣпровья. Наша Повѣсть о началѣ Русской земли не помнитъ о пребываніи восточныхъ Славянъ на Карпатахъ; но она разсказываетъ о разселеніи Славянъ и въ этомъ разсказѣ различаетъ двѣ ихъ вѣтви, западную и восточную. Славяне съ Дуная разселились въ разныя стороны и назвались по именамъ мѣстъ, гдѣ поселились: одни поселились на рѣкѣ Моравѣ и назвались Моравой, другіе Чехами. Это западные Славяне. Восточную вѣтвь составляли Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутане; отъ этихъ Славянъ Повѣсть и производитъ тѣ племена, которыя заселили Днѣпровье. Она разсказываетъ, что, когда Волохи, — по изслѣдованію нѣкоторыхъ писателей Римляне, — напали на Славянъ Дунайскихъ и начали ихъ угнетать, эти восточные Славяне одни пришли на Днѣпръ и стали называться Полянами, а другіе прозвались Древлянами, потому что поселились въ лѣсахъ и т.д. Итакъ Повѣсть чуть помнитъ, что днѣпровскіе Славяне пошли отъ Хорватовъ Бѣлыхъ и Сербовъ, а мѣстопребываніемъ этихъ племенъ, гдѣ ихъ знаютъ потомъ византійскіе писатели, были сѣверо-восточные склоны Карпатъ т.е. нынѣшняя Галиція съ областью верхней Вислы. Хорватовъ знаетъ здѣсь и наша начальная лѣтопись еще въ Х вѣкѣ при Олегѣ. Забывъ о Карпатской стоянкѣ, Повѣсть однако запомнила обитавшія на Карпатахъ племена, отъ которыхъ пошли восточные Славяне, поселившіеся на Днѣпрѣ и по другимъ рѣкамъ русской равнины. Продолжительный вооруженный напоръ прикарпатскихъ Славянъ на имперію долженъ былъ сомкнуть ихъ въ какіе нибудь военные союзы. Мы находимъ любопытные слѣды одного такого союза, въ составѣ котораго входили именно восточные Славяне. Повѣсть о началѣ Русской земли составлена очевидно въ Кіевѣ: авторъ ея съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ кіевскимъ Полянамъ, да и знаетъ объ нихъ больше, чѣмъ о другихъ племенахъ восточныхъ Славянъ. Онъ передаетъ рядъ вражескихъ нашествій, испытанныхъ Славянами, говоритъ о Болгарахъ, Обрахъ, Уграхъ, Хозарахъ; но до Хозаръ онъ не помнитъ о судьбѣ своихъ Полянъ. Народные потоки, проходившіе по южной Россіи и часто дававшіе больно чувствовать себя восточнымъ Славянамъ, какъ будто ничѣмъ не задѣли восточное славянское племя, ближе всего къ нимъ стоявшее, Полянъ. Въ памяти кіевскаго повѣствователя XI вѣка уцѣлѣло отъ тѣхъ временъ преданіе только объ одномъ восточномъ славянскомъ племени, но такомъ, которое въ XI вѣкѣ не играло замѣтной роли въ нашей исторіи. Повѣсть разсказываетъ о нашествіи Аваровъ на Дулѣбовъ (въ VI вѣкѣ): «Сиже Обри воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяху женамъ Дулѣбскимъ: аще поѣхати будяше Обрину, не даяше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи три ли, четыре ли, пять ли женъ въ телѣгу и повезти Обърина; тако мучаху Дулѣбы. Быша бо [illegible]

тыломъ веницы и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Обринъ; есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обри». Очевидно, благодаря этой поговоркѣ въ Повѣсти и уцѣлѣло преданіе объ Обрахъ. Но гдѣ были въ это время Поляне, и почему одни Дулѣбы страдали отъ Обровъ? Неожиданно съ другой стороны идетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ сороковыхъ годахъ Х вѣка, лѣтъ за сто до составленія Повѣсти о началѣ Русской земли, писалъ о восточныхъ Славянахъ арабъ Масуди въ своемъ географическомъ сочиненіи «Золотые луга». Описывая восточныя славянскія племена, онъ разсказываетъ, что нѣкогда одно изъ нихъ, коренное между ними, господствовало надъ прочими, имѣло верховную власть надъ ними; но потомъ пошли между ними раздоры, союзъ ихъ разрушился, они раздѣлились на отдѣльныя колѣна, и каждое племя выбрало себѣ отдѣльнаго царя. Это господствовавшее нѣкогда племя Масуди называетъ «Valinana» (Волиняне), а изъ лѣтописи мы знаемъ, что эти Волыняне — тѣ же Дулѣбы и жили по Западному Бугу. Понятно, почему кіевское преданіе запомнило однихъ Дулѣбовъ изъ эпохи Аварскаго нашествія. Тогда Дулѣбы господствовали надъ всѣми восточными Славянами и покрывали ихъ своимъ именемъ, какъ впослѣдствіи всѣ восточные Славяне звались Русью по имени главной области въ Русской земли, ибо Русью первоначально называлась только Кіевская область. Во время Аварскаго нашествія еще не было ни Полянъ, ни самаго Кіева, и масса восточныхъ Славянъ сосредоточивалась западнѣе на склонахъ Карпатъ, въ краю обширнаго водораздѣла, откуда идутъ въ разныя стороны Днѣстръ, оба Буга, притоки верхней Припяти и верхней Вислы.

Итакъ мы застаемъ у восточныхъ Славянъ въ VI вѣкѣ большой военный союзъ подъ предводительствомъ князя Дулѣбовъ. Постоянная борьба съ Византіей завязала этотъ союзъ, стянула восточныя Славянскія племена въ одно цѣлое. Вотъ фактъ, который можно поставить въ началѣ нашей исторіи: она началась въ VI вѣкѣ на сѣверовосточныхъ склонахъ и предгорьяхъ Карпатъ. Отсюда, съ сѣверо-восточныхъ склоновъ Карпатъ восточные Славяне постепенно разселились по нашей равнинѣ.

Разселеніе восточныхъ Славянъ.

Это разселеніе — второй начальный фактъ нашей исторіи. Его можно [illegible] по нѣкоторымъ косвеннымъ указаніямъ. 1) Византійскіе писатели VI и начала VII вѣка застаютъ задунайскихъ Славянъ въ состояніи необычайнаго дви-

женія. Императоръ Маврикій, долго боровшійся съ этими Славянами, пишетъ, что Славяне живутъ точно разбойники, всегда готовые подняться съ мѣста, поселками, разбросанными по лѣсамъ и по берегамъ многочисленныхъ рѣкъ ихъ страны. Нѣсколько раньше писавшій Прокопій замѣчаетъ, что Славяне живутъ въ плохихъ разбросанныхъ по одиночкѣ хижинахъ и часто переселяются. Узнаемъ дальше и направленіе, въ которомъ шло это переселеніе. Я указывалъ, что въ Повѣсти осталась смутная память о разселеніи восточныхъ Славянъ изъ страны Бѣло-хорватовъ и Сербовъ, т.е. съ сѣверо-восточныхъ склоновъ Карпатъ. Византійцы говорятъ о задунайскихъ Славянахъ до второй четверти VII вѣка; но съ 630-хъ годовъ одновременно прекращаются и вторженія задунайскихъ Славянъ въ предѣлы имперіи, и византійскія извѣстія о Славянахъ. Славяне исчезаютъ куда-то. Въ первый разъ снова являются восточные Славяне въ византійскихъ сказаніяхъ уже въ IX вѣкѣ, когда они подъ именемъ Руси нападаютъ на Царьградъ. О судьбѣ прикарпатскихъ Славянъ въ этотъ длинный промежутокъ времени ничего надежнаго не находимъ у Византійцевъ. Наша лѣтопись, съ другой стороны, не помня о приходѣ Славянъ изъ карпатскаго края запомнила одинъ изъ послѣднихъ моментовъ этого разселенія. Размѣщая восточно-славянскія племена по Днѣпру съ его притоками, эта лѣтопись разсказываетъ, что были въ Ляхахъ два брата, Радимъ и Вятко, которые пришли съ своими родами и сѣли — Радимъ на Сожѣ, а Вятко по Окѣ; отъ нихъ и пошли Радимичи и Вятичи. Размѣщеніе этихъ племенъ за Днѣпромъ показываетъ, что ихъ приходъ былъ однимъ изъ позднихъ приливовъ колонизаціи: новые пришельцы не нашли себѣ мѣста на правой сторонѣ Днѣпра и должны были продвинуться дальше на востокъ за Днѣпръ. Вятичи очутились самымъ крайнимъ восточнымъ племенемъ русскихъ Славянъ. Но почему вожди этихъ племенъ названы въ Повѣсти Ляхами? Потому что область указаннаго водораздѣла, древняя страна Хорватовъ, въ XI вѣкѣ, когда написана Повѣсть, считалась уже Ляшской страной и была предметомъ борьбы Руси съ Польшей.

Такъ сопоставляя византійскія извѣстія съ преданіями Повѣсти о началѣ Русской земли, узнаемъ направленіе славянской колонизаціи и время, когда она началась. Византійцы перестаютъ разсказывать о карпатскихъ Славянахъ со второй четверти VII вѣка, потому что разселеніе прикарпатскихъ Славянъ въ разныя стороны сопровождалось прекращеніемъ набѣговъ ихъ на имперію. Тогда заселилась Польша, Балтійское побережье; тогда начало засе-

литься и Поднѣпровье.

Послѣдствія разселенія.

1) Юридическія. Впродолженіе VII и VIII вѣка восточная вѣтвь Славянъ, сосредоточившаяся на сѣверо-восточныхъ склонахъ Карпатъ, отливала мало по малу на востокъ. Вотъ фактъ, на изученіи котораго мы остановились. Этотъ фактъ сопровождался для восточныхъ Славянъ разнообразными послѣдствіями юридическими, экономическими и политическими. Изъ этихъ послѣдствій и слагался тотъ бытъ восточныхъ Славянъ, который мы застаемъ, читая лѣтописный разсказъ о Руси IX, X и XI в. Остановимся прежде всего на изученіи послѣдствій юридическихъ, какія вышли изъ разселенія восточныхъ Славянъ.

На Карпатахъ эти Славяне, повидимому, жили еще первобытными родовыми союзами. Черты такого быта мелькаютъ въ неясныхъ и скудныхъ византійскихъ извѣстіяхъ о Славянахъ VI и начала VII в. По этимъ извѣстіямъ Славяне управлялись царьками и филархами, т. е. родовыми князьями и старшинами, и имѣли обычай собираться для совѣщаній объ общихъ дѣлахъ. Византійскія извѣстія указываютъ на недостатокъ согласія, на частыя усобицы между Славянами: это обычный признакъ жизни мелкими разобщенными родами. Однако извѣстія о сходкахъ у Славянъ заставляютъ предполагать, что уже въ VI вѣкѣ мелкіе славянскіе роды смыкались въ болѣе крупные союзы, колѣна или племена. Смутное преданіе донесло изъ того времени имя лишь одного восточнаго славянскаго племени — Дулѣбовъ или Волынянъ. Подъ руководствомъ этого племени среди постоянной борьбы съ Византіей восточные Славяне, повидимому, успѣли сомкнуться въ большой военный союзъ, о которомъ еще помнили на Руси около половины X столѣтія, судя по тому, что извѣстіе о разрушеніи этого вооруженнаго союза попало въ сочиненіе арабскаго географа Масуди; но въ XI вѣкѣ, когда составлялась Повѣсть о началѣ Русской земли, уже не помнили ни времени, ни причинъ этого разрушенія. Можно только догадываться, что это событіе совпадаетъ съ нашествіемъ Аваръ на восточныхъ Славянъ и съ началомъ послѣдовавшаго затѣмъ разселенія этихъ Славянъ далѣе къ востоку. Трудно представить себѣ, какой общественный бытъ установился у восточныхъ Сла-

вянъ, когда распался военный союзъ. Наша древняя Повѣсть о началѣ Русской земли, описывая разселеніе восточныхъ Славянъ, перечисляетъ племена, на которыя они дѣлились, указывая, гдѣ поселилось каждое. Такъ на западномъ берегу средняго Днѣпра поселилось племя Полянъ; къ сѣверо-западу отъ нихъ въ дремучихъ лѣсахъ по южнымъ притокамъ Припети поселились Древляне; противъ Полянъ на восточномъ берегу Днѣпра по Деснѣ и Сулѣ жили Сѣверяне; въ сосѣдствѣ съ ними къ сѣверу, по притоку Днѣпра Сожу, жили Радимичи, а къ востоку отъ нихъ по верхней Окѣ — Вятичи; на верховьяхъ трехъ рѣкъ Днѣпра, Западной Двины и Волги обитали Кривичи, къ юго-западу отъ нихъ въ болотистой и лѣсистой мѣстности между Припетью и Западной Двиной — Дреговичи и т. д. Но трудно рѣшить, что такое были эти племена, были-ли это плотные политическіе союзы, или простыя географическія группы населенія, ничѣмъ несвязанныя политически. Масуди пишетъ, что по разрушеніи военнаго союза подъ руководствомъ Волынянъ восточные Славяне распались на отдѣльныя колѣна и каждое племя выбрало себѣ особаго царя. И наша Повѣсть о началѣ Руси смутно помнитъ, что когда-то у каждаго племени было «свое княженіе», т. е. свое особое управленіе; но она не запомнила имени ни одного племеннаго князя. Повидимому вскорѣ по распаденіи карпатскаго союза, въ эпоху разселенія, родовые мелкіе союзы попрежнему были господствующей формой славянскаго быта, какъ изображаетъ его и Повѣсть о началѣ Руси, замѣчая: «живяху кождо съ своимъ родомъ на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Однако легко понять, что разселеніе должно было разбивать и эти союзы. Родовой союзъ держится крѣпко, пока родичи живутъ вмѣстѣ; но колонизація и свойства края, въ который она направлялась, разрушали совмѣстную жизнь родичей. Мы видѣли, что Іорнандъ, говоря о Славянахъ VI вѣка, кладетъ восточную границу ихъ разселенія по рѣкѣ Днѣстру. Онъ не знаетъ, кто жилъ между Днѣстромъ и Днѣпромъ, и замѣчаетъ только, что пространство между этими рѣками покрыто дремучими лѣсами и непроходимыми болотами. Въ предѣлахъ древней кіевской Руси до сихъ поръ уцѣлѣли остатки старинныхъ укрѣпленій, такъ называемыхъ <u>городищъ</u>. Это обыкновенно круглыя, рѣже угловатыя пространства, очерченныя иногда чуть замѣтнымъ валомъ. Такія городища разсѣяны всюду по Приднѣпровью на разстояніи 4—8 верстъ другъ отъ друга. Ихъ происхожденіе еще въ языческую пору доказывается сосѣдствомъ кургановъ, древнихъ могильныхъ насыпей [illegible]

ки этихъ кургановъ показали, что лежащихъ въ нихъ покойниковъ хоронили еще по язычески. Не думайте, что эти городища остатки настоящихъ большихъ городовъ. Пространство, очерченное кольцеобразнымъ валомъ, едва достаточно, чтобы вмѣстить въ себѣ добрый крестьянскій дворъ. Какъ произошли и что значатъ эти городища? Я думаю, что это остатки укрѣпленныхъ одинокихъ дворовъ, которыми разселялись нѣкогда Славяне и на которые указываетъ византійскій писатель Прокопій, говоря, что Славяне живутъ въ плохихъ разбросанныхъ по одиночкѣ хижинахъ и часто переселяются. Такіе одинокіе дворы, или, говоря точнѣе, однодворныя деревни ставили славянскіе поселенцы, садясь по Днѣпру и его притокамъ. Такими однодворными деревнями и впослѣдствіи колонизовалось верхнее Поволжье. Дворы окапывались земляными валами для защиты отъ враговъ, преимущественно для защиты скота отъ дикихъ звѣрей. Изъ такихъ одинокихъ дворовъ выросъ и самый городъ Кіевъ. Повѣсть о началѣ Русской земли помнитъ объ основаніи этого города — знакъ, что онъ возникъ въ сравнительно близкое къ ней время. Преданіе разсказываетъ, что на горномъ берегу Днѣпра, на трехъ сосѣднихъ холмахъ, поселились три брата, занимавшіеся звѣроловствомъ въ окрестныхъ лѣсахъ. Они построили здѣсь городокъ, который назвали по имени старшаго брата Кія Кіевомъ. Очевидно, Кіевъ возникъ изъ трехъ однодворныхъ деревень, построенныхъ тремя мужиками-звѣроловами, поселившимися когда-то на берегу Днѣпра. Такой ходъ разселенія одинокими дворами обусловливался свойствами страны: Днѣпровье было тогда пустыннымъ краемъ, въ которомъ пришельцы занялись ловлей пушныхъ звѣрей, лѣснымъ пчеловодствомъ и хлѣбопашествомъ. Пространства, удобныя для этихъ промысловъ не шли обширными сплошными полосами: среди лѣсовъ и болотъ нужно было отыскать болѣе открытыя и сухія мѣста и расчистить ихъ для пашни или дѣлать въ лѣсу извѣстныя приспособленія для пчеловодства и звѣроловства. Такія мѣста являлись удаленными другъ отъ друга островками среди моря лѣсовъ и болотъ. На этихъ островкахъ поселенцы и ставили свои одинокіе дворы, окапывали ихъ и расчищали въ окрестности поля для пашни. Такой ходъ разселенія долженъ былъ поколебать крѣпкіе дотолѣ родовые союзы Славянъ.

Родовой союзъ держался на двухъ опорахъ, на власти родового старшины и нераздѣльности родового имущества. Власть старшины не могла съ одинаковой силой простираться на всѣ родственные дворы, разбросанные на обширномъ пространствѣ среди лѣсовъ и болотъ. Мѣсто родовладыки въ каждомъ дворѣ долженъ былъ занять домовладыка, хозяинъ двора, отецъ семейства. Въ то же время характеръ лѣсного и земледѣльческаго хозяйства, завязавшагося въ Поднѣпровьи, разрушалъ мысль о нераздѣльности родового имущества. Лѣсъ приспособлялся къ промысламъ усиліями отдѣльныхъ дворовъ, поле расчищалось трудомъ отдѣльныхъ семействъ; такіе лѣсные и полевые участки рано должны были получить значеніе частнаго семейнаго имущества. Родичи могли помнить свое кровное родство, могли чтить общаго родового дѣда, хранить родовые обычаи и преданія; но въ области права, въ практическихъ житейскихъ отношеніяхъ связь между родичами разстраивалась все больше. Это разрушеніе родовыхъ союзовъ, распаденіе ихъ на дворы или семьи оставило по себѣ слѣдъ въ одной чертѣ нашей миѳологіи. Родовой союзъ предполагаетъ родовой культъ. Въ старинныхъ памятникахъ русскихъ средоточіемъ этого культа является съ значеніемъ хранителя родичей Родъ съ его *рожаницами*, т.е. дѣдъ съ бабушками — намекъ на нѣкогда господствовавшее между Славянами многоженство. Тотъ же обоготворенный предокъ чествовался подъ именемъ *чура*, въ церковно-славянской формѣ *щура*: эта форма досель уцѣлѣла въ сложномъ словѣ *пращуръ*. Значеніе этого дѣда-родоначальника, какъ хранителя родичей до сихъ поръ сохранилось въ заклинаніи: «чуръ меня», т.е. храни меня, дѣдъ! Но точно также въ древнихъ преданіяхъ Руси этотъ чуръ хранитель рода, является еще подъ именемъ *домоваго*, т.е. хранителя не цѣлаго рода, а отдѣльнаго двора. Таковы юридическія послѣдствія разселенія: не колебля народныхъ вѣрованій и преданій, связанныхъ съ первобытнымъ родовымъ союзомъ, оно должно было въ то же время разрушать юридическую связь рода, замѣняя родство сосѣдствомъ.

2) *Послѣдствія экономическія.* Еще важнѣе рядъ экономическихъ послѣдствій, которыми сопровождалось разселеніе восточныхъ Славянъ. Припомнивъ, какъ Повѣсть о началѣ Русской земли размѣщаетъ Славянскія племена по нашей равнинѣ, легко замѣтить,

что они сосредоточивались на западной половинѣ равнины. Жизнь населенія въ этомъ краю направлялась однимъ могучимъ потокомъ Днѣпромъ, который перерѣзываетъ его съ сѣвера на югъ. При тогдашнемъ значеніи рѣкъ, какъ удобнѣйшихъ путей сообщенія, Днѣпръ былъ столбовой торговой дорогой для западной полосы русской равнины: верховьями своими онъ близко подходитъ къ Западной Двинѣ и бассейну Ильменя-озера, т.е. къ двумъ важнѣйшимъ дорогамъ въ Балтійское море, а устьемъ соединяетъ центральную Алаунскую возвышенность съ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря; притоки Днѣпра, издалека идущіе справа и слѣва, какъ его подъѣздные пути, приближаютъ Поднѣпровье съ одной стороны къ Карпатскимъ бассейнамъ Днѣстра и Вислы, съ другой — къ бассейнамъ Волги и Дона, т.е. къ Каспійскому и Азовскому морямъ. Такимъ образомъ область Днѣпра захватываетъ всю западную половину Русской равнины. Благодаря тому по Днѣпру съ незапамятныхъ временъ шло оживленное торговое движеніе, толчекъ къ которому былъ данъ Греками. Берега Чернаго и Азовскаго морей издавна были усѣяны греческими колоніями, главными изъ которыхъ были: Ольвія на берегу лимана южнаго Буга (противъ Николаева), Херсонесъ Таврическій на юго-западномъ берегу Крыма, Ѳеодосія и Пантикапея (нынѣ Керчь) на юго-восточномъ берегу, Фанагорія на Таманскомъ полуостровѣ, на азіатской сторонѣ Керченскаго пролива или древняго Босфора Киммерійскаго, наконецъ Танаисъ въ устьѣ Дона. Благодаря дѣятельности этихъ греческихъ колоній, Днѣпръ еще задолго до Р.Х. сдѣлался большой торговой дорогой, о которой зналъ Геродотъ и которой Греки получали янтарь съ береговъ Балтійскаго моря. Наша древняя Повѣсть о началѣ Руси также помнитъ старинное торговое значеніе Днѣпра: уже въ древнѣйшіе время, какъ только поселились восточные Славяне по Днѣпру и другимъ рѣкамъ, по ея разсказу, шелъ путь «изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловати» и т.д. Этотъ Днѣпръ и сдѣлался для восточныхъ Славянъ могучей питательной артеріей народнаго хозяйства, втянувъ ихъ въ сложное торговое движеніе, которое шло тогда въ юго-восточномъ углу Европы. Своимъ низовымъ теченіемъ, какъ и лѣвы-

ми притоками, Днѣпръ потянулъ Славянскихъ поселенцевъ къ Черноморскимъ и Каспійскимъ рынкамъ. Это торговое движеніе вызвало разработку естественныхъ богатствъ занятой поселенцами страны. Если мы представимъ себѣ нашу равнину въ томъ видѣ, какой она имѣла 10 или 11 вѣковъ назадъ, то легко можемъ раздѣлить ее на 2 полосы, на сѣверную лѣсную и южную степную. Восточные Славяне заняли преимущественно первую; самый городъ Кіевъ возникъ на рубежѣ между обѣими полосами. Эта лѣсная полоса своимъ пушнымъ богатствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ) и доставляла Славянамъ обильный матеріалъ для внѣшней торговли. Съ тѣхъ поръ мѣха, медъ, воскъ стали главными статьями русскаго вывоза; съ тѣхъ поръ началась та усиленная эксплуатація лѣса, продолжавшаяся цѣлыя вѣка. и положившая глубокій отпечатокъ на хозяйственный и общественный бытъ и даже національный характеръ Русскаго народа

Одно внѣшнее обстоятельство особенно содѣйствовало успѣхамъ этой торговли. Случилось такъ, что около того времени, когда восточные Славяне съ запада вступали въ предѣлы нашей равнины, разселяясь по ея лѣсамъ, съ противоположной восточной стороны изъ за Волги, по южно-русскимъ степямъ распространялась новая азіатская орда — Хазары. Они начали утверждаться на пространствѣ между Волгой и Днѣпромъ именно съ конца VII вѣка; около половины котораго и началось разселеніе Славянъ по нашей равнинѣ. Хазары были кочевое племя тюркскаго происхожденія; но оно не было похоже на предшествовавшія ему и слѣдовавшія за нимъ азіатскія орды, преемственно господствовавшія въ южно-русскихъ степяхъ. Хазары скоро стали покидать кочевой бытъ и обращаться къ мирнымъ промысламъ. Въ VIII вѣкѣ среди нихъ водворились изъ Закавказья промышленные Евреи и Арабы. Еврейское вліяніе здѣсь было такъ сильно, что династія хазарскихъ кагановъ съ своимъ дворомъ, т.е. высшимъ классомъ хазарскаго общества, приняла іудейство. Раскинувшись на привольныхъ степяхъ по берегамъ Волги и Дона, Хазары основали сред-

тоже своего государства въ низовьяхъ Волги. Здѣсь столица ихъ Итиль скоро стала огромнымъ разноязычнымъ торжищемъ, гдѣ рядомъ жили магометане, Евреи, христіане и язычники. И древняя кіевская сага сохранила впечатлѣніе, произведенное Хазарами на покоренныхъ ими днѣпровскихъ Славянъ, впечатлѣніе народа не воинственнаго и не жестокаго, мягкаго. Повѣсть о началѣ Русской земли разсказываетъ, какъ Хазары покорили Полянъ и наложили на нихъ дань: «Наидоша Козарѣ сѣдящая (т.е. Полянъ) на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: „платите намъ дань". Съдумавше Поляне и вдаша отъ дыма (съ каждой избы) мечь, и несоша Козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ, и рѣша имъ: „се налѣзохомъ дань нову". Они же рѣша имъ: „откуду?" Они же рѣша: „въ лѣсѣхъ на горахъ надъ рѣкою Днѣпрьскою". Они же рѣша: „что суть вдали?" Они же показаша мечь. Рѣша старци Козарьстіи: „не добра дань, княже: мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюдуостро, рекше мечь; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ". Тако и си владѣша, а послѣ же самими владѣють; яко же бысть, володѣють Козары Руськіе и до днѣшняго дне». Иронія, которая звучитъ въ этой сагѣ, показываетъ, что хазарское иго не было для днѣпровскихъ Славянъ ни особенно тяжело, ни страшно. Напротивъ, лишивъ восточныхъ Славянъ политической независимости, оно доставило имъ огромныя экономическія выгоды. Съ тѣхъ поръ для днѣпровцевъ, послушныхъ данниковъ Хазаръ, были открыты степныя рѣчныя дороги, которыя вели къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Подъ покровительствомъ Хазаръ по этимъ рѣкамъ и пошла бойкая торговля изъ Днѣпровья. Мы встрѣчаемъ рядъ указаній на успѣхи этой торговли. Арабскій писатель Хордадбе, современникъ Рюрика и Аскольда, писавшій не позже 870-хъ годовъ, замѣчаетъ, что русскіе купцы возятъ товары изъ отдаленныхъ краевъ своей страны къ Черному морю въ греческіе города, гдѣ византійскій императоръ беретъ съ нихъ десятину (торговую пошлину); что тѣ же купцы плаваютъ по Волгѣ, спускаются къ хазарской столицѣ, гдѣ властитель хазарскій беретъ съ нихъ также

десятину, выходятъ въ Каспійское море, проникаютъ на юго-восточные берега его и даже провозятъ свои товары на верблюдахъ до Багдада. Сколько поколѣній нужно было, чтобы проложить такіе далекіе и разносторонніе торговые пути съ береговъ Днѣпра или Волхова! Восточная торговля Днѣпровья, какъ ее описываетъ Хардадбе, могла завязаться по крайней мѣрѣ лѣтъ за сто до этого арабскаго географа. Впрочемъ есть и прямое указаніе на время, когда завязалась и развилась эта торговля. Въ области Днѣпра найдено множество кладовъ съ древними арабскими монетами, серебряными диргемами. Большая часть ихъ относится къ IX и X вѣку, ко времени наибольшаго развитія восточной торговли Руси. Но есть клады, въ которыхъ самыя позднія монеты не позже начала IX вѣка, а раннія восходятъ къ началу VIII в.; изрѣдка попадаются монеты VII в. и то лишь самыхъ последнихъ его лѣтъ. Эта металлическая лѣтопись осязательно показываетъ, что именно въ VIII вѣкѣ завязалась и развилась торговля Славянъ днѣпровскихъ съ хазарскимъ и арабскимъ востокомъ. Но этотъ вѣкъ былъ временемъ утвержденія Хазаръ въ южно-русскихъ степяхъ; ясно, что Хазары были посредниками между востокомъ и Славянами.

Слѣдствіемъ успѣховъ восточной торговли Славянъ, развившейся въ VIII вѣкѣ, было возникновеніе древнѣйшихъ торговыхъ городовъ на Руси. Повѣсть о началѣ Русской земли не помнитъ, когда возникли эти города, Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Любечъ, Новгородъ и др. Въ ту минуту, съ которой она начинаетъ свой разсказъ о Руси, эти города являются уже готовыми. Но довольно бѣглаго взгляда на топографическое размѣщеніе этихъ городовъ, чтобъ видѣть, что они были созданы успѣхами внѣшней торговли Руси. Большинство ихъ вытянулось длинной цѣпью по главной рѣчной дорогѣ Днѣпра-Волхова; только нѣкоторые изъ нихъ, Переяславль на Трубежѣ, Черниговъ на Деснѣ, Ростовъ въ области верхней Волги, выдвинулись къ востоку съ этого, такъ бы сказать, операціоннаго базиса русской торговли, какъ торговые форпосты, указывая самое ея направленіе. Возникновеніе этихъ большихъ торговыхъ городовъ было завершеніемъ сложнаго экономи-

ческаго процесса, завязавшагося среди Славянъ на новыхъ мѣстахъ жительства. Мы видѣли, что восточные Славяне разселялись по Днѣпру и его притокамъ одинокими укрѣпленными дворами. Успѣхи промышленности должны были вызвать среди этихъ однодворокъ сборные торговые пункты, мѣста промышленнаго обмѣна, куда сходились для торговли, для «гостьбы», какъ говорили въ старину. Такіе сборные пункты получили названіе «погостовъ». Впослѣдствіи съ принятіемъ христіанства на этихъ мѣстныхъ сельскихъ рынкахъ прежде всего ставились христіанскіе храмы: тогда погостъ получилъ значеніе мѣста, гдѣ стояла приходская сельская церковь. При церквахъ хоронили покойниковъ: отсюда произошло значеніе погоста, какъ кладбища. Но все это — позднѣйшія значенія термина: первоначально назывались сборныя, торговыя, «гостинныя» мѣста. Мелкіе сельскіе рынки тянули къ болѣе крупнымъ, возникавшимъ на особенно бойкихъ торговыхъ путяхъ. Изъ этихъ крупныхъ рынковъ, служившихъ посредниками между туземными и иностранными рынками, и выросли наши древнѣйшіе торговые города по Днѣпру и его притокамъ. Города эти служили торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокругъ нихъ промышленныхъ округовъ. Вотъ два важныя экономическія послѣдствія, которыми сопровождалось разселеніе Славянъ по Днѣпру и его притокамъ: это 1) развитіе внѣшней восточной торговли Славянъ и вызванныхъ ею лѣсныхъ промысловъ, 2) возникновеніе древнѣйшихъ городовъ на Руси изъ главныхъ складочныхъ пунктовъ этой торговли. Оба эти факты относятся къ VIII вѣку.

3). Послѣдствія политическія. Этими экономическими послѣдствіями были подготовлены и политическія, которыя обнаружились нѣсколько позднѣе, съ начала IX вѣка. Съ этого времени хазарское владычество, повидимому столь прочное прежде, начало замѣтно колебаться. Причиной этого было то, что въ тылу у Хазаръ появились новыя орды Печенѣговъ и слѣдовавшихъ за ними Узовъ — Торковъ. Хазары съ трудомъ сдерживали напоръ этихъ новыхъ пришельцевъ. Чтобы сдержать этотъ напоръ, около 835 г., по прос

отъ хазарскаго кагана, византійскіе инженеры построили на Дону, вѣроятно тамъ, гдѣ Донъ близко подходитъ къ Волгѣ, крѣпость Саркелъ, извѣстную въ нашей лѣтописи подъ именемъ «Бѣлой Вѣжи». Но этотъ оплотъ не сдержалъ напора. Въ первой половинѣ IX вѣка варвары, очевидно прорвались сквозь хазарскія поселенія на Западъ за Донъ и засорили дотолѣ чистыя степныя дороги днѣпровскихъ Славянъ. Есть два указанія на это, идущія съ разныхъ сторонъ. Въ одной западной нѣмецкой лѣтописи, такъ называемой «Бертинской», есть любопытный разсказъ о томъ, какъ въ 839 году послы отъ «народа Руси», приходившіе въ Константинополь для подтвержденія дружбы, т.е. для возобновленія торговаго договора, не хотѣли возвращаться домой по причинѣ жившихъ на ней варварскихъ жестокихъ народовъ. Одно изъ первыхъ извѣстій о Кіевѣ въ нашей Повѣсти о началѣ Русской земли разсказываетъ, что Аскольдъ и Диръ въ 867 году избили множество Печенѣговъ. Значитъ, Печенѣги уже около половины IX вѣка успѣли придвинуться близко къ Кіеву, отрѣзывая среднее Поднѣпровье отъ его черноморскихъ и каспійскихъ рынковъ. Хазарская власть, очевидно, уже не была въ состояніи оберегать русскихъ купцовъ на востокѣ. Большіе торговые города Руси должны были сами взять на себя защиту торговли и торговыхъ путей. Съ этой минуты они начали вооружаться, опоясываться стѣнами, вводить у себя военное устройство, запасаться ратными людьми. Такъ промышленные центры обратились въ укрѣпленные пункты. Одно внѣшнее обстоятельство помогло скопленію военнаго люда въ этихъ городахъ. Съ начала IX вѣка, съ конца царствованія Карла Великаго, по берегамъ Западной Европы начинаютъ рыскать вооруженныя шайки пиратовъ изъ Скандинавіи. Такъ какъ эти пираты выходили преимущественно изъ Даніи, то они стали извѣстны на Западѣ подъ именемъ Дановъ. Около этого же времени и на рѣчныхъ путяхъ нашей равнины стали появляться заморскіе пришельцы, получившіе названіе Варяговъ. Варяги — это славяно-русская форма скандинавскаго термина Wæringer: Византійцы знаютъ этихъ Норманновъ, какъ наем-

ныхъ тѣлохранителей, гвардейцевъ императора, подъ именемъ Βάραγγοι. Въ X и XI вѣкахъ эти Варяги постоянно приходили къ намъ или съ торговыми цѣлями, или по зову нашихъ князей, набиравшихъ изъ нихъ свои военныя дружины. Но присутствіе Варяговъ на Руси становится замѣтно гораздо раньше X вѣка. Наша древняя Повѣсть знаетъ этихъ Варяговъ по русскимъ городамъ уже около половины IX вѣка. Кіевское преданіе XI столѣтія готово было даже преувеличивать численность этихъ заморскихъ пришельцевъ. По этому преданію Варяги, обычные обыватели русскихъ торговыхъ городовъ, наполняли ихъ въ такомъ количествѣ, что образовали густой слой въ составѣ ихъ населенія, закрывали собою туземцевъ. Такъ, по словамъ Повѣсти, Новгородцы сначала были Славянами, а потомъ Варягами, т.е. какбы оваряжились вслѣдствіе усиленнаго наплыва пришельцевъ изъ за моря. По тому же преданію Кіевъ даже былъ основанъ Варягами и ихъ въ немъ было такъ много, что Аскольдъ и Диръ, утвердившись здѣсь, могли набрать цѣлое ополченіе, съ которымъ отважились напасть на Царьградъ. Несомнѣнно, что Варяги явились на Руси еще въ первой половинѣ IX вѣка, задолго до того времени, къ которому наша древняя Повѣсть пріурочиваетъ появленіе Рюрика въ Новгородѣ. Упомянутые послы отъ народа Руси, не хотѣвшіе изъ Константинополя возвратиться домой прежней дорогой, посланы были съ византійскимъ посольствомъ къ германскому императору Людовику Благочестивому и тамъ, по разслѣдованіи дѣла, по засвидѣтельствованіи ихъ личности оказались «Свеонами» — Шведами. Эти Варяги по многимъ признакамъ Скандинавы, а не славянскіе обитатели южно-балтійскаго побережья, какъ думаютъ нѣкоторые ученые. 1) Въ началѣ XI вѣка нѣмцы, участвовавшіе въ походѣ польскаго короля Болеслава на князя русскаго Ярослава въ 1018 году, приглядѣвшись къ населенію кіевской земли, разсказывали потомъ епископу Мерзебургскому Титмару, что въ кіевской землѣ несмѣтное множество народу, состоящаго преимущественно изъ бѣглыхъ рабовъ и проворныхъ Дановъ, а нѣмцы едва ли могли смѣшать своихъ сопле-

менниковъ Скандинавовъ съ балтійскими Славянами. 2) Въ Швеціи находятъ много* надписей на могильныхъ камняхъ, которыя свидѣтельствуютъ о древнихъ походахъ изъ Швеціи на Русь. Скандинавскія саги, восходящія иногда къ очень древнему времени, разсказываютъ о такихъ же походахъ въ страну «Гардарикъ», как называютъ онѣ нашу Русь, т.е. «царство городовъ». Самое это названіе, такъ мало идущее къ деревенской Руси, показываетъ, что пришельцы варяжскіе держались преимущественно въ большихъ торговыхъ городахъ. 3) Имена первыхъ нашихъ князей и ихъ дружинниковъ всѣ варяжскаго происхожденія; тѣже имена являются и въ скандинавскихъ сагахъ: Рюрикъ въ формѣ Рёрекъ, Труворъ — Торвардъ, Олегъ по древне-кіевскому выговору на о — Гельги (Helgi), женская форма — Гельга (Helga) Ольга, у Константина Багрянороднаго — Ἔλγα, Игорь — Ингварь Аскольдъ — Гёскульдъ и т.п. Наконецъ имена днѣпровскихъ пороговъ, выписанныя у Константина Багрянороднаго, двоякія: славянскія и «русскія». Русскія названія объясняются всего легче изъ скандинавскаго языка. Эти Варяги и вошли въ составъ вооруженнаго класса, который сталъ складываться по большимъ торговымъ городамъ Руси подъ вліяніемъ внѣшнихъ опасностей. Варяги являлись къ намъ съ иной физіономіей, не съ той, какую носили Даны на Западѣ: тамъ Данъ - пиратъ, береговой разбойникъ, у насъ Варягъ — преимущественно вооруженный купецъ, идущій на Русь, чтобы пробраться дальше въ богатую Византію, тамъ съ выгодой послужить императору, съ барышомъ поторговать, а иногда и пограбить, если представится къ тому случай. Любопытно, что вездѣ, гдѣ неторговому вооруженному Варягу нужно было скрыть свою личность, онъ прикидывался купцомъ, идущимъ изъ Руси или на Русь. Извѣстно, какъ обманулъ Олегъ своихъ земляковъ Аскольда и Дира, выманивъ ихъ изъ Кіева: онъ послалъ къ нимъ, «глаголя, яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича, да придета къ намъ». Одна превосходная скандинавская сага о св. Олафѣ, полная историческихъ чертъ, разсказываетъ,

*древнихъ

какъ этотъ герой, долго и съ пользой служившій русскому конунгу – Вальдмару, возвращаясь съ дружиной на корабляхъ домой, былъ занесенъ бурею въ Померанію, во владѣнія вдовствующей княгини Гейры Буриславны, и не желая открывать свое званіе, выдалъ себя за купца Гардскаго, т.е. русскаго. Осаживаясь въ большихъ торговыхъ городахъ Руси, Варяги встрѣчали здѣсь классъ населенія, соціально имъ родственный и нуждавшійся въ нихъ, классъ вооруженныхъ купцовъ, и входили въ его составъ, нанимаясь за хорошій кормъ оберегать русскіе торговые пути и торговыхъ людей, т.е. конвоировать русскіе торговые караваны.

Какъ скоро изъ туземныхъ и пришлыхъ элементовъ образовался такой классъ въ большихъ торговыхъ городахъ, онъ долженъ былъ измѣнить положеніе послѣднихъ. Когда стало колебаться хазарское иго, эти города сдѣлались независимыми. Мы не знаемъ, какъ они управлялись при Хазарахъ; но можно замѣтить, что, взявши на себя защиту торговаго движенія, эти города скоро подчинили себѣ свои торговые округа. Это подчиненіе торговыхъ районовъ промышленнымъ центрамъ, теперь вооруженнымъ повидимому началось еще до князей, т.е. раньше половины IX вѣка. Повѣсть о началѣ Русской земли, разсказывая о первыхъ князьяхъ, вскрываетъ любопытный фактъ: за большимъ городомъ идетъ его округъ, цѣлое племя или часть его. Олегъ взялъ Смоленскъ и посадилъ въ немъ посадника; въ силу этого смоленскіе Кривичи стали признавать власть Олега. Олегъ занялъ Кіевъ, и кіевскіе Поляне вслѣдствіе этого признали его власть. Такъ цѣлые округа являются въ зависимости отъ своихъ главныхъ городовъ и эта зависимость повидимому установилась помимо и раньше князей. Трудно сказать, какъ она установилась. Можетъ быть, торговые округа подчинились городамъ, какъ укрѣпленнымъ убѣжищамъ въ минуту внѣшней опасности; еще вѣроятнѣе, что при помощи вооруженнаго класса, скопившагося въ городахъ, послѣдніе оружіемъ завладѣли своими торговыми округа-

ми. Какъ бы то ни было, въ неясныхъ извѣстіяхъ Повѣсти о началѣ Русской земли обозначается первая политическая форма, возникшая на Руси около половины IX вѣка: это городовая область, т.е. торговый округъ, управляемый укрѣпленнымъ городомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ и промышленнымъ средоточіемъ для этого округа. Эти древнія городовыя области Кіевская, Черниговская, Смоленская и другія, и легли въ основаніе областнаго дѣленія, установившагося на Руси при первыхъ кіевскихъ князьяхъ IX–X в. Возникаетъ вопросъ: были ли эти области созданы торговыми городами, не имѣли ли онѣ племеннаго происхожденія? Наша древняя Повѣсть о началѣ Руси, какъ мы видѣли дѣлитъ восточныхъ Славянъ на нѣсколько племенъ и довольно точно указываетъ ихъ размѣщеніе. Можетъ быть городовыя области были политически объединившіяся племена, а не промышленныя округа древнихъ торговыхъ городовъ Руси? Разборъ этнографическаго состава древнихъ городовыхъ областей даетъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Еслибы древнія городовыя области имѣли племенное, а не экономическое происхожденіе, каждое племя образовало бы особую область или каждая область составилась бы изъ одного племени. Но этого не было на дѣлѣ: не было ни одной области, которая бы состояла изъ одного только и притомъ цѣльнаго племени; большинство областей составилось изъ частей разныхъ племенъ; въ иныхъ областяхъ къ одному цѣльному племени примкнули разорванныя части другихъ племенъ. Такъ Новгородская область состояла изъ Славянъ Ильменскихъ съ вѣтвью Кривичей, центромъ которой былъ городокъ Изборскъ. Въ составъ Черниговской области вошла сѣверная половина Сѣверянъ съ частью Радимичей и съ цѣлымъ племенемъ Вятичей. Кіевская область состояла изъ всѣхъ Полянъ, почти всѣхъ Древлянъ и южной части Дреговичей съ городомъ Туровымъ на Припети. Сѣверная часть Дреговичей съ городомъ Минскомъ оторвана была западной вѣтвью Кривичей и вошла въ составъ Полоцкой области. Значитъ, не границы племенъ очертили предѣлы городовыхъ областей. Легко замѣтить, какая сила стягивала эти области: онѣ созданы были на-

селенiемъ, жившимъ по самой рѣчной торговой линiи Днѣпра-Волхова и Западной Двины. Напротивъ, племена, болѣе удаленныя отъ этой линiи, не имѣя своихъ значительныхъ торговыхъ городовъ, не составили и особыхъ областей, но вошли въ составъ областей чужеплеменныхъ торговыхъ городовъ. Такъ не видно особыхъ областей Дреговичей, Радимичей и Вятичей. Значитъ, силой, которая стягивала всѣ эти области, были именно города, возникшiе на этой рѣчной торговой линiи, какихъ не было среди племенъ, отъ нея удаленныхъ. Если мы представимъ себѣ восточныхъ Славянъ, какъ они устроились во второй половинѣ IX вѣка, то найдемъ на всемъ пространствѣ отъ Ладоги и до Кiева 8 славянскихъ племенъ. Четыре изъ нихъ (Дреговичи, Радимичи, Вятичи и Древляне) постепенно, частью уже при первыхъ кiевскихъ князьяхъ, вошли въ составъ чужеплеменныхъ областей, а четыре другихъ племени (Славяне Ильменскiе, Кривичи, Сѣверяне и Поляне) образовали шесть самостоятельныхъ городовыхъ областей со смѣшаннымъ населенiемъ, состоявшимъ изъ одного господствующаго племени или господствующей части одного племени и изъ подчиненныхъ частей другихъ племенъ, не имѣвшихъ своихъ большихъ городовъ. Это были области: Новгородская, Полоцкая, Смоленская, Черниговская, Переяславская и Кiевская. Итакъ большiе вооруженные города явились именно среди тѣхъ племенъ, которыя принимали наиболѣе дѣятельное участiе во внѣшней торговлѣ. Города эти подчинили себѣ соплеменныя имъ окрестныя населенiя, для которыхъ они прежде служили торговыми средоточiями, и образовали изъ нихъ политическiе союзы, области, въ составъ которыхъ втянули, частью еще до появленiя князей кiевскихъ, а частью при нихъ, и сосѣднiя поселенiя чужихъ безгородныхъ племенъ.

Образованiе этой первой политической формы на Руси сопровождалось въ иныхъ мѣстахъ созданiемъ другой вторичной формы, варяжскаго княжества. Въ тѣхъ промышленныхъ пунктахъ, куда съ особенной силой приливали вооруженные пришельцы изъ-за моря, они легко теряли значенiе торговыхъ то-

варяговъ или наемныхъ охранителей торговыхъ путей и превращались во властителей. Во главѣ этихъ заморскихъ пришельцевъ, составлявшихъ военныя компаніи, становились вожди, поглощавшіе при такомъ переворотѣ значеніе военныхъ начальниковъ, охраняемыхъ ими городовъ. Такіе вожди въ скандинавскихъ сагахъ называются конунгами или викингами. Оба эти термина перешли и въ нашъ языкъ, получивъ славяно-русскія формы князя и витязя. Варяги скоро превращались изъ союзниковъ во властителей. Извѣстенъ разсказъ начальной лѣтописи о томъ, какъ Владиміръ утвердился въ Кіевѣ съ помощью призванныхъ изъ-за моря Варяговъ въ 980 году. Заморскіе его сотрудники, почувствовавъ свою силу въ занятомъ ими городѣ, сказали своему нанимателю: «князь, вѣдь городъ-то нашъ, мы его взяли; такъ мы хотимъ брать съ горожанъ окупъ по двѣ гривны съ человѣка». Владиміръ только обманомъ сбылъ съ рукъ этихъ назойливыхъ союзниковъ, выпроводивъ ихъ въ Царьградъ. Такъ иные вооруженные города съ своими областями при извѣстныхъ обстоятельствахъ превращались во владѣнія варяжскихъ конунговъ. Такихъ варяжскихъ княжествъ мы встрѣчаемъ нѣсколько въ IX и X вѣкахъ. Такъ являются во второй половинѣ IX вѣка на сѣверѣ княжество Рюрика въ Новгородѣ, Синеусово на Бѣломъ Озерѣ, Труворово въ Изборскѣ, Аскольдово въ Кіевѣ. Въ X вѣкѣ становятся извѣстны два другихъ княжества, Рогвольдово въ Полоцкѣ и Турово въ Туровѣ на Припяти. Наша древняя лѣтопись не помнитъ времени основанія этихъ княжествъ; самое существованіе ихъ отмѣчено въ ней лишь мимоходомъ, кстати. Отсюда можно заключить, что такія княжества возникали въ другихъ мѣстахъ Руси. Подобное явленіе совершалось въ то время и среди Славянъ Южно-Балтійскаго побережья, куда также проникли Варяги изъ Скандинавіи. Стороннему наблюдателю такія варяжскія княжества представлялись дѣломъ настоящаго завоеванія, хотя основатели ихъ Варяги являлись безъ завоевательной цѣли. Еврей Ибрагимъ, человѣкъ бывалый въ Германіи, хорошо

знакомый съ дѣлами средней и восточной Европы, около половины X вѣка писалъ, что «племена сѣвера (т.е. Норманны) завладѣли нѣкоторыми изъ Славянъ и до сей поры живутъ среди нихъ, даже усвоили ихъ языкъ, смѣшавшись съ ними». Это наблюденіе, очевидно, прямо схвачено съ славяно-варяжскихъ княжествъ, возникавшихъ въ то время по берегамъ Балтійскаго моря и на Руси. Появленіе этихъ варяжскихъ княжествъ вполнѣ объясняетъ и занесенное въ нашу „Повѣсть о началѣ Руси" сказаніе о призваніи князей изъ-за моря. По этому преданію, еще до Рюрика Варяги водворились среди Новгородцевъ и сосѣднихъ съ ними племенъ славянскихъ и финскихъ и наложили на нихъ дань. Потомъ данники отказались ее платить и прогнали Варяговъ опять за море. Оставшись безъ пришлыхъ властителей, туземцы перессорились между собою; не было между ними правды, одинъ родъ возсталъ на другой и пошли между ними усобицы. Утомленные этими ссорами туземцы собрались и сказали: «поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ насъ по праву». Потомъ отправили пословъ за море къ знакомымъ Варягамъ пригласить желающихъ придти владѣть пространной и обильной, но лишенной наряда землей. Три родные брата откликнулись на зовъ и пришли, захвативъ съ собою свои роды, т.е. дружины земляковъ. Если снять нѣсколько идиллическій покровъ, которымъ подернуто это сказаніе, то предъ нами откроется очень простое явленіе, не разъ повторявшееся въ нашей исторіи. Собравъ разсѣянныя по разнымъ лѣтописнымъ сводамъ черты преданія, позволяющія возстановить дѣло въ его дѣйствительномъ видѣ, мы узнаемъ, что пришельцы призваны были не для одного внутренняго наряда или устройства правленія. Преданіе говоритъ, что князья-братья, какъ только усѣлись на своихъ мѣстахъ, начали «города рубить и воевать всюду». Значитъ они призваны были оборонять туземцевъ отъ какихъ то внѣшнихъ враговъ, съ значеніемъ защитниковъ населенія и охранителей границъ.

для чего и впослѣдствіи Новгородцы призывали князей. Далѣе, князья братья повидимому не совсѣмъ охотно приняли предложеніе славяно-финскихъ пословъ, «едва избрашася, какъ записано въ одномъ изъ сводовъ, бояся звѣриного ихъ обычая и нрава». Съ этимъ согласно уцѣлѣвшее извѣстіе, что Рюрикъ не тотчасъ усѣлся въ Новгородѣ, но сперва предпочелъ остановиться вдали отъ него, при самомъ входѣ въ страну въ городѣ Ладогѣ, чтобы быть ближе къ родинѣ, куда можно было бы убѣжать въ случаѣ нужды. Водворившись въ Новгородѣ, Рюрикъ скоро возбудилъ недовольство въ туземцахъ: въ одномъ сводѣ записано, что чрезъ два года по призваніи Новгородцы «оскорбишася, говоря: быть намъ рабами и много зла придется вытерпѣть отъ Рюрика и земляковъ его». Составился даже какой-то заговоръ: Рюрикъ убилъ вождя этого заговора, «храбраго Вадима», и перебилъ многихъ Новгородцевъ, его соумышленниковъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ еще множество новгородскихъ мужей бѣжало отъ Рюрика въ Кіевъ къ Аскольду. Очевидно, заморскіе варяжскіе князья съ дружиной призваны были Новгородцами и союзными съ ними племенами для защиты отъ какихъ-то внѣшнихъ враговъ и получали опредѣленный кормъ за свои сторожевыя услуги. Но наемные охранители, повидимому, желали кормиться слишкомъ сытно. Тогда поднялся ропотъ среди плательщиковъ корма, подавленный вооруженною рукою. Почувствовавъ свою силу, наемники превратились во властителей. Вотъ простой прозаическій фактъ, повидимому, скрывающійся въ поэтической легендѣ о призваніи князей.

Изъ соединенія варяжскихъ княжествъ и сохранившихъ самостоятельность городовыхъ областей вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси: то было <u>княжество Кіевское</u>. Образованіе этого княжества было подготовлено указанными выше политическими и экономическими фактами. На какихъ бы пунктахъ русскаго промышленнаго міра ни появлялись варяжскіе конунги, ихъ постоянно

тянуло къ городу на южной окраинѣ этого міра, замыкавшему цѣпь торговыхъ русскихъ городовъ по рѣчной линіи Днѣпра-Волхова, къ Кіеву. Здѣсь заморскіе искатели выгоднаго найма и торговаго барыша могли поживиться всего больше. Кіевъ былъ сборнымъ пунктомъ русской торговли; къ нему стекались торговыя лодки отовсюду: съ Волхова, Западной Двины, верхняго Днѣпра и его притоковъ. Кто владѣлъ Кіевомъ, тотъ держалъ въ своихъ рукахъ ключъ отъ главныхъ воротъ русской торговли. Вотъ почему всѣхъ варяжскихъ конунговъ, появлявшихся на Сѣверѣ, тянуло къ Кіеву. Они соперничали изъ*него другъ съ другомъ и истребляли одинъ другого. Такъ новгородскій конунгъ Олегъ за Кіевъ истребилъ земляковъ своихъ Аскольда и Дира; такъ и другой новгородскій конунгъ Владиміръ за тотъ же Кіевъ погубилъ своего родного брата Ярополка. Съ другой стороны, всѣ торговые русскіе города стояли въ экономической зависимости отъ Кіева. Въ Кіевѣ сходились нити ихъ благосостоянія; онъ могъ подорвать ихъ торговлю, перерѣзавъ главную артерію хозяйственныхъ оборотовъ страны, не пропуская торговыхъ лодокъ внизъ по Днѣпру къ азовскимъ и черноморскимъ рынкамъ. Поэтому въ общемъ интересѣ этихъ городовъ было имѣть друзей въ Кіевѣ, а изъ Кіева имѣть свободный выходъ на степныя торговыя дороги. Этотъ общій интересъ явственно сказывается въ разсказѣ нашей древней Повѣсти о первыхъ князьяхъ, утвердившихся въ Кіевѣ. Аскольдъ съ Диромъ, оторвавшись отъ дружины Рюрика, безпрепятственно спустились Днѣпромъ до Кіева и безъ замѣтной борьбы овладѣли имъ вмѣстѣ со всею землею Полянъ. Дальнѣйшая дѣятельность этихъ конунговъ въ Кіевѣ объясняетъ причины этого успѣха. Повѣсть замѣчаетъ, что послѣ Кія Полянъ обижали Древляне и другія окольныя племена. Поэтому Аскольдъ и Диръ, какъ только утвердились въ Кіевѣ, вступили въ борьбу съ этими племенами, а потомъ, собравъ Варяговъ, предприняли походъ и на Царьградъ. Современникъ и очевидецъ этого нападенія константинопольскій патріархъ Фотій

*изъ за него

говоритъ въ одной произнесенной по этому случаю проповѣди: что Русь тихонько подкралась къ Константинополю, чтобы отомстить за избіеніе своихъ земляковъ, вѣроятно купцовъ. Такой же рядъ явленій повторился и въ исторіи Олега, шедшаго по слѣдамъ Аскольда. Онъ также безпрепятственно спустился изъ Новгорода по Днѣпру, безъ труда захватилъ по дорогѣ Смоленскъ и Любечъ и безъ борьбы завладѣлъ Кіевомъ, погубивши своихъ земляковъ. Утвердившись въ Кіевѣ, онъ началъ рубить вокругъ него новые города для защиты границъ отъ набѣговъ, потомъ съ соединенными силами разныхъ племенъ предпринялъ новый походъ на Царьградъ, кончившійся заключеніемъ торговаго договора. Значитъ, и этотъ походъ былъ предпринятъ для того, чтобы возстановить торговыя сношенія Руси съ Византіей. Обоихъ вождей дружно поддерживали въ ихъ походахъ всѣ прибрежныя племена по рѣчной линіи Днѣпра-Волхова, т.е. обитатели большихъ торговыхъ городовъ Руси. По крайней мѣрѣ въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Олега, мы читаемъ, что кромѣ подвластныхъ Олегу племенъ участвовали въ этомъ походѣ и племена не подвластныя, отдаленные Дулѣбы и Хорваты, т.е. племена, жившія въ области верховьевъ Днѣстра и обоихъ Буговъ, по сѣверо-восточнымъ склонамъ и предгорьямъ Карпатъ. Охрана границъ отъ степныхъ варваровъ-кочевниковъ и далекіе походы на Царьградъ очевидно вызывали общее и дружное содѣйствіе во всемъ промышленномъ мірѣ по рѣчнымъ торговымъ линіямъ Днѣпра-Волхова и другихъ рѣкъ равнины.

Таковы были условія, при содѣйствіи которыхъ явилось княжество Кіевское. Оно было создано соединеніемъ подъ властью кіевскаго князя мѣстныхъ варяжскихъ княжествъ и городовыхъ областей Руси. Государство становится возможно тогда, когда среди населенія, разбитаго на безсвязныя части съ разобщенными или разнородными стремленіями, является или вооруженная сила, способная принудительно сплотить эти безсвязныя части, или общій интересъ, доста-

точно сильный, чтобы добровольно подчинить себѣ эти разоб-щенныя или враждебныя стремленія. Кіевское княжество О-лега и его преемниковъ было первой формой русскаго государ ства, соединившей подъ одной властью всѣ восточныя славян-скія племена и нѣкоторыя сосѣднія финскія. Въ образованіи этого государства принимали участіе оба указанные фак-тора, общій интересъ и вооруженная сила. Общій интересъ состоялъ въ томъ, что всѣ торговые города Руси съ появлені-емъ наводнившихъ степь Печенѣговъ почувствовали потреб-ность въ вооруженной силѣ, способной оградить предѣлы стра ны и ея степныя торговыя дороги отъ внѣшняго нападенія. Главнымъ исходнымъ пунктомъ, изъ котораго выходили рус-скіе торговые караваны къ черноморскимъ и каспійскимъ рын камъ по степнымъ рѣкамъ былъ Кіевъ. Какъ скоро здѣсь яви-лась вооруженная сила, доказавшая свою способность удовле-творять указаннымъ потребностямъ страны, этой силѣ добровольно подчинились всѣ торговые города Руси съ ихъ обла стями. Этой силой былъ варяжскій князь съ своей дружиной. Ставъ носителемъ и охранителемъ общаго интереса, подчинив шаго ему торговые города страны, этотъ князь съ дружи-ной изъ вооруженной силы превращается въ политическую власть. Но, пользуясь новыми средствами, которыя достав-ляла ему эта власть, князь началъ насильственно подчи-нять себѣ и другія племена, не раздѣлявшія этого общаго ин тереса, слабо участвовавшія въ торговыхъ оборотахъ стра-ны. Завоеванием этихъ племенъ, удаленныхъ отъ централь ной рѣчной дороги, завершено было политическое объединеніе восточныхъ Славянъ. Такъ, повторяю, въ образованіи русскаго государства участвовали и общій интересъ и вооруженная за воевательная сила, потому что общій интересъ превратился въ завоевательную силу: нужды и опасности русской торговли вызвали къ дѣйствію вооруженную дружину съ княземъ во главѣ, а эта дружина, оберегая одни племена, завоевала дру гія. Прочтите внимательно разсказъ начальной лѣтописи

кіевскихъ князьяхъ IX и X в., и предъ вами раскроется это двойственное военно-промышленное происхожденіе Кіевскаго княжества, т.е. древнѣйшей формы русскаго государства. Первыя племена, примкнувшія къ кіевскому князю и усердно поддерживавшія его князей въ заморскихъ походахъ, были племена, жившія по главной рѣчной дорогѣ Днѣпра-Волхова и тяготѣвшія къ большимъ торговымъ городамъ. Эти племена легко подчинялись власти кіевскаго князя; иногда достаточно было одного похода, даже безъ борьбы, чтобы подчинить ихъ. Такъ были покорены Кривичи Смоленскіе и Сѣверяне. Напротивъ, племена, обитавшія въ сторонѣ отъ этой рѣчной дороги, среди которыхъ не было большихъ торговыхъ городовъ, т.е. значительнаго вооруженнаго купечества, долго противились власти новыхъ управителей и покорились только послѣ упорной и не разъ возобновлявшейся борьбы. Такъ послѣ многихъ трудныхъ походовъ были покорены Древляне и Радимичи; съ такими же усиліями были покорены и Вятичи въ концѣ X столѣтія, т.е. спустя столѣтіе послѣ основанія Кіевскаго княжества. Таковъ былъ окончательный фактъ, завершившій собою рядъ сложныхъ процессовъ, начавшихся разселеніемъ восточныхъ Славянъ по Русской равнинѣ. Повторю теперь еще разъ эти процессы.

Мы застаемъ восточныхъ Славянъ на Карпатахъ въ VI и VII вв. въ состояніи чрезвычайнаго общественнаго разложенія. Образовавшійся между ними военный союзъ распался на племена; племена разложились на роды, даже роды раздробились на мелкіе дворы или семейныя хозяйства, какими эти Славяне стали жить на днѣпровскомъ новоселѣ. Но здѣсь подъ дѣйствіемъ новыхъ условій завязался среди нихъ обратный процессъ постепеннаго взаимнаго сцѣпленія; только цементомъ въ новыхъ общественныхъ построеніяхъ служило уже не чувство кровнаго родства, а экономическій интересъ, вызванный къ дѣйствію свойствами страны и внѣшними обстоятельствами. Наложенное со стороны иго вн... рло вос-

точныхъ Славянъ въ живую внѣшнюю торговлю. Эта торговля стянула разбросанные одинокіе дворы въ сельскіе погосты, потомъ въ большие торговые города съ ихъ областями. Новыя внѣшнія опасности съ начала IX вѣка вызвали новый рядъ переворотовъ. Торговые города вооружились; тогда они изъ главныхъ складочныхъ пунктовъ торговли превратились въ политическіе центры, а ихъ торговые округа стали ихъ государственными территоріями, городовыми областями; нѣкоторыя изъ этихъ областей сдѣлались варяжскими княжествами, а изъ соединенія тѣхъ и другихъ образовалось княжество Кіевское, древнѣйшая форма русскаго государства. Такова связь экономическихъ и политическихъ фактовъ въ нашей начальной исторіи: экономическіе интересы послѣдовательно превращались въ политическія связи, изъ которыхъ выростали политическіе союзы, а политическіе союзы зарождали въ сердцахъ національное чувство, которое звучитъ уже въ словахъ князя Святослава, обращенныхъ къ дружинѣ предъ битвой съ Греками: «не посрамимъ землѣ Рускіѣ, поляжемъ костьми».

Теперь, изучивъ рядъ древнѣйшихъ экономическихъ и политическихъ явленій нашей исторіи, мы припомнимъ тотъ исходный вопросъ, отъ котораго мы отправились. Обращаясь къ изученію перваго періода нашей исторіи, мы указали два взгляда на начало этой исторіи. Одни начинаютъ ее очень поздно, не ранѣе половины IX вѣка, съ прихода Варяговъ, заставшихъ восточныхъ Славянъ въ дикомъ состояніи, даже безъ зачатковъ гражданственности; другіе отодвигаютъ начало нашей исторіи въ туманную даль дохристіанской старины и излагаютъ длинный рядъ сложныхъ процессовъ, успѣвшихъ развиться въ ней до половины IX вѣка. Припомнивъ изученные нами факты и извлеченные изъ нихъ выводы, мы можемъ оцѣнить оба эти взгляда. Наша исторія не такъ стара, какъ думаютъ одни, началась гораздо позже начала христіанской эры; но она и не такъ молода, какъ думаютъ другіе: около половины IX вѣка она не начиналась, а уже шла—

ла за собою извѣстное прошедшее, только немноговѣковое, считавшее въ себѣ два съ чѣмъ-нибудь вѣка.

Дѣятельность первыхъ кіевскихъ князей.

Общій интересъ, создавшій Кіевское княжество, внѣшняя торговля, направили его дальнѣйшее развитіе, руководили какъ внутренней, такъ и внѣшней дѣятельностью первыхъ кіевскихъ князей. Читая начальный лѣтописный сводъ, мы встрѣчаемъ рядъ полуисторическихъ, полусказочныхъ преданій о князьяхъ кіевскихъ, Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ. Всматриваясь въ эти преданія, однако можно уловить основныя побужденія, которыя направляли дѣятельность этихъ князей. Утвердившись въ Кіевѣ, князья начали устанавливать въ подвластной странѣ государственный порядокъ, прежде всего, разумѣется, администрацію налоговъ. Въ подчиненныхъ областяхъ они сажали своихъ намѣстниковъ, «посадниковъ», которыми были либо ихъ дружинники, либо собственные сыновья. Эти намѣстники имѣли свои дружины, вооруженные отряды, дѣйствовали довольно независимо, стояли въ слабой связи съ государственнымъ центромъ, съ Кіевомъ, были такіе же конунги, какъ и князь кіевскій, который считался только старшимъ между ними и въ этомъ смыслѣ назывался «великимъ княземъ»; въ договорѣ Олега съ Греками они прямо такъ и зовутся «свѣтлыми князьями, подъ рукою Олега сущими». Нѣкоторые изъ этихъ намѣстниковъ, покоривъ то или другое племя, получали его отъ князя въ управленіе съ правомъ собирать съ него дань въ свою пользу: знаменитый Игоревъ воевода Свѣнельдъ, побѣдивъ славянское племя Угличей, обитавшее по нижнему Днѣпру, получалъ въ свою пользу дань не только съ этого племени, но и съ Древлянъ, такъ что его дружина, «отроки», жила богаче дружины самого Игоря. Главной цѣлью этой администраціи былъ сборъ налоговъ.

Олегъ, какъ только утвердился въ Кіевѣ, сталъ хлопотать объ установленіи даней съ подвластныхъ племенъ. Ольга объѣзжала подвластныя земли и также устанавливала уставы и оброки, дани и погосты, т.е. сельскіе судебно-податные округа. Дань получалась двумя способами: или подвластныя племена привозили ее въ Кіевъ, или князья сами ѣздили за нею по племенамъ. Первый способъ сбора дани назывался повозомъ, второй — полюдьемъ. Полюдье это — административно-финансовая поѣздка князя по подвластнымъ племенамъ. Дань обыкновенно собиралась натурою, преимущественно мѣхами. Впрочемъ есть извѣстіе, что Вятичи въ X вѣкѣ платили дань Хазарамъ «шлягами, т.е. монетой; подъ этимъ нѣмецкимъ названіемъ можно всего вѣроятнѣе разумѣть серебряныя арабскія диргемы, которыя путемъ торговли во множествѣ приливали тогда на Русь. Императоръ Византійскій Константинъ Багрянородный, писавшій въ половинѣ X вѣка, въ своемъ сочиненіи объ управленіи имперіей рисуетъ намъ изобразительную картину княжескаго полюдья. Въ началѣ ноября, когда слѣдовательно устанавливался зимній путь, князь со всею Русью, т.е. съ дружиной, выходилъ изъ Кіева εἰς τὰ πολίδια «въ городки», какъ казалось Багрянородному, а въ самомъ дѣлѣ «на полюдье», о которомъ ему говорили его славяно-русскіе разсказчики. Князь отправлялся для сбора даней къ Сѣверянамъ, Древлянамъ, Кривичамъ и другимъ славянскимъ племенамъ, платящимъ дань Руси, и въ этомъ объѣздѣ проводятъ всю зиму. Это трудное путешествіе, добавляетъ императоръ. И наша Повѣсть, подтверждая это замѣчаніе, разсказываетъ, какъ Игорь былъ даже убитъ Древлянами во время одного изъ такихъ полюдій. Между тѣмъ какъ князь съ дружиною блуждалъ по подвластнымъ землямъ, племена, платившія дань Руси, впродолженіе зимы рубили деревья, дѣлали изъ нихъ лодки и весною въ апрѣлѣ спускали ихъ по рѣкамъ и озе-

рамъ къ Кіеву, вытаскивали ихъ здѣсь на берегъ и дожидались возвращенія Руси. Въ томъ же апрѣлѣ по полой водѣ съ данью, собранною зимою, Русь возвращалась въ Кіевъ, покупала эти лодки, оснащивала, грузила ихъ и сплавляла къ Константинополю, прихвативъ съ собой торговыя лодки русскихъ купцовъ изъ Смоленска, Новгорода и другихъ городовъ. Читая этотъ разсказъ, легко понять, какими товарами нагружала Русь свои торговые караваны лодокъ, сплавлявшихся лѣтомъ къ Царьграду: это была дань натурой, собранная княземъ и его дружиною во время зимняго объѣзда. Къ торговому каравану княжескому и боярскому примыкали лодки и простыхъ русскихъ купцовъ, чтобы подъ защитой княжеской дружины дойти до Царьграда. Въ договорѣ Игоря съ Греками читаемъ между прочимъ, что великій князь русскій и его бояре ежегодно могутъ посылать къ великимъ царямъ греческимъ столько кораблей, сколько захотятъ, съ послами и гостями, т. е. со своими собственными приказчиками и съ вольными русскими купцами.

Этотъ разсказъ византійскаго императора наглядно указываетъ намъ на тѣсную связь между ежегоднымъ оборотомъ политической и экономической жизни Руси. Дань, которую собиралъ кіевскій князь, какъ властитель служила ему въ то-же время средствомъ и для торговыхъ оборотовъ; ставъ государемъ онъ, какъ варягъ, не переставалъ еще быть вооруженнымъ купцомъ. Данью онъ дѣлился со своею дружиной, которая составляла его правительственное орудіе. Этотъ классъ дѣйствовалъ, какъ главный рычагъ, въ томъ и другомъ оборотѣ, политическомъ и экономическомъ: зимой онъ правилъ, ходилъ по людямъ, побирался, а лѣтомъ торговалъ тѣмъ, что собралъ въ продолженіе зимы. Въ томъ же разсказѣ Константина живо обрисовывается и централизующее значеніе Кіева, какъ средоточія политической и хозяйственной жизни Руси. Такъ устроялась внутренняя политическая жизнь въ Кіевскомъ княжествѣ IX и X

вв. Легко замѣтить основной интересъ, руководившій этой жизнью. Дань, шедшая князю, питала внѣшнюю торговлю Руси. Этотъ же основной общественный интересъ направлялъ и внѣшнюю дѣятельность Кіевскихъ князей. Дѣятельность эта была направлена къ двумъ цѣлямъ: 1) къ пріобрѣтенію и поддержанію заморскихъ рынковъ, 2) къ расчисткѣ и охранѣ торговыхъ путей, которые вели къ этимъ рынкамъ. Самымъ виднымъ явленіемъ во внѣшней исторіи Руси до половины XI в. были военные походы кіевскихъ князей на Царьградъ. До смерти Ярослава ихъ можно насчитать шесть, если не считать похода Владиміра на византійскую колонію Херсонесъ Таврическій. Достаточно видѣть причину перваго и послѣдняго изъ этихъ походовъ, чтобы замѣтить одно общее побужденіе, которымъ были вызваны всѣ они. Въ 865 году Аскольдъ и Диръ напали на Царьградъ, раздраженные, по словамъ патріарха Фотія, умерщвленіемъ своихъ соплеменниковъ, очевидно, русскихъ купцовъ, послѣ того какъ византійское правительство отказало Руси въ удовлетвореніи за эту обиду. Въ 1043 году князь кіевскій Ярославъ послалъ на Грековъ своего сына съ флотомъ, потому что въ Константинополѣ избили русскихъ купцовъ и одного изъ нихъ убили... Итакъ всѣ эти походы вызваны были стремленіемъ поддержать или возстановить прервавшіяся торговыя сношенія Руси съ Византіей. Вотъ почему эти походы обыкновенно оканчивались торговыми трактатами. Характеръ такихъ трактатовъ имѣютъ всѣ дошедшіе до насъ договоры Руси съ Греками X в. Изъ нихъ дошли до насъ два договора Олега, одинъ Игоревъ и одинъ договоръ или только отрывокъ договора Святославова. Читая эти договоры, легко замѣтить, какой интересъ связывалъ Русь съ Византіей. Всего подробнѣе и точнѣе опредѣленъ въ нихъ порядокъ ежегодныхъ торговыхъ сношеній Руси съ Византіей; съ этой стороны они отличаются замѣчательной вы-

работкой международнаго права. Ежегодно торговцы Руси являлись въ Константинополь лѣтомъ на торговый сезонъ, продолжавшійся шесть мѣсяцевъ: никто не имѣлъ права оставаться въ Константинополѣ на зиму. Русскіе купцы останавливались въ предмѣстьѣ Константинополя у святаго Мамы (давно исчезнувшій монастырь св. Маманта). Императорскіе чиновники отбирали у прибывшихъ купцовъ княжескую грамоту съ обозначеніемъ числа посланныхъ изъ Кіева кораблей, переписывали имена прибывшихъ княжескихъ пословъ и гостей. Эти послы и гости во время всего своего пребыванія въ Константинополѣ пользовались отъ мѣстнаго правительства даровой баней и даровымъ кормомъ — знакъ, что на эти торговые караваны въ Константинополѣ смотрѣли не какъ на частныя промышленныя предпріятія, а какъ на торговыя посольства кіевскаго правительства. Послы получали свои посольскіе оклады, а простые купцы «мѣсячину», мѣсячный кормъ, который имъ раздавался въ извѣстномъ порядкѣ городовъ, сначала Кіевскимъ, потомъ Черниговскимъ, Переяславскимъ, Смоленскимъ. Такой порядокъ торговыхъ сношеній Руси съ Византіей установленъ былъ договорами Олега и Игоря.

Другой заботой кіевскихъ князей была поддержка и охраненіе торговыхъ путей, которые вели къ заморскимъ рынкамъ. Тотъ же императоръ Константинъ ярко рисуетъ опасности, которыя долженъ былъ одолѣвать русскій торговый флотъ на своемъ пути въ Византію. Собранные на Днѣпрѣ подъ Кіевомъ караваны княжескихъ, боярскихъ и купеческихъ лодокъ двигались вмѣстѣ къ порогамъ. Приближаясь къ нимъ, Русь высаживалась на берегъ и выдвигала въ степь вооруженные отряды, которые не допускали бы Печенѣговъ до рѣки: съ высокаго днѣпровскаго берега легко было перестрѣлять весь экипажъ торговыхъ лодокъ. Выплывши благополучно въ устья

Днѣпра, Русь приносила благодарственную жертву своимъ богамъ и, держась берега, двигалась моремъ. Приближаясь къ устьямъ Дуная, караванъ опять высылалъ на берегъ сторожевой отрядъ, чтобы отбить поджидавшихъ здѣсь Печенѣговъ. Тѣмъ же порядкомъ отъ устьевъ Дуная караванъ вдоль береговъ двигался къ Константинополю. Читая подробное описаніе этихъ русскихъ путешествій у императора, живо чувствуешь, для чего нужна была русской торговлѣ вооруженная охрана при движеніи русскихъ купцовъ къ Константинополю.

Но засаривая степныя дороги русской торговли, кочевники безпокоили и самыя границы Русской земли. Отсюда третья забота русскихъ князей ограждать и оборонять предѣлы Руси отъ степныхъ варваровъ; эта забота съ теченіемъ времени становится даже господствующей въ политикѣ кіевскихъ князей, благодаря все усиливавшемуся напору степныхъ кочевниковъ. Олегъ, по разсказу Повѣсти о началѣ Русской земли, какъ только утвердился въ Кіевѣ, началъ города ставить вокругъ него. Владиміръ, ставъ христіаниномъ, сказалъ: «худо, что мало городовъ около Кіева», и началъ строить города по рѣкамъ Деснѣ, Трубежу, Стугнѣ, Сулѣ и другимъ. Эти укрѣпленные пункты заселялись боевыми людьми, которые вербовались изъ разныхъ племенъ, славянскихъ и финскихъ, населявшихъ русскую равнину. Съ теченіемъ времени эти укрѣпленныя мѣста соединялись между собою валами и засѣками. Такъ по южнымъ и юго-восточнымъ границамъ тогдашней Руси; на правой и лѣвой сторонѣ Днѣпра выведены были въ X и XI вв. ряды земляныхъ окоповъ и сторожевыхъ «заставъ», городковъ, чтобы сдерживать нападенія кочевниковъ. Все княженіе Владиміра прошло въ упорной борьбѣ съ Печенѣгами, которые раскинулись по обѣимъ сторонамъ нижняго Днѣпра восемью ордами, дѣлившимися каждая на пять колѣнъ. Около половины X вѣка, по свидѣтельству Константина

Багрянороднаго, передовыя кибитки Печенѣговъ начинались на разстояніи лишь одного дня пути отъ Кіева, т.е. верстахъ въ 40 отъ него. Въ началѣ XI вѣка мы встрѣчаемъ указаніе на успѣхъ борьбы Руси со степью. Въ 1006–7 году чрезъ Кіевъ проѣзжалъ нѣмецкій миссіонеръ Бруно, направляясь къ Печенѣгамъ для проповѣди Евангелія. Онъ остановился погостить у князя Владиміра, котораго въ письмѣ къ императору Генриху II называетъ сеньоромъ Руссовъ. Князь Владиміръ уговаривалъ миссіонера не ѣздить къ Печенѣгамъ, говоря, что у нихъ онъ не найдетъ душъ для спасенія, а скорѣе самъ погибнетъ позорною смертью. Князь не могъ уговорить Бруно и вызвался проводить его до границъ своей земли, которыя онъ со всѣхъ сторонъ оградилъ крѣпкимъ частоколомъ на весьма большомъ протяженіи, по причинѣ скитающихся около нихъ непріятелей. Въ одномъ мѣстѣ князь Владиміръ провелъ нѣмцевъ воротами чрезъ эту линію укрѣпленій и, остановившись на сторожевомъ степномъ холмѣ, послалъ сказать имъ: «вотъ я довелъ васъ до мѣста, гдѣ кончается моя земля и начинается непріятельская». Весь этотъ путь отъ Кіева до границы пройденъ былъ въ два дня. Мы замѣтили выше, что въ половинѣ X вѣка печенѣжскія кибитки появлялись въ разстояніи одного дня пути отъ Кіева. Значитъ въ продолженіе полувѣковой упорной борьбы Русь успѣла пробиться въ степь на одинъ день пути, т.е. отвоевать еще верстъ 40, а великій князь Ярославъ ставилъ города еще южнѣе по рѣкѣ Роси.

Такъ первые кіевскіе князья продолжали начавшуюся еще до нихъ дѣятельность вооруженныхъ и торговыхъ городовъ Руси, поддерживая сношенія съ приморскими рынками, охраняя торговые пути и границы Руси отъ степныхъ ея сосѣдей

Русская земля въ половинѣ XI вѣка.

Описавши дѣятельность первыхъ кіевскихъ князей, све-

делъ ея результаты; бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе Руси около половины XI вѣка. Своимъ мечемъ первые кіевскіе князья очертили довольно широкій кругъ земель политическимъ центромъ котораго былъ Кіевъ. Населеніе этой территоріи было довольно пестрое: въ составъ ея постепенно вошли не только всѣ восточныя славянскія племена, но и нѣкоторыя изъ финскихъ: Чудь прибалтійская, Весь бѣлозерская, Меря ростовская и Мурома по Окѣ. Среди этихъ инородческихъ племенъ рано появились русскіе города. Такъ среди прибалтійской Чуди при Ярославѣ возникъ Юрьевъ (Дерптъ); еще раньше являются правительственныя русскія средоточія среди финскихъ племенъ на Востокѣ, среди Муромы, Мери и Веси, Муромъ, Ростовъ и Бѣлозерскъ. Ярославъ построилъ еще на берегу Волги городъ, названный по его княжескому имени Ярославлемъ. Русская территорія такимъ образомъ простиралась отъ Ладожскаго озера до устьевъ рѣки Роси, праваго притока Днѣпра; съ Востока на Западъ она шла отъ устья Клязьмы до верхняго теченія Западнаго Буга, гдѣ при кн. Владимірѣ возникъ г. Владиміръ. Страна древнихъ Хорватовъ — Галиція была въ X и XI вв. спорнымъ краемъ, переходившимъ между Польшей и Русью изъ рукъ въ руки. Нижнее теченіе рѣки Оки, которая была восточной границею Руси, какъ и низовья южныхъ рѣкъ: Днѣпра, Южнаго Буга и Днѣстра лежали повидимому внѣ власти кіевскаго князя.

Разноплеменное населеніе, занимавшее всю эту территорію, вошло въ составъ Кіевскаго княжества или Русскаго государства. Но это Русское государство еще не было государствомъ Русскаго народа, потому что еще не существовало самаго этого народа: къ половинѣ XI вѣка были готовы только элементы, изъ которыхъ потомъ долгимъ и труднымъ процессомъ выработается русская народность. Всѣ эти разноплеменные элементы пока были соединены

чисто механически; связь нравственная, христіанство распространялось медленно и не успѣло еще захватить даже всѣхъ славянскихъ племенъ Русской земли: такъ Вятичи не были христіанами еще въ началѣ XII вѣка. Главной механической связью частей населенія Русской земли была княжеская администрація съ ея посадниками, данями и пошлинами. Во главѣ этой администраціи стоялъ князь Кіевскій. Намъ уже извѣстенъ характеръ его власти, какъ и ея происхожденіе: это былъ первоначально наемный вооруженный сторожъ Руси и ея торговли, ея степныхъ торговыхъ путей и заморскихъ рынковъ, за что и получалъ кормъ съ населенія. Онъ вышелъ изъ среды тѣхъ конунговъ, вождей военно промышленныхъ компаній, которые стали появляться на Руси въ IX вѣкѣ. Столкновеніе съ чуждыми политическими формами клало заимствованныя черты на власть этихъ наемныхъ военныхъ сторожей: такъ въ X вѣкѣ наши князья любили величаться «коганами». Русскій митрополитъ Иларіонъ, писавшій въ половинѣ XI вѣка, въ похвальномъ словѣ Владиміру Святому даетъ даже этому князю хазарскій титулъ кагана. Вмѣстѣ съ христіанствомъ стала проникать на Русь струя новыхъ политическихъ понятій. На кіевскаго князя духовенство стало переносить византійское понятіе о государѣ, поставленномъ отъ Бога для поддержанія общественнаго порядка. Тотъ же митрополитъ Иларіонъ пишетъ, что князь Владиміръ «часто съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ епископами о томъ, какъ уставить законъ среди людей, недавно познавшихъ Господа». И разсказъ начальнаго лѣтописнаго свода выводитъ Владиміра въ совѣтѣ съ епископами, которые внушаютъ ему мысль о необходимости князю казнить разбойниковъ, потому что онъ поставленъ отъ Бога казнить злыхъ и миловать добрыхъ.

Теперь бросимъ взглядъ на составъ русскаго общества, ко-

торымъ правилъ кіевскій князь. Высшимъ классомъ этого общества, съ которымъ князья раздѣляли труды управленія и защиты земли, была княжеская дружина. Она дѣлилась на высшую и низшую. Первая состояла изъ *княжихъ мужей* или *бояръ*, вторая изъ *дѣтскихъ* или *отроковъ*. Эта дружина вмѣстѣ со своимъ княземъ выдѣлилась, какъ мы знаемъ, изъ состава вооруженнаго купечества большихъ городовъ. Въ XI вѣкѣ она еще не отличалась отъ этого купечества рѣзкими чертами ни политическими, ни экономическими. Дружина княжеская составляла собственно военный классъ; но и большіе торговые города были устроены по военному, образовали каждый цѣльный организованный полкъ, называвшійся *тысячей*, которая подраздѣлялась на сотни и десятки, т.е. на батальоны и роты. Тысячью командовалъ выбиравшійся городомъ тысяцкій, сотнями и десятками также выборные сотскіе и десятскіе. Эти выборные командиры составляли военное управленіе города и принадлежавшей ему области, военно-правительственную старшину, которая называется въ лѣтописи «старцами градскими». Городовые полки, точнѣе говоря, вооруженные города принимали постоянное участіе въ походахъ князя наравнѣ съ его дружиной. Съ другой стороны, князь раздѣлялъ съ дружиной труды управленія: члены старшей дружины, бояре составляли думу князя, его государственный совѣтъ. Но если князь Владиміръ, по замѣчанію лѣтописи, думалъ съ дружиной о ратяхъ и о земскомъ строѣ, то въ этой дружинной и боярской думѣ рядомъ съ епископами сидѣли и «старцы градскіе», т.е. выборныя военныя власти города, тысяцкіе и сотскіе. Такъ вопросъ о принятіи христіанства былъ рѣшенъ княземъ по совѣту съ боярами и «старцами градскими». Составляя военно-правительственный классъ, княжеская дружина въ то же время оставалась еще во главѣ русскаго купечества;

принимала дѣятельное участіе въ заморской торговлѣ.
Стороннему наблюдателю оба эти класса, княжеская дружина и городское купечество представлялись однимъ общественнымъ слоемъ, который носилъ общее названіе Руси и по замѣчанію восточныхъ писателей занимался исключительно торговлей, не имѣлъ ни деревень, ни пашенъ, т.е. не успѣлъ еще сдѣлаться землевладѣльческимъ классомъ. Слѣды землевладѣнія у служилыхъ людей появляются нѣсколько позднѣе, уже въ XII столѣтіи; оно впервые и провело рѣзкую экономическую грань между княжеской дружиной и городовымъ купечествомъ. Но если княжеская дружина въ XI вѣкѣ еще не успѣла рѣзко отдѣлиться отъ городскаго купечества ни политически, ни экономически, то можно замѣтить между ними различіе этнографическое. Княжеская дружина принимала въ свой составъ и туземныя силы, преимущественно изъ городской военно-правительственной старшины. Но по спискамъ кіевскихъ пословъ, заключавшихъ договоры съ Греками въ X вѣкѣ, можно видѣть, что рѣшительное большинство въ составѣ княжеской дружины принадлежало пришельцамъ заморскимъ, Варягамъ. Повидимому, варяжскій элементъ преобладалъ въ составѣ дружины еще и въ XI в. Русское общество того времени привыкло считать русскаго боярина варягомъ. Есть любопытный памятникъ, относящійся къ первымъ временамъ христіанства на Руси: это слова на св. четыредесятницу съ предшествующими ей недѣлями. Въ одномъ изъ этихъ несомнѣнно русскихъ произведеній, въ словѣ о смиреніи, мы читаемъ такую любопытную замѣтку проповѣдника: Ораторъ внушаетъ знати смиреніе, говоря: «не хвались родомъ, ты благородный, не говори: отецъ у меня бояринъ, а мученики Христовы братья мнѣ». Это намекъ на христіанъ-Варяговъ, отца съ сыномъ, пострадавшихъ отъ кіевскихъ язычниковъ при князѣ Владимірѣ въ 983 году.

Значитъ, русскому обществу XI в. бояринъ русскій представлялся непремѣнно родичемъ, земляком киевскихъ пришельцовъ Варяговъ. Княжеская дружина, служа орудіемъ администраціи въ рукахъ кіевскаго князя, торгуя вмѣстѣ съ купечествомъ большихъ городовъ, носила вмѣстѣ съ нимъ спеціальное названіе Руси. До сихъ поръ не объяснено ни историческое, ни этимологическое значеніе этого слова. По предположенію автора древней Повѣсти о Русской землѣ первоначальное значеніе его было племенное: такъ называлось то варяжское племя, изъ котораго вышли первые наши князья. Потомъ это слово получило сословное значеніе: Русью назывался высшій классъ русскаго общества, преимущественно княжеская дружина. Позднѣе это слово получило географическое значеніе: такъ называлась Кіевская область, гдѣ преимущественно сосредоточивались пришлые Варяги. Наконецъ въ XI—XII в. слово это является съ значеніемъ политическимъ: такъ стала называться вся территорія, подвластная русскимъ князьямъ. Отъ этого смѣшаннаго высшаго класса, военнаго и промышленнаго, называвшагося Русью, въ X и XI в.в. отличалось туземное низшее населеніе, славянское простонародье, платившее дань Руси.

Въ такихъ чертахъ представляется намъ состояніе Русской земли около половины XI вѣка. Изъ этого состоянія вышли всѣ дальнѣйшія явленія изучаемаго періода нашей исторіи, развились всѣ тѣ факты, изъ совокупности которыхъ составился политическій и гражданскій порядокъ, существовавшій на Руси съ половины XI до конца XII в., перваго періода нашей исторіи. Переходимъ къ изученію этого порядка. Прежде всего изучимъ факты политическіе, т.е. порядокъ княжескаго владѣнія, установившійся на Руси по смерти Ярослава.

Русская земля въ XI—XII в.

Порядокъ княжескаго владѣнія. Довольно трудно сказать, какой порядокъ княжескаго владѣнія существовалъ на Руси при предшественникахъ Ярослава. Иногда власть какъ будто переходила отъ одного князя къ другому по старшинству. Такъ преемникомъ Рюрика былъ не малолѣтній сынъ его Игорь, а родственникъ Олегъ, по преданію его племянникъ. Иногда всею землею правилъ одинъ князь; но это было только тогда, когда не было на лицо другихъ взрослыхъ князей. Слѣдовательно, единовластіе до половины XI в. было политическою случайностью, а не политическимъ порядкомъ. Какъ скоро у князя подростало нѣсколько сыновей, каждый изъ нихъ обыкновенно еще при жизни отца получалъ извѣстную область въ управленіе. Такъ Святославъ, собираясь во второй походъ на Дунай противъ Болгаръ, роздалъ волости на Руси тремъ своимъ сыновьямъ; точно также поступилъ съ своими сыновьями и Владиміръ. При отцѣ сыновья правили областями въ качествѣ его посадниковъ (намѣстниковъ) и, какъ посадники, платили со своихъ областей дань отцу. Такъ о Ярославѣ лѣтопись замѣчаетъ, что онъ, правя при отцѣ Новгородомъ, давалъ Владиміру ежегодную урочную дань по 2000 гривенъ: «такъ, прибавляетъ лѣтописецъ, и всѣ другіе посадники новгородскіе платили». Но когда умиралъ отецъ, тогда повидимому разрывались всѣ политическія связи между его сыновьями: политической зависимости младшихъ областныхъ князей отъ старшаго брата, садившагося послѣ отца въ Кіевѣ, незамѣтно. Впрочемъ мелькаетъ неясная мысль о правѣ старшинства. Мысль эту высказалъ о-

динъ изъ сыновей Владиміра князь Борисъ. Когда ему по смерти отца, дружина совѣтовала занять Кіевскій столъ помимо старшаго брата Святополка, Борисъ отвѣчалъ: «не буди мнѣ възняти руки на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то сь ми буди во отца мѣсто». По смерти Ярослава власть надъ Русской землей не сосредоточивается въ однихъ рукахъ. Единовластіе, имѣвшее иногда мѣсто до Ярослава, не повторяется: родъ Ярослава размножается все больше

и земля Русская дѣлится между всѣми наличными князьями. Посмотримъ прежде всего, какъ раздѣлилась Русская земля между Ярославичами тотчасъ по смерти Ярослава. Ихъ было тогда на лицо шестеро: пять сыновей Ярослава и одинъ внукъ Ростиславъ отъ старшаго Ярославова сына Владиміра, умершаго еще при жизни отца. Мы не считаемъ раньше выдѣлившихся князей Полоцкихъ, потомковъ старшаго Ярославова брата Изяслава, Владимірова сына отъ Рогнѣды. Старшій Ярославичъ Изяславъ сѣлъ въ Кіевѣ, присоединивъ къ нему и Новгородскую волость: значитъ, въ его рукахъ были оба конца рѣчного пути «изъ Варягъ въ Греки». Второму сыну Ярослава Святославу досталась область Днѣпровскаго притока Десны, земля Черниговская съ отдаленной Муромо-Рязанской окраиной и съ Азовской колоніей Руси Тмутараканью, возникшей на мѣстѣ старой византійской колоніи Таматарха (Тамань). Третій Ярославичъ Всеволодъ сѣлъ въ Переяславлѣ Южномъ (нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи) и получилъ въ прибавокъ къ этой волости отдаленный край Суздальскій и Бѣлозерскій по верхнему Поволжью. Четвертый - Вячеславъ сѣлъ въ Смоленскѣ, пятый - Игорь на Волыни, гдѣ правительственнымъ центромъ сталъ построенный при Владимірѣ городъ Владиміръ на Западномъ Бугѣ. Сирота племян-

никъ получилъ отъ дядей отдаленный Ростовскій край среди владѣній Всеволода Переяславскаго и Святослава Черниговскаго. Легко замѣтить двойное соображеніе, какимъ руководились Ярославичи при такомъ распредѣленіи Русской земли между собою: они распредѣлили части Русской земли между собою по своему относительному старшинству и по сравнительной доходности этихъ частей. Чѣмъ старше былъ князь, тѣмъ лучше и богаче волость ему доставалась. Раздѣлъ, слѣдовательно, основанъ былъ на согласованіи порядка старшинства князей съ экономическимъ значеніемъ волостей. Любопытно, что главные города областей по распредѣленію Ярославичей слѣдуютъ другъ за другомъ совершенно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ перечислялись эти города въ договорахъ съ Греками по своему политическому и экономическому значенію: Кіевъ въ XI в. былъ средоточіемъ русской торговли и богатѣйшимъ городомъ Руси. Можно найти много прямыхъ указаній на это своихъ и чужихъ. Иностранцы XI в. склонны были даже преувеличивать богатство и населенность Кіева. Писатель самаго начала XI в. Титмаръ Мерзебургскій считаетъ Кіевъ чрезвычайно большимъ и красивымъ городомъ, въ которомъ около 400 церквей и 8 рынковъ. Другой западный писатель того же вѣка Адамъ Бременскій называетъ Кіевъ соперникомъ Константинополя, «блестящимъ украшеніемъ Греціи», т. е. православнаго Востока. За Кіевомъ по своему богатству и значенію слѣдовалъ Черниговъ, за послѣднимъ Переяславль и т. д. Итакъ Ярославичи раздѣлили между собою землю своего отца и дѣда по степени старшинства каждаго изъ своей среды и по доходности областей. Какъ они владѣли Русской землею при дальнѣйшихъ перемѣнахъ въ наличномъ составѣ князей? Въ 1057 г. умеръ четвертый Ярославичъ — Вячеславъ

Смоленскій, оставивши сына. Старшіе Ярославичи перевели въ Смоленскъ Игоря съ Волыни, а на его мѣсто въ Волынь перевели изъ Ростова племянника Ростислава. Въ 1060 г. умеръ младшій Ярославичъ Игорь Смоленскій, оставивши сыновей. Старшіе братья не отдали Смоленска ни этимъ сыновьямъ, ни Ростиславу. Послѣдній однако, считая себя вправѣ перемѣститься по очереди съ Волыни въ Смоленскъ, осердился на дядей и убѣжалъ въ Тмутаракань собирать силы для мести. Въ 1073 г. младшіе Ярославичи, Святославъ и Всеволодъ, заподозрили старшаго брата, Изяслава, въ какихъ то козняхъ, направленныхъ противъ братьевъ, и выгнали его изъ Кіева. Тогда въ Кіевѣ сѣлъ Святославъ, а въ Черниговъ на его мѣсто перешелъ Всеволодъ. Въ 1076 г. Святославъ умеръ; на его мѣсто изъ Чернигова перешелъ Всеволодъ. Но скоро Изяславъ вернулся на Русь съ польской помощью. Тогда Всеволодъ уступилъ ему Кіевъ и воротился въ Черниговъ. По смерти Изяслава въ 1078 г. Всеволодъ, единственный изъ сыновей Ярослава оставшійся въ живыхъ, снова перемѣстился на старшій столъ въ Кіевъ. Въ 1093 г. умеръ Всеволодъ. На сцену теперь выступаетъ второе поколѣніе Ярославичей, внуки Ярослава, и на кіевскій столъ сѣлъ сынъ старшаго Ярославича, Святополкъ Изяславичъ. Достаточно перечисленныхъ случаевъ, чтобы видѣть, какой порядокъ владѣнія установился между Ярославичами. Они не являются постоянными, неподвижными властителями областей, доставшихся имъ по раздѣлу: съ каждой перемѣной въ наличномъ составѣ княжеской семьи они передвигались изъ волости въ волость. Это передвиженіе слѣдовало извѣстной очереди, совершалось по порядку старшинства князей. Въ этой очереди выражалась мысль о нераздѣльности княжескаго владѣнія Русской землей: Ярославичи владѣли ею, не раздѣляясь,

а чередуясь. Очередь, устанавливаемая взаимными отношеніями князей по старшинству и выражавшая мысль о нераздѣльности владѣнія остается по понятіямъ князей основаніемъ порядка княжескаго владѣнія вплоть до конца XII в. Въ продолженіе всего этого вѣка князья не переставали выражать мысль, что вся совокупность ихъ, весь родъ Ярослава долженъ владѣть наслѣдіемъ отцовъ нераздѣльно, сообща. Въ 1195 г. Мономаховичъ Смоленскій князь Рюрикъ съ братьями, признавъ старшинство въ своей линіи за Всеволодомъ III Суздальскимъ, обратились къ Черниговскому князю Ярославу съ такимъ требованіемъ: «цѣлуй намъ крестъ со всею своею братіею, что не искать вамъ Кіева и Смоленска подъ нами и подъ нашими дѣтьми и всѣмъ нашимъ Владиміровымъ племенемъ: дѣдъ нашъ Ярославъ раздѣлилъ насъ Днѣпромъ, потому вамъ и не подобаетъ искать Кіева». Рюрикъ выдумалъ небывалый раздѣлъ: Ярославъ никогда не дѣлилъ сыновей своихъ Всеволода и Святослава Днѣпромъ; оба эти сына получили области на восточной сторонѣ Днѣпра. Такъ какъ это требованіе Рюрика было внушено ему главой линіи Всеволодомъ Суздальскимъ, то съ отвѣтомъ на это требованіе Ярославъ Черниговскій обратился прямо къ Всеволоду III, пославъ сказать ему: «у насъ былъ уговоръ не искать Кіева подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ; мы и стоимъ на этомъ уговорѣ; но если ты велишь намъ отказаться отъ Кіева навсегда, то вѣдь мы не Угры и не Ляхи, а единаго дѣда внуки: при вашемъ животѣ не ищемъ Кіева, а послѣ — кому Богъ дастъ». Итакъ еще въ концѣ XII столѣтія князья ясно выражаютъ мысль о порядкѣ владѣнія, основанномъ на единствѣ княжескаго рода и нераздѣльности отчаго и дѣдовскаго достоянія князей.

Такой своеобразный порядокъ княжескаго владѣнія установился на Руси по смерти Ярослава. Изложимъ его въ возможно простѣйшей схемѣ. Ярославичи не дѣлили

владѣній отцовъ и дѣдовъ на постоянныя доли и не передавали доставшихся каждому долей своимъ сыновьямъ. Они были подвижными владѣльцами, которые передвигались изъ волости въ волость по извѣстной очереди. Очередь эта основывалась на извѣстность

измѣнчивость соотношенія наличнаго числа князей къ количеству волостей Русской земли. Всѣ наличные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лѣствицу. Точно также вся Русская земля представляла лѣствицу областей по степени ихъ значенія и доходности. Порядокъ княжескаго владѣнія основывался на точномъ соотвѣтствіи ступеней обѣихъ этихъ лѣствицъ, генеалогической и географической лѣствицы, лѣствицы лицъ и лѣствицы областей. На верху лѣствицы лицъ стоялъ старшій изъ наличныхъ князей князь Кіевскій. Это старшинство давало ему кромѣ обладанія лучшей волостью извѣстныя права надъ младшими родичами. Онъ носилъ званіе великаго князя, названнаго отца; онъ судилъ младшихъ родичей, «которые ходили въ его послушаніи», разбиралъ между ними ссоры, заботился объ ихъ осиротѣлыхъ семьяхъ, былъ высшій попечитель Русской земли, «думалъ и гадалъ о Русской землѣ», о чести своей и своихъ родичей. Но руководя Русью и родичами своими, великій князь въ болѣе важныхъ случаяхъ дѣйствовалъ не одинъ, а собиралъ князей на общій совѣтъ, заботился объ исполненіи постановленій этого родственнаго совѣта, вообще дѣйствовалъ, какъ представитель и исполнитель воли всего княжескаго рода. Если я не ошибаюсь, нигдѣ болѣе въ исторіи мы не имѣемъ возможности наблюдать столь причудливый политическій порядокъ. Теперь попытаемся объяснить его происхожденіе.

Происхожденіе этого порядка. Описанный порядокъ кня

жескаго владѣнія имѣлъ довольно сложное происхожденія. Въ основаніи его легло родовое право старшинства. Родовое право, со времени разселенія восточныхъ Славянъ поколебавшееся въ частномъ гражданскомъ общежитіи, теперь стало основаніемъ политическаго порядка. Но этимъ правомъ не все объясняется въ указанномъ подвижномъ порядкѣ владѣнія. И на Западѣ, особенно у Славянъ въ началѣ ихъ государственной жизни, дѣйствовало право старшинства при участіи всѣхъ родичей во владѣніи; и тамъ иногда государи дѣлили свои владѣнія между сыновьями, подчиняя младшихъ власти старшаго. Но тамъ разъ раздѣлившіеся совладѣльцы, не мѣняясь владѣніями, устанавливали скоро наслѣдованіе въ прямой нисходящей линіи. Тамъ изъ права старшинства при участіи всѣхъ родичей во владѣніи не развивался такой подвижной порядокъ владѣльческихъ отношеній, какой старались установить у насъ Ярославичи. Слѣдовательно, у насъ дѣйствовали на ряду съ родовымъ правомъ старшинства еще другія, такъ сказать, вспомогательныя условія. Эти именно условія и создали самую характеристическую особенность дѣйствовавшаго у насъ порядка владѣнія, его подвижность. Условія эти заключались въ своеобразномъ

сочетаніи политическихъ понятій и привычекъ нашихъ князей съ экономическимъ положеніемъ страны. Постоянное владѣніе предполагаетъ уже готовое понятіе о владѣльцѣ, имѣющимъ постоянныя связи съ владѣемой территоріей. Такого понятія незамѣтно или оно только что зарождалось среди русскихъ князей XI в. Они еще оставались тѣмъ же, чѣмъ были ихъ предки IX в., рѣчными викингами-витязями, которыхъ шедшія изъ степи опасности едва заставили пересѣсть съ рѣчной лодки на коня. Они видѣли въ себѣ не столько владѣтелей и правителей русской территоріи, скол-

ко руководителей и охранителей русскаго торга и военныхъ сторожей русскихъ границъ. За эти оборонительныя услуги они получали съ земли вознагражденіе, кормъ въ видѣ налоговъ, полюдій и пошлинъ судебныхъ и торговыхъ. Этотъ кормъ былъ ихъ политическимъ правомъ, эта оборона земли и торга ихъ политическою обязанностью, служившей источникомъ этого права. Таковы два элемента, входившіе въ составъ понятія о русскомъ князѣ-владѣльцѣ XI в., составлявшіе его политическую физіономію. И Ярославичи, какъ ихъ предки IX в., вожди военно-промышленныхъ варяжскихъ компаній, соперничали другъ съ другомъ за богатые города и въ этомъ соперничествѣ переходили изъ города въ городъ; только теперь составляя тѣсный родственный кругъ, а не толпу случайно встрѣтившихся искателей торговаго барыша и сытаго корма, они старались замѣнить случайное и безпорядочное дѣйствіе личной удали или личной удачи обязательнымъ правомъ старшинства, какъ постояннымъ правиломъ. Правда, при нормальномъ положеніи страны такія владѣльческія понятія и привычки князей, унаслѣдованныя отъ предковъ, не помѣшали бы имъ скоро превратиться изъ бродячихъ сторожей Русской земли въ осѣдлыхъ территоріальныхъ владѣльцевъ ея областей. Если бы благосостояніе каждой области зависѣло исключительно отъ ея внутреннихъ экономическихъ средствъ, Ярославичи, разъ раздѣлившись, занялись бы каждый въ своей долѣ эксплуатаціей этихъ средствъ, установили наиболѣе выгодную администрацію и систему обороны своихъ территорій и, работая уединенно въ своихъ территоріяхъ, привыкли бы считать ихъ своими постоянными частными владѣніями и передавать ихъ своимъ дѣтямъ. Нѣсколько позднѣе на другой почвѣ мы встрѣтимся съ подобнымъ процессомъ

въ нашей исторіи. Но въ днѣпровской Руси XI и XII в. описанныя понятія и привычки князей встрѣтились съ такими условіями народнаго хозяйства, которыя помогали такому превращенію. Экономическая жизнь Руси была слишкомъ сосредоточена. Всѣ области этой Руси были богаты пушнымъ звѣремъ, медомъ и воскомъ; но цѣна этихъ богатствъ зависѣла отъ спроса на заграничныхъ рынкахъ, а спросъ былъ возможенъ, когда были чисты* торговые пути, шедшіе къ этимъ рынкамъ отъ Чернигова, Переяславля, преимущественно отъ Кіева. Малѣйшее засореніе этихъ путей болѣзненно отзывалось въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ русскаго промышленнаго міра. Въ этомъ отношеніи днѣпровская Русь была похожа на нервный организмъ, который былъ обращенъ головою-Кіевомъ въ степь, на встрѣчу вражескимъ ударамъ, и былъ сцѣпленъ сѣтью артерій и нервовъ, шедшей отъ этой головы въ видѣ Днѣпра съ его притоками. При такомъ состояніи народнаго хозяйства невозможна была уединенная правительственная дѣятельность князей въ своихъ областяхъ. Они должны были защищать землю общими силами, направляя ихъ на болѣе угрожаемые пункты, на южныя границы. Князь, сидѣвшій въ Новгородѣ или Смоленскѣ постоянно смотрѣлъ въ ту же далекую степь, отъ которой не отводилъ глазъ его южный родичъ, князь переяславскій или курскій, потому что благосостояніе и сѣверныхъ областей въ значительной степени зависѣло отъ безопасности южныхъ границъ земли и пролегавшихъ по степи торговыхъ путей. Необходимость защищать страну общими силами вмѣстѣ съ оживымъ чувствомъ родства не позволяла первымъ Ярославичамъ раздѣлить между собою землю на постоянныя наслѣдственныя части, поддерживала въ нихъ мысль о нераздѣльности вла—

*Пропущено: степные

дѣнія отцовскимъ и дѣдовскимъ достояніемъ. Но при тѣсной экономической связи областей не всѣ онѣ одинаково подвергались внѣшнимъ опасностямъ: въ этомъ отношеніи наиболѣе страдали южныя области. Случилось такъ, что наиболѣе угрожаемыя области были и наиболѣе богатыя, доходныя для князей. Экономическое благосостояніе каждой области опредѣлялось ея географическимъ положеніемъ, именно близостью къ Кіеву, къ главнымъ рѣчнымъ путямъ страны и къ приморскимъ рынкамъ, т. е. близостью къ степи, которая грозила Руси наибольшими внѣшними опасностями. Такое своеобразное сочетаніе стратегическаго и экономическаго значенія областей и указала князьямъ самый порядокъ общаго нераздѣльнаго владѣнія. Если бы оба эти значенія областей не были связаны одно съ другимъ, если бы наиболѣе богатыми были области наименѣе опасныя, а наиболѣе угрожаемыми наименѣе зажиточныя, то старшіе Ярославичи постарались бы по праву старшинства захватить наиболѣе богатыя области, предоставивъ младшимъ наиболѣе опасныя. Тогда установился бы рядъ постоянныхъ наслѣдственныхъ владѣній, между которыми, при господствѣ мысли о старшинствѣ владѣтелей, могли сохраниться нѣкоторыя связи: они могли образовать федерацію, въ которой взаимныя отношенія союзныхъ владѣтелей въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ опредѣлились старшинствомъ ихъ родоначальниковъ, т. е. сыновей Ярослава; по числу послѣднихъ родъ княжескій распался бы на нѣсколько генеалогическихъ линій, и въ каждомъ поколѣніи старшимъ княземъ считался бы старшій представитель линіи старшаго Ярославича Изяслава. Это было бы неподвижное старшинство, связанное съ одной линіей Ярославова рода. Но указанная встрѣча условій, опредѣлявшая экономическое и стратеги-

ческое положеніе областей, не позволила установиться такому порядку. Общій интересъ князей требовалъ, чтобы оборона и обладаніе наиболѣе угрожаемой областью доставались тому изъ нихъ, который имѣлъ наиболѣе права на ея богатство и наиболѣе средствъ оборонять ее. Эти права и средства связаны были со старшинствомъ личнымъ. Старшій изъ наличныхъ князей былъ наиболѣе способенъ оборонять наиболѣе опасную область: чѣмъ старше былъ князь, тѣмъ большую наживалъ онъ дружину; со старшинствомъ личнымъ связанъ былъ правительственный и военный авторитетъ князя; старшаго князя больше слушались, больше боялись. Но старшинство личное переходчиво: со смертію каждаго старшаго оно должно было переходить съ князя одной линіи на князя другой, съ Изяславича на Святославича или Всеволодовича и обратно, смотря по случайностямъ рожденій и смертей. Вмѣстѣ съ этими переходами личнаго старшинства и наличные князья по порядку его должны были переходить изъ одной менѣе угрожаемой и богатой волости въ другую болѣе опасную и болѣе богатую.

Итакъ тѣсная экономическая солидарность областей при тѣсной родственной связи князей поддерживала нераздѣльность княжескаго владѣнія, господствовавшія между князьями политическія понятія положили въ основаніе ихъ владѣльческихъ отношеній мысль о родовомъ старшинствѣ, сочетаніе экономическаго значенія областей со стратегическимъ сообщило этому старшинству личный подвижной характеръ, а такой характеръ старшинства, при содѣйствіи унаслѣдованныхъ Ярославичами владѣльческихъ привычекъ ввелъ въ нераздѣльное владѣніе передвижку по измѣнчивой очереди личнаго старшинства. Въ совокупности такихъ элементовъ и сложился очередной или подвижной порядокъ княжескаго

владѣнія въ XI и XII в.в. Таково значеніе высказаннаго выше положенія, что очередной порядокъ княжескаго владѣнія вышелъ изъ своеобразнаго сочетанія политическихъ понятій и привычекъ князя съ экономическимъ положеніемъ страны.

Условія, разрушавшія этотъ порядокъ. Указавъ происхожденіе этого порядка, изучимъ его дѣйствіе. Что такое былъ этотъ порядокъ? Былъ ли онъ политическимъ идеаломъ, носившимся только въ умахъ князей, или политической дѣйствительностью? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно различать общія основанія этого порядка и его детальное развитіе, т. е. приложеніе къ отдѣльнымъ случаямъ въ исторіи княжескихъ отношеній. Мы видѣли, что основаніями этого порядка были нераздѣльность Русской земли на постоянныя обособленныя княжескія владѣнія и передѣленіе областей между князьями по измѣнчивой очереди личнаго старшинства. Порядокъ владѣній, построенный на такихъ основаніяхъ Ярославичи до конца XII в. считали единственно правильнымъ и возможнымъ. Но первымъ поколѣніямъ Ярославичей представлялись ясными и безспорными только эти общія основанія порядка, которыми опредѣлялись простѣйшія отношенія, возможныя въ тѣсномъ кругу близкихъ родичей. По мѣрѣ того, какъ этотъ кругъ расширялся, а отношенія лицъ усложнялись и запутывались, возникали вопросы, рѣшеніе которыхъ не легко было извлечь изъ этихъ общихъ основаній. Тогда началась казуальная разработка этихъ послѣднихъ въ подробностяхъ. Примѣненіе основаній къ отдѣльнымъ случаямъ вызывало споры между князьями. Главнымъ источникомъ этихъ споровъ былъ вопросъ о способѣ опредѣленія личнаго старшинства князей, на которомъ основывалась очередь владѣнія. По смерти Ярослава, когда началъ

действовать очередной порядокъ, этотъ способъ не былъ еще достаточно усвоенъ его детьми. Отношенія старшинства представлялись имъ въ простѣйшей схемѣ, какую можно снять съ тѣснаго круга отца съ детьми: отецъ долженъ идти впереди сыновей, старшій братъ впереди младшихъ. Но эту схему стало трудно прилагать къ дальнѣйшимъ поколѣніямъ Ярославова рода, когда онъ размножился и распался на нѣсколько вѣтвей и появилось много сверстниковъ, когда трудно было распознать, кто кого былъ старше и насколько, кто кому какъ доводится. Во второй половинѣ XII в. трудно даже сосчитать по лѣтописи всѣхъ наличныхъ князей, и эти князья не близкіе родственники, а большею частью троюродные, четвероюродные, и Богъ знаетъ, какіе братья или племянники. Отсюда при каждой перемѣнѣ въ наличномъ составѣ княжескаго рода и рождались споры о порядкѣ старшинства. Укажемъ на одинъ спорный случай, наиболѣе часто возникавшій и ссорившій князей. Обыкновенно бывало, что дядя старше племянника; потому дядя и считался названнымъ отцомъ для племянника. Но по тогдашней привычкѣ князей жениться рано и умирать поздно, иной племянникъ былъ старше своего дяди. У Мономаха было 8 сыновей; пятый изъ нихъ Вячеславъ разъ сказалъ шестому Юрію Долгорукому: «я былъ уже бородатъ, когда ты родился». Старшій сынъ этого бородатаго брата могъ быть старше своего дяди Юрія Долгорукаго. Отсюда возникалъ вопросъ: кто выше на лѣствицѣ старшинства, младшій ли лѣтами дядя, или старшій возрастомъ племянникъ. Большая часть княжескихъ усобицъ XI и XII в.в. выходила именно изъ столкновеній племянниковъ съ дядьями. Князья не умѣли выработать способа точнаго опредѣленія старшинства, который разрѣшалъ бы всѣ спорные случаи въ ихъ генеалогическихъ отноше-

ніяхъ. Это неумѣніе и вызвало къ дѣйствію рядъ условій, разрушавшихъ очередной порядокъ владѣнія. Этими условіями были или послѣдствія, вытекавшія изъ самого порядка, либо препятствія, приходившія со стороны, но которыя не имѣли бы дѣйствія, еслибы князья умѣли всегда мирно опредѣлять свои владѣльческія отношенія. Перечисляемъ главныя изъ этихъ условій.

1). Ряды и усобицы князей. Возникавшие между князьями споры о старшинствѣ и порядкѣ владѣнія разрѣшались или «рядами», договорами князей на съѣздахъ, или, если соглашение не состоялось, оружіемъ, т.е. усобицами. Усобица была точно такимъ же способомъ рѣшенія политическихъ споровъ между князьями, какимъ служили тогда судебные поединки въ уголовныхъ или гражданскихъ тяжбахъ между частными лицами; поэтому вооруженная борьба князей за старшинство и называлась «судомъ Божіимъ». Таково значеніе княжескихъ «рядовъ» и усобицъ въ исторіи очередного порядка княжескаго владѣнія: цѣлью ихъ было возстановить дѣйствіе этого порядка, а не поставить на его мѣсто новый; но они вносили въ него элементы, противные его основаніямъ, условность соглашенія и случайность перевѣса силъ. Извѣстный князь пріобрѣталъ старшинство не потому, что онъ былъ въ самомъ дѣлѣ старшимъ, а потому, что его соглашались признавать старшимъ, или потому, что одолѣвалъ соперниковъ.

2) Мысль объ отчинѣ. Положеніе князя среди родичей, его политическая карьера опредѣлялась движеніемъ его отца по лѣствицѣ старшинства: чѣмъ выше поднимался отецъ на этой лѣствицѣ, тѣмъ выше могъ подняться на ней и его сынъ. Путь, пройденный отцемъ, становился политическимъ

достоянiемъ, достававшимся сыну отъ отца, его «отчиной». Такимъ образомъ отчина имѣла первоначально генеалогическое значенiе: подъ этимъ словомъ разумѣлось мѣсто, прiобрѣтенное отцомъ для сына среди родичей на лѣствицѣ старшинства. Въ силу такого значенiя сыновья должны были подниматься по этой лѣствицѣ и чередоваться во владѣнiи областями въ томъ порядкѣ, въ какомъ шли другъ за другомъ ихъ отцы. Но съ каждымъ поколѣнiемъ сыновьямъ становилось труднѣе повторять порядокъ отцовъ. Этому мѣшало уже одно то, что сыновей обыкновенно бывало больше, чѣмъ сколько было отцовъ. Благодаря этому затрудненiю отчина постепенно получила другое значенiе - территорiальное, которое облегчало распорядокъ владѣнiй между князьями: отчиною для сыновей стали считать область, которою владѣлъ отецъ. Такое значенiе отчины находило опору въ постановленiи одного княжескаго съѣзда. По смерти Всеволода Ярославича, когда Русью стали править Ярославовы внуки, между ними произошли споры о томъ, кому чѣмъ владѣть. На съѣздѣ въ Любечѣ (1097) они рѣшили, что каждый изъ нихъ долженъ «держать отчину свою», т.е. сыновья каждаго Ярославича должны владѣть тѣмъ, чѣмъ владѣлъ ихъ отецъ по Ярославову раздѣлу: Святополкъ Изяславичъ Кiевомъ, Святославичи Черниговомъ, Мономахъ Всеволодовичъ Переяславлемъ и т.д. Съ тѣхъ поръ по мѣрѣ распаденiя Ярославова рода на вѣтви каждая изъ нихъ все болѣе замыкалась въ одной изъ первоначальныхъ крупныхъ областей, на которыя раздѣлена была Русь по смерти Ярослава. Эти области и становились отчинами отдѣльныхъ линiй. Территорiальное значенiе отчины облегчало порядокъ владѣнiя князь-

ялъ, заштавившимся въ счетахъ о старшинствъ; но очевидно оно разрушало одно изъ оснований этого порядка неразд́ѣльность родоваго владѣнія; Русская земля распадалась на нѣсколько генеалогическихъ территорій или областей, которыми князья владѣли уже не по очереди старшинства.

3.) Выдѣленіе князей-изгоевъ. По генеалогическому значенію отчины сынъ проходилъ въ очередномъ порядкѣ владѣнія путь, пройденный его отцомъ. Но на этотъ путь онъ вступалъ только по смерти отца. Сынъ при жизни отца состоялъ при немъ, не имѣя самостоятельнаго положенія среди родичей. Если этотъ сынъ умиралъ раньше отца, то его собственныя дѣти, очевидно, оставались навсегда безъ всякаго положенія среди родичей. У нихъ не было никакой отчины, потому что отецъ умеръ прежде, чѣмъ занялъ какое нибудь самостоятельное мѣсто среди родичей. Такіе князья преждевременно осиротѣвшіе, т. е. лишавшіеся отцовъ еще при жизни дѣдовъ, назывались «изгоями». Они не могли участвовать въ очередномъ владѣніи, потому что у нихъ не было мѣста въ отчинной лѣстницѣ князей. Старшіе родичи выдѣляли изъ своей среды такихъ преждевременныхъ сиротъ, давали имъ извѣстныя волости въ постоянное владѣніе и лишали ихъ участія въ общемъ родовомъ порядкѣ владѣнія, выкидывали изъ очереди. Эти князья сироты становились отрѣзанными ломтями въ княжескомъ родѣ. Уже въ XI вѣкѣ являются владѣнія такихъ князей-изгоевъ. Въ такомъ положеніи являются дѣти старшаго Владимірова сына отъ Рогнѣды, князья Полоцкіе. Впослѣдствіи такими князьями-изгоями были дѣти упомянутаго выше Ростислава, отнявшіе у Польши города Червоной Руси и осно-

вавшіе особое княжество Галицкое. Въ XII столѣтіи изъ общаго очереднаго порядка владѣнія выдѣляются княжества: Муромо-Рязанское, доставшееся одному изъ Черниговскихъ князей, княжество Турово-Пинское на Припяти, отошедшее въ осиротѣлую линію старшаго Ярославова внука Святополка Изяславича, наконецъ княжество Городенское (Гродненское), ставшее постояннымъ владѣніемъ потомства Игоря Ярославича, котораго мы видѣли сперва на Волыни, а потомъ въ Смоленскѣ. Выдѣленіе князей изгоевъ изъ владѣльческой очереди было необходимо для поддержанія самой этой очереди, но оно очевидно съуживало кругъ мѣстъ и волостей, которыя захватывалъ очередной порядокъ владѣнія. Обратите вниманіе на географическое положеніе этихъ выдѣлившихся княжествъ, постоянно стѣснявшихъ пространство дѣйствія очереднаго порядка княжескаго владѣнія. Всѣ эти княжества являются на окраинахъ. Очередной порядокъ княжескаго владѣнія, поддерживаемый родственнымъ чувствомъ князей, основанъ былъ на соотвѣтствіи двухъ указанныхъ лѣствицъ, генеалогической и географической. Теперь это соотвѣтствіе, на которомъ созидался очередной порядокъ, повторяется и въ его разрушеніи. Князья, задержанные преждевременнымъ сиротствомъ на самомъ низу родовой лѣствицы, всѣхъ дальше отъ названнаго отца, великаго князя Кіевскаго, очутились владѣльцами окраинъ Русской земли, наиболѣе отдаленныхъ отъ «матери русскихъ городовъ», отъ Кіева: какъ будто теплое родственное чувство князей, еще бившееся съ нѣкоторою силою около сердца земли Кіева, охлаждевало и застывало на ея оконечностяхъ, вдали отъ этого сердца.

Перечисленныя условія, разрушавшія очередной порядокъ владѣнія, вытекали изъ его же основаній и бы-

ли средствами, къ которымъ прибѣгали князья для его поддержанія. Они вносили въ очередной порядокъ двойное противорѣчіе: съ одной стороны условія, разрушавшія этотъ порядокъ, вытекали изъ его же основаній; съ другой - средства, которыми его поддерживали, разрушали его основанія. Это значитъ, что очередной порядокъ разрушалъ самъ себя, не выдерживалъ дѣйствія собственныхъ послѣдствій. Кромѣ того эти разрушительныя послѣдствія*, вытекавшія изъ самого порядка, вызывали къ дѣйствію стороннія силы также его разстроивавшія.

1) Личныя доблести, которыми отличались нѣкоторые князья, создавали имъ большую популярность на Руси, благодаря которой эти князья сосредоточивали въ своихъ рукахъ области помимо родовой очереди. Въ XII столѣтіи большая часть Русской земли является во владѣніи одной княжеской линіи Мономаховичей. Одинъ изъ этихъ Мономаховичей, знаменитый внукъ Мономаха Изяславъ Волынскій, во время усобицъ бралъ столы съ бою, не по очереди старшинства, и смотрѣлъ на нихъ, какъ на личное пріобрѣтеніе, военную добычу. Этотъ князь первый и высказалъ взглядъ на порядокъ владѣнія, шедшій совершенно въ разрѣзъ съ установившимся преданіемъ. Онъ сказалъ разъ: «не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова къ мѣсту», т.е. личное значеніе князя онъ поставилъ выше правъ старшинства.

2.) Наконецъ, еще одна сторонняя сила вмѣшивалась въ княжескіе счеты и путала ихъ очередь во владѣніи. То были главные города областей. Княжескіе счеты и сопровождавшія ихъ усобицы больно задѣвали интересы этихъ городовъ. Среди постоянныхъ княжескихъ споровъ у городовъ завязывались свои симпатіи, привязывавшія ихъ къ нѣкоторымъ князьямъ. Такъ Мономаховичи пользовались популярностью

* читай: „условія" вмѣсто „послѣдствія".

дами въ городахъ, принадлежавшихъ Черниговскимъ Святославичамъ. Защищая свои мѣстные интересы, эти города иногда шли наперекоръ княжескимъ счетамъ, призывая на свои столы любимыхъ князей помимо очереди. Вскорѣ послѣ смерти Ярослава началось это вмѣшательство городовъ, путавшее княжескую очередь старшинства. Новгородъ особенно больно чувствовалъ послѣдствія княжескихъ счетовъ и споровъ. Новгородомъ обыкновенно правилъ старшій сынъ, или другой ближайшій родственникъ великаго князя Кіевскаго. При частыхъ смѣнахъ князей Кіевскихъ, князья часто смѣнялись и въ Новгородѣ. Эти перемѣны сопровождались большими административными неудобствами для города. Менье, чѣмъ въ 50 лѣтъ со смерти Ярослава въ Новгородѣ смѣнилось шесть князей, и Новгородъ началъ хлопотать о своемъ постоянномъ князѣ. Въ 1102 году въ Новгородѣ сидѣлъ посаженный еще въ дѣтствѣ и «вскормленный Новгородомъ сынъ Мономаха Мстиславъ. Старшіе князья Святополкъ и Мономахъ рѣшили вывести Мстислава изъ Новгорода и посадить на его мѣсто Святополкова сына. Узнавши объ этомъ, Новгородцы послали въ Кіевъ пословъ, которые на княжемъ дворѣ сказали великому князю Святополку: «послалъ насъ Новгородъ и вотъ что велѣлъ сказать тебѣ: „не хотимъ Святополка, ни сына его". Если у твоего сына двѣ головы, пошли его въ Новгородъ». Новгородъ удержалъ Мстислава вопреки обычаю и распоряженію старшихъ князей.

Всѣ изложенныя условія позволяютъ намъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ о дѣйствіи очереднаго порядка владѣнія, былъ ли онъ политическою дѣйствительностью, или политическимъ идеаломъ князей и, если былъ дѣйствительностью, то какъ и долго ли онъ дѣйствовалъ? Онъ былъ и-

тѣмъ и другимъ; впродолженіе болѣе, чѣмъ полутора вѣка, со смерти Ярослава онъ дѣйствовалъ всегда и никогда — всегда отчасти и никогда вполнѣ. До конца этого періода онъ не терялъ своей силы, насколько его основанія были примѣнимы къ запутывавшимся княжескимъ отношеніямъ; но, съ другой стороны, онъ никогда не получалъ такого развитія, такой практической разработки, которая бы давала возможность распутать эти отношенія, устраняло всякія столкновенія межору князьями. Итакъ исторiей очереднаго порядка была борьба его съ собственными послѣдствіями.

Послѣдствія борьбы очереднаго порядка съ разрушавшими его условіями.

Изъ этой борьбы вышли два факта, которыми характеризуется политическій складъ Руси XII вѣка. Однимъ изъ нихъ было двойное политическое раздробленіе Руси, княжеское и земское. По мѣрѣ размноженія князей линіи княжескаго рода все дальше расходились другъ отъ друга. Сначала племя Ярославичей распадается на двѣ враждебныя вѣтви, Мономаховичей и Святославичей; потомъ линія Мономаховичей въ свою очередь разорвалась на Изяславичей Волынскихъ, Ростиславичей Смоленскихъ, Юрьевичей Суздальскихъ, а линія Святославичей на Давыдовичей Черниговскихъ и Ольговичей Новгородо-Сѣверскихъ. Каждая изъ этихъ вѣтвей враждуетъ съ другими, усаживаясь на постоянное владѣніе въ извѣстной области. Съ другой стороны, одновременно съ распаденіемъ княжескаго рода на мелкія линіи, и Русская земля распадалась на независимыя другъ отъ друга городовыя области. Какъ мы знаемъ, первые князья

установили политическую зависимость этихъ областей отъ Кіева. Эта зависимость поддерживалась княжескими посадниками и выражалась въ дани, какую области платили въ Кіевъ. По смерти Ярослава этой зависимости незамѣтно. Посадники князя Кіевскаго въ главныхъ городахъ исчезаютъ, уступая мѣсто все размножавшимся князьямъ. Областные или мѣстные князья перестаютъ платить дань Кіеву, несовмѣстную съ отношеніями младшихъ родичей, областныхъ князей, къ названному отцу, великому князю кіевскому. Вмѣсто постоянной дани младшіе князья давали старшему отъ времени до времени добровольные дары. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрывалась и политическая связь областей. Но дѣлаясь менѣе зависимыми сверху, областные князья становились все менѣе свободными снизу. Постоянныя передвиженія князей со стола на столъ и сопровождавшіе его споры роняли земскій авторитетъ князя. Князь не прикрѣплялся къ извѣстной землѣ ни династическими, ни даже личными связями. Онъ приходилъ и скоро уходилъ, былъ политической случайностью для области, блуждающей кометой. Мѣстное населеніе потому искало постоянной мѣстной силы, около которой могло бы сосредоточиться и которая постоянно оставалась бы на мѣстѣ, не приходила бы и не уходила. Такая сила, давно была уже создана ходомъ нашей исторіи. Это были главные города областей. Нѣкогда, еще до прихода князей, они одни правили своими областями. Съ тѣхъ поръ въ нихъ произошла большая перемѣна. Въ IX вѣкѣ управленіе это сосредоточивалось въ рукахъ военной старшины, военно-городскихъ начальниковъ, тысяцкихъ, сотскихъ и т. д. Съ появленіемъ князей эта городовая старшина постепенно переходитъ въ составъ кня-

жеской дружины, въ классъ «княжихъ мужей». Военное управленіе городовъ, прежде бывшее выборнымъ и земскимъ, теперь стало служилымъ, перешло въ въ руки княжихъ мужей по назначенію князя. Когда по мѣрѣ упадка авторитета князей вслѣдствіе усобицъ стало опять подниматься значеніе главныхъ областныхъ городовъ, тогда и политической силой въ этихъ городахъ явилась вмѣсто исчезнувшей выборной старшины вся городская масса, собиравшаяся на вѣчѣ. Такимъ образомъ вѣче главныхъ областныхъ городовъ было преемникомъ древней городской старшины. Эти вѣча главныхъ городовъ все громче начинаютъ шумѣть съ конца XI в., вмѣшиваясь въ княжескія отношенія. Князья должны были считаться съ этою силой, входить съ ней въ сдѣлки, заключать «ряды» съ городами, политическіе договоры. Эти договоры опредѣляли порядокъ, котораго должны были держаться мѣстные князья въ своей правительственной дѣятельности. Такъ власть мѣстныхъ князей является ограниченной вѣчами главныхъ городовъ. Эти «ряды» князей съ областными городами были новымъ явленіемъ на Руси XII вѣка, которое внесло важную перемѣну въ ея политическую жизнь. Случаи такого договора мы встрѣчаемъ въ самомъ Кіевѣ. Въ 1146 году, по смерти великаго князя Всеволода изъ линіи черниговскихъ князей, на великокняжескомъ столѣ по уговору съ кіевлянами долженъ былъ сѣсть его братъ Игорь. Но кіевляне, много терпѣвшіе при Всеволодѣ отъ княжескихъ городскихъ судей, тіуновъ, возстали и потребовали отъ Игоря, чтобъ впредь онъ самъ судилъ горожанъ, не поручая суда своимъ приказщикамъ. Князь Игорь долженъ былъ дать кіевлянамъ обязательство въ томъ, что впредь городской судья будетъ назначаться

ся по соглашенію съ городомъ, т.е. съ его вѣчемъ. Главные областные города, ограждая свое политическое значеніе договорами съ княземъ, постепенно пріобрѣтали значеніе настоящей политической силы, которая соперничала съ князьями, а къ концу XII в. взяла надъ ними рѣшительный перевѣсъ. Въ это время областныя общества больше смотрѣли на сходки своихъ главныхъ городовъ, чѣмъ на мимолетныхъ князей, являвшихся въ нихъ на короткое время. Такъ въ каждой области стали другъ противъ друга двѣ соперничавшія власти, князь и вѣче, и по мѣрѣ того, какъ городское вѣче, представлявшее мѣстные интересы, брало верхъ надъ княземъ, который, какъ членъ владѣтельнаго рода, поддерживалъ связь управляемой области съ другими, городовыя области все больше обособлялись политически. Благодаря этому Русская земля въ XII в. распалась на нѣсколько мѣстныхъ, плохо связанныхъ другъ съ другомъ, міровъ. Это большею частію были тѣ-же городовыя области, которыя образовались уже въ IX в. до призванія князей; только ихъ политическая жизнь получила болѣе демократическій характеръ: ею руководили не представители городской знати, а вѣча главныхъ городовъ. Такой политическій порядокъ изображается и въ русской лѣтописи второй половины XII в. По одному случаю она замѣчаетъ, что Новгородцы, Смольняне, Кіевляне и вся «власти» (волостные главные города) на вѣче, какъ на думу, сходятся, и что старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ. Изображая политическую власть, руководившую каждою областью, публицистъ лѣтописецъ отмѣтилъ вѣче старшаго города, но позабылъ упомянуть о князѣ. Такъ палъ политическій авторитетъ князя передъ значеніемъ вѣча. Итакъ очередной порядокъ княжескаго владѣнія вмѣстѣ съ условіями, его разрушавши-

ми, привыкъ къ двойному политическому раздробленію Руси: 1) къ постепенному распаденію княжескаго рода на линіи, все болѣе отчуждавшіяся другъ отъ друга генеалогически, 2) къ распаденію Русской земли на городовыя области, все болѣе обособлявшіяся другъ отъ друга политически.

Но тотъ же порядокъ съ противодѣйствовавшими ему условіями создалъ или вызвалъ къ дѣйствію рядъ связей, сцѣплявшихъ части Русской земли въ одно если не политическое, то земское цѣлое. Перечислимъ эти связи.

I. Первою изъ нихъ являются главные виновники политическаго раздробленія Руси, сами князья, точнѣе говоря - впечатлѣніе, какое производили на Русскую землю ихъ взаимныя отношенія. Очередной порядокъ владѣнія, касаясь прямо или косвенно всѣхъ частей Русской земли, устанавливалъ между ними нѣкоторое общеніе, всюду пробуждалъ извѣстныя одинаковыя думы и интересы. Несмотря на повсемѣстный упадокъ княжескаго авторитета, въ каждой области съ княземъ связаны были многіе существенные мѣстные интересы. Областные міры тяготились княжескими спорами, были равнодушны къ княжескимъ счетамъ о старшинствѣ; но они не могли оставаться равнодушны къ послѣдствіямъ этихъ споровъ, которые иногда тяжело отзывались на областномъ населеніи. Благодаря княжескому передвиженію изъ волости въ волость всѣ части земли невольно и незамѣтно для себя и князей смыкались въ одну цѣпь, отдѣльныя звенья которой были тѣсно связаны другъ съ другомъ. Перемѣна въ одной волости чувствительно отзывалась на положеніи другихъ, даже отдаленныхъ. Сядетъ въ Кіевѣ великій князь изъ Мономаховичей, — онъ пошлетъ править Нов-

городомъ своего сына. Тотъ придетъ въ Новгородъ со своими боярами, своею дружиною, которая займетъ всѣ важныя правительственныя должности въ области. Съ этими боярами князь станетъ, выражаясь языкомъ древне-русскихъ памятниковъ, «суды судить, ряды рядить, всякія грамоты записывать». Но сгонитъ великаго князя съ кіевскаго стола родичъ изъ Чернигова или съ Волыни, сынъ согнаннаго долженъ будетъ уходить изъ Новгорода вмѣстѣ со своей дружиной. На мѣсто ушедшаго явится новый князь, обыкновенно враждебный предшествовавшему. Для Новгородцевъ возникаетъ важный вопросъ, знаетъ ли новый князь порядки Новгородскіе, мѣстную старину-пошлину, даже захочетъ ли онъ знать ее. Пожалуй, изъ вражды къ предшественнику станетъ онъ суды судить и ряды рядить не по старому, старыя грамоты пересуживать. Такимъ образомъ княжескій круговоротъ втягивалъ въ себя мѣстную жизнь, мѣстные интересы областей. Области эти поневолѣ вовлекались въ общій водоворотъ жизни, какой производили князья. Онѣ еще далеко не были проникнуты однимъ духомъ, общей думой, но пріучались все больше думать другъ о другѣ, внимательно слѣдить, что совершалось въ сосѣднихъ или отдаленныхъ областяхъ. Такъ благодаря очередному порядку княжескаго владѣнія создавался кругъ общихъ думъ и интересовъ, которые поддерживали чувство взаимной связи между всѣми частями Русской земли.

II. Одинаковое съ князьями обще-земское значеніе имѣли и ихъ дружины. Чѣмъ больше размножался княжескій родъ, тѣмъ больше увеличивался численно дружинный классъ. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ дружины у отдѣльныхъ князей. Можно только замѣтить, что стар-

шіе или богатые князья имѣли многочисленные дворы. Святополкъ, великій князь кіевскій, хвалился, что у него до 300 однихъ отроковъ, т.е. младшей дружины. Въ Галичѣ, богатомъ княжествѣ XII в., во время одной усобицы перебито было 500 однихъ бояръ; но ни изъ чего не видно, чтобъ это было поголовное истребленіе всего мѣстнаго боярства. Старшіе и богатые младшіе князья выводили въ поле по двѣ и по три тысячи человѣкъ дружины. О многочисленности этого класса можно судить еще и потому, что каждый взрослый князь имѣлъ особую, хотя иногда и небольшую дружину, а во второй половинѣ XII в. такихъ князей можно насчитать не меньше сотни. Дружина по прежнему имѣла смѣшанный племенной составъ. Въ X–XI в.в., какъ мы знаемъ, въ ней преобладали еще пришлые Варяги. Въ XII в. въ ея составъ входятъ еще болѣе разнообразные элементы. Рядомъ съ туземцами и обрусѣвшими потомками Варяговъ въ княжеской дружинѣ видимъ инородцевъ восточныхъ и западныхъ, Торковъ, Берендеевъ, Половцевъ, Хазаръ, даже Евреевъ; Угровъ, Ляховъ, Литву и Чудь. Очередной порядокъ княжескаго владѣнія, заставляя князей постоянно передвигаться съ мѣста на мѣсто, дѣлалъ столь же подвижною и княжескую дружину. Когда князь по очереди переходилъ съ худшаго стола на лучшій, его боярамъ выгодно было слѣдовать за нимъ, покидая прежнюю волость. Когда князь вопреки очереди покидалъ лучшій столъ для худшаго вслѣдствіе усобицы, дружинѣ его выгоднѣе было покидать князя и оставаться въ прежней волости. Такъ очередной порядокъ княжескаго владѣнія пріучалъ дружину мѣнять волости, какъ ихъ мѣняли князья, и мѣнять князей, какъ ихъ мѣняли волости. Притомъ благодаря этой подвижности старшіе дружинники, занимавшіе высшія правительственныя должности, не могли занимать ихъ долгое время и чрезъ это пріобрѣсти прочное политическое значеніе въ извѣстной области, тѣмъ менѣе могли превратить свои должности въ наслѣдственныя, какъ

это было на феодальномъ Западѣ и въ сосѣдней Польшѣ. Сосчитали всѣхъ упоминаемыхъ въ лѣтописи дружинниковъ со смерти Ярослава до 1228 года и насчитали до 150 именъ. Изъ всего этого количества нашли не болѣе шести случаевъ, когда дружинникъ по смерти князя отца, которому онъ служилъ, оставался на службѣ у его сына, и не болѣе шести же случаевъ, когда дружинникъ при княжеской смѣнѣ оставался въ прежней волости; только въ двухъ случаяхъ на важной должности тысяцкаго, военнаго начальника главнаго областнаго города, являлись преемственно члены одного и того же боярскаго рода. Главнымъ образомъ благодаря этой подвижности у бояръ долго не завязывалась и самая крѣпкая привязь къ мѣсту — землевладѣніе. Въ X в. на Руси еще не замѣтно частной земельной собственности. Въ XI в. появляются признаки этой собственности, прежде всего княжеской и церковной. Въ XII вѣкѣ находимъ указанія на земли бояръ и младшихъ дружинниковъ. Но легко замѣтить, что боярское землевладѣніе развивалось слабо, не составляло главнаго экономическаго интереса служилыхъ людей. Дружинники предпочитали другіе источники дохода, продолжали принимать дѣятельное участіе въ торговыхъ оборотахъ и получали отъ своихъ князей денежное жалованье. Мы даже знаемъ наиболѣе обычный размѣръ этого жалованья. Лѣтописецъ XIII вѣка, вспоминая, какъ живали въ старину, замѣчаетъ, что прежде бояре не говорили князю: «мало мнѣ, князь 200 гривенъ». Эти 200 гривенъ кунъ (не меньше 50 ф. серебра), очевидно были въ XII в. наиболѣе обычнымъ окладомъ боярскаго жалованья. Значитъ большинство бояръ, не пріобрѣтая въ областяхъ постояннаго правительственнаго значенія, не имѣло и мѣстнаго значенія экономическаго. Такъ боярство не привязывалось крѣпко ни

ни къ мѣсту, ни къ лицу князя. Единство княжескаго рода позволяло дружиннику переходить отъ князя къ князю, не становясь измѣнникомъ. Не привязанный крѣпко ни къ какому князю, ни къ какому княжеству, бояринъ привыкалъ сознавать себя слугою всего княжескаго рода, «переднимъ мужемъ» всей Русской земли. У него не могли установиться ни прочные мѣстные интересы въ той или другой области, ни прочныя династическія связи съ той или другой княжеской линіей. Вмѣстѣ съ другимъ высшимъ классомъ общества, духовенствомъ, и можетъ быть въ большей степени, чѣмъ это сословіе, многочисленный дружинный классъ былъ подвижнымъ носителемъ мысли о нераздѣльности Русской земли, о земскомъ единствѣ.

III. Очередной порядокъ княжескаго владѣнія поддерживалъ и усиливалъ общеземское значеніе политическаго средоточія Руси, города Кіева. Кіевъ былъ связующимъ узломъ княжескихъ отношеній; къ нему направлялся княжескій круговоротъ. Удобства жизни въ Кіевѣ, фамильныя преданія, церковное значеніе этого города дѣлали его завѣтной мечтой для каждаго князя. Молодой княжичъ, кружась по отдаленнымъ областямъ, не спускалъ съ него глазъ, спалъ и видѣлъ его. Превосходное поэтическое выраженіе этой тоски по Кіевѣ, снѣдавшей молодого князя, находимъ мы въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Въ 1068 году Кіевляне возстали на великаго князя Изяслава и прогнали его, а на великокняжескій столъ возвели посаженнаго старшими князьями въ тюрьму Всеслава Полоцкаго. Только семь мѣсяцевъ посидѣлъ Всеславъ на кіевскомъ столѣ, лишь дотронулся копьемъ до него и долженъ былъ бѣжать въ Полоцкъ. Но онъ уже не могъ забыть Кіева. Бывало, ра-

но утромъ начнутъ звонить къ заутрени у Полоцкой Софіи, а князю все еще слышится знакомый звонъ у св. Софіи Кіевской. Доля этихъ княжескихъ чувствъ къ Кіеву сообщалась и населенію русскихъ областей, даже самыхъ отдаленныхъ. Оно также все больше и чаще пріучалось думать о Кіевѣ, гдѣ сидѣлъ старшій князь Русской земли, откуда выходили всѣ добрые княжескіе походы въ степь на поганыхъ, гдѣ жилъ высшій пастырь русской церкви, митрополитъ, и сосредоточивались наиболѣе чтимыя святыни Русской земли. Выраженіе этого народнаго отношенія къ Кіеву мы встрѣчаемъ въ извѣстномъ духовномъ стихѣ «о Голубиной книгѣ». Отвѣчая на вопросъ, какой городъ всѣмъ городамъ мать, онъ иногда, забывая про Іерусалимъ, поетъ: «Кіевъ градъ всѣмъ городамъ мати».

IV. Усиливая земское значеніе главнаго города Русской земли, очередной порядокъ княжескаго владѣнія содѣйствовалъ успѣхамъ общежитія и гражданственности въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Руси. Чѣмъ больше становилось князей, тѣмъ мельче дробилась Русская земля. Каждый взрослый князь обыкновенно получалъ отъ старшихъ родичей особую волость. Такимъ образомъ количество волостей должно было соотвѣтствовать наличному числу взрослыхъ князей. Благодаря этому отдаленныя захолустья постепенно превращались въ особыя княжества. Въ каждомъ изъ этихъ княжествъ являлся свой стольный городъ, куда наѣзжалъ князь со своей дружиной, своими боярами. Городъ обстраивался, князья украшали его храмами, монастырями; среди домовъ обывателей появлялись большіе дворы князя и бояръ. Такимъ образомъ въ разные углы Руси вносились обстановка и формы жизни, снятыя съ одного образца.

Такимъ образомъ и руководителемъ смѣтной жизни служилъ Кіевъ, источникъ права, богатства, знанія и искусства для тогдашней Руси. Благодаря распространенію князей по Русской землѣ совершалось извѣстное обобщеніе житейскихъ отношеній, во всѣхъ частяхъ ея установились одинаковыя бытовыя формы и понятія. Перелетныя птицы земли Русской, князья, съ своими дружинами всюду разносили сѣмена культуры, какая росла и развивалась въ средоточіи земли, въ Кіевѣ.

<u>Политическій строй Русской земли въ XII в.</u> Изученные нами два противоположныхъ ряда послѣдствій, вышедшихъ изъ борьбы очереднаго порядка съ условіями, его разрушавшими, даютъ намъ возможность опредѣлить политическій строй тогдашней Русской земли, обозначить форму ея политическаго быта привычной намъ терминологіей. Что такое была эта земля въ XII вѣкѣ? Это не было единое цѣльное государство, ибо въ ней не было политическаго единства, единой обязательной власти. Мы назвали бы ее политической федераціей, союзомъ самостоятельныхъ, независимыхъ областей или княжествъ, еслибъ въ ней существовали достаточно развитыя союзныя учрежденія, простиравшія свое дѣйствіе на все пространство Руси. Правда, было два такихъ учрежденія, но только въ зародышѣ. Это были 1) великій князь Кіевскій и 2) княжескіе съѣзды. Но власть князя кіевскаго не была точно опредѣлена и достаточно обезпечена, не имѣла достаточныхъ средствъ для дѣйствія и постепенно превратилась въ почетное отличіе, получила очень условное значеніе. Каждый младшій родичъ, областной князь, считалъ себя въ правѣ противиться великому князю кіевскому, если находилъ его дѣйствія

неправильными. Съ другой стороны, по приглашенію великаго князя нерѣдко устраивались княжескіе съѣзды для обсужденія общихъ дѣлъ. Такими общими дѣлами были обыкновенно вопросы законодательства, чаще вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ князей и о средствахъ защиты Русской земли отъ внѣшнихъ враговъ. Но эти съѣзды никогда не соединяли всѣхъ наличныхъ князей и никогда не было точно опредѣлено значеніе ихъ постановленій. Князья, не присутствовавшіе на съѣздѣ, считали для себя необязательными ихъ рѣшенія; даже князья, бывшіе на съѣздѣ, считали себя вправѣ дѣйствовать помимо его рѣшеній по личному усмотрѣнію. На съѣздѣ въ Витичевѣ въ 1110 г. Святополкъ, Мономахъ, Давидъ и Олегъ (Святославичи), приговоривши наказать Давида Игоревича Волынскаго за ослѣпленіе Василька, постановили отнять и у этого послѣдняго его Теребовльскую волость, какъ неспособнаго править ею. Но Ростиславичи Володарь и Василько не признали этого рѣшенія. Старшіе князья хотѣли принудить ихъ къ тому силой; но самый видный изъ членовъ съѣзда Мономахъ, участвовавшій въ этомъ рѣшеніи, отказался идти въ походъ, признавъ за Ростиславичами право ослушаться съѣзда на основаніи постановленія прежняго съѣзда въ Любечѣ (1097 г.), гдѣ за Володаремъ былъ утвержденъ Теребовль. Такъ ни власть великаго князя, ни княжескіе съѣзды не сообщали Русской землѣ характера политической федераціи въ строгомъ смыслѣ слова. Это была федерація, но не развитая, державшаяся связями, которыя не успѣли получить политическаго характера, стать обязательными. Русская земля не дѣлилась на части совершенно уединенныя другъ отъ друга. Въ ней дѣйствовали связи, соединявшія эти части въ одно цѣлое; только эти связи были не

политическія, а экономическія, соціальныя и церковно-нравственныя. Не было единства государственнаго, но завязывалось единство народное. Нитями, которыми завязывалось это единство, были не законы и учрежденія, а интересы и отношенія, не успѣвшія облечься въ законы и учрежденія. Перечислимъ еще разъ эти связи: 1) взаимное общеніе волостей, вызываемое очереднымъ порядкомъ княжескаго владѣнія, 2) общеземскій характеръ, усвоенный высшими классами общества, духовенствомъ и княжеской дружиной, 3) общеземское значеніе Кіева, какъ средоточія Руси не только торгово-промышленнаго, но и церковно-нравственнаго, 4) одинаковыя формы и обстановка жизни, устанавливавшіяся во всѣхъ частяхъ Руси при помощи очереднаго порядка княжескаго владѣнія.

Совмѣстнымъ дѣйствіемъ этихъ связей и созданъ былъ основной фактъ нашей исторіи XI и XII в.в. Этотъ фактъ состоялъ въ зарожденіи русской народности. Народность эта родилась въ XI и XII в.в. Вотъ гдѣ, кажется, скрывается разгадка своеобразнаго отношенія къ старой кіевской Руси со стороны нашего народа и нашей исторіографіи. И народъ и историки до сихъ поръ относятся къ старой кіевской Руси съ особеннымъ сочувствіемъ, непонятнымъ съ перваго взгляда. Въ современной русской жизни осталось очень мало слѣдовъ отъ старой кіевской Руси, отъ ея быта. Повидимому отъ нея не могло остаться слѣдовъ даже и въ народной памяти. Чѣмъ могла заслужить благодарное воспоминаніе въ народѣ кіевская Русь со своими безпорядками, вѣчной враждой князей и нападеніями степныхъ поганыхъ? Между тѣмъ народъ досель помнитъ старый Кіевъ съ его князьями и богатырями и непритворно любитъ его, какъ никогда не любилъ онъ ни одной изъ

столицъ, его смѣнившихъ, ни Москвы, ни Петербурга. Такъ относится къ кіевской Руси и наша исторіографія. Эта Русь не выработала прочнаго порядка, способнаго выдержать внѣшніе удары; однако же изслѣдователи самыхъ различныхъ направленій вообще наклонны рисовать жизнь Кіевской Руси свѣтлыми красками. Гдѣ причина такого отношенія? Въ старой кіевской жизни много неурядицъ, много безтолковой толкотни; но за то въ князьяхъ того времени такъ много родственного чувства, наверху общества такъ много движенія, а люди вообще неравнодушны къ временамъ, исполненнымъ чувства и движенія. Такія времена отличаются творческой силой: въ нихъ зарождаются коренные факты народной жизни. Народъ запомнилъ въ поэтическихъ преданіяхъ и историкъ читаетъ между строками русской лѣтописи XI и XII в. одинъ и тотъ же коренной фактъ нашей исторіи, совершившійся въ тѣ вѣка: тогда Русская земля, механически сцѣпленная первыми князьями въ одно политическое цѣлое, впервые начала сознавать себя единымъ національнымъ цѣлымъ. Послѣдующія поколѣнія любили вспоминать о кіевской Руси, какъ колыбели русской народности.

Русское общество въ XI и XII в.

Русская Правда. Я кончилъ изображеніе политическаго порядка, установившагося на Руси въ XI и XII в. Теперь я долженъ обратиться къ болѣе глубокой, наиболѣе сокрытой отъ глазъ наблюдателя сферѣ жизни — къ гражданскому порядку, къ ежедневнымъ частнымъ отношеніямъ лица къ лицу и тѣмъ интересамъ и понятіямъ, которыми эти отношенія

скрѣплялись. Впрочемъ я ограничусь лишь лицевой юридической стороной этого порядка. До сихъ поръ господствуетъ въ нашей литературѣ убѣжденіе, что эта частная юридическая жизнь древней Руси наиболѣе полно и вѣрно отразилась въ древнѣйшемъ памятникѣ русскаго законодательства, въ Русской Правдѣ. Прежде, чѣмъ взглянуть на частныя юридическія отношенія, какъ они отразились въ этомъ зеркалѣ, мы должны разсмотрѣть, насколько полно и вѣрно отразило оно въ себѣ эти отношенія. Съ этой цѣлью предварительно я остановлю ваше вниманіе на вопросѣ о происхожденіи Русской Правды и потомъ изложу въ главныхъ чертахъ ея содержаніе.

Ея происхожденіе. Въ нашей литературѣ по исторіи русскаго права господствуютъ два взгляда на происхожденіе Русской Правды. Одни видятъ въ ней неофиціальный документъ, не подлинный памятникъ законодательства, какъ онъ вышелъ изъ рукъ законодателя, а частный юридическій сборникъ, составленный какимъ то древне-русскимъ законовѣдомъ для своей частной надобности. Другіе считаютъ Русскую Правду офиціальнымъ документомъ, подлиннымъ произведеніемъ русской законодательной власти, только испорченнымъ переписчиками, вслѣдствіе чего явилось множество разныхъ списковъ Правды, различающихся количествомъ, порядкомъ и даже текстомъ статей. Разберемъ Русскую Правду, чтобы оцѣнить и провѣрить оба эти взгляда.

Читая Русскую Правду вы прежде всего узнаете по заглавію памятника въ древнѣйшихъ спискахъ, что это «судъ» или «уставъ» Ярославль. Въ самомъ памятникѣ не разъ замѣчается, что такъ «судилъ» или «у-

ставилъ» Ярославъ. Первое заключеніе, къ которому вы приходите то, что Русская Правда есть законодательный памятникъ, составленный Ярославомъ и служившій руководствомъ для княжескихъ судей XI в. И въ нашей древней письменности сохранилась память объ Ярославѣ, какъ установителѣ правды, закона: ему давалось иногда прозваніе «правосуда». Всматриваясь ближе въ памятникъ, мы соберемъ значительный запасъ наблюденій, разрушающихъ это первое заключеніе.

I. Мы встрѣчаемъ въ Правдѣ нѣсколько постановленій, изданныхъ преемниками Ярослава, его дѣтьми и даже его внукомъ Мономахомъ, которому принадлежитъ законъ, направленный противъ ростовщичества и занесенный въ Правду. Итакъ правда была плодомъ законодательной дѣятельности не одного Ярослава. II. Текстъ нѣкоторыхъ статей представляетъ не подлинныя слова законодателя, а ихъ парафразу, принадлежащую кодификатору или повѣствователю, разсказавшему о томъ, какъ законъ былъ составленъ. Такова напримѣръ вторая статья Правды по пространной редакціи. Статья эта гласитъ: «Послѣ Ярослава собрались сыновья его Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ и отмѣнили месть за убійство, но постановили выкупаться деньгами, а все прочее, какъ судилъ Ярославъ, такъ оставили и его сыновья». Вы видите, что это не подлинный текстъ закона Ярославовыхъ сыновей, а протоколъ княжескаго съѣзда или историческое изложеніе закона словами кодификатора. III. Въ Русской Правдѣ не встрѣчается постановленій о нѣсколькихъ разрядахъ преступныхъ дѣяній, которыя однако несомнѣнно встрѣчались въ тогдашней судебной

практика. Такъ въ Правдѣ нѣтъ постановленій о преступленіяхъ политическихъ, объ оскорбленіи женщинъ и дѣтей и объ обидахъ словомъ и т.п. Припоминивъ другіе древнѣйшіе памятники русскаго права, мы находимъ объясненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ важныхъ пробѣловъ, допущенныхъ Правдой. Первые христіанскіе князья Руси, Владиміръ и Ярославъ издали церковные уставы, опредѣлявшіе положеніе въ государствѣ и сферу дѣятельности церкви. Не смотря на позднѣйшую порчу текста обоихъ памятниковъ, видно однако, что основа ихъ несомнѣнно восходитъ къ первымъ временамъ христіанства на Руси. Въ этихъ памятникахъ встрѣчаемъ постановленія о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ преступленій, о которыхъ молчитъ Правда, напримѣръ статьи объ оскорбленіи женщинъ, объ обидахъ словомъ. Одни изъ этихъ дѣлъ судились исключительно церковнымъ судомъ на основаніи особыхъ законоположеній. Правда не имѣла юридической нужды говорить объ этихъ преступленіяхъ. Другія преступныя дѣянія этого рода судились смѣснымъ или «вопчимъ» судомъ, т. е. разбиралъ ихъ княжескій судья, но въ присутствіи церковнаго, съ которымъ первый дѣлился получаемой съ виновнаго денежной пеней. Къ числу такихъ преступленій, подлежавшихъ смѣсному суду, принадлежало напримѣръ въ XII в. похищеніе или «умычка» дѣвицъ. Русская Правда молчитъ и о преступленіяхъ, разбиравшихся смѣснымъ княжеско-церковнымъ судомъ. IV. Въ Русской Правдѣ нѣтъ и слѣда одной важной особенности древне-русскаго судебнаго процесса, одного изъ судебныхъ доказательствъ — поединка или «поля». Между тѣмъ сохранились въ древнихъ источникахъ нашей исторіи слѣды, указывающіе на то, что «поле» практикова-

лось какъ до Русской Правды, такъ и долго послѣ нея. Византійскій писатель X в. Левъ Діаконъ говоритъ, что Русскіе въ его время имѣли обыкновеніе рѣшать взаимныя распри кровью и убійствомъ. Подъ этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ можно еще разумѣть родовую кровную месть; но арабскій писатель Ибнъ-Дастъ, писавшій нѣсколько раньше, рисуетъ намъ превосходную картину судебнаго поединка на Руси въ первой половинѣ X в. По его словамъ, если кто на Руси имѣетъ дѣло противъ другаго, то зоветъ его на судъ къ князю, предъ которымъ и препираются обѣ стороны. Дѣло рѣшается приговоромъ князя. Если же обѣ стороны недовольны этимъ приговоромъ, окончательное рѣшеніе предоставляется оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и беретъ верхъ. При борьбѣ присутствуютъ родичи обѣихъ сторонъ, вооруженные. Кто одолѣетъ въ бою, тотъ и выигрываетъ дѣло. Итакъ несомнѣнно, что задолго до Русской Правды Ярослава въ русскомъ судопроизводствѣ практиковалось поле или судебный поединокъ. Съ другой стороны, указанія на «поле» появляются въ памятникахъ русскаго права съ самаго начала XIII в. Почему Правда не знаетъ этого важнаго судебнаго доказательства, къ которому такъ любили прибѣгать въ древнихъ русскихъ судахъ. Она знаетъ его, но игнорируетъ, не хочетъ признавать. Находимъ и объясненіе этого непризнанія. Церковь наша безумолку въ продолженіе вѣковъ проповѣдывала противъ судебныхъ поединковъ, какъ языческаго остатка, обращалась даже къ церковнымъ наказаніямъ, чтобы вывести ихъ изъ практики русскихъ судовъ; но долго ея усилія оставались безуспѣшно. Итакъ замѣчается нѣкоторая солидарность между Русской Правдой и юридическими понятіями древне-русскаго духовенства. V. По разнымъ

спискамъ Русская Правда является въ двухъ основныхъ редакціяхъ, въ краткой и пространной. Въ письменности раньше становится извѣстна послѣдняя: пространную Правду мы встрѣчаемъ уже въ Новгородской Кормчей конца XIII столѣтія. Эта пространная Правда является всегда въ одномъ, такъ сказать, окруженіи, въ одномъ литературномъ обществѣ. Краткая редакція Правды попадается въ памятникахъ чисто литературнаго свойства, не имѣвшихъ практическаго судебнаго употребленія, въ лѣтописяхъ. Правду пространную встрѣчаемъ большею частью въ Кормчихъ, иногда въ сборникахъ каноническаго содержанія, носившихъ названіе «Мѣрила Праведнаго». Такимъ образомъ Русская Правда жила и дѣйствовала въ церковно-юридическомъ обществѣ: ее встрѣчаемъ прежде всего среди юридическихъ памятниковъ церковнаго или византійскаго происхожденія, принесенныхъ на Русь духовенствомъ и имѣвшихъ практическое значеніе въ церковныхъ судахъ. Перечисляю членовъ этого церковно-юридическаго общества Правды. Вамъ извѣстно, что древняя русская Кормчая есть переводъ византійскаго Номоканона. Номоканонъ есть сводъ церковныхъ правилъ и касающихся церкви законовъ византійскихъ императоровъ. Этимъ сводомъ и руководилась древне-русская церковь въ своемъ управленіи и особенно въ судѣ по церковнымъ* дѣламъ. На Руси въ первые вѣка ея христіанской жизни извѣстенъ былъ въ южнославянскихъ переводахъ Номоканонъ двухъ составовъ или редакцій: Константинопольскаго патріарха Іоанна Схоластика VI в. и константинопольскаго же патріарха Фотія IX в. Номоканонъ, наша Кормчая, является въ нашей письменности съ цѣлымъ рядомъ дополнительныхъ статей. Главныя изъ нихъ таковы:
1) Извлеченіе изъ законовъ Моисеевыхъ; 2) Эклога, сводъ состав-

* духовнымъ

2) Эклога, сводъ, составленный при иконоборческихъ императорахъ первой половины VIII в. Львомъ Исаврияниномъ и его сыномъ Константиномъ Копронимомъ; эта эклога содержитъ преимущественно постановленія семейного и гражданского права, но въ ней есть отдѣлъ и о наказаніяхъ за уголовныя преступленія; 3) Законъ судный людемъ: это славянская передѣлка той же Эклоги, преимущественно ея статей о наказаніяхъ; передѣлка эта является въ славянской письменности даже раньше перевода самой Эклоги и, кажется, сдѣлана для Болгаръ вскорѣ послѣ принятія ими христіанства, т.е. въ IX в.; 4) Прохиронъ, законодательный сводъ императора Василія Македонянина IX же вѣка; 5) цѣликомъ или отрывками церковные уставы нашихъ первыхъ христіанскихъ князей Владиміра и Ярослава. Среди этихъ то дополнительныхъ статей Кормчей обыкновенно и встрѣчаемъ мы нашу пространную Правду. Такъ она является не самостоятельнымъ памятникомъ древне-русскаго законодательства, а одной изъ дополнительныхъ статей къ своду церковныхъ законовъ. VI. Разбирая эти дополнительныя статьи, мы замѣчаемъ нѣкоторую внутреннюю связь между ними и нашей Правдой: нѣкоторыя постановленія послѣдней какъ будто составлены при содѣйствіи первыхъ. Напримѣръ, въ извлеченіи изъ Моисеевыхъ законовъ мы читаемъ статью о ночномъ воровствѣ. Эта статья, заимствованная изъ книги Исходъ, въ нашей печатной Библіи читается такъ: «аще въ подкопаніи обрящется тать и язвенъ умретъ, нѣсть ему убійство; аще же взыдетъ солнце надъ нимъ, повиненъ есть, умретъ за него». Смыслъ этой статьи таковъ: если захватятъ татя на мѣстѣ преступленія и убьютъ, не считать этого за

убійство; если же его убьютъ по восходѣ солнца, то убійца виновенъ, долженъ самъ подвергнуться смертной казни. Въ нашей Правдѣ читается такая статья о ночной татьбѣ: «кого застанутъ у клѣти или на какомъ воровствѣ, могутъ убить, какъ собаку; если же продержатъ пойманнаго вора до разсвѣта, то должны вести его на княжій дворъ, въ судъ; если же убьютъ вора, а сторонніе люди видѣли его уже связаннымъ, то платятъ за убійство пеню въ 12 гривенъ. Вы чувствуете внутреннюю связь этой статьи съ приведеннымъ мѣстомъ Моисеева закона, но видите также, какъ Моисеево постановленіе обрусѣло въ Правдѣ, приноровлено къ мѣстному обществу и приняло своеобразныя туземныя формы выраженія. Другой примѣръ. Въ числѣ статей упомянутой Эклоги Льва и Константина мы встрѣчаемъ краткое постановленіе: «рабъ не послушествуетъ» (не допускается на судѣ, какъ свидѣтель). У насъ на Руси кромѣ рабовъ былъ еще классъ полусвободныхъ людей, называвшихся «закупами». Въ Русской Правдѣ читаемъ такую статью о свидѣтельствѣ въ судѣ, о послушествѣ: «свидѣтелемъ холопъ быть не можетъ (а послушества на холопа не складаютъ); если не будетъ свидѣтеля изъ свободныхъ людей, то по нуждѣ можно призвать въ свидѣтели боярскаго тіуна (приказчика), но не другихъ (простыхъ) холоповъ; только въ маломъ искѣ и то по нуждѣ можно сослаться и на свидѣтельство закупа». Опять мысль Эклоги развита въ Правдѣ примѣнительно къ состоянію русскаго общества, выразилась въ чисто русской формѣ. Третій примѣръ. Въ числѣ статей упомянутаго «Закона суднаго людемъ» мы встрѣчаемъ постановленіе о томъ, какъ наказывать человѣка, который безъ спроса съѣлъ на чужую лошадь: «аще кто безъ повелѣнія на чужемъ конѣ

ѣздитъ, да ся тепетъ по три краты», т. е. наказывается тремя ударами. Въ нашей Правдѣ есть постановленіе на тотъ же случай, которое читается такъ: «кто сядетъ на чужаго коня безъ спросу, три гривны за это». Русь временъ Правды не любила тѣлесныхъ наказаній, и византійскіе удары плетью переведены въ Правдѣ на обычный у насъ денежный штрафъ, на гривны. Такъ мы замѣчаемъ, что составитель Русской Правды, ничего не заимствуя дословно изъ памятниковъ византійскаго права, однако руководился этими памятниками. Они указывали ему случаи, требовавшіе опредѣленія, ставили законодательные вопросы, отвѣтовъ на которые онъ искалъ въ туземномъ правѣ.

Довольно и изложенныхъ наблюденій, чтобы объяснить происхожденіе Русской Правды. Мы замѣчаемъ, что Русская Правда еще составлялась и въ XII в., долго послѣ смерти Ярослава, что она представляетъ не вездѣ подлинный текстъ закона, а часто его повѣствовательное изложеніе, что Русская Правда не знаетъ нѣсколькихъ разрядовъ преступленій, именно тѣхъ, которыя разбирались исключительно церковнымъ судомъ на основаніи церковныхъ законовъ, или судомъ смѣснымъ, или которыхъ вовсе не вѣдалъ церковный судъ (преступленія политическія), что Русская Правда игнорируетъ судебные поединки, несомнѣнно практиковавшіеся въ русскихъ судахъ, но противные церкви, что Русская Правда является не какъ особый самостоятельный судебникъ, а только какъ одна изъ дополнительныхъ статей къ Кормчей, и что эта Правда составлялась не безъ вліянія памятниковъ византійскаго права, среди которыхъ она вращалась. Къ чему приводитъ совокупность этихъ наблюденій? Къ тому, что читаемый нами текстъ Русской Правды сло-

нился въ сферѣ не княжескихъ, а церковныхъ судовъ, въ
средѣ церковной юрисдикціи, нуждами и цѣлями кото
рой и руководился составитель Правды въ своей ра-
ботѣ. Церковный кодификаторъ воспроизводилъ сущѣ-
ствовавшее на Руси право, имѣя въ виду потребнос-
ти церковной юрисдикціи, и воспроизводилъ въ мѣру
этихъ потребностей. До половины XI столѣтія кня-
жескому судьѣ едва ли былъ нуженъ писаный сводъ
законовъ. Княжескій судья могъ обходиться безъ та-
кого свода по многимъ причинамъ: 1) были еще крѣп-
ки древніе юридическіе обычаи, которыми руко-
водствовались въ судебной практикѣ князь и его
судьи; 2) тогда господствовалъ состязательный про-
цессъ, и если бы судья забылъ или не зналъ вспом-
нить юридическій обычай, то ему настойчиво напом-
нили бы объ немъ сами тяжущіеся стороны, которы-
я собственно и вели дѣло и при которыхъ судья при-
сутствовалъ болѣе въ качествѣ пассивнаго зрителя,
чѣмъ руководителя дѣла, но если княжескіе суды до
половины или конца XI в. могли обходиться безъ писанна
го свода законовъ, то такой сводъ былъ совершенно необ-
ходимъ въ церковныхъ судахъ. Со времени принятія
христіанства церкви была предоставлена двоякая
юрисдикція. Она 1) судила всѣхъ христіанъ, духовныхъ
и мірянъ, по нѣкоторымъ дѣламъ духовно-нравствен-
наго характера, 2) она судила нѣкоторыхъ христі-
анъ, мірянъ и духовныхъ, по всѣмъ дѣламъ церков-
нымъ и нецерковнымъ, гражданскимъ и уголовнымъ.
Эти христіане, во всѣхъ дѣлахъ подсудные церкви,
образовали церковное общество, составъ котораго сей-
часъ увидимъ. Для церковнаго суда надъ этими хрис
тіанами по нецерковнымъ дѣламъ и былъ необходимъ
церковнымъ судьямъ писанный сводъ законовъ. Необхо-
димость эта обусловливалась двумя причинами: 1) пер

вы церковные судьи, Греки или южные Славяне, не знакомы были съ русскими юридическими обычаями; 2) этимъ судьямъ нуженъ былъ такой сводъ законовъ, въ которомъ были бы устранены, по крайней мѣрѣ измѣнены нѣкоторые туземные обычаи, особенно претившіе нравственному и юридическому чувству христіанскихъ судей, воспитанныхъ на византійскомъ церковномъ и гражданскомъ правѣ. Этими потребностями и вызвана была въ церковной средѣ попытка составить кодексъ, который воспроизводилъ бы дѣйствовавшіе на Руси юридическіе обычаи примѣнительно къ измѣнявшимся подъ вліяніемъ церкви понятіямъ и отношеніямъ. Плодомъ этой попытки и была Русская Правда. Итакъ, повторяю, Русская Правда росла въ сферѣ церковной юрисдикціи. Церковный судъ по духовнымъ дѣламъ надъ всѣми христіанами производился на основаніи Номоканона, принесеннаго изъ Византіи, и церковныхъ уставовъ, изданныхъ первыми христіанскими князьями Руси. Церковный судъ по нецерковнымъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, простиравшійся только на церковныхъ людей, вызвалъ потребность въ письменномъ сводѣ мѣстныхъ законовъ, какимъ и явилась Русская Правда. Когда выработался этотъ сводъ? Начало его относится ко времени Ярослава, почему Русская Правда и носитъ имя этого князя. Въ Новгородской лѣтописи есть неясный намекъ на какую то «правду» или писаный «уставъ», который далъ Ярославъ Новгородцамъ, сказавъ имъ: «по сей грамотѣ ходите, якоже писахъ вамъ, такоже держите». Можетъ быть, это намекъ на первоначальную краткую редакцію Правды, которую мы находимъ въ нѣкоторыхъ спискахъ. Завершеніе этой работы надъ сводомъ можно отодвигать не далѣе конца XII ст. Итакъ Русская Правда вырабатывалась около полуто-

тора столѣтія.

Изложенный разборъ Руской Правды даетъ намъ возможность отвѣтить на вопросъ, поставленный при самомъ началѣ ея изученія, именно: былъ ли это документъ офиціальный, или частный юридическій сборникъ, не имѣвшій ни офиціальнаго происхожденія, ни обязательнаго дѣйствія? Ни то, ни другое: Руская Правда не была произведеніемъ княжеской законодательной власти; но она не оставалась и частнымъ юридическимъ сборникомъ, получила обязательное дѣйствіе, какъ законодательный сводъ, въ одной части рускаго общества, именно въ той, на которую простиралась церковная юрисдикція по нецерковнымъ дѣламъ, и въ такомъ значеніи признаваема была самой княжеской властью. Впрочемъ можно думать, что дѣйствіе Руской Правды съ теченіемъ времени перешло за предѣлы церковной юрисдикціи. До половины XI в. еще крѣпкій древній обычай давалъ княжескимъ судамъ возможность обходиться безъ письменнаго свода законовъ. Но различныя обстоятельства, успѣхи гражданственности, особенно появленіе христіанской церкви съ чуждымъ для Руси церковнымъ правомъ, съ новыми для нея юридическими понятіями — все это должно было поколебать древніе юридическіе обычаи и помутить юридическую память судьи. Теперь судебная практика на каждомъ шагу задавала судьѣ вопросы, на которые онъ не находилъ отвѣта въ древнемъ юридическомъ обычаѣ, или отвѣтъ на которые можно было извлечь изъ этого обычая лишь путемъ его напряженнаго толкованія. Это и вызвало потребность для княжескихъ судей въ письменномъ изложеніи законовъ, принаровленномъ къ измѣнившемуся положенію дѣлъ. Руская Правда устраняла часть этихъ су-

дебныхъ затрудненій: давала отвѣты на многіе изъ этихъ вопросовъ, стараясь примѣниться къ новымъ понятіямъ и отношеніямъ. Я думаю, что съ теченіемъ времени Русская Правда, имѣвшая обязательное дѣйствіе въ сферѣ церковной юрисдикціи, стала служить руководствомъ и для княжескихъ судовъ.

Итакъ Русская Правда есть памятникъ собственно не древне-русскаго законодательства, а древне-русской кодификаціи. Разборъ Правды позволяетъ намъ отвѣтить и на другой вопросъ, поставленный при началѣ ея изученія: насколько полно и вѣрно отразился въ ней дѣйствовавшій на Руси юридическій порядокъ. Въ ней можно замѣтить слѣды несочувствія кодификатора къ нѣкоторымъ юридическимъ обычаямъ Руси, слишкомъ отзывавшимся языческой стариной. Но трудно уличить его въ поправкахъ, прямыхъ отступленіяхъ отъ дѣйствовавшаго права. Повидимому онъ старался не столько исправлять мѣстный юридическій обычай, сколько, съ одной стороны обходить то, что считалъ необходимымъ исправить въ немъ, а съ другой — пополнять его, формулируя такія юридическія отношенія и случаи, на которые обычай не давалъ прямыхъ отвѣтовъ. Поэтому Русскую Правду можно признать довольно вѣрнымъ, но не цѣльнымъ отраженіемъ юридическаго порядка ея времени: она не вводила новаго права взамѣнъ дѣйствительнаго*; но въ ней воспроизведены не всѣ части дѣйствовавшаго права; а части воспроизведенныя, можетъ быть, въ ней впервые изложены такъ стройно и отчетливо, какъ не сумѣлъ бы изложить ихъ тогдашній княжескій судья.

*дѣйствовавшаго

Источники Русской Правды. Указавъ происхожденіе памятника, отмѣтимъ его юридическіе источники. Источники эти опредѣлились частью самымъ происхожденіемъ Правды. По договорамъ Руси съ Греками X в. нѣкоторыя преступленія, совершенныя Русскимъ въ Царьградѣ, наказуются денежной пеней «по закону русскому». Этотъ законъ русскій, т. е. обычное право древней Руси, и легъ въ основаніе Русской Правды, былъ основнымъ ея источникомъ. Но рядомъ съ этимъ кодификаторъ черпалъ изъ другихъ источниковъ, которые давали ему постановленія, измѣнявшія или развивавшія древній юридическій обычай. Эти источники были таковы: 1) законодательныя постановленія русскихъ князей: такъ во второй статьѣ пространной Правды изложенъ законъ Ярославовыхъ сыновей, замѣнявшій родовую месть за убійство денежной пеней; 2) судебные приговоры князей по частнымъ случаямъ: таковъ приговоръ Изяслава Ярославича, присудившаго къ двойной вирѣ жителей Дорогобужа за убійство княжескаго «конюха стараго», т. е. конюшаго старосты или приказчика; приговоръ этотъ занесенъ въ Правду, какъ общій законъ, причислившій княжескаго старосту конюшаго по размѣру пени за его убійство къ составу старшей дружины князя; наконецъ, 3) законодательные проекты духовенства, принятые князьями. Следы этой законодательной работы духовенства мы замѣчаемъ уже въ лѣтописномъ разсказѣ о князѣ Владимірѣ. Когда усилились разбои въ Русской землѣ, епископы предложили этому князю замѣнить денежную пеню за разбой болѣе тяжкой правительственной карой; въ Русской Правдѣ мы находимъ постановленіе, въ силу которого разбойникъ наказуется не денежной пеней, а «потокомъ и разграбленіемъ», конфискаціей всего иму-

щества преступника и продажей его самого въ рабство за границу со всѣмъ семействомъ. Таковы замѣтные для насъ источники Русской Правды.

Гражданскій порядокъ по Русской Правдѣ. Теперь войдемъ въ разборъ ея содержанія. Я не воспроизведу его во всей полнотѣ, но коснусь лишь настолько, чтобы уловить въ немъ основные житейскіе мотивы и интересы, дѣйствовавшіе тогда въ русскомъ обществѣ. Главное содержаніе памятника составляетъ опредѣленіе дѣяній, вредныхъ въ матеріальномъ отношеніи, причиняемыхъ однимъ лицемъ другому. За нѣкоторыя изъ этихъ дѣяній законъ полагаетъ лишь частное вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго, за другія сверхъ того и правительственную кару со стороны князя. Дѣянія перваго рода суть гражданскія правонарушенія, дѣянія втораго рода — уголовныя преступленія; чертой, которую можетъ провести Правда между уголовнымъ преступленіемъ и гражданскимъ правонарушеніемъ, служитъ взысканіе въ пользу князя за первое. Это взысканіе состояло въ извѣстной денежной пенѣ; только кара за наиболѣе тяжкія уголовныя преступленія была значительно осложнена: за разбой, поджогъ и конокрадство преступникъ подвергался не точно опредѣленной денежной пенѣ въ пользу князя, а потерѣ всего имущества съ лишеніемъ свободы. За всѣ остальныя преступныя дѣянія законъ наказывалъ денежной пеней въ пользу князя и денежнымъ вознагражденіемъ въ пользу потерпѣвшаго. Княжескія пени и частныя вознагражденія представляютъ въ Русской Правдѣ цѣлую систему; онѣ опредѣлялись извѣстной суммой гривенъ кунъ. Гривна значила фунтъ, гривна серебра — фунтъ серебра; куны — деньги. Наше слово деньги татарскаго происхожденія, означа-

ить звонкую монету и вошло въ нашъ языкъ не раньше XIII столѣтія. Гривной кунъ, т. е. денежнымъ фунтомъ, называлея слитокъ серебра, обыкновенно продолговатый, служившій ходячимъ меновымъ знакомъ на древне-русскомъ рынкѣ до XIV в. Въ разное время, сообразно измѣнявшейся цѣнности серебра, гривна кунъ имѣла не одинаковый вѣсъ: въ X в. она равнялась ⅓ фунта; въ XI и началѣ XII в. это былъ кусокъ серебра въ полфунта вѣсомъ; въ концѣ XII ст., когда завершилось составленіе Правды, вѣсъ этого меноваго знака простирался лишь до ¼ фунта. Мы не можемъ опредѣлить тогдашнюю рыночную стоимость серебра, а можемъ оцѣнить лишь стоимость вѣсовую. Такъ какъ фунтъ серебра теперь стоитъ около 27 рублей, то гривна кунъ въ XI и началѣ XII в. по вѣсу металла стоила около 13½ руб. сер., а въ концѣ XII в. около 6¾ руб. За убійство взималась денежная пеня въ пользу князя, называвшаяся <u>вирой</u>, и вознагражденіе въ пользу родственниковъ убитаго, называвшееся <u>головничествомъ</u>. Вира была трояная: двойная въ 80 гривенъ кунъ за убійство княжаго мужа или члена старшей княжеской дружины, простая въ 40 гривенъ за убійство простаго свободнаго человѣка, половинная или <u>полувирье</u> въ 20 гривенъ за убійство женщины и тяжкія увѣчья, за отсѣченіе руки, ноги, носа и за порчу глаза. Головничество было гораздо разнообразнѣе, смотря по общественному значенію убитаго. Такъ головничество за убійство княжаго мужа равнялось двойной вирѣ; головничество за свободнаго крестьянина — 5 гривнамъ. За всѣ прочія преступныя дѣянія законъ наказывалъ <u>продажею</u> въ пользу князя и <u>урокомъ</u> за обиду въ пользу потерпѣвшаго. Такова была система наказаній по Русской Правдѣ. Легко замѣтить взглядъ, на которомъ основывалась эта система. Русская Правда отличала

личное оскорбленіе, обиду, нанесенную лицу, отъ ущерба, причиненнаго его имуществу; но и личная обида, т.е. вредъ физическій, разсматривалась закономъ преимущественно съ точки зрѣнія ущерба хозяйственнаго. Онъ строже наказывалъ за отсѣченіе руки, чѣмъ за отсѣченіе пальца, потому что въ первомъ случаѣ потерпѣвшій становился менѣе способнымъ къ труду, т.е. къ пріобрѣтенію имущества. Смотря на преступленія, преимущественно какъ на хозяйственный вредъ, Правда и карала за нихъ возмездіемъ, соотвѣтствующимъ тому матеріальному ущербу, какой они причиняли. Когда господствовала родовая месть, возмездіе держалось на правилѣ: «жизнь за жизнь, зубъ за зубъ». Потомъ возмездіе перенесено было на другое основаніе, которое можно выразить словами: «гривна за гривну, рубль за рубль». Это основаніе и было послѣдовательно проведено въ системѣ наказаній по Русской Правдѣ. Правда почти совсѣмъ не обращаетъ вниманія на мотивы преступленія и не заботится ни о предупрежденіи преступленій, ни объ исправленіи преступной воли. Она имѣетъ въ виду лишь послѣдствія преступленія и караетъ за нихъ преступника имущественнымъ убыткомъ. Законъ какъ будто говоритъ преступнику: бей, воруй, сколько хочешь, но за все плати исправно по таксѣ. Далѣе этого не простирался взглядъ закона.

Любопытно сопоставить нѣкоторыя статьи Правды о продажахъ или пеняхъ въ пользу князя, какъ и о частныхъ вознагражденіяхъ или урокахъ. Одинаковая пеня въ 12 гривенъ грозитъ и за похищеніе бобра изъ ловища, и за уничтоженіе посевой межи, и за убійство холопа. Одинаковой пеней въ 3 гривны и одинаковымъ урокомъ въ одну гривну наказывается и отсѣченіе пальца, и похищеніе охотничьяго пса съ мѣста лова, и самовольное истязаніе свободнаго крестьянина безъ приговора суд

и. Значитъ, имущество человѣка въ Правдѣ цѣнится
не дешевле, а даже дороже самого человѣка, его здоровь
я, личной безопасности. Произведеніе труда для закона
важнѣе живаго орудія труда — рабочей силы человѣка.
Тоже начало проводится и въ цѣломъ ряду постанов
леній Правды. Замѣчательно, что имущественная безо
пасность, цѣлость капитала, неприкосновенность соб
ственности обезпечивается въ законѣ личностью че-
ловѣка. Купецъ, торговавшій въ кредитъ и ставшій
несостоятельнымъ по своей винѣ, могъ быть проданъ
кредиторами въ рабство. Наемный сельскій рабочій,
получившій при наймѣ отъ хозяина ссуду съ обязатель
ствомъ ее отработать, терялъ личную свободу и пре-
вращался въ полнаго холопа за попытку убѣжать
отъ хозяина, не расплатившись. Значитъ, безопасность
капитала законъ цѣнилъ дороже личной свободы чело-
вѣка. Мало того: даже общественное значеніе лица оп-
редѣлялось его имущественной состоятельностью. Это
можно замѣтить, изучая по Русской Правдѣ составъ
общества (свѣтскаго, не церковнаго). Въ Правдѣ обозна-
чается двоякое дѣленіе общества, политическое и эко
номическое. Политически, по отношенію къ князю ли
ца дѣлятся на два сословія, на служилыхъ и неслу-
жилыхъ, на княжихъ мужей и людей, т.е. простыхъ
людей. Первые лично служили князю, вторые пла-
тили ему дань. Эти два политическія сословія раз-
личались правами. Къ нимъ можно причислить
и третье низшее — холоповъ. По Русской Правдѣ холо-
лопы собственно не сословіе, не лица, а вещи, какъ
и рабочій скотъ; поэтому за убійство холопа
взимались не вира и головничество, а только про-
дажа въ пользу князя и урокъ въ пользу хозяина. Но
церковь уже проводила иной взглядъ на холопа, какъ
на человѣка, и за убійство его наказывала церковной

карой. Княжеское законодательство начинало подчиняться этому взгляду. Въ самой Русской Правдѣ замѣтна попытка измѣнить прежнее отношеніе закона къ рабамъ. До смерти Ярослава рабъ, нанесшій ударъ свободному человѣку, — могъ быть убитъ имъ. Ярославичи запретили это, предоставивъ потерпѣвшему либо побить холопа, либо взысканію за «соромъ», разумѣется, съ хозяина. Итакъ холоповъ можно считать особымъ сословіемъ въ политическомъ составѣ русскаго общества. Значитъ, русское общество XI и XII в. по отношенію лицъ къ князю дѣлилось на свободныхъ, служившихъ лично князю, на свободныхъ, не служившихъ князю, а платившихъ ему дань, и наконецъ на несвободныхъ, служившихъ частнымъ лицамъ. Но рядомъ съ этимъ политическимъ дѣленіемъ мы замѣчаемъ въ Правдѣ и другое дѣленіе — экономическое. Между политическими сословіями стали завязываться переходные слои. Такъ въ средѣ княжихъ слугъ возникаетъ классъ частныхъ земельныхъ собственниковъ. Въ Русской Правдѣ этотъ классъ носитъ названіе бояръ. Бояре Правды не придворный чинъ, а классъ привилегированныхъ частныхъ собственниковъ. Точно также и среди «людей», т. е. свободнаго неслужилаго простонародія, выдѣляются два класса. Одинъ изъ нихъ составляютъ хлѣбопашцы, жившіе на княжеской, т. е. государственной землѣ, не составлявшей ничьей частной собственности; въ Русской Правдѣ они называются смердами. Другой классъ составляли городскіе или сельскіе рабочіе, нанимавшіеся на работу въ чужихъ домахъ или на земляхъ частныхъ собственниковъ со ссудой отъ хозяевъ. Этотъ классъ называется въ Правдѣ наймитами и ролейными закупами. Таковы были три новые класса, обозначавшіеся въ составѣ русскаго общества и не совпадавшіе съ политическимъ его дѣленіемъ. Между ними мы замѣчаемъ хозяйственное различіе. Смердъ, государственный крестьянинъ, обработывалъ государственную землю

со своимъ инвентаремъ, а рольйный закупъ является сельскимъ рабочимъ, который обрабатываетъ полученный имъ отъ хозяина участокъ земли съ хозяйскимъ инвентаремъ, бравъ у землевладѣльца въ ссуду сѣмена, земледѣльческія орудія и рабочій скотъ. Но рядомъ съ этимъ экономическимъ различіемъ мы замѣчаемъ между тремя этими классами и юридическое неравенство. Классъ бояръ землевладѣльцевъ пользовался той привилегіей, что движимое и недвижимое имущество послѣ боярина за отсутствіемъ сыновей могло переходить къ его дочерямъ. Смердъ, работавшій на княжеской землѣ со своимъ инвентаремъ, могъ передавать дочерямъ только движимое имущество, остальное же, т. е. участокъ земли и дворъ послѣ смерда, не оставившаго сыновей, наслѣдовалъ князь. Но смерды, какъ и бояре, свободныя лица; наймитъ напротивъ лице полусвободное, приближающееся къ холопу. Это полусвободное состояніе обнаруживается въ нѣкоторыхъ статьяхъ Правды: 1) хозяинъ пользовался правомъ тѣлесно наказывать своего закупа; 2) закупъ неполноправное лицо на судѣ, могъ быть свидѣтелемъ только въ незначительныхъ тяжбахъ и при отсутствіи свидѣтелей изъ свободныхъ лицъ; 3) закупъ самъ не отвѣчаетъ за нѣкоторыя преступленія, напр. за кражу: за него платитъ пеню хозяинъ, который за то превращаетъ его въ полнаго своего холопа. Легко замѣтить, что экономическіе классы, не совпадая съ политическими сословіями, однако подобно послѣднимъ различались между собою правами. Политическія сословія создавались княземъ, княжеской властью; экономическіе классы творились капиталомъ, имущественнымъ неравенствомъ людей. Такимъ образомъ капиталъ является въ Правдѣ наряду съ княжеской властью творческой соціальной силой, внесшей въ политическія сословія свое особое общест-

венное дѣяніе, которое долженъ былъ признать и княжескій законъ.— То же самое значеніе капитала открывается въ другихъ постановленіяхъ Правды, относящихся къ области гражданскаго права, въ ея статьяхъ объ имущественныхъ сдѣлкахъ и обязательствахъ. Правда не знаетъ преступленій нравственнаго характера, ей чужда мысль о нравственной несправедливости; но зато она вноситъ точныя опредѣленія въ имущественныя отношенія людей. Она различаетъ, напр., отдачу имущества на храненіе отъ займа, простой заемъ, одолженіе по дружбѣ, отъ отдачи денегъ въ ростъ изъ опредѣленнаго условленнаго процента, а эту сдѣлку отъ вклада въ торговое предпріятіе, въ товарищество на вѣру изъ неопредѣленнаго барыша или дивиденда. Далѣе, въ Правдѣ находимъ точно опредѣленный порядокъ взысканія денегъ съ несостоятельнаго должника, т. е. порядокъ конкурса.

Таковы главныя черты Правды, въ которыхъ можно видѣть выраженіе господствовавшихъ житейскихъ интересовъ, основныхъ мотивовъ жизни стараго кіевскаго общества: Русская Правда есть по преимуществу законодательство о капиталѣ. Капиталъ служитъ особымъ предметомъ вниманія для законодателя: можно сказать, что это самая привилегированная особа въ Русской Правдѣ. Имъ указываются важнѣйшія юридическія отношенія, которыя формулируютъ законъ; послѣдній строже наказываетъ за дѣянія, направленныя противъ собственности, чѣмъ за нарушеніе личной безопасности. Капиталъ служитъ и орудіемъ кары за тѣ или другія преступленія: на немъ основана цѣлая система наказаній. Само лицо разсматривается въ Правдѣ не столько, какъ членъ

общества, сколько какъ владѣлецъ капитала: лицо, его не имѣющее, теряетъ права свободнаго человѣка. Капиталъ чрезвычайно дорогъ: до начала XII столѣтія при годовомъ займѣ законъ допускалъ ростъ въ половину капитала (50%). Лишь Владиміръ Мономахъ попытался нѣсколько смягчить строгія постановленія о ростѣ, уменьшивъ его размѣръ. Впрочемъ при долгосрочномъ займѣ и онъ допустилъ ростъ въ 40%. Такое значеніе капитала въ Русской Правдѣ сообщаетъ ей чистый мѣщанскій характеръ. Легко замѣтить ту общественную среду, которая выработала право, послужившее основаніемъ Русской Правды: это былъ большой торговый городъ. Село въ Русской Правдѣ остается въ тѣни, на заднемъ планѣ. Впереди всего поставлены интересы и отношенія торговыхъ городскихъ классовъ, т. е. отношенія промышленно торговой жизни. Такъ, изучая по Русской Правдѣ гражданскій порядокъ, частныя юридическія отношенія людей, мы и здѣсь встрѣчаемся съ той же силой, которая такъ могущественно дѣйствовала на установленіе политическаго порядка во все продолженіе изучаемаго нами перваго періода, именно съ городомъ или тѣмъ, чѣмъ работалъ городъ — съ торгово-промышленнымъ капиталомъ.

Церковные уставы Владиміра и Ярослава. Я назвалъ Русскую Правду довольно вѣрнымъ отраженіемъ русской юридической дѣйствительности XI и XII в., но отраженіемъ далеко не полнымъ. Она воспроизводитъ одинъ рядъ частныхъ юридическихъ отношеній, построенныхъ на матеріальномъ экономическомъ интересѣ; но въ среду этихъ отношеній все глубже врѣзывался съ конца X в. новый строй юридическихъ отношеній, который созидался на иномъ началѣ, на чувствѣ нравственномъ. Эти отношенія проводила въ

Изд. Веселовскій. Лит.: Остоженка, Шрат

русскую жизнь церкви. Памятники, въ которыхъ отразился этотъ новый порядокъ, освѣщаютъ русскую жизнь тѣхъ вѣковъ съ другой стороны, которую оставляетъ въ тѣни Русская Правда. Бѣглымъ обзоромъ древнѣйшихъ изъ этихъ памятниковъ на коротко время я займу ваше вниманіе.

Начальная лѣтопись, разсказывая, какъ Владиміръ въ 997 г. назначилъ на содержаніе построенной имъ въ Кіевѣ соборной соборной церкви десятую часть своихъ доходовъ, прибавляетъ: «и положи написавъ клятву въ церкви сей». Эту клятву мы и встрѣчаемъ въ сохранившемся церковномъ уставѣ Владиміра, гдѣ этотъ князь заклинаетъ своихъ преемниковъ блюсти нерушимо правила, составленныя имъ на основаніи вселенскихъ соборовъ и установленій греческихъ царей, т.е. на основаніи греческаго Номоканона. Древнѣйшій изъ многочисленныхъ списковъ этого устава мы находимъ въ той же самой Новгородской Кормчей конца XIII в., которая сберегла намъ и древнѣйшій извѣстный списокъ Русской Правды. Время сильно попортило этотъ памятникъ, покрывъ его первоначальный текстъ густымъ слоемъ позднѣйшихъ наростовъ. Въ спискахъ этого устава много поправокъ, передѣлокъ, вставокъ, подновленій, варіантовъ. Однако легко возстановить если не первоначальный текстъ памятника, то по крайней мѣрѣ основную мысль, проведенную въ немъ законодателемъ. Уставъ опредѣляетъ положеніе церкви въ новомъ для нея государствѣ. Церковь вѣдала не одно только дѣло спасенія душъ: на нее возложено было много чисто земныхъ заботъ, близко подходящихъ къ задачамъ государства. Она является сотрудницей мірской государственной власти въ устроеніи общества и поддержаніи государственнаго порядка. Съ одной сто-

роны, церкви была предоставлена широкая юрисдикція надъ всеми христіанами, въ составъ которой входили дела семейныя, дела по нарушенію святости христіанскихъ храмовъ и символовъ, дела о вероотступничестве, дела объ оскорбленіи нравственнаго чувства, о противоестественныхъ грехахъ, покушеніяхъ на женскую честь, обидахъ словомъ. Такъ церкви предоставлено было устраивать и беречь порядокъ семейный, религіозный и нравственный. Съ другой стороны, подъ ея особое попеченіе было поставлено особое общество, выделившееся изъ христіанской паствы, и получившее названіе церковныхъ или богадельныхъ людей. Общество это во всехъ делахъ церковныхъ и нецерковныхъ ведала церковная власть. Оно состояло: 1) изъ духовенства белаго и чернаго съ семействами перваго. 2) изъ міряне, служившихъ церкви или удовлетворявшихъ разнымъ мірскимъ ея нуждамъ, каковы были, напримеръ, «задушные» люди, т.е. рабы, завещанные церкви на поминъ души и селившіеся обыкновенно на церковныхъ земляхъ въ качестве полусвободныхъ крестьянъ. 3) изъ людей безпріютныхъ и убогихъ, призреваемыхъ церковью, каковы были нищіе, слепые, вообще неспособные къ работе. Разумеется, въ ведомстве церкви состояли и церковно-благотворительныя учрежденія, въ которыхъ находили убежище церковные люди, монастыри, больницы, странноприимные дома, богадельни. Все это ведомство церкви определено въ уставе Владиміра общими чертами, часто одними намеками; церковныя дела и люди указаны краткими и сухими перечнями. Практическое развитіе началъ церковной юрисдикціи, изложенныхъ въ уставе Владиміра, находимъ въ церковномъ уставе его сына Ярослава. Это уже довольно пространный, стройный церковный судебникъ. Онъ повторяетъ почти те же под-

судныя церкви дѣла, какія перечислены въ уставѣ Владиміра; но здѣсь этотъ сухой перечень разработанъ уже въ тщательно формулированныя статьи съ сложной системой наказаній и по мѣстамъ съ указаніемъ самого порядка судопроизводства.

Эта система и этотъ порядокъ построены на различеніи грѣха и преступленія. Грѣхъ вѣдаетъ церковь, преступленіе—государство. Всякое преступленіе церковь считаетъ грѣхомъ; но не всякій грѣхъ государство считало преступленіемъ. На комбинаціи этихъ основныхъ понятій и построенъ судебный порядокъ въ уставѣ Ярослава. Поэтому всѣ дѣла, опредѣляемыя въ уставѣ, можно свести къ тремъ разрядамъ. 1) Дѣла только грѣховныя судились исключительно церковной властью, разбирались святительскимъ судомъ безъ участія судьи княжескаго. 2) Дѣла грѣховно-преступныя разбирались княжескимъ судьей, но съ участіемъ судьи церковнаго. Это дѣла, гдѣ грѣховный элементъ соединялся съ насиліемъ: таковы дѣла объ умычкѣ дѣвицъ, о самовольномъ разводѣ мужа съ женой безъ вины послѣдней и т. п. Наконецъ, дѣла третьяго разряда были простыя преступленія, совершенныя церковными людьми, какъ духовными, такъ и мірянами. По уставу Владиміра такихъ людей по всѣмъ дѣламъ вѣдала церковная власть; но и князь оставилъ за собою нѣкоторое участіе въ судѣ надъ ними. Наиболѣе тяжкія преступленія, совершенныя церковными людьми, душегубство, татьбу съ поличнымъ, судилъ церковный судья, но съ участіемъ княжескаго, съ которымъ и дѣлился денежными пенями. Такой порядокъ судопроизводства выраженъ въ уставѣ словами: «митрополиту въ винѣ со княземъ напоы», т. е. митропо-

личій судья дѣлитъ съ княземъ денежныя пени пополамъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе Ярославова устава. Нетрудно замѣтить, какія новыя понятія вноситъ онъ въ русское право и юридическое сознаніе: онъ 1) усложняетъ понятіе о преступленіи, о матеріальномъ вредѣ, причиняемомъ другому, мыслію о грѣхѣ, нравственной несправедливости или нравственномъ вредѣ, причиняемомъ преступникомъ не только другому лицу, но и самому себѣ; 2) подвергаетъ юридическому вмѣненію грѣховныя дѣянія, которыхъ старый юридическій обычай не считаетъ вмѣняемыми; наконецъ 3) согласно съ новымъ взглядомъ на преступленіе усложняетъ дѣйствовавшую систему наказаній нравственно-исправительной карой, эпитиміей и заключеніемъ въ церковномъ домѣ. Такимъ образомъ надъ порядкомъ матеріальныхъ интересовъ и отношеній, державшихся на старомъ юридическомъ обычаѣ, уставъ строитъ новый высшій порядокъ интересовъ и отношеній нравственно-религіозныхъ. Съ этой стороны Русская Правда является судебникомъ, начинавшимъ уже отживать, разлагаться, напротивъ уставъ Ярослава представляетъ собою міръ юридическихъ понятій и отношеній, только что завязывавшійся и начинавшій жить. Но представляя собою различные моменты въ юридическомъ развитіи русскаго общества, Русская Правда и церковный уставъ Ярослава — сверстники, какъ памятники кодификаціи. Всматриваясь ближе въ текстъ устава, въ археологическія черты, положенныя въ немъ временемъ, можно догадываться, что этотъ уставъ вырабатывался въ XI и XII в., хотя въ текстъ его, до насъ дошедшій, попали черты и болѣе поздняго времени. Значитъ, уставъ составлялся

въ одно время съ Руской Правдой. Сравнивая оба памятника руской кодификаціи, находимъ, что они не только сверстники, но и земляки, если можно такъ выразиться: у нихъ одна родина, они выросли на одной и той же почвѣ церковнаго суда и потому отмѣчаются одинаковыми кодификаціонными пріемами и имѣютъ тѣсную юридическую и историческую связь между собою. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Ярославовъ уставъ? Это составленный на основаніи Номоканона, Владимірова устава и частію мѣстнаго юридическаго обычая сводъ постановленій о грѣховно-преступныхъ дѣяніяхъ, за которыя судить міряхъ и духовныхъ поручено было руской церковной власти. Что такое Руская Правда? Это составленный на основаніи мѣстнаго юридическаго обычая, княжескаго законодательства и при косвенномъ участіи церковно-византійскаго права сводъ постановленій объ уголовныхъ преступленіяхъ и гражданскихъ правонарушеніяхъ въ томъ объемѣ, какой* нуженъ былъ такой сводъ церковному судьѣ, судившему по нецерковнымъ дѣламъ церковныхъ людей, вѣдать которыхъ предоставлено было руской церковной власти. Составленіе одного изъ этихъ сводовъ вело и къ составленію другаго, какъ его необходимаго дополненія. Такъ оба памятника являются какъ бы двумя частями одного церковно-юридическаго кодекса.

По разсмотрѣннымъ церковнымъ уставамъ можно составить общее сужденіе о томъ, какое дѣйствіе оказала церковь на русское общество въ первые вѣка его христіанской жизни. Церковь не измѣнила ни формъ, ни основаній политическаго порядка, какой она застала на Руси, хотя онъ и былъ ей несочувственъ: она только старалась устранить нѣкоторыя тяжелыя его слѣдствія, напримѣръ кня-

* читай: въ какомъ.

жескія усобицы, и внушить лучшія политическія понятія, разъясняла князьямъ истинныя задачи ихъ дѣятельности и указывала наиболѣе пригодныя средства дѣйствія. Точно также, не касаясь прямо ни формъ, ни началъ русскаго юридическаго быта, она, такъ сказать, прививала къ нему новыя юридическія понятія и отношенія и помощію ихъ проникала глубоко въ составъ русскаго общества. Мы видѣли, какъ дѣлилось общество по Русской Правдѣ. Оно дѣлилось на политическіе и экономическіе слои, лежавшіе одни надъ другими, т.е. дѣлилось горизонтально. Церковь стала рѣзать общество въ иномъ направленіи, сверху внизъ, вертикально. На это указываетъ составъ общества «церковныхъ людей». Какъ мы видѣли, это не былъ постоянный и однородный классъ съ наслѣдственнымъ значеніемъ, похожій на сословіе: въ число церковныхъ людей попадали лица разныхъ классовъ гражданскаго общества и принадлежность къ нему опредѣлялась временнымъ состояніемъ, иногда случайными обстоятельствами (убогіе и безпріютные, странники и т.п.) Даже князь могъ попасть въ число церковныхъ людей. Церковный уставъ князя Всеволода Мстиславича, данный Новгородскому Софійскому собору въ 1130-хъ годахъ, причисляетъ къ церковнымъ людямъ и изгоевъ, т.е. людей, по несчастію или другимъ причинамъ, потерявшихъ права своего состоянія, сбившихся съ житейскаго пути, по которому шли ихъ отцы. Уставъ различаетъ четыре вида изгоевъ: это поповъ сынъ, не обучившійся грамотѣ, обанкрутившійся купецъ, холопъ, выкупившійся на свободу, и князь, преждевременно осиротѣвшій. Итакъ рядомъ съ общественнымъ дѣленіемъ по правамъ и имущественной состоятельности церковь вводила свое дѣленіе, основанное на иномъ началѣ. Еще глубже было ея дѣйствіе на сер-

мы гражданскаго общежитія. Здѣсь, во первыхъ, она разрывала старый языческій родовый союзъ, создавая на его развалинахъ новый — христіанскую семью. Христіанство еще застало на Руси живые слѣды родового союза. Построенный на языческихъ началахъ, онъ былъ противенъ церкви, которая съ самой минуты своего появленія на Руси стала разбивать его; разбивая его, она ставила на его развалинахъ союзъ семейный, ею освященный. Средствомъ для этого было церковное законодательство о бракѣ. Брачный союзъ былъ запрещенъ до третьяго поколѣнія, т. е. даже между троюродными братьями и сестрами. Допуская бракъ между болѣе отдаленными родственниками, церковь пріучала ихъ смотрѣть другъ на друга, какъ на чужихъ людей. Такъ она укорачивала языческое родство, обрубая его отдаленныя вѣтви. Далѣе, точными и строгими предписаніями объ отношеніяхъ между мужемъ и женой, между родителями и дѣтьми она очищала нравы, вносила право и дисциплину туда, гдѣ прежде господствовали инстинктъ и произволъ.

Періодъ второй.

(XII — XV в.)

Изученіемъ гражданскаго порядка, частныхъ юридическихъ отношеній въ древней кіевской Руси, какъ они отразились въ древнѣйшихъ памятникахъ

русскаго законодательства, въ Русской Правдѣ и церковныхъ уставахъ первыхъ христіанскихъ князей Руси, я кончаю изложеніе перваго періода нашей исторіи. Обращаюсь къ изученію втораго періода, продолжавшагося съ конца XII в. до половины XIV ст. Напередъ я отмѣчу главныя черты этого времени, которыя составятъ предметъ нашего изученія. Если въ первомъ періодѣ масса русскаго населенія сосредоточивалась въ области Днѣпра, то во второмъ является въ области верхней Волги. Если въ первомъ періодѣ устроителемъ и руководителемъ политическаго и общественнаго порядка былъ большой торговый городъ, то во второмъ такимъ устроителемъ и руководителемъ является князь-наслѣдственный вотчинникъ своего удѣла. Эта двоякая перемѣна, территоріальная и политическая, перестраиваетъ политическій и экономическій бытъ верхне-волжской Руси. Согласно съ новой политической силой эта Русь дѣлится не на городовыя области, а на княжескіе удѣлы; сообразно съ новой территоріей, съ новой внѣшней обстановкой, въ которой живетъ главная масса русскаго населенія, и двигателемъ народнаго хозяйства становится вмѣсто внѣшней торговли сельско-хозяйственная эксплуатація земли съ помощью вольнаго труда крестьянина-арендатора. Припомните, какъ вы изучали явленія нашей исторіи XII и XIII вѣковъ, т.е. какъ они излагаются въ краткомъ учебномъ руководствѣ. Приблизительно до половины XII в. вниманіе изучающаго сосредоточивается на кіевской Руси, на ея князьяхъ, на событіяхъ, тамъ происходившихъ. Съ конца XII в. вниманіе это довольно круто поворачивается въ другую сторону, на сѣверовостокъ, сосредоточивается на Суздальской землѣ,

на ея князьяхъ, на явленіяхъ, томъ обнаруживающихся. Историческая сцена мѣняется какъ то вдругъ, неожиданно, безъ достаточной подготовки. Мы съ перваго взгляда не можемъ дать себѣ отчета ни въ томъ, куда дѣвалась старая Кіевская Русь, ни въ томъ, откуда выросла Русь новая, верхневолжская. Изучая второй періодъ нашей исторіи, мы должны начать съ того факта, который былъ причиной этой перестановки исторической сцены: мы должны разсмотрѣть, когда и какимъ образомъ масса русскаго населенія передвинулась въ новый край. Это передвиженіе было слѣдствіемъ разрушенія общественнаго порядка, установившагося въ Кіевской Руси. Причины этого разрушенія были довольно сложны и скрывались какъ въ самомъ складѣ жизни Кіевской Руси, такъ и въ ея внѣшней обстановкѣ. Я бѣгло укажу главныя изъ этихъ причинъ.

Условія, разрушавшія общественный порядокъ и благосостояніе Кіевской Руси.

Съ половины XII столѣтія становится замѣтно дѣйствіе условій, разрушавшихъ общественный порядокъ и экономическое благосостояніе Кіевской Руси. Жизнь этой Руси, какъ она отражалась въ бытѣ высшихъ классовъ русскаго общества, отличалась свѣтлымъ колоритомъ. Руководящая сила народнаго хозяйства, внѣшняя торговля, сообщала этой жизни много движенія, приносила на Русь много богатства, содѣйствовала украшенію житейской обстановки. Присутствіе значительныхъ состояній въ большихъ городахъ Кіевской Руси XI и XII в.в. несомнѣнно; оно выразилось въ успѣхахъ искусствъ и книжнаго образованія. Но все это составляетъ лицевую сторону жизни, которая имѣла свою изнанку; изнанку эту представ-

ляетъ бытъ общественнаго низа, низшихъ классовъ общества. Экономическое благосостояніе Кіевской Руси XI и XII в.в. держалось на рабовладѣніи. Рабовладѣніе къ половинѣ XII в. достигло таких громадныхъ размѣровъ. Уже въ X–XI в. рабы, челядь составляли главную статью русскаго вывоза на черноморскіе и каспійскіе рынки. Русскій купецъ того времени всюду неизмѣнно являлся съ главнымъ своимъ товаромъ, съ челядью. Восточные писатели X вѣка въ живой картинѣ рисуютъ намъ русскаго купца, торгующаго челядью на Волгѣ: выгрузившись онъ разставлялъ на волжскихъ базарахъ свои скамьи, лавки, на которыхъ разсаживалъ живой товаръ — рабынь. Съ тѣмъ же товаромъ являлся онъ и въ Константинополь. Когда греку, обывателю Царьграда, нужно было купить раба, онъ ѣхалъ на рынокъ, гдѣ «русскіе купцы приходяще челядь продаютъ»: такъ читаемъ въ одномъ посмертномъ чудѣ Николая Чудотворца, относящемся къ половинѣ XI в. Рабовладѣніе было однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, на которые обращено было вниманіе древнѣйшаго русскаго законодательства, сколько можно судить о томъ по Русской Правдѣ: статьи о рабовладѣніи составляютъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и обработанныхъ отдѣловъ въ ея составѣ. Рабовладѣніе было повидимому и первоначальнымъ юридическимъ и экономическимъ источникомъ русскаго землевладѣнія. Признаки частной земельной собственности на Руси появляются не раньше половины XI в. Въ XII ст. мы встрѣчаемъ нѣсколько указаній на частныхъ земельныхъ собственниковъ. Такими собственниками являются: 1) князья и члены ихъ семействъ, 2) княжіе мужи, бояре, 3) церковныя учрежденія, монастыри и епископскія каѳедры. Но во всѣхъ извѣстіяхъ о частномъ землевладѣніи XII в. земельная собственность является съ

однимъ отличительнымъ признакомъ: она населялась и эксплуатировалась рабами; челядь составляла повидимому необходимую хозяйственную принадлежность частного землевладѣнія свѣтскаго и церковнаго, крупнаго и мелкаго. Отсюда можно заключить, что самая идея о правѣ собственности на землю, о возможности владѣть землею, какъ всякою другою вещью, вытекла изъ рабовладѣнія, была развитіемъ мысли о правѣ собственности на холопа. «Эта земля моя, потому что мои люди, ее обрабатывающіе, къ ней привязанные»: таковъ былъ, кажется, діалектическій процессъ, которымъ сложилась у насъ юридическая идея о правѣ земельной собственности. Холопъ-земледѣлецъ, «страдникъ», какъ онъ назывался на юридическомъ языкѣ древней Руси, служилъ проводникомъ этой идеи отъ хозяина на землю, юридической связью между первымъ и послѣдней, какъ онъ былъ для перваго орудіемъ хозяйственной эксплуатаціи послѣдней. Вслѣдствіе того, что въ XI и XII в.в. раба стали сажать на землю, онъ поднялся въ цѣнѣ. Мы знаемъ, что до смерти Ярослава законъ дозволялъ убить раба за ударъ, нанесенный имъ свободному человѣку. Дѣти Ярослава запретили это. Рабовладѣльческія понятія и привычки древне-русскихъ землевладѣльцевъ перенесены были потомъ и на отношенія послѣднихъ къ вольнымъ рабочимъ, къ крестьянамъ. Русская Правда знаетъ классъ «ролейныхъ», т.е. земледѣльческихъ наймитовъ или закуповъ. Закупъ близко стоялъ къ холопу, хотя законъ и отличалъ его отъ послѣдняго: это неполноправный, временно-обязанный крестьянинъ, работавшій на чужой землѣ, кабальный холопъ и въ иныхъ случаяхъ превращавшійся въ полнаго «обельнаго» холопа. Въ этомъ угнетенномъ юридическомъ положеніи закупа и можно

видѣть дѣйствіе рабовладѣльческихъ привычекъ древне-русскихъ землевладѣльцевъ, переносившихъ на вольно-наемнаго крестьянина взглядъ, какимъ они привыкли смотрѣть на своего раба-земледѣльца. Строгость, съ какою древне-русскій законъ преслѣдовалъ рослѣйнаго наймита за побѣгъ отъ хозяина безъ расплаты, свидѣтельствуетъ въ одно время и о нуждѣ землевладѣльцевъ въ рабочихъ рукахъ, и о стремленіи наемныхъ рабочихъ, закуповъ выйти изъ своего тяжелаго юридическаго положенія. Такимъ образомъ успѣхи общежитія и экономическое благосостояніе Кіевской Руси куплены были цѣною порабощенія низшихъ классовъ; привольная жизнь общественныхъ вершинъ держалась на юридическомъ и экономическомъ приниженіи массъ простого народа. Эта приниженность обострялась еще огромнымъ имущественнымъ неравенствомъ между классами русскаго общества по большимъ городамъ XI и XII в.в. Начальная Лѣтопись вскрываетъ передъ нами эту соціальную черту. Въ 1018 г. Новгородцы рѣшились на вѣчѣ сложиться, чтобы нанять за моремъ Варяговъ на помощь Ярославу въ борьбѣ его съ кіевскимъ братомъ Святополкомъ. По общественной раскладкѣ рѣшили собрать съ простыхъ людей по 4 куны, а съ бояръ по 18 гривенъ кунъ. Кунъ въ гривнѣ считалось 25: значитъ, высшій классъ общества былъ обложенъ въ 112 ½ разъ тяжелѣе сравнительно съ простыми гражданами. Это приниженное юридическое и экономическое положеніе рабочихъ классовъ старо-русскаго общества и было однимъ изъ условій, подкапывавшихъ общественный порядокъ и благосостояніе Кіевской Руси. Порядокъ этотъ не имѣлъ опоры въ низшихъ классахъ населенія, которымъ онъ давалъ себя чувствовать своими невыгодными послѣдствіями—

ми.

Князья своими владѣльческими отношеніями вызвали къ дѣйствію другое, тоже неблагопріятное, условіе. Очередной порядокъ княжескаго владѣнія былъ одной изъ самыхъ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ развитію рабовладѣнія. Въ постоянныхъ своихъ усобицахъ князья мало думали о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ, о территоріальномъ расширеніи своихъ областей, въ которыхъ они являлись временными владѣльцами; но чувствуя малонаселенность своихъ областей, они старались заселить ихъ искусственно. Лучшимъ средствомъ для этого былъ полонъ. Поэтому ихъ общей военной привычкой было, вторгнувшись во враждебную страну, разорить ее и набрать какъ можно больше плѣнниковъ. Плѣнники по тогдашнему русскому праву обращались въ рабство и селились на земляхъ князя и его дружины, съ которой князь дѣлился своей добычей. Такъ Ярославъ заселялъ Поросье плѣнными Ляхами. Ослѣпленный князь Василько въ горѣ своемъ вспомнилъ, какъ нѣкогда онъ имѣлъ намѣреніе напасть на Болгаръ Дунайскихъ и перевести ихъ въ свое Теребовльское княжество. Поговорка, ходившая о князѣ конца XII в. Романѣ Волынскомъ («худымъ живеши, литвою ореши»), показываетъ, что литовскіе плѣнники сажались на княжескую землю для ея обработки. Точно также князья обращались во время усобицъ и со своими русскими плѣнниками. Владиміръ Мономахъ былъ самый добрый изъ князей XI—XII в.в.; но и онъ не чуждъ былъ этого хищничества. Въ своемъ «Поученіи» дѣтямъ онъ разсказываетъ, какъ, напавши разъ врасплохъ на Минскъ, онъ не оставилъ тамъ «ни челядина, ни скотины», по собственному его выраженію. Въ другой разъ сынъ его Ярополкъ (1116 г.) захватилъ Друцкъ и всѣхъ жите-

лей этого города перевелъ въ свою Переяславскую волость, построивши для нихъ новый городъ при впаденіи Сулы въ Днѣпръ. Лѣтописецъ XII в., разсказывая объ удачномъ вторженіи князя въ чужую волость, обыкновенно заканчиваетъ разсказъ замѣчаніемъ, что побѣдители воротились «ополонившись челядью и скотомъ». Превратившись въ хищническую борьбу за рабочія руки, сопровождавшуюся разореніемъ селъ и городовъ, княжескія усобицы еще болѣе увеличивали тяжесть положенія низшихъ классовъ, и безъ того приниженныхъ аристократическимъ законодательствомъ XI—XII в.в.

Внѣшнія отношенія Кіевской Руси прибавили третье разрушительное условіе къ двумъ указаннымъ. Изучая жизнь этой Руси, ни на минуту не слѣдуетъ забывать, что она основалась на европейской окраинѣ, на берегахъ Европы, за которыми простиралось обширное море степей. Эти степи со своимъ кочевымъ населеніемъ и были историческимъ бичемъ для древней Руси. Послѣ пораженія, нанесеннаго Ярославомъ Печенѣгамъ въ 1036 г., степь на нѣкоторое время очистилась; но вслѣдъ за смертью Ярослава начались непрерывныя нападенія на Русь новыхъ степныхъ ея сосѣдей Половцевъ. Съ этими Половцами Русь боролась упорно въ XI и XII ст. Половецкія нападенія оставляли по себѣ страшные слѣды на Руси. Читая лѣтопись того времени, мы найдемъ въ ней сколько угодно яркихъ красокъ для изображенія бѣдствій, какія испытывала Русь съ степной стороны. Нивы пустѣли, заростали травою и лѣсомъ; гдѣ паслись стада, тамъ водворялись звѣри. Цѣлые города, даже области пустѣли. Въ XII в. Поросье (край по рѣкѣ Роси, западному притоку Днѣпра ниже Кіева) является хорошо за

селенной страной. Здѣсь жило смѣшанное населеніе: рядомъ съ плѣнными Ляхами здѣсь селились русскіе выходцы и мирные кочевники Торки, Берендѣи, даже Печенѣги, спасшіеся отъ Половцевъ и примкнувшіе къ Руси для борьбы съ ними. Эти мирные инородцы вели полукочевой образъ жизни: лѣтомъ они бродили по сосѣднимъ степямъ со своими стадами и вѣжами (кибитками), а зимой или на время опасности укрывались въ свои укрѣпленныя становища и русскіе города. Русскіе въ отличіе отъ дикихъ Половцевъ звали ихъ «своими погаными». Въ концѣ XI ст. Поросье стало особой епархіей, каѳедра которой находилась въ Юрьевѣ на Роси, городѣ, построенномъ Ярославомъ и названномъ по его христіанскому имени (Ярославъ = Георгій = Юрій). Обитатели Поросья жили въ постоянной тревогѣ. Въ 1095 г. жители Юрьева, наскучивъ постоянными опасностями отъ Половцевъ, всѣ ушли въ Кіевъ, а Половцы сожгли опустѣлый городъ. Великій князь Святополкъ построилъ для переселенцевъ новый городъ на Днѣпрѣ ниже Кіева; скоро къ нимъ присоединились другіе бѣглецы со степной границы. Такія же опасности переживала и другая сосѣдняя со степью Переяславская земля: въ продолженіе XII-го вѣка она постепенно пустѣла. До смерти Мономахова сына Мстислава (1132 г.) Русь еще съ успѣхомъ отбивала Половцевъ отъ границъ своихъ и даже иногда удачно проникала въ самую глубь половецкихъ степей; но по смерти этого дѣятельнаго Мономаховича ей очевидно становится не подъ силу сдерживать половецкія нападенія и она начинаетъ отступать передъ ними. Отъ этихъ нападеній, разумѣется, всего болѣе стра-

дало сельское пограничное населеніе, неприкрытое отъ враговъ городскими стѣнами. На княжескомъ съѣздѣ въ 1103 г. Владиміръ Мономахъ живо изобразилъ великому князю Святополку тревожную жизнь крестьянъ въ пограничныхъ со степью областяхъ: „весною", говоритъ князь, „выѣдетъ смердъ въ поле пахать на лошади, и пріѣдетъ Половчинъ, ударитъ смерда стрѣлою, возьметъ его лошадь, потомъ пріѣдетъ въ село, захватитъ его жену, дѣтей и все имѣніе, да и гумно его зажжетъ".

Благодаря этимъ тремъ неблагопріятнымъ условіямъ, юридическому и экономическому приниженію низшихъ классовъ, княжескому хищничеству и половецкимъ нападеніямъ, съ половины XII в. становятся замѣтны признаки запустѣнія Кіевской Руси, Поднѣпровья. Рѣчная полоса, издавна такъ хорошо заселенная, съ этого времени пустѣетъ, населеніе ея исчезаетъ куда то. Самымъ рѣзкимъ указаніемъ на это служитъ одинъ эпизодъ изъ исторіи княжескихъ усобицъ. Въ 1157 г. умеръ сидѣвшій въ Кіевѣ великій князь Юрій Долгорукій; мѣсто его на великокняжескомъ столѣ занялъ старшій изъ Черниговскихъ князей Изяславъ Давыдовичъ. Этотъ Изяславъ по очереди старшинства Черниговскій столъ съ областью долженъ былъ уступить своему двоюродному брату Святославу Ольговичу, княжившему въ Новгородѣ Сѣверскомъ. Но Изяславъ отдалъ Святославу не всю Черниговскую область, а только старшій городъ Черниговъ съ семью другими городами. Въ 1159 г. Изяславъ собрался въ походъ на недруговъ своихъ, князей Галицкаго и Волынскаго, и звалъ Святослава къ себѣ на помощь; но Святославъ отка

зался. Тогда старшій братъ послалъ ему такую угрозу: «смотри, братъ, когда Богъ дастъ, управлюсь въ Галичѣ, тогда уже не пеняй на меня, какъ поползешь ты изъ Чернигова къ Новгороду Сѣверскому». На эту угрозу Святославъ отвѣтилъ такими многознаменательными словами: «Господи! ты видишь мое смиреніе, сколько я поступался своимъ, не хотя лить крови христіанской, губить своей отчины; взялъ я городъ Черниговъ съ семью другими городами, да и то пустыми: живутъ въ нихъ псари да Половцы». Значитъ, въ этихъ городахъ остались лишь княжескіе дворовые люди да мирные Половцы, перешедшіе на Русь. Къ нашему удивленію, въ числѣ этихъ семи запустѣлыхъ городовъ Черниговской земли мы встрѣчаемъ и одинъ изъ самыхъ старинныхъ и богатыхъ городовъ Поднѣпровья Любечъ. Одновременно съ признаками отлива населенія изъ Кіевской Руси встрѣчаемъ и слѣды упадка ея экономическаго благосостоянія: Русь, пустѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣднѣла. Указаніе на это мы находимъ въ исторіи денежнаго обращенія въ XII в. Внѣшняя торговля приносила на Русь большой запасъ драгоцѣнныхъ металловъ. До смерти Мономаха, можетъ быть и нѣсколько далѣе, это обиліе драгоцѣнныхъ металловъ сказывалось между прочимъ въ пониженіи стоимости серебра и въ постепенномъ увеличеніи вѣса мѣноваго знака, гривны кунъ. При Ярославѣ и Мономахѣ эта гривна кунъ содержала въ себѣ полфунта серебра. Съ половины XII в. вѣсъ ея быстро падаетъ, — знакъ, что стали изсякать источники, откуда приливало къ намъ серебро. Во второй половинѣ XII в. вѣсъ гривны кунъ упалъ уже до 24 золотниковъ, а въ началѣ XIII в. онъ падаетъ еще ниже, такъ что въ Новгородѣ около 1230 г. ходили гривны кунъ вѣсомъ въ 14 золотниковъ или около. Лѣтописецъ объясняетъ намъ и причину этого вздорожанія серебра. Внѣш-

ніе торговые обороты Руси все болѣе стѣснялись кочевниками; прямое указаніе на это находимъ въ словахъ одного южнаго князя второй половины XII в. Знаменитый соперникъ Андрея Боголюбскаго Мстиславъ Изяславичъ Волынскій въ 1170 г. старался подвинуть свою братію въ походъ на степныхъ варваровъ. Онъ указывалъ на бѣдственное положеніе Руси: «пожалѣйте», говорилъ онъ, «о Русской землѣ, о своей отчинѣ: каждое лѣто поганые уводятъ христіанъ въ свои вежи, а вотъ уже и торговые пути у насъ отнимаютъ». Въ продолженіе XII в. каждый годъ князья лѣтомъ спускались изъ Кіева съ вооруженными отрядами, чтобъ встрѣтить и проводить «Гречниковъ», русскихъ купцовъ, шедшихъ изъ Царьграда и другихъ греческихъ городовъ. Это вооруженное конвоированье русскихъ торговыхъ каравановъ было важной правительственной заботой князей. Очевидно, во второй половинѣ XII столѣтія князья съ своими дружинами становятся уже безсильными въ борьбѣ со степнымъ напоромъ и стараются по крайней мѣрѣ удержать въ своихъ рукахъ пролегавшіе черезъ степь рѣчные пути русской рѣчной торговли.

Вотъ рядъ явленій, указывающихъ, какія неустройства и бѣдствія скрывались во глубинѣ общества подъ столь блестящей повидимому поверхностью кіевской жизни. Теперь предстоитъ рѣшить вопросъ: куда дѣвалось населеніе пустѣвшей Кіевской Руси, въ какую сторону отливали низшіе рабочіе классы, уступавшіе свое мѣсто въ Поднѣпровьѣ княжескимъ псарямъ и Половцамъ.

Отливъ населенія изъ Поднѣпровья на Западъ и происхожденіе Малорусскаго племени.

Отливъ населенія изъ Поднѣпровья шелъ въ двухъ направленіяхъ, двумя противоположными струями.

Одна струя направлялась на Западъ, въ область верховьевъ Западнаго Буга и Днѣстра и дальше, въ области верхней Вислы, въ глубь Польши. Такъ южно-русское населеніе съ Приднѣпровья возвращалось на давно забытыя мѣста, покинутыя его предками еще въ VII в. Слѣды отлива въ эту сторону обнаруживаются въ судьбѣ двухъ окраинныхъ княжествъ, Галицкаго и Волынскаго. По политическому положенію своему на лѣствицѣ русскихъ областей эти княжества принадлежали къ числу послѣднихъ; но съ конца XII в., при князьяхъ Романѣ Мстиславичѣ и его сынѣ Даніилѣ, они замѣтно растутъ; въ нихъ появляются новые города, князья ихъ быстро богатѣютъ. Галицкій князь, по генеалогическому положенію своему одинъ изъ младшихъ среди своей братіи, въ началѣ XIII ст. дѣлается самымъ вліятельнымъ на юго-западѣ и распоряжается даже кіевскимъ столомъ. Этимъ отливомъ населенія на западъ объясняется одно любопытное явленіе въ русской этнографіи, именно образованіе малороссійскаго племени. Запустѣніе Поднѣпровской Руси, начавшееся въ XII в., было завершено въ XIII в. татарскимъ погромомъ. Съ той поры старинныя области этой Руси, нѣкогда столь густо заселенныя, на много вѣковъ превратились въ пустыни. Вскорѣ послѣ татарскаго погрома, въ 1246 году проѣзжалъ изъ Польши чрезъ Кіевъ на Волгу къ Татарамъ папскій миссіонеръ Плано-Карпини. Въ своихъ запискахъ онъ замѣчаетъ, что на пути съ Волыни къ Кіеву онъ подвергался опасности отъ Литвы, которая часто дѣлаетъ нападенія на эти края Руси, но что Руси здѣсь осталось очень мало: большая часть ея либо перебита, либо уведена въ плѣнъ Татарами. На всемъ пройденномъ имъ пространствѣ южной Руси Плано-Карпини встрѣчалъ лишь безчисленное множество человѣческихъ костей и череповъ, разбросанныхъ по полямъ.

Въ самомъ Кіевѣ, прежде столь обширномъ и многолюдномъ городѣ, едва насчитывали при немъ 200 домовъ. По опустѣвшимъ степнымъ границамъ кіевской Руси бродили остатки ея старинныхъ соседей Печенѣговъ, Половцевъ, Черныхъ Клобуковъ. Въ такомъ запустѣніи оставались южныя области большею частью до конца XV ст. Послѣ того какъ юго-западная Русь въ XIV в. была завоевана Литвой, эти пустыни стали юго-восточной границей соединеннаго Польско-Литовскаго государства. Въ XV в. становится замѣтно ихъ заселеніе, вызванное двумя обстоятельствами: 1) южная окраина Руси стала безопаснѣе вслѣдствіе распаденія Орды и усиленія Московской Руси; 2) въ предѣлахъ Польскаго государства прежнее оброчное крестьянское хозяйство въ XV в. стало замѣняться барщиной и крѣпостное право получило широкое развитіе, усиливъ въ сельскомъ населеніи стремленіе уходить на болѣе привольныя мѣста. Совмѣстнымъ дѣйствіемъ этихъ двухъ обстоятельствъ и былъ вызванъ усиленный отливъ крестьянскаго населенія изъ Галиціи и изъ внутреннихъ областей Польши на юго-восточную русскую окраину Польскаго государства. Руководителями этой колонизаціи явились богатые польскіе вельможи, пріобрѣтавшіе себѣ обширныя вотчины на этой Украйнѣ. Благодаря тому стали быстро заселяться пустѣвшія дотолѣ области старой кіевской Руси. Конецпольскіе, Потоцкіе, Вишневецкіе на своихъ обширныхъ степныхъ вотчинахъ въ короткое время выводили десятки и сотни городовъ съ тысячами хуторовъ и селеній. Польскіе публицисты XVI в. знаменуются, указывая на два одновременныя явленія: на невѣроятно быстрое заселеніе пустынныхъ земель по Днѣпру, южному Бугу и Днѣстру и на запустѣніе многолюдныхъ прежде мѣстечекъ, селъ въ центральныхъ областяхъ Польши.

Когда такимъ образомъ заселилась Днѣпровская Украйна, то оказалось, что масса пришедшаго сюда населенія чисто русскаго происхожденія. Отсюда можно заключить, что большинство колонистовъ, пришедшихъ изъ глубины Польши и изъ Галиціи были потомки той Руси, которая ушла съ Днѣпра на западъ въ XII и XIII в.в. и въ продолженіе двухъ-трехъ столѣтій живя среди Поляковъ сохранила свою народность. Эта Русь, возвращаясь теперь на свои старыя пепелища, встрѣтилась съ бродившими здѣсь остатками кочевниковъ Торковъ, Берендѣевъ, Печенѣговъ и др. Изъ смѣшенія воротившихся на древнія днѣпровскія жилища Русскихъ съ этими восточными инородцами и составилось Малорусское племя.

Признаки отлива населенія на Суздальскій сѣверъ.

Другая струя колонизаціи изъ Днѣпровья направилась въ противоположный уголъ Русской земли, на сѣверо-востокъ за рѣку Угру въ междурѣчье Оки и верхней Волги. Это движеніе также слабо отмѣчено современными наблюдателями; оно шло тихо и постепенно въ низшихъ классахъ общества, потому и не скоро было замѣчено людьми, стоявшими на общественной вершинѣ. Но сохранились признаки, указывающіе на это движеніе;

1. До половины XII ст. не замѣтно прямого сообщенія Кіевской Руси съ отдаленнымъ Суздальскимъ краемъ. Заселеніе этой окраины Руси Славянами началось задолго до XII в., и колонизація первоначально шла преимущественно съ сѣверо-запада, изъ Новгородской земли, къ которой принадлежалъ этотъ край при первыхъ русскихъ князьяхъ. Здѣсь еще до XII ст. возникло нѣсколько русскихъ городовъ, каковы Ростовъ, Ярославль и др. Въ главныхъ изъ нихъ по временамъ появлялись русскіе князья. Такъ при Владимірѣ въ Ростовѣ сидѣлъ его сынъ Борисъ,

въ Муромѣ на Окѣ другой сынъ Глѣбъ. Любопытно, что когда Суздальскому князю въ XI в. приходилось ѣхать на Югъ въ Кіевъ, онъ ѣхалъ не прямой дорогой, а дѣлалъ длинный объѣздъ въ сторону. Въ 1015 г. Глѣбъ Муромскій, узнавши о болѣзни отца, поѣхалъ навѣстить его. Путь, которымъ онъ ѣхалъ, обозначенъ извѣстіемъ, что при устьѣ рѣки Тмы конь князя споткнулся и сбросилъ всадника: рѣка Тма лѣвый притокъ Волги повыше Твери. Добравшись до Смоленска, Глѣбъ хотѣлъ спуститься Днѣпромъ къ Кіеву; но тутъ настигли его подосланные Святополкомъ убійцы. Еще любопытнѣе, что и народная богатырская былина запомнила время, когда не было прямой дороги изъ Мурома къ Кіеву. Илья Муромецъ, пріѣхавъ въ Кіевъ, разсказывалъ за столомъ Владиміровымъ богатырямъ, какимъ путемъ онъ ѣхалъ со своей родины:

«А проѣхалъ я дорогой прямоѣзжею
«Изъ стольнаго города, изъ Мурома,
«Изъ того села Карачарова.
«Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
«А ласково солнце Владиміръ князь
«Въ очахъ дѣтина завирается:
«А гдѣ ему проѣхать дорогу прямоѣзжую;
«Залегла та дорога тридцать лѣтъ
«Отъ того Соловья разбойника».

Около половины XII в. начинаетъ понемногу прокладываться и прямоѣзжая дорога изъ Кіева на отдаленный Суздальскій сѣверъ. Владиміръ Мономахъ, неутомимый ѣздокъ, на своемъ вѣку изъѣздившій Русскую землю вдоль и поперекъ, говоритъ въ поученіи къ дѣтямъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ похвальбы, что одинъ разъ изъ Кіева онъ проѣхалъ въ Ростовъ «сквозь Вятичей». Значитъ, нелегкое дѣло было проѣхать съ Днѣпра къ Ростову чрезъ племя Вятичей. Край Вятичей былъ глухою

лѣсной страною; уйти въ лѣса къ Вятичамъ значило спрятаться такъ, чтобы никто не нашелъ. Черниговскіе князья, которымъ принадлежало племя Вятичей, часто искали здѣсь убѣжища, побитые своею братіею. На пространствѣ между верхней Окою и Десной отъ города Карачева до Козельска и далѣе къ сѣверу, т.е. въ значительной части нынѣшней Орловской и Калужской губерній, тянулись дремучіе лѣса, столь извѣстные въ нашихъ сказаніяхъ о разбойникахъ подъ названіемъ «Брынскихъ (Брынь — старинная волость Мещовскаго уѣзда Калужской губ.). Городъ Брянскъ въ самомъ своемъ имени сохранилъ память объ этомъ тогда лѣсистомъ и глухомъ краѣ: Брянскъ — собственно <u>Дебрянскъ</u> (отъ дебрей). Вотъ почему Суздальская земля называлась въ старину <u>Залѣсской</u>: имя это дано ей Кіевской Русью, отъ которой она была отдѣлена дремучими лѣсами Вятичей. Эти дремучіе лѣса и стали прочищаться съ половины XII вѣка. Если Мономахъ еще съ трудомъ проѣзжалъ здѣсь въ Ростовъ, то сынъ его Юрій Долгорукій во время упорной борьбы съ своимъ волынскимъ племянникомъ водилъ уже прямой дорогой изъ Ростова къ Кіеву цѣлые полки. Это заставляетъ предполагать какое-то движеніе въ населеніи, прочищавшее путь въ этомъ направленіи среди непроходимыхъ лѣсовъ.

2. Находимъ указаніе и на это движеніе. Въ то время, когда стали жаловаться на запустѣніе южной Руси, въ отдаленномъ Суздальскомъ краю замѣчаемъ усиленную строительную работу. При князьяхъ Юріи Долгорукомъ и Андреѣ здѣсь возникаютъ одинъ за другимъ новые города. Въ 1134 г. Юрій строитъ городъ Кснятинъ при впаденіи Большой Нерли въ Волгу. Въ 1147 г. становится извѣстенъ городокъ Мос-

кы. Въ 1152 г. Юрій строитъ Юрьевъ въ Полѣ (нынѣ Польскій, нынѣ уѣздный городокъ Владимірской губерніи) и переноситъ на новое мѣсто возникшій около этого же времени городъ Переяславль Залѣсскій. Въ 1154 г. онъ основалъ на рѣкѣ Яхромѣ городъ Дмитровъ, названный такъ въ честь Юрьева сына Димитрія-Всеволода, родившагося въ томъ году во время «полюдья», когда князь съ женой объѣзжалъ свою волость для сбора дани. Въ 1158 г. Андрей Боголюбскій основалъ городъ Боголюбовъ около Владиміра. Извѣстія объ основаніи городовъ сопровождаются въ лѣтописи извѣстіями о построеніи церквей. Оба князя, отецъ и сынъ, являются притомъ самыми усердными храмоздателями въ Суздальской землѣ. Основаніе перечисленныхъ городовъ отмѣчено въ древней лѣтописи. Изъ другихъ источниковъ узнаемъ, что тогда же возникло много другихъ городовъ въ Суздальской землѣ. По лѣтописямъ Тверь становится извѣстна не раньше XIII в., но она является уже порядочнымъ городомъ въ сказаніи о чудесахъ Владимірской иконы Божіей Матери, составленномъ при жизни Андрея, т.е. до 1174 г. Татищевъ въ своемъ лѣтописномъ сводѣ говоритъ, что съ княженія Юрія Долгорукаго въ своихъ источникахъ, теперь исчезнувшихъ, онъ началъ встрѣчать цѣлый рядъ другихъ новыхъ городовъ въ сѣверной Руси, которые не были извѣстны до того времени; таковы, напримѣръ, Городецъ на Волгѣ, Кострома, Бародубъ* на Клязьмѣ, Галичъ, Звенигородъ, Вышгородъ при впаденіи Протвы въ Оку и др. Самъ Андрей Боголюбскій хвастался своею колонизаторской дѣятельностью. Задумавъ основать во Владимірѣ на Клязьмѣ особую русскую митрополію, независимую отъ Кіевской, князь говорилъ своимъ боярамъ: «я всю Бѣлую (Суздальскую) Русь городами и селами великими населилъ и мно-

*Стародубъ.

голодной причиной».

3. Далѣе встрѣчаемъ признакъ, прямо указывающій на то, откуда шло населеніе, наполнявшее эти новые суздальскіе города и великія села. Надобно остановить вниманіе на названіяхъ новыхъ суздальскихъ городовъ: Переяславль, Стародубъ, Вышгородъ, Галичъ, — все это южно-русскія названія, которыя мелькаютъ чуть не на каждой страницѣ старой Кіевской лѣтописи въ разсказѣ о событіяхъ въ южной Руси. Однихъ Звенигородовъ было нѣсколько въ землѣ Кіевской и Галицкой. Имена кіевскихъ рѣчекъ Лыбеди и Почайны встрѣчаются въ Рязани, во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ. Извѣстна рѣка Ирпень въ Кіевской землѣ, притокъ Днѣпра, на которой по преданію (впрочемъ сомнительному) Гедеминъ въ 1321 г. разбилъ южно-русскихъ князей; Ирпенью называется и притокъ Клязьмы во Владимірскомъ уѣздѣ. Имя самого Кіева не было забыто въ Суздальской землѣ: село Кіево на Кіевскомъ врагѣ знаютъ старинные акты XVI столѣтія въ Московскомъ уѣздѣ. Но всего любопытнѣе географическая судьба Переяславля. Въ древней Руси извѣстны были три Переяславля: южный (нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи), Переяславль Рязанскій (нынѣшняя Рязань) и Переяславль Залѣсскій (уѣздный городъ Владимірской губерніи). Всѣ эти три Переяславля стоятъ на рѣкахъ Трубежахъ. Это перенесеніе южно-русской географической номенклатуры на отдаленный суздальскій сѣверъ было дѣломъ переселенцевъ, приходившихъ сюда съ Кіевскаго юга. Извѣстенъ обычай всѣхъ колонистовъ въ мірѣ уносить съ собою на новыя мѣста имена покинутыхъ жилищъ: по городамъ Соединенныхъ Штатовъ можно пере-

тировать географію доброй доли стараго свѣта. Въ позднѣйшемъ источникѣ находимъ блѣдный слѣдъ, указывающій, откуда шла колонизація, приносившая въ Суздальскую землю поселенцевъ вмѣстѣ съ географической номенклатурой южной Руси. Татищевъ въ своемъ сводѣ разсказываетъ, что Юрій Долгорукій, начавъ строить новые городки въ своей Суздальской волости, заселялъ ихъ собирая людей отовсюду и давая имъ «не малую ссуду». Благодаря этому въ городки его приходили во множествѣ не только Русскіе, но и Болгары, Мордва и Венгры и «предѣлы яко многими тысячами людей наполняли». Какимъ образомъ могли очутиться среди этихъ пришельцевъ даже Венгры? Противникомъ Юрія Долгорукаго въ его борьбѣ съ Волынскимъ племянникомъ былъ союзникъ послѣдняго Венгерскій король. Очевидно, Юрій переводилъ на сѣверъ въ свои города плѣнныхъ Венгровъ, доставшихся ему въ бояхъ на югѣ.

4. Наконецъ встрѣчаемъ еще одно указаніе на то же направленіе колонизаціи и притомъ тамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы ожидать такого указанія, — въ народной русской поэзіи. Извѣстно, что циклъ былинъ о могучихъ богатыряхъ Владимірова времени сложился на югѣ; но теперь тамъ не помнятъ этихъ былинъ и позабыли о Владиміровыхъ богатыряхъ. Теперь въ Малороссіи мѣсто ихъ заняли казацкія думы, воспѣвающія подвиги казаковъ въ борьбѣ съ Ляхами, Татарами и Турками. Эти думы слѣдовательно отражаютъ въ себѣ совсѣмъ другую историческую эпоху. За то богатырскія былины съ удивительною свѣжестью сохранились на далекомъ сѣверѣ, въ Приуральѣ и въ Заонежьѣ, въ Олонецкой и Архангель—

ской губерніяхъ. О Владиміровыхъ богатыряхъ помнятъ и въ центральной Великороссіи; но здѣсь не знаютъ уже богатырскихъ былинъ, не умѣютъ пѣть ихъ, забыли былинный стихъ; здѣсь сказанія о богатыряхъ превратились въ простыя прозаическія сказки. Какъ могло случиться, что народный историческій эпосъ расцвѣлъ тамъ, гдѣ не былъ посѣянъ, и исчезъ тамъ, гдѣ выросъ? Очевидно, на отдаленный сѣверъ эти поэтическія сказанія переселились съ тѣмъ самымъ обществомъ, которое ихъ сложило и запѣло. Это перенесеніе совершилось еще до XIV в., т. е. до появленія на югѣ Россіи Литвы и Ляховъ, потому что въ богатырскихъ былинахъ почти нѣтъ и помина объ этихъ позднѣйшихъ врагахъ Руси.

Вотъ рядъ указаній, приводящихъ насъ къ той догадкѣ, что на отдаленной сѣверо-восточной окраинѣ Руси совершалось явленіе, похожее на то, какое мы замѣтили на окраинѣ юго-западной. Общій фактъ тотъ, что съ половины XII столѣтія начался или усилился отливъ населенія изъ центральной днѣпровской Руси къ двумъ противуположнымъ окраинамъ Русской земли и этимъ отливомъ обозначилось начало новаго, втораго періода нашей исторіи, подобно тому какъ предъидущій періодъ начался приливомъ Славянъ въ Приднѣпровье съ Карпатскихъ склоновъ. Обозначивъ этотъ фактъ, изучимъ его послѣдствія. Я ограничусь въ этомъ изученіи только сѣверо-восточной струей колонизаціи. Изъ нея вышли всѣ основныя явленія, обнаруживающіяся въ жизни верхневолжской Руси съ половины XII в.; изъ послѣдствій этой колонизаціи сложился весь политическій и общественный бытъ этой Руси. Послѣдствія эти были чрезвычайно разнообразны

Я отмѣчу лишь два ихъ ряда: 1) послѣдствія этнографическія и 2) политическія.

Этнографическія послѣдствія колонизаціи Суздальской земли.

Происхожденіе Великорусскаго племени. Главнымъ изъ этихъ послѣдствій было образованіе новаго, Великорусскаго племени въ составѣ русской народности. Чтобы оцѣнить важность этого факта въ нашей исторіи, достаточно припомнить, что Великорусское племя составляетъ 9/13 въ общей суммѣ русскаго населенія Европейской Россіи. Образованіе этого племени было дѣломъ разныхъ условій, подъ дѣйствіе которыхъ ставила колонизація русскихъ переселенцевъ. Условія эти были двоякія: этнографическія, вызванныя къ дѣйствію встрѣчею русскихъ переселенцевъ съ инородцами въ междурѣчьѣ Оки и верхней Волги, и географическія, вызванныя къ дѣйствію природою края, гдѣ произошла эта встрѣча.

Инородцы, съ которыми встрѣтились русскіе переселенцы въ области Оки и верхней Волги, были финскія племена. Финны являются сосѣдями восточныхъ Славянъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ послѣдніе стали разселяться по нашей равнинѣ. Финскія племена водворились среди лѣсовъ и болотъ центральной и сѣверной Россіи еще въ то время, когда незамѣтно никакихъ слѣдовъ присутствія здѣсь Славянъ. Уже Іорнандъ знаетъ нѣкоторыя изъ этихъ племенъ: въ его исковерканныхъ именахъ сѣверныхъ народовъ, входившихъ въ составъ готскаго королевства Германриха, можно прочесть Эстовъ, Весь, Мерю, Мордву, Чудь. Въ области Оки и верхней Волги въ

XI-XII в. жили три финскія племени: Мурома, Меря и Весь. Начальная кіевская лѣтопись очень точно обозначаетъ мѣста жительства этихъ племенъ: она знаетъ Мурому на Окѣ, Мерю по озерамъ Переяславскому и Ростовскому, Весь въ области Бѣлоозера. Нынѣ въ центральной Великороссіи нѣтъ уже живыхъ слѣдовъ этихъ племенъ; но они оставили по себѣ память въ ея географической номенклатурѣ. На обширномъ пространствѣ отъ Оки и до Бѣлаго моря мы встрѣчаемъ тысячи нерусскихъ названій городовъ, селъ, рѣкъ и урочищъ. Прислушиваясь къ этимъ названіямъ, легко замѣтить, что нѣкогда на всемъ этомъ пространствѣ звучалъ одинъ языкъ и что онъ родня тому, на которомъ говоритъ туземное населеніе нынѣшней Финляндіи. Такъ на этомъ пространствѣ, какъ и въ восточной полосѣ Европейской Россіи, встрѣчаемъ множество рѣкъ, названія которыхъ оканчиваются на «ва»: Протва, Москва, Сысьва, Косва, Колва и т.д. У одной Камы можно насчитать до 20 притоковъ, названія которыхъ имѣютъ такое окончаніе. Va по фински значитъ вода. Названіе самой Оки финскаго происхожденія: это обрусѣвшая форма финскаго joki, что значитъ рѣка вообще. Даже племенныя названія Мери и Веси не исчезли безслѣдно въ центральной Великороссіи: здѣсь встрѣчается множество селъ и рѣчекъ, которыя называются «Мерями и Весями». Уѣздный городъ Тверской губерніи Весьегонскъ есть «Весь Егонская». Опредѣляя по этимъ слѣдамъ въ географической номенклатурѣ границы разселенія племенъ, найдемъ, что Мурома и Весь обитали нѣкогда отъ слиянія Сухоны и Юга, отъ Онежскаго озера и рѣки Осяти до средней Оки, захваты-

вая сѣверныя части губерній Калужской, Тульской и Рязанской. Итакъ русскіе переселенцы, направившіеся въ Суздальскій край, встрѣтились съ финскими туземцами въ самомъ центрѣ нынѣшней Великороссіи.

Какъ они встрѣтились и какъ одна сторона подѣйствовала на другую? Вообще говоря, встрѣча эта имѣла мирный характеръ. Въ народныхъ преданіяхъ Великоруссовъ не уцѣлѣло воспоминанія объ упорной и повсемѣстной борьбѣ пришельцевъ съ туземцами. Самый характеръ Финновъ содѣйствовалъ такому мирному сближенію. Финны при первомъ своемъ появленіи въ европейской исторіографіи отмѣчены были одной характеристической чертой — миролюбіемъ. Тацитъ говоритъ о Финнахъ, что это удивительно дикое племя, которое не знаетъ ни домовъ, ни оружія. Іорнандъ называетъ Финновъ самымъ мирнымъ племенемъ изъ всѣхъ обитателей европейскаго сѣвера. То-же впечатлѣніе мирнаго и уступчиваго, забитаго племени Финны произвели и на Русскихъ. Древняя Русь всѣ мелкія финскія племена объединяла подъ однимъ общимъ названіемъ Чуди. Русскіе, встрѣтившись съ финскими обитателями нашей равнины, кажется, сразу почувствовали свое превосходство надъ ними. На это указываетъ иронія, которой звучатъ русскія слова, производныя отъ коренного Чудь: чудить, чудно, чудакъ и т.п. Исторія Финновъ на европейской почвѣ служитъ оправданіемъ этого впечатлѣнія. Нѣкогда финскія племена были распространены далеко южнѣе линіи рѣкъ Москвы и Оки, гдѣ не застаемъ ихъ впослѣдствіи. Но народные потоки, проносившіеся по южной Руси

забивали это племя все далѣе къ сѣверу; оно все безъ боя отступало и, отступая, постепенно исчезало. Процессъ этого исчезновенія продолжается и до сихъ поръ. Другое указаніе на мирный характеръ встрѣчи русскихъ поселенцевъ съ Финнами находимъ въ географической номенклатурѣ Великороссіи. Финскія и русскія названія селъ и рѣкъ идутъ не сплошными полосами, а въ перемежку, чередуются одни съ другими. Значитъ русскіе переселенцы не вторгались въ край Финновъ крупными массами, а вливались мелкими струями, занимая обширные промежутки, какіе оставались между разбросанными среди болотъ и лѣсовъ финскими поселками. Такой порядокъ размѣщенія колонистовъ былъ бы не возможенъ при усиленной борьбѣ съ туземцами. Правда, въ преданіяхъ Великороссіи уцѣлѣли нѣкоторыя смутныя воспоминанія о борьбѣ, завязывавшейся по мѣстамъ; но эти воспоминанія говорятъ не о борьбѣ двухъ племенъ, а о борьбѣ двухъ религій. Столкновенія вызывались не встрѣчею пришельцевъ съ туземцами, а попытками распространить христіанство среди послѣднихъ. Слѣды этой религіозной борьбы встрѣчаются въ двухъ старинныхъ житіяхъ древнихъ Ростовскихъ святыхъ, подвизавшихся во второй половинѣ XI в., епископа Леонтія и архимандрита Авраамія: по житію перваго Ростовцы упорно сопротивлялись христіанству, прогнали двухъ первыхъ епископовъ Өеодора и Иларіона и умертвили третьяго Леонтія; изъ житія Авраамія видно, что въ Ростовѣ былъ одинъ конецъ, называвшійся Чудскимъ, — знакъ, что большинство населенія этого города было русское. Этотъ Чудской конецъ поклонялся идолу славянскаго бога Велеса. Значитъ, до введенія христіанства

мѣстная Мерія начала уже усвоивать языческія вѣрованія русскихъ Славянъ. По житію Леонтія, всѣ ростовскіе язычники упорно боролись противъ христіанскихъ проповѣдниковъ, то-есть вмѣстѣ съ Чудью принимала участіе въ этой борьбѣ и ростовская Русь.

Вопросъ о взаимодѣйствіи Руси и Чуди, о томъ, какъ оба племени, встрѣтившись, подѣйствовали другъ на друга, что одно племя заимствовало у другого и дало другому, принадлежитъ къ числу любопытныхъ и трудныхъ вопросовъ нашей исторіи. Но такъ какъ этотъ процессъ окончился поглощеніемъ одного изъ встрѣтившихся племенъ другимъ, именно поглощеніемъ Чуди Русью, то для насъ важна лишь одна сторона этого взаимодѣйствія, то-есть вліяніе Финновъ на пришлую Русь. Это вліяніе проникало въ русскую среду двумя путями: 1) пришлая Русь, селясь среди туземной Чуди, неизбѣжно должна была кое-что заимствовать у нея; 2) Чудь, постепенно русѣя, всею своею массою съ своимъ языкомъ, обычаями и вѣрованіями входила въ составъ русской народности. Тѣмъ и другимъ путемъ въ русскую среду проникло много физическихъ и нравственныхъ особенностей, заимствованныхъ у Финновъ.

1) Надобно допустить нѣкоторое участіе финского элемента въ образованіи антропологическаго типа великоросса. Наша великорусская физіономія не совсѣмъ точно воспроизводитъ обще-славянскія черты. Другіе Славяне, признавая въ ней эти черты, однако замѣчаютъ и нѣкоторую чужую примѣсь: именно скулистость великоросса, смуглый цвѣтъ его лица и волосъ и особенно нашъ типическій носъ луковицей, покоящійся на

широкомъ основаніи, несомнѣнно финскаго происхожденія.

2). Финское вліяніе сказалось, кажется и въ измѣненіи древняго русскаго говора. Въ говорѣ древней Кіевской Руси было три особенности: 1) господствующій звукъ говора былъ о; 2) звуки ч и ц, и и ѣ мѣшались, 3) звуки согласные гортанные г, к, х сочетались только съ твердыми гласными а, о, ы, у, зубные з, ц, с, или шипящіе ж, ч, ш только съ мягкими гласными я, е, и, ю. Слѣды этихъ трехъ особенностей мы находимъ въ скудныхъ остаткахъ древней русской письменности. Въ иностранныхъ словахъ, при переходѣ ихъ въ русскій языкъ, звуки а и е замѣнялись звукомъ о: Торвардъ — Труворъ, Ингваръ — Игорь, Helgi — Олегъ. Далѣе древняя Русь сочетала гортанное к только съ твердымъ ы, зубное ц только съ мягкимъ и; она говорила Кыевъ, а не Кіевъ, какъ говоримъ мы, что противно правиламъ древней русской фонетики, требовавшей, чтобы к при встрѣчѣ съ и переходило въ ц. Мы, великороссы, напротивъ, не умѣемъ сочетать зубныхъ съ мягкими гласными: мы говоримъ кольцо, а не кольцё, и не умѣемъ выговорить, какъ выговариваетъ малороссъ, горобець, горобця. Далѣе, извѣстно по древнимъ лѣтописямъ и другимъ памятникамъ, что въ древне-русскомъ говорѣ ц смѣшивается съ ч: въ Словѣ о полку Игоревѣ «вѣчь Трояню» вмѣсто «вѣць Трояню». Ту-же самую особенность сохранилъ досихъ новгородскій говоръ. Изъ* договора съ Нѣмцами начала XIII в. узнаемъ, что тотъ-же говоръ господствовалъ и на верхнемъ Днѣпрѣ: здѣсь встрѣчаемъ формы «гость нѣмечь

* Смоленскаго

кій», «верецы» вмѣсто «веречи» (церк.слав. врещи = тащи).
Значитъ, нѣкогда на всемъ рѣчномъ пространствѣ отъ Кіева до Ладоги звучалъ одинъ говоръ, тотъ, особенности котораго до сихъ поръ уцѣлѣли въ новгородскомъ краѣ. Если вы теперь проведете по Великороссіи діагональную черту съ Ю.В. на С.З., оставивъ Москву немного лѣвѣе, вы раздѣлите всю Великороссію на двѣ полосы, сѣверо-восточную и юго-западную: въ первой господствующій звукъ говора есть о, во второй а. Владимірцы, Ярославцы, Костромичи, Новгородцы окаютъ, говорятъ изъ глубины гортани и, говоря, складываютъ губы кувшиномъ; Москвичи, Рязанцы, Смольняне акаютъ, раскрываютъ ротъ настежь, почему ихъ Владимірцы и Ярославцы и зовутъ «полоротыми». Но и въ окáющемъ нарѣчіи мы замѣчаемъ два оттѣнка, два говора, новгородскій и владимірскій. Говоръ новгородскій отличается нѣкоторыми особенностями отъ владимірскаго; онъ ближе къ древне-русскому и чище сохранилъ его фонетику и даже его лексиконъ. Новгородцы окаютъ, какъ окали древніе Кіевляне, и употребляютъ много древне-русскихъ словъ, забытыхъ въ другихъ краяхъ Руси: граять, досвѣть, послухъ. Владимірскій говоръ грубѣе; сохранивъ господствующій звукъ о, онъ болѣе удалился отъ древне-русской фонетики, утратилъ правила сочетанія согласныхъ съ гласными, потерялъ старо-русское окончаніе глаголовъ въ 3-емъ лицѣ (тъ вмѣсто ть). Московскій говоръ не только воспринялъ всѣ неблагозвучныя особенности говора владимірскаго, но и утратилъ господствующій въ немъ звукъ о. «Гаварить па-масковски» значитъ еще болѣе удаляться отъ старо-кіевскаго говора, чѣмъ удаляется ярославецъ или владимірецъ. Въ этой постепен-

ной порчѣ древне-рускаго говора надобно, кажется, признать участіе финскаго (и вообще инородческаго вліянія). Рускій языкъ вообще портился въ фонетическомъ отношеніи, переполнялся твердыми гласными, неправильными сочетаніями гласныхъ съ согласными при встрѣчѣ съ инородцами, особенно съ Финнами, у которыхъ преобладаютъ твердыя гласныя и которые едва знакомы съ іотаціей (смягченіемъ гласныхъ). Древне-рускій говоръ въ наибольшей чистотѣ сохранился въ нарѣчіи новгородскомъ; въ говорѣ владимірскомъ мы видимъ первый моментъ порчи рускаго языка подъ финскимъ вліяніемъ, а говоръ московскій представляетъ дальнѣйшій моментъ этой порчи.

3). Еще болѣе яркій свѣтъ на процессъ сліянія обоихъ встрѣтившихся племенныхъ элементовъ проливаетъ взаимодѣйствіе ихъ въ области религіозныхъ вѣрованій. Народные обычаи и повѣрья Великоруссовъ досель хранятъ несомнѣнные слѣды финскаго вліянія. Финскія племена, обитавшія и нынѣ обитающія въ средней и сѣверной полосѣ европейской Россіи, оставались, кажется, до позднѣйшаго времени на первоначальной ступени мифологическаго развитія. Ихъ мифологія до принятія христіанства еще не дошла до антропоморфизма. Племена эти поклонялись силамъ и предметамъ внѣшней природы, не олицетворяя ихъ; Мордвинъ или Черемисъ боготворилъ непосредственно землю, камни, деревья, не примышляя поэтическаго творчества, не видя въ нихъ символовъ высшихъ существъ; потому его поклоненіе является съ характеромъ грубаго фетишизма. У финскихъ племенъ особенно развитъ культъ воды и лѣса. Мордвинъ, Чувашъ, находясь въ чащѣ лѣ-

са или на берегу глухой лѣсной рѣки, чувствуетъ себя въ родной религіозной сферѣ. Нѣкоторыя черты этого культа цѣликомъ перешли и въ миѳологію Великоруссовъ: у нихъ, какъ и у Финновъ, видной фигурой на миѳологическомъ Олимпѣ является Лѣшій и является у тѣхъ и другихъ съ одинаковыми чертами: онъ стережетъ деревья, коренья и травы, имѣетъ дурную привычку хохотать и кричать по-дѣтски и тѣмъ пугать и обманывать путниковъ. Въ эпосѣ западныхъ прибалтійскихъ болѣе развитыхъ Финновъ («Калевалѣ») встрѣчаемъ образъ бога воды «Агто». Это сѣдой старикъ съ травяной бородой, въ одеждѣ изъ пѣны; онъ повелитель водъ и вѣтровъ, живетъ въ глубинѣ моря, любитъ подымать бури и топить корабли; онъ большой охотникъ до музыки, и когда герой Калевалы Вейнемейненъ уронилъ въ воду свою арфу (кантеле), водяной богъ подхватилъ ее, чтобъ забавляться ею въ своемъ подводномъ царствѣ. Эти черты живо напоминаютъ образъ водяника или царя морскаго въ извѣстной новгородской былинѣ о Садкѣ, богатомъ гостѣ и гуслярѣ, который съ своими гуслями попалъ въ подводное царство водяника и тамъ развеселилъ его своею игрою до того, что водяникъ пустился плясать, позабывъ свое царское достоинство. Самая физіономія водяника, какъ она описана въ нашей былинѣ, походитъ на физіономію Агто Калевалы. Любопытно, что этотъ миѳъ о водяникѣ распространенъ исключительно въ Новгородской области и не встрѣчается въ другихъ мѣстахъ Руси. Можно думать, что Новгородцы заимствовали его у сосѣднихъ балтійскихъ Финновъ. Наконецъ въ великорусскихъ преданіяхъ, занесенныхъ въ древнія житія велико-

русскихъ святыхъ, можно встрѣтить и слѣды поклоненія камнямъ и деревьямъ, плохо прикрытые христіанскими формами и незамѣтные въ южной и сѣверной* Руси. Процессъ этого слiянія финскихъ и русскихъ религіозныхъ вѣрованій особенно наглядно изображенъ въ двухъ разсказахъ нашего начальнаго лѣтописца, помѣщенныхъ въ сводѣ подъ 1071 годомъ. Передамъ коротко эти разсказы. Случился голодъ въ Ростовской землѣ, и вотъ два волхва изъ Ярославля пошли по Волгѣ, разглашая: «мы знаемъ, кто обилье держитъ» (урожай задерживаетъ). Придутъ въ погостъ, назовутъ лучшихъ женщинъ и скажутъ: «та держитъ жито, та медъ, а эта рыбу». И приводили къ нимъ кто сестру, кто мать, кто жену свою. Волхвы дѣлали у нихъ прорѣзъ за плечами и вынимали жито, рыбу и медъ, самихъ женщинъ убивали, а имущество ихъ брали себѣ. Пришли они на Бѣлоозеро. Въ это же время явился сюда за данью Янъ, бояринъ великаго князя Святослава. Услышавъ, что волхвы избили уже много женщинъ по Шекснѣ и Волгѣ, Янъ потребовалъ, чтобы бѣлозерцы выдали ему волхвовъ: «а то не уйду отъ васъ все лѣто» (т.е. буду кормиться на вашъ счетъ), пригрозилъ бояринъ. Бѣлозерцы испугались и привели къ Яну волхвовъ. Тотъ спросилъ ихъ: «зачѣмъ это вы погубили столько людей?». Волхвы отвѣчали: «а они держатъ обилье; если истребимъ ихъ, не будетъ голода; хочешь, при тебѣ вынемъ жито-ли, рыбу или что иное». Янъ возразилъ: «лжете вы; сотворилъ Богъ человѣка изъ земли, состоитъ онъ изъ костей, жилъ и крови и ничего нѣтъ въ немъ другаго, и никто кромѣ Бога не знаетъ, какъ созданъ человѣкъ». — А

* Опечатка. Читай не «сѣверной», а «западной».

мы знаемъ, какъ сотворенъ человѣкъ, сказали волхвы.
«Какъ?».—Мылся Богъ въ банѣ, вытерся ветошкой и бросилъ ее на землю; и заспорилъ Сатана съ Богомъ, кому изъ нея сотворить человѣка. И сотворилъ дьяволъ тѣло человѣка, а Богъ душу въ него вложилъ; потому когда человѣкъ умретъ, тѣло его идетъ въ землю, а душа къ Богу. Этотъ миѳъ досель сохранился среди Нижегородской Мордвы, только въ болѣе цѣльности и понятности изложеніи, безъ пропусковъ, сдѣланныхъ нашей древней Кіевской лѣтописью. Миѳъ этотъ досель связанъ у Мордвы съ обрядомъ, напоминающимъ разрѣзыванье спины у женщинъ волхвами XI в. Вотъ его содержаніе. Человѣка вздумалъ сотворить не добрый богъ Чам-пасъ, а злой Шайтанъ. Онъ набралъ глины, песку и земли и сталъ лѣпить тѣло человѣка, но никакъ не могъ привести его въ благообразный видъ: то онъ выйдетъ у него свиньей, то собакой, а Шайтану хотѣлось сотворить его по образу и по подобію Божію. Тогда Шайтанъ позвалъ птичку мышь и велѣлъ ей слетѣть на небо, свить гнѣздо въ полотенцѣ Чам-паса и вывести дѣтей. Птичка мышь такъ и сдѣлала: вывела мышатъ въ одномъ концѣ полотенца, которымъ Чам-пасъ обтирался послѣ бани, и полотенце отъ тяжести мышатъ упало на землю. Шайтанъ обтеръ имъ свой слѣпокъ, который и получилъ подобіе Божіе. Тогда Шайтанъ сталъ вкладывать въ человѣка живую душу, но никакъ не умѣлъ этого сдѣлать. Тутъ Чам-пасъ подошелъ и сказалъ: «Убирайся ты, Шайтанъ, въ пропасть огненную; я безъ тебя сотворю человѣка». Шайтанъ заспорилъ, и, наконецъ, оба рѣшили раздѣлить человѣка. Чам-пасъ взялъ себѣ душу, а Шайтану отдалъ тѣло. Оттого, когда человѣкъ умираетъ, душа идетъ на небо къ Чам-пасу, а тѣло, лишась души, идетъ въ землю къ Шайтану.

Изложенные мною разсказы наглядно воспроизводятъ процессъ взаимодѣйствія русскихъ пришельцевъ и финскихъ туземцевъ въ области религіозныхъ повѣрій. Сближеніе обѣихъ сторонъ въ этой области было столь же мирно, какъ и въ общежитіи; вражды, непримиримой противоположности своихъ вѣрованій не почувствовали встрѣтившіяся стороны. Обѣ племени нашли въ своемъ миѳологическомъ созерцаніи подобающее мѣсто тѣмъ и другимъ вѣрованіямъ, финскимъ и славянскимъ, языческимъ и христіанскимъ. Боги обоихъ племенъ поладили между собою совершенно мирно: финскіе боги сѣли пониже въ бездну, христіанскіе повыше на небѣ, и такъ посѣлившись между собою, они жили дружно и домодругъ съ другомъ, не мѣшая одни другимъ, даже умѣя угонить другъ друга. Финскіе боги безодны возведены были въ христіанское званіе бѣсовъ и подъ покровомъ этого званія получили мѣсто въ русско-христіанскомъ культѣ, обрусѣли, потеряли въ глазахъ Руси свой иноплеменный финскій характеръ: съ ними произошло то-же самое, что съ ихъ первоначальными поклонниками Финнами, охваченными Русью. Вотъ почему русскій лѣтописецъ XI и XII в., говоря о волхвахъ, повѣрьяхъ или обычаяхъ очевидно финскихъ, не дѣлаетъ и намека на то, что ведетъ рѣчь о чужомъ племени, о Чуди: язычество русское или финское для него совершенно одно и то-же; его нисколько не занимаетъ племенное происхожденіе и различіе языческихъ вѣрованій. По мѣрѣ сближенія обоихъ племенъ это различіе очевидно все болѣе сглаживалось и въ сознаніи смѣшаннаго населенія, образовавшагося вслѣдствіе этого сближенія. Наконецъ 4) надо признать значительное вліяніе финскихъ туземцевъ на составъ

общества, созданного колонизаціей верхне-волжской Руси. Финское туземное населеніе наполняло преимущественно суздальскія села. Изъ упомянутаго житія преподобнаго Авраамія видно, что въ XI в. въ городѣ Ростовѣ только одинъ конецъ былъ населенъ Чудью, по крайней мѣрѣ носилъ ея названіе. Русскія имена старинныхъ городовъ Суздальской земли показываютъ, что они основаны были Русскими и что Русскіе составляли господствующій элементъ въ составѣ ихъ населенія. Притомъ мы не замѣчаемъ въ туземномъ финскомъ населеніи признаковъ значительнаго соціальнаго расчлененія, слѣдовъ высшихъ классовъ: все это населеніе представляется сплошной, однообразной сельской массой. Но мы видѣли, что и колонизація приносила въ междурѣчье Оки и Волги преимущественно сельскія массы. Благодаря этому населеніе суздальской Руси должно было стать гораздо болѣе сельскимъ по своему составу, чѣмъ какимъ оно было въ южной Руси.

Такъ мы отвѣтили на вопросъ, какъ встрѣтились и подѣйствовали другъ на друга русскіе пришельцы и финскіе туземцы въ области верхней Волги. Изъ этой встрѣчи не вышло упорной борьбы ни племенной, ни религіозной; она не повела къ развитію рѣзкаго антагонизма ни политическаго, ни этнографическаго, ни нравственно-религіознаго. Изъ этой встрѣчи вышла тройная смѣсь: 1) смѣсь религіозная, которая легла въ основаніе миѳологическаго міросозерцанія Великоруссовъ, 2) смѣсь племенная, которая легла въ основаніе этнографическаго типа Великоруссовъ, и 3) смѣсь соціальная, которая въ составѣ верхне-волжскаго населенія дала рѣшительный перевѣсъ сельскимъ клас-

самъ. Таковы были особенности, внесенныя въ великорусскую народность финской примѣсью.

Влiянiе природы верхняго Поволжья на хозяйство и племенной характеръ Великоруссовъ. Теперь намъ предстоитъ изучить дѣйствiе природы верхневолжскаго края на смѣшанное населенiе, здѣсь образовавшееся при помощи колонизацiи. Этотъ край, составляющiй центральную область Великороссiи, и до сихъ поръ отличается замѣтными физическими особенностями отъ Руси днѣпровской; шесть, семь вѣковъ назадъ онъ отличался отъ послѣдней еще болѣе. Главныя особенности этого края — обилiе лѣсовъ и болотъ, преобладанiе суглинка въ составѣ почвы и удивительная паутинная сѣть рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ въ разныхъ направленiяхъ. Эти особенности и положили глубокiй отпечатокъ какъ на хозяйственный бытъ Великороссiи, такъ и на племенной характеръ Великоруссовъ.

Въ старой кiевской Руси главная пружина народнаго хозяйства — внѣшняя торговля создала многочисленные города, служившiе крупными или мелкими средоточiями торговли. Въ верхне-волжской Руси, болѣе удаленной отъ приморскихъ рынковъ, внѣшняя торговля не могла стать главной двигающей силой народнаго хозяйства Великороссiи. Вотъ почему здѣсь видимъ сравнительно незначительное количество городовъ, да и въ тѣхъ значительная часть населенiя занималась хлѣбопашествомъ. Сельскiя поселенiя получили здѣсь рѣшительный перевѣсъ надъ городами. При томъ и эти поселенiя рѣзко отличались по своему характеру отъ селъ южной Руси. Въ послѣдней постоянныя внѣшнiя опасности и недостатокъ воды въ открытой степи заставляли населенiе размѣщаться крупными массами, скучиваться села, которыя до сихъ поръ составляютъ отличительную черту южной Руси. Напротивъ на сѣверѣ поселенецъ среди лѣсовъ и болотъ съ трудомъ отыскивалъ сухое мѣсто, на которомъ можно было бы съ нѣкоторой безопасностью и удобствомъ поставить но-

гу, выстроить избу. Такія сухія мѣста, открытые пригорки являлись рѣдкими островами среди моря лѣсовъ и болотъ. На такомъ островкѣ можно было построить одинъ, много два крестьянскихъ двора. Вотъ почему деревня въ одинъ или два крестьянскихъ двора являются господствующею формою разселенія въ сѣверной Великороссіи до самаго конца XVII ст. Вокругъ такихъ мелкихъ разбросанныхъ деревень трудно было отыскать значительное сплошное пространство, которое удобно можно было бы распахать. Такія удобныя мѣста вокругъ деревень являлись незначительными участками. Эти участки и расчищались обитателями деревень. То была трудная работа: надо было, выбравъ удобное сухое мѣсто для пашни, выжечь покрывавшій его лѣсъ, выкорчить пни, поднять цѣлину. Удаленіе отъ крупныхъ иноземныхъ рынковъ, недостатокъ вывоза не давали хлѣбопашцамъ побужденія расширять свои пашни. Хлѣбопашество на верхне-волжскомъ суглинкѣ должно было удовлетворять лишь насущной потребности самихъ хлѣбопашцевъ. Мы ошиблись бы, подумавъ, что при незначительности населенія сравнительно съ пространствомъ незанятой земли крестьянинъ въ древней Великороссіи много больше, чѣмъ въ прошломъ или нынѣшнемъ столѣтіи. Подворные участки въ древней Великороссіи были вообще значительно меньше нынѣшнихъ. При томъ тогдашніе пріемы обработки земли сообщали подвижной, неусидчивый, кочевой характеръ этому хлѣбопашеству. Выжигая лѣсъ на нови, крестьянинъ сообщалъ суглинку усиленное плодородіе и нѣсколько лѣтъ снималъ съ него отличные урожаи, потому что зола служитъ очень сильнымъ удобреніемъ. Но то было насильственное и скоропреходящее плодородіе: черезъ шесть, семь лѣтъ почва совершенно истощалась, и крестьянинъ долженъ былъ покидать ее на многолѣтній отдыхъ. Тогда онъ долженъ былъ переносить свой дворъ на другое отдаленное мѣсто, поднимать другую новь, „заводить починокъ. Такъ эксплуатируя землю, древне-русскій крестьянинъ передвигался съ мѣста на мѣсто, по направленію на сѣверо-востокъ, пока не дошелъ до естественныхъ границъ равнины, до Урала и Бѣ-

лаго моря. Въ восполненіе скуднаго заработка отъ хлѣбопашества на верхне-важскомъ суглинкѣ крестьянинъ долженъ былъ обращаться къ промысламъ. Лѣса, рѣки, болота представляли ему множество угодій, разработка которыхъ могла служить подспорьемъ его скудному земледѣльческому хозяйству. Вотъ источникъ той особенности, которой издавна и до сихъ поръ отличается хозяйственный бытъ великорусскаго крестьянина: здѣсь причина развитія тѣхъ мѣстныхъ сельскихъ, такъ называемыхъ кустарныхъ промысловъ. Лыкодерство, мочальный промыселъ, звѣроловство, бортничество, рыболовство, солеваренье издавна служили основаніемъ хозяйственнаго быта для цѣлыхъ округовъ. Таковы особенности великорусскаго хозяйства, создавшіяся подъ вліяніемъ природы страны. Это 1) разбросанность населенія, господство мелкихъ поселеній, деревни; 2) незначительность крестьянской запашки, мелкость подворныхъ пахотныхъ участковъ; 3) подвижной характеръ хлѣбопашества, кочевое земледѣліе, и наконецъ 4) развитіе сельскихъ промысловъ, усиленная разработка угодій лѣсныхъ, рѣчныхъ и другихъ.

Рядомъ съ этимъ вліяніемъ природы страны на народное хозяйство Великороссіи мы замѣчаемъ слѣды могущественнаго дѣйствія ея и на племенной характеръ Великоруссовъ. Край, обильный лѣсами и болотами, на каждомъ шагу представлялъ поселенцамъ тысячи мелкихъ опасностей, непредвидѣнныхъ затрудненій, которыя надо было во время предупредить, среди которыхъ надобно было найтись, съ которыми приходилось бороться поминутно. Это пріучало Великорусса зорко слѣдить за природой, развивало въ немъ изворотливость, находчивость въ мелкихъ опасностяхъ и затрудненіяхъ. При томъ природа края, каждый уголъ его, каждая мѣстность задавали поселенцу трудную хозяйственную загадку: въ этой мѣстности нужно было высмотрѣть угодье, разработка котораго могла бы быть наиболѣе выгодна. Отсюда то удивительная наблюдательность Великорусса, которая открывается въ народныхъ великорусскихъ примѣтахъ. Кромѣ того сѣверная при-

рода капризна: она даетъ очень мало удобнаго времени для земледѣльческаго труда; сѣверное короткое лѣто часто еще укорачивается неожиданнымъ и безвременнымъ ненастьемъ. Это заставляло великорусскаго крестьянина спѣшить усиленно работать, чтобы сдѣлать все въ короткую рабочую пору, чрезвычайно напрягать свой трудъ, чтобы успѣть убраться во время, а потомъ оставаться безъ дѣла всю осень и зиму. Это пріучало Великорусса къ чрезмѣрному кратковременному напряженію своихъ силъ, заставляло его работать скоро и споро, а потомъ отдыхать во время вынужденнаго осенняго и зимняго бездѣйствія. Ни одинъ народъ въ Европѣ не способенъ къ такому напряженію труда на короткое время, какъ Великоруссъ; но и нигдѣ въ Европѣ, кажется, не найдемъ такой непривычки къ постоянному равномѣрному труду, какъ въ Великороссіи. Разселеніе разбросанными уединенными деревнями естественно не могло пріучить Великорусса дѣйствовать большими союзами, дружными массами. Великоруссъ работалъ не на открытомъ полѣ, какъ обитатель южной Руси; онъ боролся съ природой въ одиночку, въ глуши лѣса съ топоромъ въ рукѣ. Отсюда новый рядъ особенностей въ племенномъ характерѣ Великоруссовъ. Великоруссъ отлично работаетъ одинъ, когда на него никто не смотритъ, и съ трудомъ привыкаетъ къ дружному дѣйствію общими силами. Онъ работаетъ лучше самъ съ собой, чѣмъ на людяхъ, лучше въ началѣ труда, когда не увѣренъ въ себѣ и въ успѣхѣ, и хуже въ концѣ, когда уже добился нѣкотораго успѣха: неувѣренность возбуждаетъ его силы, а успѣхъ роняетъ ихъ. Онъ легче выноситъ огромный трудъ, чѣмъ собственное величіе. Словомъ, Великоруссъ лучше великорусскаго общества.

Такъ сказалось дѣйствіе природы края на хозяйственномъ бытѣ и племенномъ характерѣ Великоруссовъ.

Политическія послѣдствія сѣверной колонизаціи.

Андрей Боголюбскій и его отношенія къ Кіевской Руси. Теперь обратимся къ изученію политическихъ* колонизаціи. Они начали обнаруживаться уже при

*послѣдствій

сынъ того суздальскаго князя, въ княженіе котораго шелъ усиленный приливъ колонизаціи въ междурѣчье Оки и верхней Волги, при Андреѣ Боголюбскомъ. Самъ этотъ князь Андрей является крупной фигурой, на которой наглядно отразились первыя политическія послѣдствія колонизаціи. Андрей родился въ 1111 г. Это былъ настоящій сѣверный князь, истый суздалецъ залѣшанинъ по своимъ привычкамъ и понятіямъ, по своему политическому воспитанію. Онъ, кажется и родился на сѣверѣ и прожилъ тамъ большую половину своей жизни, совсѣмъ не видавши юга. Отецъ далъ ему въ управленіе Владиміръ на Клязьмѣ, маленькій, недавно возникшій пригородъ и тамъ Андрей прокняжилъ далеко за тридцать лѣтъ своей жизни, не видавши Кіева. Южная, какъ и сѣверная лѣтопись молчитъ о немъ до начала шумной борьбы, которая завязалась между его отцемъ и двоюроднымъ братомъ Изяславомъ Волынскимъ съ 1146 г. Андрей появляется на югѣ впервые не раньше 1148 г., когда Юрій, восторжествовавъ надъ племянникомъ, сѣлъ на кіевскомъ столѣ. Съ тѣхъ поръ и заговорила о немъ южная Русь, и южная лѣтопись сообщаетъ нѣсколько разсказовъ, живо рисующихъ его физіономію. Андрей скоро выдѣлился изъ тогдашнихъ южныхъ князей своими особенностями, своеобразнымъ характеромъ. Онъ въ бояхъ не отставалъ отъ своего знаменитаго соперника Изяслава, любилъ забываться въ разгарѣ сѣчи, залетать въ самую опасную свалку, не замѣчалъ, какъ съ него сбивали шлемъ. Все это было очень обычно на югѣ, гдѣ постоянныя внѣшнія опасности и усобицы развивали удальство въ князьяхъ; но совсѣмъ не обычно было умѣніе Андрея быстро отрезвляться отъ воинственнаго опьяненія. Тотчасъ послѣ боя онъ становился осторожнымъ, благоразумнымъ политикомъ, мирнымъ устроителемъ. У Андрея все всегда въ порядкѣ; его нельзя было застать врасплохъ; онъ умѣлъ не терять головы во время переполоха. Не смотря на свою боевую удаль, онъ не любилъ войны, послѣ удачнаго боя первый подступалъ къ отцу съ просьбой мириться съ побитымъ врагомъ

Южно-русскій лѣтописецъ съ удивленіемъ отмѣтилъ въ немъ эту черту характера, говоря: „не величавъ былъ Андрей на ратный чинъ, но ждалъ похвалы лишь отъ Бога". Точно также Андрей совсѣмъ не раздѣлялъ страсти своего отца къ Кіеву, былъ вполнѣ равнодушенъ къ матери городовъ русскихъ и ко всей южной Руси. Когда въ 1151 г. Юрій былъ побѣжденъ Изяславомъ, онъ плакалъ горькими слезами, жалѣя, что ему приходится разстаться съ Кіевомъ. Дѣло было къ осени. Андрей сказалъ отцу: „намъ теперь, батюшка, здѣсь дѣлать больше нечего, уйдемъ-ка отсюда затепло". По смерти Изяслава въ 1154 г. Юрій прочно усѣлся на кіевскомъ столѣ и просидѣлъ до самой смерти въ 1157 г. Самаго надежнаго изъ своихъ сыновей Андрея онъ посадилъ у себя подъ рукою въ Вышгородѣ; но Андрею не жилось на югѣ. Не спросившись у отца, онъ тихонько ушелъ на сѣверъ, похитивъ изъ Вышгорода чудотворную икону Божіей Матери, которая стала потомъ главной святыней Суздальской земли подъ именемъ Владимірской. Одинъ позднѣйшій лѣтописный сводъ такъ объясняетъ этотъ поступокъ Андрея: „смущался князь Андрей видя нестроеніе своей братіи, племянниковъ и всѣхъ сродниковъ своихъ: вѣчно они въ мятежѣ и въ волненіи, все добиваясь великаго княженія кіевскаго; ни у кого изъ нихъ ни съ кѣмъ мира нѣтъ, и оттого всѣ княженія запустѣли. Скорбѣлъ объ этомъ Андрей въ тайнѣ своего сердца и, не сказавшись отцу, рѣшился уйти къ себѣ въ Ростовъ и Суздаль, говоря: тамъ поспокойнѣе". По смерти Юрія на кіевскомъ столѣ смѣнилось нѣсколько князей и наконецъ усѣлся сынъ Юрьева соперника Андреевъ двоюродный племянникъ Мстиславъ Изяславичъ Волынскій. Андрей, считая себя старшимъ, выждалъ удобную минуту и послалъ на югъ съ сыномъ суздальское ополченіе, къ которому тамъ присоединились полки многихъ другихъ князей. Союзники взяли Кіевъ „копьемъ" и „на щитъ" приступомъ, и разграбили его (въ 1169 г.). Суздальцы, по разсказу лѣтописца, не пощадили ничего въ Кіевѣ, ни храмовъ, ни женъ, ни дѣтей: „были тогда въ Кіевѣ на всѣхъ людяхъ стонъ и

тоска, слезы непрестанныя и печаль неутѣшная". Но Андрей, взявъ Кiевъ своими полками, не поѣхалъ туда сѣсть на столъ отца и дѣда: Кiевъ былъ отданъ младшему Андрееву брату Глѣбу. Сынъ Андрея, посадивши въ Кiевѣ дядю, съ полками своими ушелъ назадъ къ отцу на сѣверъ, „съ честью и славою великой", замѣчаетъ сѣверный лѣтописецъ, „и съ проклятiемъ", добавляетъ лѣтописецъ южный. Впослѣдствiи, по смерти Глѣба, Кiевская земля отдана была ближайшимъ родичамъ Андрея — Ростиславичамъ Смоленскимъ. Старшiй Романъ сѣлъ въ Кiевѣ, младшiе его братья Давидъ и Мстиславъ помѣстились въ ближайшихъ городахъ. Андрей носилъ званiе великаго князя, живя на своемъ суздальскомъ сѣверѣ. Но Ростиславичи разъ показали неповиновенiе Андрею, и тотъ послалъ къ нимъ посла съ грознымъ приказанiемъ: „не ходишь ты, Романъ, въ моей волѣ съ своею братiею, такъ пошелъ вонъ изъ Кiева, ты, Мстиславъ, вонъ изъ Бѣлгорода, а ты, Давидъ, вонъ изъ Вышгорода; ступайте всѣ въ Смоленскъ и дѣлитесь тамъ, какъ знаете". Въ первый разъ великiй князь, названный отецъ для младшей братiи, обращался такъ съ своими родичами. Эту перемѣну въ обращенiи съ особенной силою почувствовалъ младшiй изъ Ростиславичей Мстиславъ; онъ обрилъ бороду и голову Андрееву послу и отпустилъ его назадъ, велѣвъ сказать Андрею: мы до сихъ поръ признавали тебя отцемъ своимъ по любви; но если посылаешь къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ подручникамъ и къ простымъ людямъ, то дѣлай, что задумалъ, а насъ Богъ разсудитъ". Такъ въ первый разъ произнесено было новое политическое слово — „подручникъ", т.е. впервые сдѣлана была попытка замѣнить неопредѣленныя отношенiя родового старшинства отношенiями обязательнаго подчиненiя, политическаго подданства.

Таковъ рядъ необычныхъ явленiй, обнаружившихся въ отношенiяхъ Андрея Боголюбскаго къ Южной Руси и другимъ князьямъ. До сихъ поръ званiе старшаго князя нераздѣльно соединено было съ обладанiемъ старшимъ кiевскимъ столомъ. Князь, признанный старшимъ среди родичей, обыкновенно садился въ Кiевѣ; князь, си-

дѣвшій въ Кіевѣ, обыкновенно признавался старшимъ среди родичей. Андрей впервые отдѣлилъ старшинство отъ мѣста: заставивъ признать себя великимъ княземъ всей Русской земли, онъ не покинулъ своей Суздальской волости и не поѣхалъ въ Кіевъ сѣсть на столъ отца и дѣда. Такимъ образомъ княжеское старшинство, оторвавшись отъ мѣста, получило личное значеніе. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнилось и положеніе Суздальской области среди другихъ областей Русской земли. До сихъ поръ князь, который достигалъ старшинства и садился на Кіевскомъ столѣ, обыкновенно покидалъ свою прежнюю волость, передавая ее очередному владѣльцу. Каждая княжеская волость, какъ временное, очередное владѣніе извѣстнаго князя, имѣла родовое, а не личное значеніе. Андрей, ставъ великимъ княземъ, не покинулъ Суздальской земли, которая вслѣдствіе того утратила родовое значеніе и получила характеръ личнаго неотъемлемаго достоянія своего князя. Она такимъ образомъ вышла изъ круга русскихъ областей, владѣемыхъ по очереди старшинства. Наконецъ этотъ князь, отдѣливъ старшинство отъ Кіевскаго стола, первый попытался замѣнить полюбовное родственное соглашеніе обязательнымъ подчиненіемъ младшихъ родичей — „подручничествомъ." Таковъ рядъ новыхъ явленій, вскрывшихся въ дѣятельности Андрея по отношенію къ южной Руси и другимъ князьямъ: эта дѣятельность была попыткой произвести переворотъ въ политическомъ строѣ Русской земли.

<u>Паденіе старшихъ городовъ въ Суздальской землѣ.</u> Разсматривая событія, происшедшія въ Суздальской землѣ при Андреѣ и слѣдовавшія за его смертью, мы встрѣчаемъ признаки другаго переворота, совершившагося во внутреннемъ строѣ самой Суздальской земли. Князь Андрей и дома, въ управленіи своей собственной волостью, дѣйствовалъ не по старому. По заведенному обычаю старшій князь извѣстной линіи дѣлилъ управленіе принадлежавшей этой линіи областью съ ближайшими младшими родичами, которыхъ сажалъ вокругъ себя по младшимъ городамъ этой области. Князь Андрей не

хотѣлъ дѣлить доставшейся ему отъ отца области съ своими младшими братьями и племянниками и прогналъ ихъ изъ Суздальской земли. Области старшихъ городовъ въ Русской землѣ управлялись, какъ мы знаемъ, двумя аристократіями, служилой и промышленной, которыя имѣли значеніе правительственныхъ орудій князя. Служилая аристократія состояла изъ княжескихъ дружинниковъ, промышленная изъ верхняго слоя населенія старшихъ городовъ, получившаго названіе „лучшихъ мужей" и руководившаго областными обществами. Съ эти аристократіи встрѣчаемъ мы и въ Суздальской землѣ уже при Андреевомъ отцѣ Юріи; но Андрей не поладилъ съ обоими этими руководящими классами суздальскаго общества. По заведенному порядку онъ долженъ былъ сидѣть и править въ старшемъ городѣ своей волости при содѣйствіи и по соглашенію съ его вѣчемъ. Такихъ старшихъ вѣчевыхъ городовъ въ Суздальской землѣ было два — Ростовъ и Суздаль. Андрей не любилъ ни того, ни другаго и сталъ жить въ маленькомъ пригородѣ Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ не бывало вѣчевыхъ собраній, сосредоточилъ на немъ всѣ свои заботы: украшалъ его, выстроилъ въ немъ новый соборный храмъ, въ которомъ поставилъ привезенную съ юга чудотворную икону Божіей Матери. Расширяя этотъ городъ, Андрей наполнилъ его, по замѣчанію лѣтописнаго свода, купцами хитрыми, ремесленниками и рукодѣльниками всякими. Благодаря этому Владиміръ при Андреѣ опередилъ богатствомъ и населенностью свои старшіе города. Такое необычное перенесеніе княжескаго стола изъ старшихъ городовъ въ пригородъ сердило Ростовцевъ и Суздальцевъ, которые роптали на Андрея, говоря: „здѣсь старшіе города Ростовъ да Суздаль, а Владиміръ нашъ пригородъ". Точно также не любилъ Андрей и старшей дружины отца. Онъ даже не дѣлилъ съ боярами своихъ развлеченій, не бралъ ихъ съ собой на охоту, велѣлъ имъ, по выраженію лѣтописи, „особо утѣху творити", а самъ ѣздилъ на охоту лишь съ немногими „отроками", людьми младшей дружины. Наконецъ, желая властвовать безъ раздѣла, Андрей, по замѣчанію лѣтописи, вмѣстѣ съ своими братьями и племянниками погналъ изъ Суздальской земли и „переднихъ мужей"

отца своего, т.е. старшую дружину, бояръ. Все это, по замѣчанію лѣтописца, Андрей творилъ, желая быть „самовластцемъ" Суздальской земли. За эти новыя необычныя политическія стремленія Андрей и погибъ. Онъ палъ жертвой заговора, вызваннаго его строгостью. Андрей казнилъ брата своей первой жены, одного изъ знатныхъ слугъ своего двора, Кучковича. Братъ казненнаго съ другими придворными составилъ заговоръ, отъ котораго и погибъ Андрей въ 1174 г. Отъ всей фигуры Андрея вѣетъ новымъ духомъ. Это былъ суровый хозяинъ, который во всемъ поступалъ по своему, а не по старинѣ и обычаю. Его новыя политическія понятія и привычки были воспитаны новой общественной средой, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Этой средой былъ пригородъ Владиміръ. Здѣсь князь Андрей провелъ большую половину своей жизни. Суздальскіе пригороды составляли тогда особый міръ съ отношеніями и понятіями, какихъ не знали въ старыхъ областяхъ Кіевской Руси. Событія, слѣдовавшія за смертью Андрея живо освѣщаютъ этотъ міръ.

По смерти Андрея въ Суздальской землѣ разыгралась усобица, по происхожденію своему очень похожая на княжескія усобицы въ старой Кіевской Руси. Случилось то, что часто бывало тамъ: дяди заспорили съ племянниками. Младшіе братья Андрея Михаилъ и Всеволодъ разсорились съ племянниками, дѣтьми ихъ старшаго брата, давно умершаго, Мстиславомъ и Ярополкомъ Ростиславичами. Такимъ образомъ мѣстному населенію открылась возможность выбора между князьями. Старшіе города позвали Андреевыхъ племянниковъ; но городъ Владиміръ, недавно ставшій великокняжескимъ стольнымъ городомъ, позвалъ къ себѣ братьевъ Андрея Михаила и Всеволода; изъ этого и вышла усобица. Въ борьбѣ сначала одержали верхъ племянники и сѣли по старшимъ городамъ Суздальской земли; но потомъ Владиміръ поднялся на старшіе города, опять призвалъ къ себѣ дядей, которые и восторжествовали надъ племянниками и раздѣлили между собой Суздальскую землю. По смерти старшаго дяди усобица возобновилась между младшимъ Всеволодомъ и

племянникомъ Мстиславомъ. Послѣдній проигралъ дѣло, разбитый въ двухъ битвахъ, подъ Юрьевомъ и на рѣкѣ Колокшѣ. Послѣ того Всеволодъ остался однимъ хозяиномъ въ Суздальской землѣ. Таковъ былъ ходъ суздальской усобицы, длившейся два года (1174–1176). Но по ходу своему эта сѣверная усобица не вовсемъ была похожа на южныя: она осложнилась явленіями, какихъ не замѣтно въ княжескихъ усобицахъ на югѣ. Въ областяхъ южной Руси мѣстное населеніе обыкновенно очень равнодушно относилось къ княжескимъ распрямъ; напротивъ въ Суздальской землѣ мѣстное населеніе приняло дѣятельное участіе въ ссорѣ князей. Племянниковъ дружно поддерживали старшіе города земли, которые дѣйствовали энергичнѣе самихъ князей, обнаруживали чрезвычайное ожесточеніе въ отношеніи къ пригородамъ. Въ иныхъ областяхъ старшіе города присвояли себѣ право выбирать на вѣчѣ посадниковъ для своихъ пригородовъ. Ростовцы во время усобицы говорили про Владиміръ: „это нашъ пригородъ; сожжемъ его, либо пошлемъ туда своего посадника; тамъ живутъ наши холопы каменьщики." Ростовцы, очевидно, намекали на ремесленниковъ, которыми Андрей населилъ Владиміръ. Но и этотъ пригородъ Владиміръ не дѣйствовалъ одиноко въ борьбѣ: къ нему примкнули другіе пригороды Суздальской земли. „А съ Переяславцы, замѣчаетъ лѣтописецъ, имяхуть Володимерцы едино сердце." И третій новый городъ Москва тянулъ въ ту же сторону и только изъ страха предъ князьями-племянниками не рѣшился принять дѣятельнаго участія въ борьбѣ. Земская вражда не ограничивалась старшими городами и пригородами: она шла глубже, захватывала все общество съ верху до низу. На сторонѣ племянниковъ и старшихъ городовъ стала и вся старшая дружина Суздальской земли; даже дружина города Владиміра примкнула къ старшимъ городамъ и дѣйствовала противъ князей, которыхъ поддерживали Владимірцы. Съ другой стороны, если старшая дружина даже пригородовъ стояла на сторонѣ старшихъ городовъ, то низшее населеніе старшихъ городовъ стало на сторонѣ пригородовъ. Когда

дяди въ первый разъ восторжествовали надъ племянниками, Суздальцы явились къ Михаилу и сказали: „мы, князь, не воевали противъ тебя съ Мстиславомъ, а были съ нимъ одни наши бояре; такъ ты не сердись на насъ и ступай къ намъ." Это говорили, очевидно, депутаты отъ простонародья города Суздаля. Значитъ, все общество Суздальской земли раздѣлилось въ борьбѣ горизонтально, а не вертикально: на одной сторонѣ стали обѣ мѣстныя аристократіи, старшая дружина и верхній слой населенія старшихъ городовъ, на другой ихъ низшее населеніе вмѣстѣ съ пригородами. На такое соціальное раздѣленіе указалъ одинъ изъ участниковъ борьбы Всеволодъ. Наканунѣ битвы подъ Юрьевымъ Всеволодъ хотѣлъ уладить дѣло безъ кровопролитія и послалъ сказать племяннику Мстиславу: „если тебя, братъ, привела старшая дружина, то ступай въ Ростовъ, тамъ и помиримся; тебя Ростовцы привели и бояре, а меня съ братомъ Богъ привелъ, да Владимірцы съ Переяславцами."

Такъ въ описанной усобицѣ вскрылись различные элементы мѣстнаго общества съ ихъ взаимными враждебными отношеніями. Мы видимъ, что борются князья дяди съ князьями племянниками, старшіе вѣчевые города съ пригородами, городами младшими, высшіе классы мѣстнаго общества, служилый и торговый, съ низшимъ населеніемъ „холопей-каменьщиковъ", какъ зовутъ его Ростовцы. Но въ глубинѣ этой тройной борьбы скрывается одна земская вражда. Чтобы понять происхожденіе этой вражды, надобно припомнить, что городская знать Ростова и Суздаля составлялась изъ стараго русскаго населенія края, которое принесено было сюда ранней струей колонизаціи, давно еще до княженія Юрія здѣсь усѣлось и привыкло руководить мѣстнымъ обществомъ. Вмѣстѣ съ Юріемъ Долгорукимъ, т.е. въ началѣ XII в. водворились въ Суздальской землѣ и бояре, старшая дружина. Это былъ второй старый и руководящій классъ мѣстнаго общества; вмѣстѣ съ богатымъ купечествомъ Ростова и Суздаля онъ и вступилъ въ борьбу съ при-

городами. Последніе, напротивъ, населены были преимущественно недавними переселенцами, которые пришли изъ Южной Руси. Эти переселенцы выходили большею частью изъ низшихъ классовъ южно-русскаго населенія, городскаго и сельскаго. Явившись въ Суздальскую землю, пришельцы встрѣтились здѣсь съ туземнымъ финскимъ населеніемъ, которое также составляло низшій классъ мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ колонизація дала рѣшительный численный перевѣсъ низшимъ классамъ, городскому и сельскому простонародью въ составѣ Суздальскаго общества. Этотъ перевѣсъ нарушилъ то равновѣсіе соціальныхъ стихій, на которомъ держался общественный порядокъ въ старыхъ областяхъ Кіевской Руси. Этотъ порядокъ, какъ мы знаемъ, носилъ аристократическій характеръ: высшіе классы тамъ политически преобладали и давили низшее населеніе. Это преобладаніе высшихъ классовъ при численномъ перевѣсѣ низшихъ въ Суздальской землѣ должно было вызвать антагонизмъ и столкновеніе между низомъ и верхомъ общества. Этотъ антагонизмъ и былъ скрытой причиной описанной усобицы между братьями и племянниками Андрея въ Суздальской землѣ, а этотъ численный перевѣсъ сказался въ исходѣ этой борьбы. Низшіе классы мѣстнаго общества, только что начавшіе складываться путемъ сліянія русскихъ колонистовъ съ финскими туземцами, возстали противъ высшихъ давнишнихъ и привычныхъ руководителей этого общества и одержали надъ ними верхъ. Значитъ, это была не простая княжеская распря, а соціальная борьба низа общества съ его вершинами. Такимъ образомъ и этотъ внутренній переворотъ въ Суздальской землѣ, подобно перемѣнѣ въ ея внѣшнемъ положеніи, имѣлъ своимъ источникомъ туже колонизацію. Такъ смотрѣли на ходъ и значеніе описанныхъ событій и современные наблюдатели, люди Суздальской земли. Описанная княжеская усобица разсказана современнымъ лѣтописцемъ, жителемъ города Владиміра, слѣдовательно сторонникомъ людей и пригородовъ. Онъ приписываетъ успѣхъ Владиміра въ борьбѣ чудодѣйственной помощи Божіей

Матери, чудотворная икона которой стояла во владимірскомъ соборѣ. Разсказавъ о первомъ торжествѣ дядей надъ племянниками и о возвращеніи Михаила во Владиміръ, этотъ лѣтописецъ-публицистъ сопровождаетъ свой разсказъ такими любопытными размышленіями: „И была радость большая въ городѣ Владимірѣ, когда онъ опять увидѣлъ у себя великаго князя всей Ростовской земли. Подивимся чуду новому, великому и преславному Божіей Матери, какъ заступила она свой городъ отъ великихъ бѣдъ и какъ гражданъ своихъ укрѣпляетъ: не вложилъ имъ Богъ страха, не побоялись они двоихъ князей съ ихъ боярами, не посмотрѣли на ихъ угрозы, положивши всю надежду на Святую Богородицу и на свою правду. Новгородцы, Смольняне, Кіевляне, Полочане и всѣ власти (волостные старшіе города на вѣча, какъ на думу сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ. А здѣсь старые города Ростовъ и Суздаль и всѣ бояре захотѣли свою правду поставить, а не хотѣли исполнить правды Божіей, говорили: „какъ намъ любо, такъ и сдѣлаемъ, Владиміръ нашъ пригородъ." Воспротивились они Богу и Святой Богородицѣ и правдѣ Божіей, послушались злыхъ людей ссорщиковъ, не хотѣвшихъ <u>намъ</u> добра изъ зависти къ <u>сему</u> городу и къ живущимъ въ немъ. Не съумѣли Ростовцы и Суздальцы правды Божіей исправить, думали, что, если они старшіе, такъ и могутъ дѣлать все по своему; но люди новые, мизинные (маленькіе съ мизинецъ) Владимірскіе уразумѣли, гдѣ правда, стали за нее крѣпко держаться и сказали себѣ: „либо Михалка князя себѣ добудемъ, либо головы свои положимъ за Святую Богородицу и за Михалка князя." И вотъ утѣшилъ ихъ Богъ и Святая Богородица: прославлены стали Владимірцы по всей землѣ за ихъ правду, „Богови имъ помогающу." Значитъ, и современный наблюдатель видѣлъ въ описанной усобицѣ не столько княжескую распрю, сколько борьбу мѣстныхъ общественныхъ элементовъ, возстаніе „новыхъ маленькихъ людей" на высшіе классы, на старыхъ привычныхъ руководителей мѣстнаго общест-

ва, каковы были обѣ аристократіи, служилая и промышленная. Итакъ однимъ изъ послѣдствій руской колонизаціи Суздальской земли было торжество общественнаго низа надъ его верхомъ. Можно думать, что мѣстное общество вслѣдствіе такого исхода пережитой имъ соціальной борьбы будетъ развиваться въ болѣе демократическомъ направленіи сравнительно съ общественнымъ строемъ областей старой Кіевской Руси.

<u>Преобладаніе Верхневолжской Руси надъ Днѣпровской при Всеволодѣ III.</u> Ступимъ еще шагъ впередъ и встрѣтимъ новый фактъ — рѣшительное преобладаніе Суздальской земли надъ остальными областями Руской земли. Восторжествовавъ надъ племянникомъ въ 1176 г., Всеволодъ III княжилъ въ Суздальской землѣ до 1212 г. Княженіе его во многомъ было продолженіемъ внѣшней и внутренней дѣятельности Андрея. Подобно послѣднему Всеволодъ заставилъ признать себя великимъ княземъ всей Руской земли и подобно старшему брату не поѣхалъ въ Кіевъ сѣсть на столъ отца и дѣда. Онъ правилъ южной Русью съ береговъ далекой Клязьмы; въ Кіевѣ князья садились изъ его руки. Великій князь Кіевскій чувствовалъ себя непрочно на этомъ столѣ, если не ходилъ въ волѣ Всеволода, не былъ его подручникомъ. Однимъ изъ этихъ князей, посаженныхъ въ Кіевѣ Всеволодомъ, былъ его смоленскій родичъ Рюрикъ Ростиславичъ. Этотъ Рюрикъ разъ сказалъ своему зятю Роману: „самъ ты знаешь, что нельзя было не сдѣлать по волѣ Всеволода, намъ безъ него быть нельзя: вся братія положила на немъ старѣйшинство во Владиміровомъ племени." Политическое давленіе Всеволода чувствовалось на самой отдаленной юго-западной окраинѣ Руской земли. Галицкій князь Владиміръ, сынъ Ярослава Осмомысла, воротившій отцовскій столъ съ польской помощью, спѣшилъ укрѣпиться на немъ, ставъ подъ защиту отдаленнаго дяди Всеволода Суздальскаго. Онъ послалъ сказать ему: „отецъ и господинъ, удержи Галичъ подо мною, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ и въ волѣ твоей всегда." И сосѣди Всеволода, князья Рязанскіе чувствовали на себѣ его руку, ходили въ его волѣ,

лю и указу посылали свои полки въ походы вмѣстѣ съ его полками. Въ 1207 г. Всеволодъ, вмѣшавшись въ усобицу Рязанскихъ князей, потребовалъ у Рязанцевъ выдачи ихъ всѣхъ и съ княгинями, продержалъ ихъ у себя подъ присмотромъ, а въ Рязани посадилъ своего сына съ посадниками. Когда же буйные, непокорные Рязанцы, какъ ихъ характеризуетъ суздальскій лѣтописецъ, вышли изъ повиновенія Всеволоду, тогда суздальскій князь велѣлъ перехватать всѣхъ горожанъ съ семействами и расточилъ ихъ по суздальскимъ городамъ, а городъ Рязань сжегъ. И пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ", южно-русскій поэтъ и публицистъ конца XII в. знаетъ политическое могущество суздальскаго князя. Изображая бѣдствія, какія постигли Русскую землю послѣ пораженія его героевъ въ степи, этотъ пѣвецъ обращается къ Всеволоду съ такими словами: „великій князь Всеволодъ! что бы тебѣ прилетѣть издалека отчаго золотого стола постеречь: вѣдь ты можешь Волгу раскропить веслами, Донъ шлемами вычерпать." Въ такихъ поэтически-преувеличенныхъ размѣрахъ представлялись черниговскому пѣвцу Волжскій флотъ Всеволода III и его сухопутная рать. Такимъ образомъ Суздальская область, еще въ началѣ XII в. столь незначительный сѣверо-восточный уголъ Русской земли, въ началѣ XIII в. является княжествомъ, рѣшительно господствующимъ надъ всей остальной Русью. Политическій центръ тяжести явственно перемѣщается съ береговъ средняго Днѣпра на берега Клязьмы. Это перемѣщеніе было слѣдствіемъ отлива русскихъ силъ изъ средняго приднѣпровья къ сѣверо-востоку.

Вмѣстѣ съ этимъ вскрывается другое любопытное явленіе: въ Суздальскомъ обществѣ и въ мѣстныхъ князьяхъ обнаруживается равнодушіе къ Кіеву, завѣтной мечтѣ прежнихъ князей, устанавливается отношеніе къ Кіевской Руси, проникнутое пренебрежительнымъ состраданіемъ. Это замѣтно было уже во Всеволодѣ, еще болѣе въ его дѣтяхъ. По смерти Всеволода въ Суздальской землѣ произошла новая усобица между его дѣтьми, причиной которой было необычное распоряженіе отца: Всеволодъ, разсердив-

шись на старшаго сына Константина, перенесъ старшинство на втораго сына Юрія. Князь Торопецкій Мстиславъ Удалой, сынъ знаменитаго Андреева соперника Мстислава Ростиславича Храбраго сталъ за обиженнаго старшаго брата и съ полками Новгородскими и Смоленскими вторгнулся въ самую Суздальскую землю. Противъ него выступили младшіе Всеволодовичи, Юрій, Ярославъ и Святославъ. Въ 1216 году усобица разрѣшилась битвой на Липицѣ близъ Юрьева-Польскаго. Наканунѣ битвы младшіе Всеволодовичи, подпивши, начали заранѣе дѣлить между собою Русскую землю, какъ вѣрную свою добычу. Старшій Юрій по праву старшинства бралъ себѣ лучшую волость Ростовскую и Владимірскую, второй братъ Ярославъ волость Новгородскую, третій Святославъ волость Смоленскую, а Кіевская земля — „ну, эта земля пускай пойдетъ кому-нибудь изъ Черниговскихъ." Сообразно съ этимъ измѣнилось и настроеніе Суздальскаго общества: и оно стало посматривать свысока на другія области Русской земли. На томъ же пиру одинъ старый бояринъ сталъ уговаривать младшихъ братьевъ помириться со старшимъ, котораго поддерживаетъ такой удалой союзникъ, какъ Мстиславъ. Другой бояринъ помоложе, подпивши, сталъ возражать на то, говоря князьямъ: „не бывало того ни при дѣдѣ, ни при отцѣ вашемъ, чтобы кто нибудь вошелъ ратью въ сильную землю Суздальскую и вышелъ изъ нея цѣлъ, хотя бы тутъ собралась вся земля Русская, и Галицкая, и Кіевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская и Рязанская; никакъ имъ не устоять противъ нашей силы; а эти-то полки-да мы ихъ сѣдлами закидаемъ. Значитъ, одновременно съ пренебреженіемъ князей къ Кіевской землѣ въ Суздальскомъ обществѣ стало развиваться мѣстное самомнѣніе, гордость, воспитанная политическими успѣхами, какіе дали этой области ея первые князья Андрей и Всеволодъ.

Изучая исторію Суздальской земли съ половины XII в., мы на каждомъ шагу встрѣчали новые неожиданные факты. Эти факты, развиваясь двумя параллельными рядами, создавали Суздальской области небывалое положеніе

въ Русской землѣ: одни изъ нихъ измѣняли ея отношеніе къ прочимъ русскимъ областямъ, другіе ея внутренній складъ. Перечислимъ еще разъ тѣ и другіе факты. Сначала князья стараются отдѣлить отъ великокняжескаго стола владѣніе Суздальской землей, выводя ее изъ круга земель, владѣемыхъ по очереди старшинства, и дѣлаютъ первую попытку замѣнить родственное гомодовное соглашеніе обязательнымъ подчиненіемъ младшихъ князей старшему, какъ подручниковъ своему государю. По смерти Андрея въ Суздальской землѣ падаетъ политическое значеніе руководящихъ классовъ мѣстнаго общества, княжеской дружины и высшаго городскаго купечества. Въ княженіе Всеволода эта область пріобрѣтаетъ рѣшительное преобладаніе надъ всей Русской землей. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея обществѣ обнаруживается равнодушіе къ Кіеву, отчужденіе отъ Кіевской Руси. Это значитъ, что порвались внутреннія связи, которыми прежде соединялась сѣверо-восточная окраина Русской земли съ ея старымъ центромъ, съ Кіевомъ. Всѣ эти факты суть прямыя или косвенныя послѣдствія русской колонизаціи Суздальской земли.

<u>Новый порядокъ княжескаго владѣнія въ потомствѣ Всеволода III.</u> Обращаясь къ явленіямъ, слѣдовавшимъ за смертью Всеволода, встрѣчаемъ еще новый фактъ можетъ быть, болѣе важный, чѣмъ всѣ предыдущіе. Порядокъ княжескаго владѣнія въ старой Кіевской Руси держался на очереди старшинства. Распоряженіе Всеволода, снявшаго старшинство со старшаго сына и перенесшаго его на втораго, показываетъ, что старшинство здѣсь, утративъ свой прежній характеръ, получило условное значеніе. Всматриваясь во владѣльческія отношенія потомковъ Всеволода, мы замѣчаемъ, что въ Суздальской землѣ утверждается новый порядокъ княжескаго владѣнія, непохожій на прежній. Изучая исторію возникновенія этого порядка, мы забудемъ на нѣкоторое время, что прежде чѣмъ сошло со сцены первое поколѣніе Всеволодовичей, Русь была завоевана Татарами, сѣверная въ 1237-8 г., южная въ 1239-40 г. Явленія, которыя мы наблюдаемъ въ Суздальской землѣ послѣ этого разгрома, послѣдовательно безъ перерыва развива-

ютоя изъ условій, начавшихъ дѣйствовать еще до разгрома, въ XII в. Кіевъ окончательно падаетъ послѣ Татарскаго нашествія. Владиміръ на Клязьмѣ заступаетъ его мѣсто въ значеніи политическаго центра Руси, оставляя за Кіевомъ, и то лишь на нѣкоторое время, только значеніе центра церковно-административнаго. Въ занятіи старшаго Владимірскаго стола Всеволодовичи вообще слѣдовали прежней очереди старшинства. Когда Константинъ Всеволодовичъ возстановилъ свое старшинство, снятое отцемъ, дѣти Всеволода садились на Владимірскомъ столѣ по порядку старшинства, сначала Константинъ, потомъ Юрій, за нимъ Ярославъ, наконецъ Святославъ. Та же очередь наблюдалась и въ поколѣніи Всеволодовыхъ внуковъ. Такъ какъ въ борьбѣ съ Татарами пали сыновья старшихъ Всеволодовичей Константина и Юрія, то Владимірскій столъ по очереди перешелъ къ сыновьямъ третьяго Всеволодовича Ярослава: на столъ Владимірскій садится сначала старшій Ярославичъ Александръ Невскій, потомъ Ярославъ Тверской, за ними младшій Василій Костромской (+1276 г.). Значитъ, до последней четверти XIII в. въ занятіи Владимірскаго стола дѣйствовала прежняя очередь старшинства; бывали отступленія отъ этого порядка, но ихъ видимъ здѣсь, въ Суздальской землѣ, не больше, чѣмъ видѣли въ старой Кіевской Руси. Рядомъ со старшей Владимірской областью, составлявшей общее достояніе Всеволодовичей и владѣемой по очереди старшинства, возникло въ Суздальской землѣ нѣсколько младшихъ волостей, которыми владѣли младшіе Всеволодовичи. Во владѣніи этими младшими областями устанавливается другой порядокъ, который держался не на очереди старшинства. Младшія волости передаются не по очереди старшинства, а отъ отца къ сыну по завѣщанію, переходя изъ рукъ въ руки въ прямой нисходящей, а не въ боко-

вой ломаной линіи, т.е. отъ старшаго брата къ младшему, отъ младшаго дяди къ старшему племяннику и т.д. Такой порядокъ владѣнія измѣняетъ юридическій характеръ младшихъ волостей. Прежнія волости были частями Русской земли, владѣемыя всѣми князьями сообща, т.е. по извѣстной очереди. Теперь волость — неотъемлемая отдѣльная собственность извѣстнаго князя, личное его достояніе, которое передается отъ отца сыну по личному распоряженію владѣльца, по завѣщанію. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ юридическаго характера волости является для нея и новое названіе. Въ старой Кіевской Руси части Русской земли, доставшіяся тѣмъ или другимъ князьямъ, обыкновенно назывались волостями въ смыслѣ временнаго владѣнія. Младшія волости, на которыя распалась Суздальская земля во Всеволодовомъ племени съ XIII в., называются „удѣлами" или „вотчинами" въ смыслѣ владѣнія постояннаго и наслѣдственнаго. Мы и будемъ называть этотъ новый порядокъ княжескаго владѣнія, утвердившійся на сѣверѣ, не очереднымъ, а удѣльнымъ. Признаки этого порядка появляются уже въ XIII ст. при сыновьяхъ Всеволода.

Удѣльный порядокъ владѣнія — основной и исходный фактъ, изъ котораго развиваются всѣ дальнѣйшія явленія въ исторіи Суздальской Руси, на которомъ сталъ политическій бытъ, складывающійся здѣсь къ половинѣ XV в. Вотъ главные признаки, которыми прежде всего обозначилось утвержденіе этого порядка. 1) Измѣняется характеръ княжескаго владѣнія: онъ перестаетъ быть подвижнымъ и становится осѣдлымъ; князья постоянно живутъ и умираютъ въ своихъ удѣльныхъ городахъ, которыхъ не покидаютъ даже тогда, когда по очереди старшинства занимаютъ великокняжескій столъ. 2) Новый порядокъ владѣнія измѣняетъ и характеръ княжескихъ стремленій, кня-

жескую политику. Въ старой Кіевской Руси князь, временный владѣтель той или другой волости, не имѣлъ побужденія заботиться о расширеніи ея предѣловъ; князь сѣверный XIII в., владѣвшій своимъ удѣломъ наслѣдственно, прилагалъ всѣ заботы о территоріальномъ расширеніи своего удѣла, чтобы передать его дѣтямъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ какихъ получилъ его отъ отца. Отсюда среди сѣверныхъ князей развелось стремленіе къ "примысламъ", къ земельнымъ пріобрѣтеніямъ, которое иногда получало характеръ земельнаго хищничества. 3) Измѣнился порядокъ передачи волостей наслѣдникамъ. Въ старой Кіевской Руси князь не могъ передавать своей волости по личному распоряженію своему сыну, если она не слѣдовала ему по очереди старшинства; сѣверный князь XIII-XIV в., наслѣдственный владѣтель своей волости, передавалъ ее по личному распоряженію, по завѣщанію, и за отсутствіемъ сыновей могъ отказать ее не только женѣ или дочери, но даже отдаленному родичу. Въ памятникахъ XIII и XIV в. найдемъ много случаевъ такихъ передачъ. Въ 1249 г. умеръ удѣльный князь Ярославскій Василій Всеволодовичъ, правнукъ Всеволода III, оставивъ послѣ себя одну дочь, княжну Марію. Въ это же время князья Смоленскіе, дѣля свою вотчину, обидѣли младшаго брата Θедора Можайскаго. Послѣдній ушелъ въ Ярославль, женился на княжнѣ-сиротѣ и вмѣстѣ съ ея рукою получилъ Ярославское княжество, ставъ такимъ образомъ родоначальникомъ новой удѣльной княжеской линіи. Ярославъ, 3-й сынъ Всеволода III, получилъ въ удѣлъ волость Переяславскую, которая послѣ него преемственно переходила отъ отца къ старшему сыну. Въ 1302 г. умеръ бездѣтный Переславскій князь Иванъ Дмитріевичъ, отказавъ свой удѣлъ сосѣднему князю Московскому Даніилу. Великій князь Московскій Симеонъ Гордый, умирая въ 1353 г., отказалъ весь свой удѣлъ женѣ, которая передала его потомъ своему деверю, Симеонову брату Ивану. Таковы признаки, въ которыхъ обнаружилось утвержденіе новаго порядка владѣнія младшими областями въ Суздальской землѣ.

Происхожденіе удѣльнаго порядка владѣнія. Теперь объяснимъ себѣ

историческое происхожденіе этого порядка. Слѣдя за развитіемъ порядка княжескаго владѣнія въ древней Руси, замѣчаемъ одну видимую несообразность. Въ старой Кіевской Руси мысль объ общемъ нераздѣльномъ владѣніи признавалась основаніемъ княжескихъ отношеній даже между далекими другъ друга по родству князьями. Троюродные даже четвероюродные Ярославичи въ XII в. все еще живо сознаютъ себя членами одного рода, внуками единаго дѣда, которые должны владѣть отчиной, Русской землей сообща, по очереди. Этой владѣльческой солидарности, мысли о нераздѣльномъ владѣніи не замѣтно въ потомствѣ Всеволода, даже между близкими родственниками, братьями родными и двоюродными: не смотря на близкое родство свое Всеволодовичи спѣшатъ раздѣлить вотчину на отдѣльныя наслѣдственныя части. Внуки Всеволода скорѣе забыли своего дѣда, чѣмъ внуки Ярослава своего. Что было причиной такого быстраго водворенія уединеннаго, раздѣльнаго владѣнія въ потомствѣ Всеволода? Какія условія вызвали такое владѣльческое отчужденіе князей наперекоръ родственной близости дѣльцевъ? Слѣдя за княжескими отношеніями въ Суздальской землѣ, мы чувствуемъ, что присутствуемъ при глубокомъ переломѣ жизни. Княжескія отношенія сходятъ со старыхъ основаній и перемѣщаются на новыя. Въ старой Кіевской Руси владѣльческое значеніе князя опредѣлялось его генеалогическимъ положеніемъ среди родичей: чѣмъ старше былъ князь, тѣмъ лучше была волость, которая доставалась ему. На сѣверѣ, напротивъ, значеніе князя среди родичей опредѣлялось его владѣльческимъ положеніемъ: чѣмъ лучше и богаче былъ удѣлъ, доставшійся извѣстному князю, тѣмъ выше становился онъ среди родичей. Княжескій родъ XII в. представлялъ подвижную лѣствицу старшинства, ступенями которой были живыя лица. Племя Суздальскихъ Всеволодовичей представляло изъ себя безпорядочную толпу князей, въ которой одинъ князь возвышался надъ другими перевѣсомъ матеріальныхъ силъ. Значитъ, центръ тяжести въ княже-

ныхъ отношеніяхъ на сѣверѣ переместился съ лица на землю; основаніемъ ихъ вмѣсто старшинства стала сила, пріобрѣтаемая величиной и богатствомъ удѣла. Вотъ почему на сѣверѣ княжескіе споры о старшинствѣ смѣнились борьбой за земельныя владѣнія. Связь между князьями Ярославичами XII в. поддерживалась родственными преданіями, генеалогическими воспоминаніями; отношенія между князьями Всеволодова племени въ XIII и XIV в. опредѣлялись личными интересами, хозяйственнымъ положеніемъ каждаго.

Такова была перемѣна, внесенная удѣльнымъ порядкомъ владѣнія во взаимныя отношенія князей. Эта перемѣна помогаетъ намъ уяснить себѣ историческое происхожденіе удѣльнаго порядка владѣнія. Удѣльное княжеское владѣніе слагалось изъ двухъ княжескихъ правъ: изъ права личной собственности на удѣлъ, владѣемый княземъ, и изъ права располагать этимъ удѣломъ по завѣщанію. Второе право очевидно есть юридическое послѣдствіе перваго. Какъ возникли и развились эти права?

Старая Кіевская Русь представляла изъ себя цѣльную страну, части которой были тѣсно связаны между собою многообразными нитями экономическими, юридическими, географическими и нравственными. Эта Русь собственно состояла изъ бассейна одной рѣки Днѣпра, которая была какъ бы становымъ хребтомъ Русской земли, а множество притоковъ ея, идущихъ справа и слѣва, можно назвать географическими ребрами. На этомъ скелетѣ и держался общественный и политическій организмъ древней Кіевской Руси. Представимъ себѣ теперь Верхневолжскую Русь, какою она была въ XIII ст. Здѣсь видимъ прежде всего частую сѣть рѣкъ и рѣчекъ, идущихъ въ различныхъ направленіяхъ. Эта рѣчная сѣть разбрасывала населеніе въ разныя стороны. Увлекаемое по рѣчнымъ дорогамъ населеніе расплывалось въ разныя стороны. Эта разбросанность мѣшала образоваться въ Суздальской землѣ прочному центру полити-

ческому или экономическому. Центробѣжныя влеченія брали рѣшительный перевѣсъ надъ условіями централизаціи. Населеніе, разсыпаясь по рѣчной канвѣ, прежде всего занимало сухіе высокіе берега рѣкъ. Такъ по рѣкамъ вытягивались длинныя полосы жилыхъ мѣстъ, представлявшіяся островами среди моря лѣсовъ и болотъ. Возникшіе такимъ образомъ рѣчные округа отдѣлялись отъ сосѣднихъ обширными лѣсными пустынями. Такимъ образомъ колонизація выводила въ Верхневолжской Руси мелкіе рѣчные округа, которые и послужили готовыми рамками для удѣльнаго дробленія и поддерживали его. Когда извѣстному удѣльному князю нужно было раздѣлить свою вотчину между наслѣдниками, географическое размѣщеніе населенія служило для него готовымъ основаніемъ для удѣльныхъ дѣленій и подраздѣленій. Такъ удѣлы въ Верхневолжской Руси образовались въ точномъ соотвѣтствіи съ географическимъ распредѣленіемъ населенія. Таково географическое основаніе удѣльнаго порядка.

Съ другой стороны, сѣверные князья становились подъ вліяніемъ колонизаціи въ иныя отношенія къ своимъ княжествамъ, какихъ не существовало въ старой Кіевской Руси. Первые князья, явившись въ Русскую землю, вошли въ готовый уже общественный строй, до нихъ устроенный. Правя Русской землей, они защищали ее отъ внѣшнихъ враговъ, поддерживали въ ней общественный порядокъ, точнѣе опредѣляли нѣкоторыя подробности этого порядка; но они не могли сказать, что они создали самыя основанія этого порядка, не могли назвать себя творцами управляемаго общества. Старое Кіевское общество было старше своихъ князей. Совсѣмъ иной взглядъ на себя усвояли подъ вліяніемъ колонизаціи удѣльные князья Верхневолжской Руси. Обыкновенно, садясь на удѣлъ, первый князь его находилъ въ своемъ владѣніи не готовое общество, которымъ предстояло ему править, а пустыню, которая только что начинала заселяться, въ которой все надо было завести и устроить, чтобы создать въ ней общест-

край оживалъ на глазахъ своего князя: глухія дебри расчищались, пришлые люди селились на „новяхъ", заводили новые промыслы, новые доходы приливали въ княжескую казну. Всѣмъ этимъ руководилъ князь, все это онъ считалъ дѣломъ рукъ своихъ, своимъ созданіемъ. Такъ колонизація воспитывала въ цѣломъ рядѣ княжескихъ поколѣній одну и ту же мысль, производила на нихъ одно и то же впечатлѣніе. Юрій Долгорукій началъ строить Суздальскую землю; сынъ его Андрей продолжалъ работу отца: недаромъ онъ хвастался, что населилъ Суздальскую землю городами и большими селами, сдѣлалъ ее многолюдной. Припоминая работу отца и свои собственныя усилія, Андрей по праву могъ сказать, что это онъ съ отцомъ сдѣлали Суздальскую Русь, устроили въ ней общество. Мысль: „это мое, потому что мною пріобрѣтено, мною сдѣлано", вотъ то политическое впечатлѣніе, которое производила на первыхъ князей Верхневолжской Руси колонизація. Эта мысль и легла въ основаніе понятія объ удѣлѣ, какъ личной собственности удѣльнаго князя. Таково было политическое основаніе удѣльнаго порядка.

Такимъ образомъ удѣльный порядокъ держался на двухъ основаніяхъ: на географическомъ и политическомъ; онъ созданъ былъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ природы страны и ея колонизаціи. 1) Благодаря физическимъ особенностямъ Верхневолжской Руси колонизація выводила здѣсь мелкіе рѣчные округа, уединенные другъ отъ друга, которые и служили основаніемъ политическаго дѣленія страны, т. е. удѣльнаго ея дробленія. Мелкіе Верхневолжскіе удѣлы XIII и XIV в. — это рѣчные бассейны. 2) Благодаря колонизаціи страны первый князь каждаго удѣла находилъ въ своемъ владѣніи не готовое общество, достаточно устроенное, а пустыню, которую онъ долженъ былъ заселить и устроить въ общество. Понятіе о князѣ, какъ личномъ собственникѣ удѣла было юридическимъ послѣдствіемъ значенія князя, какъ заселителя и устроителя своего удѣла. Такъ объясняю я историческое происхожденіе удѣльнаго порядка владѣнія, утвердившагося въ сѣверной Руси съ XIII в.

Послѣдствія удѣльнаго порядка. Теперь изучимъ послѣдствія этого порядка. Они становятся замѣтны уже въ XIII в., еще болѣе въ XIV.

Прежде всего этотъ порядокъ сопровождался все усиливавшимся удѣльнымъ дробленіемъ сѣверной Руси, постепеннымъ измельчаніемъ удѣловъ. Въ старой Кіевской Руси земля дѣлилась на части по числу наличныхъ взрослыхъ князей; такимъ образомъ въ каждомъ поколѣніи Русская земля передѣлялась между князьями. Теперь съ исчезновеніемъ очереднаго порядка прекратились и эти передѣлы. Члены княжеской линіи, слишкомъ размножившейся, не имѣли возможности занимать свободные столы въ другихъ княжествахъ и должны были все болѣе дробить свою вотчину. Благодаря этому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ княжескіе удѣлы распадались между наслѣдниками на микроскопическія части, и удѣльные князья по своей внѣшней обстановкѣ и размѣрамъ владѣній приближались къ мелкимъ вотчинникамъ XVI–XVII вѣка. Я сдѣлаю краткій обзоръ этого удѣльнаго дробленія, ограничиваясь лишь двумя первыми поколѣніями Всеволодовичей. По смерти Всеволода его верхневолжская вотчина распалась на 5 частей. При старшемъ Владимірскомъ княжествѣ, которое считалось общимъ достояніемъ Всеволодова племени, явилось 4 удѣла: Ростовскій, Переяславскій, Юрьевскій (со стольнымъ городомъ Юрьевымъ въ Полѣ) и Стародубскій на Клязьмѣ. Когда внуки Всеволода стали на мѣсто отцевъ, Суздальская земля раздѣлилась на болѣе мелкія части. Владимірское княжество продолжало наслѣдоваться по очереди старшинства; но изъ него выдѣлились 3 новыхъ удѣла: Суздальскій, Костромской и Московскій. Ростовское княжество также распалось на части: изъ него выдѣлились младшіе удѣлы Ярославскій и Углицкій. Переяславскій удѣлъ также распался на нѣсколько частей: рядомъ съ старшимъ удѣломъ Переяславскимъ возникли два новыхъ, изъ него выдѣлившихся, Тверской и Дмитрово-Галицкій. Только княжества Юрьевское и Стародубское остались нераздѣльны, ибо первые ихъ князья оставили лишь по одному сыну. Итакъ Суздальская земля, распадавшаяся при дѣтяхъ Всеволода,

на 5 частей раздробилась при внукахъ его на 12. Въ такой же прогрессіи шло удѣльное дробленіе и въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ Всеволодова племени. Для наглядности я пересчитаю вамъ части, на которыя послѣдовательно дробилось старшее изъ первоначальныхъ удѣльныхъ княжествъ — Ростовское. Изъ Ростовскаго княжества сначала, какъ мы сказали, выдѣлились удѣлы Ярославскій и Углицкій, но потомъ и остальное Ростовское княжество распалось еще на двѣ половины, Ростовскую собственно и Бѣлозерскую. Въ продолженіе XIV и XV вѣковъ Бѣлозерская половина въ свою очередь распадается на такіе удѣлы: Кемскій, Сугорскій, Ухтомскій, Шелешпанскій, Андожскій, Вадбольскій и другіе. Ярославское княжество въ продолженіе XIV и XV вѣковъ также подраздѣлилось на удѣлы, именно: на Моложскій, Сицкой, Заозерскій, Кубенскій рядомъ съ предыдущимъ, Курбскій, Новлинскій, Юхотскій, Бохтюжскій и другіе. Какъ вы можете видѣть по названіямъ этихъ удѣловъ большая часть ихъ была небольшими округами заволжскихъ рѣчекъ Сити, Мологи, Кемы, Ухтомы, Андоги, Курбы, Бохтюги и т. д.

2) Съ этимъ слѣдствіемъ тѣсно связано было и другое — обѣднѣніе большей части измельчавшихъ удѣльныхъ князей сѣверной Руси. По мѣрѣ размноженія нѣкоторыхъ линій Всеволодова племени наслѣдники получали отъ своихъ отцовъ все болѣе мелкія части своихъ фамильныхъ вотчинъ. Благодаря этому дробленію большая часть удѣльныхъ князей XIV и XV в. в. является въ обстановкѣ не богаче той, въ которой являются посредственные частные землевладѣльцы позднѣйшаго времени. Къ числу Ярославскихъ удѣловъ принадлежало княжество Заозерское (по сѣверо-восточному берегу Кубенскаго озера). Въ началѣ XV в. этимъ княжествомъ владѣлъ удѣльный князь Димитрій Васильевичъ. Одинъ изъ сыновей этого князя ушелъ въ Каменный монастырь на островѣ Кубенскаго озера и постригся тамъ подъ именемъ Іоасафа. Въ старинномъ житіи этого князя-инока мы находимъ изобразительную картину резиденціи его отца, Заозерскаго князя. Столица эта состояла изъ одинокаго княжескаго двора, недалеко отъ

владенія рѣки Кубены въ озеро. Близъ этой княжеской усадьбы стояла церковь во имя Димитрія Солунскаго, очевидно этимъ же княземъ и построенная въ честь своего ангела, а поодаль раскинута была „весь Чиркова", которая служила приходомъ къ этой церкви. Вотъ и вся резиденція „державца" начала XV в.

3) Удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія по самому характеру своему вносилъ взаимное отчужденіе въ среду князей, какого не существовало среди князей старой Кіевской Руси. Счеты и споры о старшинствѣ, о порядкѣ владѣнія по очереди старшинства поддерживали тѣсную солидарность между тѣми князьями; всѣ ихъ отношенія держались на томъ, какъ одинъ князь доводился другому. Отсюда ихъ привычка дѣйствовать сообща; даже вражда изъ-за чести старшинства больше сближала ихъ между собою, чѣмъ отчуждала другъ отъ друга. Среди удѣльныхъ князей, напротивъ, никому не было дѣла до другого. При отдѣльности владѣнія между ними не могло существовать и общихъ интересовъ: каждый князь, замкнувшись въ своей вотчинѣ, привыкалъ дѣйствовать особнякомъ, вспоминая о сосѣдѣ лишь тогда, когда тотъ угрожалъ ему, или когда представлялся случай обобрать его. Это взаимное разобщеніе удѣльныхъ князей дѣлало ихъ неспособными къ прочнымъ политическимъ союзамъ; княжескіе съѣзды, столь частые въ XII в., становятся рѣдки въ XIII и исчезаютъ въ XIV.

4) Вмѣстѣ съ этой владѣльческой замкнутостью князей падаетъ и ихъ политическое значеніе. Политическое значеніе государя опредѣляется степенью, въ какой онъ пользуется своими верховными правами для достиженія цѣлей общаго блага, для охраненія общихъ интересовъ и общественнаго порядка. Значеніе князя въ старой Кіевской Руси опредѣлялось тѣмъ, что онъ былъ охранителемъ внѣшней безопасности Русской земли, вооруженнымъ стражемъ ея границъ. Достаточно бросить

бѣглый взглядъ на общественныя отношенія въ удѣльныхъ княжествахъ, чтобы видѣть, что удѣльный князь имѣлъ иное значеніе. Къ территоріи удѣльнаго княжества привязаны были только холопы князя; свободные обыватели являли лишь временныя, личныя связи съ мѣстнымъ княземъ. Они распадались на два класса: на служилыхъ и черныхъ людей. Служилыми людьми назывались бояре и слуги вольные, состоявшіе на личной службѣ у князя по уговору съ нимъ. Они признавали власть его надъ собой, пока ему служили; но каждый изъ нихъ могъ покинуть князя и перейти на службу къ другому. Это не считалось измѣной передъ княземъ. Покинувъ князя, вольные слуги его сохраняли даже свои права на землю, пріобрѣтенныя ими въ покинутомъ княжествѣ. Таковы же были отношенія и черныхъ людей къ удѣльному князю. Какъ отношенія служилыхъ людей опредѣлялись службой, такъ отношенія черныхъ людей опредѣлялись землей. Черный человѣкъ, городской или сельскій, признавалъ власть князя, платилъ ему дань, подчинялся его юрисдикціи, только пока пользовался его землей; но и онъ могъ перейти въ другое княжество, и тогда разрывались всѣ его связи съ прежнимъ княземъ. Значитъ, какъ служилый человѣкъ былъ военнымъ наемнымъ слугой князя, такъ черный человѣкъ былъ тяглымъ арендаторомъ его земли. Легко понять при такихъ общественныхъ отношеніяхъ значеніе удѣльнаго князя. Въ своемъ удѣлѣ онъ былъ не правителемъ, а владѣльцемъ; княжество было для него не обществомъ, а хозяйствомъ; онъ не правилъ имъ, а эксплуатировалъ его. Онъ считалъ себя собственникомъ всей территоріи княжества, но только территоріи съ ея хозяйственными угодьями. Лица, свободные люди, не входили юридически въ составъ этой собственности; свободный человѣкъ, служилый или черный, тяглый приходилъ въ княжество, работалъ и уходилъ, былъ не политической единицей въ составѣ мѣстнаго общества, а экономической случайностью въ княжествѣ. Князь не видѣлъ въ немъ сво-

его подданнаго въ нашемъ смыслѣ этого слова, потому что и себя не считалъ государемъ въ этомъ смыслѣ. Тогда не существовало этихъ понятій, не существовало и отношеній, изъ нихъ вытекающихъ. Князь считалъ себя государемъ только надъ своими холопами, какіе были и у частныхъ землевладѣльцевъ. Онъ пользовался верховными правами; но эти права, входя въ составъ его удѣльнаго хозяйства, вытекали, какъ послѣдствія изъ его права собственности на удѣлъ. Цѣлью, къ которой направлялись эти права, было охраненіе, поддержаніе личныхъ интересовъ князя, а не общаго блага управляемаго населенія. Значитъ, общественный порядокъ въ удѣльномъ княжествѣ держался не на политическомъ основаніи, не на идеѣ общаго блага, а на гражданскихъ связяхъ, прикрѣплявшихся къ частному интересу князя.

Наконецъ, 5) уровню политическаго значенія князя соотвѣтствовалъ и уровень его гражданскаго развитія. Удѣльный порядокъ владѣнія былъ причиной одичанія князей, упадка въ нихъ земскаго сознанія и гражданскаго чувства. При тогдашнихъ тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ княжескаго владѣнія и ихъ владѣльческомъ одиночествѣ каждый князь привыкалъ все больше дѣйствовать во имя инстинкта самосохраненія, который съ особенной силой развился въ средѣ удѣльныхъ князей. Удѣльные князья сѣверной Руси гораздо менѣе воинственны сравнительно съ своими южно-русскими родичами; но по гражданскимъ своимъ понятіямъ и образу дѣйствій они не меньше варвары, чѣмъ ихъ предки. Такой ихъ характеръ и образъ дѣйствій дѣлаютъ для насъ понятными тѣ увѣщанія, съ которыми обращались къ нимъ тогдашніе лѣтописцы, уговаривая ихъ не плѣняться суетной славой сего свѣта, не отнимать чужаго, не лукавить другъ съ другомъ, не обижать младшихъ родичей.

Таковы были главныя послѣдствія удѣльнаго порядка владѣнія. Повидимому, ихъ можно свести въ такую краткую формулу: подъ дѣйствіемъ удѣльнаго порядка владѣнія сѣверная Русь политически дробилась

все мельче, теряя и прерывая слабыя связи политическаго единства; вслѣдствіе этого дробленія князья бѣднѣли, бѣднѣя, замыкались въ свои вотчины, замыкаясь теряли политическое значеніе блюстителей общаго блага, а теряя это значеніе, дичали. Всѣ эти послѣдствія имѣли важное значеніе въ дальнѣйшей политической исторіи сѣверной Руси: они подготовляли благопріятныя условія для ея политическаго объединенія. Когда изъ среды обѣднѣвшихъ и измельчавшихъ удѣльныхъ князей поднялся одинъ сильный владѣлецъ, онъ, во первыхъ, не встрѣтилъ со стороны удѣльныхъ сосѣдей дружнаго отпора своимъ объединительнымъ стремленіямъ, боролся съ ними одинъ на одинъ, пользуясь ихъ взаимнымъ отчужденіемъ, непривычкой дѣйствовать сообща; во вторыхъ, этотъ князь-объединитель встрѣтилъ и въ мѣстныхъ удѣльныхъ обществахъ полное равнодушіе къ своимъ измельчавшимъ и одичавшимъ властителямъ, съ которыми они были связаны столь слабыми нитями, и, убирая ихъ одного за другимъ, не вызвалъ въ этихъ обществахъ дружнаго возстанія въ пользу удѣльныхъ князей. Всѣмъ этимъ опредѣляется значеніе удѣльнаго порядка въ нашей политической исторіи. Удѣльный порядокъ своими послѣдствіями облегчилъ собственное разрушеніе. Въ старой Кіевской Руси не устроилось прочнаго политическаго единства, но завязались прочныя связи единства національнаго. Въ удѣльной Руси эти связи окрѣпли; за то окончательно разрушилось политическое единство. Но удѣльный порядокъ, разрушившій это единство, по характеру своему гораздо менѣе способенъ былъ защищать самъ себя, чѣмъ предшествовавшій ему порядокъ очередной. Поэтому удѣльный порядокъ сталъ переходной политической формой, посредствомъ которой Русская земля отъ единства національнаго перешла къ единству политическому. Исторія этого перехода есть исторія одного изъ удѣльныхъ княжествъ Московскаго. Къ изученію судьбы этого княжества мы теперь и обращаемся.

Московское княжество до половины XV в.

Экономическія и политическія условія ея возвышенія. Лѣтопись выводитъ городъ Москву въ числѣ новыхъ Суздальскихъ городковъ, возникшихъ въ княженіе Юрія Долгорукаго. Любопытно, что городокъ этотъ впервые является въ лѣтописномъ разсказѣ съ значеніемъ пограничнаго пункта между княжествомъ сѣвернымъ Суздальскимъ и южнымъ Черниговскимъ. Сюда въ 1147 г. Юрій Долгорукій пригласилъ своего союзника и сосѣда князя Черниговскаго Святослава Ольговича на свиданіе. Это первое извѣстіе о Москвѣ. Значитъ, городъ возникъ на перепутьи между днѣпровскимъ югомъ и верхневолжскимъ сѣверомъ. Съ тѣмъ же значеніемъ пограничнаго городка Суздальской земли является Москва и въ дальнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Я разсказывалъ о шумной борьбѣ, какая поднялась по смерти Андрея Боголюбскаго между его младшими братьями и племянниками. Въ 1176 г. дяди, восторжествовавъ надъ племянниками, вызвали изъ Чернигова укрывавшихся тамъ своихъ женъ. Княгинь поѣхалъ провожать сынъ черниговскаго князя Олегъ; онъ довезъ княгинь до Кучкова, „т.е. до Москвы", какъ поясняетъ лѣтописецъ въ другомъ мѣстѣ, и оттуда воротился въ свою волость Лопасню. Лопасня — село верстахъ въ 70 отъ Москвы къ югу по Серпуховской дорогѣ. Такъ близко подходила тогдашняя Черниговская граница къ Суздальскому городку Москвѣ. Изъ этого извѣстія видно, что Москва носила и другое болѣе раннее названіе Кучкова. Названіе это она получила отъ мѣстнаго вотчинника боярина и ростовскаго тысяцкаго Степана Кучки, которому принадлежали окрестныя села и деревни. Временемъ возникновенія и географическимъ положеніемъ Москвы объясняется ея дальнѣйшая политическая судьба. Какъ городокъ новый и далекій отъ Суздальскихъ центровъ Ростова и Владиміра, Москва позже другихъ Суздальскихъ городовъ могла стать стольнымъ городомъ особаго княжества и притомъ должна была достаться младшему князю. Дѣйствительно въ продолженіе большей части XIII ст. въ Москвѣ не замѣтно посто-

аннаго княженія: князья появлялись въ Москвѣ лишь на короткое время, и все это были младшіе сыновья своихъ отцевъ. Сначала сидѣлъ здѣсь нѣкоторое время одинъ изъ младшихъ Всеволодовичей Владиміръ; потомъ видимъ здѣсь другаго Владиміра, одного изъ младшихъ сыновей великаго кн. Юрія Всеволодовича: этотъ-то Владиміръ, который погибъ во время Батыева нашествія въ 1238 г. Позднѣе въ Москвѣ является младшій изъ сыновей Ярослава Всеволодовича Михаилъ Хоробритъ. Наконецъ не раньше послѣдней четверти XIII в. въ Москвѣ утвердился младшій изъ сыновей Александра Невскаго Даніилъ. Съ тѣхъ поръ Москва стала особымъ княжествомъ съ постояннымъ княземъ; Даніилъ сталъ родоначальникомъ Московскаго княжескаго дома.

Таковы первыя извѣстія о городѣ Москвѣ. По нимъ трудно было угадать его дальнѣйшую политическую судьбу. Эта судьба представлялась неожиданной и загадочной и для позднѣйшихъ поколѣній сѣверо-русскаго общества. Задавая себѣ вопросъ, какимъ образомъ Москва такъ быстро поднялась и стала политическимъ центромъ сѣверо-восточной Руси, древнерусское общество не умѣло найти отвѣта: быстрый политическій ростъ Москвы и ему казался исторической загадкой. Это отразилось въ одномъ изъ многихъ народныхъ сказаній, предметомъ которыхъ служитъ первоначальная судьба этого города. Одно изъ этихъ сказаній, записанное уже въ XVII ст., начинается приблизительно такими словами: „кто думалъ, гадалъ, что Москвѣ царствомъ быти, и кто-же зналъ, что Москвѣ государствомъ слыти? Стояли на Москвѣ рѣкѣ села красныя боярина хорошаго Кучка Степана Ивановича." Вы чувствуете, что записанное книжникомъ народное сказаніе еще не утратило признаковъ размѣренной рѣчи, былиннаго стиха. Причина загадочности первоначальной судьбы города Москвы заключается въ томъ, что древнѣйшіе памятники нашей исторіи отмѣтили далеко не первые моменты ея роста, а уже крупные внѣшніе успѣхи, которыхъ добилась Москва съ теченіемъ времени послѣ дол-

нихъ скрытыхъ усилій. Но уцѣлѣли нѣкоторыя косвенныя указанія, въ которыхъ вскрываются таинственныя силы, работавшія надъ подготовкой успѣховъ Московскаго княжества съ первыхъ минутъ его существованія. Причины его быстраго роста заключались въ географическомъ положеніи города и его края. Прежде всего это положеніе содѣйствовало сравнительно болѣе ранней и густой населенности края. Москва возникла на рубежѣ между юго-западной Днѣпровской и сѣверо-восточной Волжской Русью. Это былъ первый край, въ который попадали колонисты, перевалившіе за Угру; здѣсь слѣдовательно они осаживались въ наибольшемъ количествѣ, какъ на первомъ своемъ привалѣ. Блѣдные слѣды этого усиленнаго осадка колонизаціи въ области рѣки Москвы находимъ въ старыхъ преданіяхъ. Читая родословныя книги старинныхъ боярскихъ фамилій, которыя дѣйствовали въ Москвѣ, вы увидите, что очень многія изъ нихъ начинаются однимъ сказаніемъ: родоначальники этихъ фамилій, по этому сказанію, приходятъ служить Московскому князю въ концѣ XIII или началѣ XIV в. Соединяя эти отдѣльныя генеалогическія преданія, мы получимъ цѣлый важный историческій фактъ: съ конца XIII в., еще прежде чѣмъ городъ Москва начинаетъ играть замѣтную роль въ сѣверной Руси, въ нее со всѣхъ сторонъ собираются знатные служилые люди изъ Мурома, изъ Нижняго, Ростова, Смоленска, Чернигова, даже изъ Кіева и съ Волыни. Знатные слуги шли по теченію народной массы. Генеалогическія сказанія боярскихъ родословныхъ отразили въ себѣ лишь общее движеніе, господствовавшее въ тогдашнемъ русскомъ населеніи. Въ Москву, какъ въ центральный водоемъ, со всѣхъ краевъ Русской земли, угрожаемыхъ внѣшними врагами, стекались народныя силы благодаря ея географическому положенію. Москву часто называютъ географическимъ центромъ Европейской Россіи. Если взять Европейскую Россію въ ея нынѣшнихъ предѣлахъ, то мнѣніе окажется не вполнѣ точнымъ: для того, чтобы быть дѣйствительнымъ географическимъ центромъ Европейской

Россіи, Москвѣ слѣдовало бы стоять нѣсколько восточнѣе и нѣсколько южнѣе. Но надо представить себѣ, какъ размѣщена была масса русскаго населенія въ XIII и XIV вв. Колонизація сбивала это населеніе въ междурѣчьѣ Оки и верхней Волги и здѣсь населеніе долго задерживалось насильственно, не имѣя возможности выходить отсюда ни въ какую сторону. Разселенію на сѣверъ за Волгу мѣшало перерѣзывающее движеніе Новгородской колонизаціи, которая пугала мирныхъ переселенцевъ своими разбойничьими ватагами, которыя распространяли Новгородскіе предѣлы къ востоку отъ Новгорода. Новгородъ въ тѣ вѣка высылалъ разбойничьи шайки удальцовъ ушкуйниковъ, которые на своихъ рѣчныхъ судахъ ушкуяхъ, грабили по верхней Волгѣ и ея сѣвернымъ притокамъ, мѣшая своими разбоями свободному распространенію мирнаго населенія. Съ сѣверо-востока, востока и юга скоплявшееся въ междурѣчьѣ русское населеніе задерживалось господствовавшими тамъ инородцами, Мордвой, Черемисами, разбойничавшими за Волгой Вятчанами и Татарами, а на западъ русское населеніе не могло распространиться, потому что съ начала XIV в. тамъ стояла уже объединенная Литва, готовясь къ своимъ первымъ сильнымъ нападеніямъ на восточную Русь. Такимъ образомъ масса русскаго населенія, скучиваясь въ центральномъ междурѣчьѣ, долго не имѣла выхода отсюда. Москва и возникла въ самой срединѣ пространства, на которомъ сосредоточивалось тогда наиболѣе густое русское населеніе. Значитъ, Москву можно считать если не географическимъ, то этнографическимъ центромъ Руси, какъ та Русь размѣщена была въ XIV ст. Это центральное этнографическое положеніе Москвы прикрывало ее со всѣхъ сторонъ отъ внѣшнихъ враговъ; внѣшніе удары падали на сосѣднія княжества Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Смоленское и рѣдко достигали до Москвы. Благодаря такому прикрытію Московскій край сталъ убѣжищемъ для окраиннаго русскаго населенія, всюду страдавшаго отъ внѣшнихъ нападеній. Въ XIII

и большей части XIV в. Московское княжество было единственнымъ краемъ въ сѣверной Руси, не страдавшимъ отъ внѣшнихъ нападеній. Вотъ одно изъ условій, содѣйствовавшихъ наиболѣе густому заселенію края. То же географическое положеніе Москвы заключало въ себѣ другое условіе, содѣйствовавшее промышленнымъ успѣхамъ края. Московское княжество съ сѣверо-запада на юго-востокъ діагонально перерѣзывалось теченіемъ рѣки Москвы. Въ старое время эта рѣка имѣла важное торговое значеніе, была торговой дорогой. Нижнимъ своимъ теченіемъ она связываетъ городъ Москву съ бассейномъ Оки, а верховьями подходитъ близко къ верхней Волгѣ. Такимъ образомъ Москва была соединительной промышленной хордой, связывавшей концы рѣчной дуги, какая образовалась теченіемъ Оки и верхней Волги. Одно явленіе указываетъ на такое торговое значеніе рѣки. Очень рано на самомъ переволокѣ съ верхней Волги въ Москву возникъ торговый пунктъ Волокъ на Ламѣ (Волоколамскъ). Этотъ Волокъ на Ламѣ былъ построенъ Новгородцами и служилъ имъ складочнымъ мѣстомъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Окскимъ бассейномъ и съ областью средней Волги. Оба эти послѣдствія, вытекавшія изъ географическаго положенія города Москвы, имѣли важное значеніе для Московскаго князя. Сгущенность населенія въ его удѣлѣ увеличивала количество плательщиковъ прямыхъ податей. Развитіе торговаго транзитнаго движенія по рѣкѣ Москвѣ оживляло промышленность края, втягивало его въ это торговое движеніе и обогащало казну мѣстнаго князя торговыми пошлинами.

Рядомъ съ этими экономическими послѣдствіями, вытекавшими изъ географическаго и этнографическаго положенія Москвы, изъ того же источника вышелъ рядъ важныхъ послѣдствій политическихъ. Съ географическимъ положеніемъ города Москвы тѣсно связано было генеалогическое положеніе его князя. Какъ городъ новый и окрайный, Москва досталась одной изъ младшихъ линій Всеволодова племени. Благодаря тому Московскій князь не могъ

питать надежды дожить до старшинства и занять старшій великокняжескій столъ. Онъ, чувствуя себя безправнымъ среди родичей и не имѣя опоры въ обычаяхъ и преданіяхъ старины, долженъ былъ обезпечить свое положеніе иными средствами, независимо отъ отношеній старшинства. Благодаря тому Московскіе князья рано выработали своеобразную политику. Они являются зоркими наблюдателями того, что происходитъ вокругъ нихъ, внимательно смотрятъ за тѣмъ, что лежитъ плохо, и прибираютъ это къ рукамъ. Первые Московскіе князья выступаютъ смѣлыми хищниками. Не даромъ одинъ изъ нихъ Михаилъ Ярославичъ перешелъ въ потомство съ прозваніемъ „Хоробрита", т.е. забіяки: онъ въ 1248 г. врасплохъ напалъ на своего дядю вел. кн. Святослава и вопреки всякому праву согналъ его съ Владимірскаго стола. Первый Московскій князь Александрова племени Даніилъ, по разсказу лѣтописца, точно также врасплохъ напавъ на своего рязанскаго сосѣда князя Константина, побѣдилъ его „нѣкоей хитростью", по выраженію лѣтописи, т.е. обманомъ, и взялъ въ плѣнъ. Сынъ этого Даніила Юрій въ 1303 г., напавъ на другаго сосѣда князя Можайскаго, взялъ его въ плѣнъ и захватилъ Можайскій удѣлъ, потомъ убилъ отцова плѣнника Константина и отхватилъ отъ Рязанскаго княжества городъ Коломну. Московскій князь врагъ всякому великому князю, кто бы онъ ни былъ. Даніилъ всю жизнь боролся съ великими князьями, даже съ собственнымъ старшимъ братомъ Дмитріемъ Переяславскимъ. Но по смерти Дмитрія онъ сблизился съ добрымъ и бездѣтнымъ его сыномъ Иваномъ и такъ подружился, что Иванъ, умирая въ 1302 г., отказалъ свой удѣлъ Московскому своему сосѣду. Даніилъ принялъ наслѣдство помимо старшихъ родичей и отстоялъ его. Повидимому самая почва Москвы питала въ ея князьяхъ неуваженіе къ прежнимъ понятіямъ и отношеніямъ старшинства. Но враги старшинства, Московскіе князья были гибкіе и сообразительные политики. Какъ скоро измѣнялись обстоятельства, и они измѣняли свой образъ дѣй-

ствій. Татарскій разгромъ надолго, на весь XIII в. повергъ народное хозяйство сѣверной Руси въ страшный хаосъ. Но съ XIV в. отношенія здѣсь начали устанавливаться, народное хозяйство стало приходить въ нѣкоторый порядокъ. Съ тѣхъ поръ и Московскіе князья являются мирными хозяевами, устроителями своего удѣла, заботятся о водвореніи въ немъ прочнаго порядка, заселяютъ его промышленными и рабочими людьми, которыхъ перезываютъ къ себѣ изъ чужихъ княжествъ, толпами покупаютъ въ Ордѣ русскихъ плѣнниковъ и на льготныхъ условіяхъ сажаютъ тѣхъ и другихъ на своихъ Московскихъ пустошахъ, строятъ деревни, села, слободы. Съ XIV в. можемъ слѣдить за ходомъ этого хозяйственнаго домостроительства Московскихъ князей по длинному ряду духовныхъ грамотъ, начинающемуся двумя завѣщаніями третьяго Московскаго князя Александрова племени Ивана Калиты. Эти грамоты объясняютъ намъ, почему въ половинѣ XV в. въ сѣверной Руси привыкли смотрѣть на Московскаго князя, какъ на образцоваго хозяина, на Московское княжество, какъ на самый благоустроенный удѣлъ. Слѣды этого взгляда находимъ въ одномъ изъ памятниковъ половины XV в. Это сухой генеалогическій перечень русскихъ князей, начиная отъ Рюрика. Здѣсь между прочимъ читаемъ, что Всеволодъ Большое Гнѣздо родилъ Ярослава, а Ярославъ Александра, Александръ Данила, а Данилъ Ивана Калиту, „иже исправи землю русскую отъ татей". Итакъ сѣверное русское общество считало Ивана Калиту устроителемъ своего удѣла, умѣвшимъ вывести воровъ въ своей вотчинѣ. Такъ благодаря своему генеалогическому положенію, чувствуя себя наиболѣе безправнымъ княземъ среди родичей, Московскій удѣльный владѣтель выработалъ себѣ рано образъ дѣйствій, который держался не на преданіяхъ старины, а на разсчетливомъ соображеніи обстоятельствъ текущей минуты.

Таковы были главныя условія быстраго роста Московскаго княжества. Этихъ условій было два: географическое и этнографическое положеніе Москвы

и генеалогическое положеніе ея князя. Первое условіе сопровождалось послѣдствіями экономическими, которыя дали въ руки Московскому князю обильныя матеріальныя средства для дѣйствія, а второе условіе указало ему, какъ всего выгоднѣе пустить въ оборотъ эти средства, помогло ему выработать своеобразную политику, основанную не на родственныхъ воспоминаніяхъ, а на искусномъ пользованіи минутой. Пользуясь такими средствами и держась такой политики, Московскіе князья въ XIV в. и первой половинѣ XV в. успѣли добиться очень важныхъ политическихъ успѣховъ. Я перечислю ихъ.

Политическіе и національные успѣхи Московскихъ князей до половины XV в. 1) Пользуясь своими средствами, Московскіе князья постепенно вывели свое княжество изъ первоначальныхъ тѣсныхъ его предѣловъ. Въ самомъ началѣ XIV в. на сѣверѣ Руси не было удѣла миніатюрнѣе Московскаго. Предѣлы его далеко не совпадали даже съ границами нынѣшней Московской губерніи. Изъ городовъ этой губерніи въ составъ Московской территоріи не входили Дмитровъ, Волоколамскъ, Можайскъ, Коломна, Верея. Даже послѣ того какъ третій Московскій князь изъ племени Александрова Иванъ Калита сталъ великимъ княземъ, Московскій удѣлъ оставался еще очень незначительнымъ. Въ одной духовной этого князя, написанной не ранѣе 1328 г., перечислены всѣ его вотчинныя владѣнія. Они состояли изъ шести городовъ съ уѣздами. То были: Москва, Коломна, Можайскъ, Звенигородъ, Серпуховъ, Руза (Переяславль не упомянутъ въ грамотѣ). Въ этихъ шести уѣздахъ находилась 51 сельская волость. Вотъ весь удѣлъ Калиты, когда онъ сталъ великимъ княземъ. Но въ рукахъ его были обширныя матеріальныя средства, которыя онъ и пустилъ въ выгодный оборотъ. Тогдашнія тяжкія условія землевладѣнія заставляли землевладѣльцевъ продавать свои вотчины. Вслѣдствіе усиленнаго предложенія земли были дешевы. Московскіе князья, имѣя свободныя деньги, и начали скупать зем-

ми у частныхъ лицъ и у церковныхъ учрежденій, у митрополита, у монастырей, у самихъ князей. Покупая села и деревни въ чужихъ удѣлахъ, Иванъ Калита купилъ цѣлыхъ три удѣльныхъ города съ уѣздами: Бѣлозерскъ, Галичъ и Угличъ. Преемники его продолжали это мозаическое собираніе Руси. Въ каждой слѣдующей московской духовной грамотѣ перечисляются новопріобрѣтенныя села и волости, о которыхъ не упоминаетъ предшествующая. Первоначально эти пріобрѣтенія совершались путемъ частныхъ полюбовныхъ сдѣлокъ; но потомъ пущенъ былъ въ ходъ и насильственный захватъ. Богатый Московскій князь купитъ въ Ордѣ чужое княжество и съ помощью татаръ выгонитъ вотчинника изъ его владѣнія. Такъ сынъ Димитрія Донскаго Василій купилъ у хана Муромъ, Торусу и цѣлое Нижегородское княжество. Благодаря этимъ пріобрѣтеніямъ территорія Московскаго княжества значительно расширилась въ продолженіе XIV и XV в. Владѣнія Ивана Калиты едва ли заключали въ себѣ и 500 квадратныхъ миль, такъ какъ во всей Московской губерніи не болѣе 590 кв. м. Если по духовной Василія Темнаго 1462 г. очертите предѣлы Московскихъ владѣній, вы увидите, что въ нихъ можно считать по меньшей мѣрѣ 15.000 кв. м. Таковы были территоріальные успѣхи, достигнутые Московскими князьями къ половинѣ XV в. Благодаря имъ около половины XV в. Московское удѣльное княжество размѣрами своими превосходило любое изъ великихъ княжествъ, тогда еще существовавшихъ на Руси.

2) Пользуясь своими средствами и расчетливой фамильной политикой, Московскіе князья въ XIV в. постепенно сами выступали изъ положенія мелкихъ и безправныхъ удѣльныхъ князей. Младшіе, но богатые, эти князья предприняли смѣлую борьбу со старшими родичами за великокняжескій столъ. Главными ихъ соперниками были князья Тверскіе, старшіе ихъ родичи. Дѣйствуя во имя силы, а не права, Московскіе князья долго не имѣли успѣха. Князь Юрій Даниловичъ погубилъ въ Ордѣ своего соперника Михаила Ярославича Тверскаго, но потомъ самъ сложилъ тамъ свою голову. Однако

окончательное торжество осталось за Москвою, потому что средства боровшихся сторонъ были неравны. На сторонѣ Тверскихъ князей были право старшинства и таланты, средства историческія и нравственныя; на сторонѣ Московскихъ были деньги и умѣнье пользоваться обстоятельствами, т. е. средства матеріальныя и практическія, житейскія, а тогда Русь переживала время, когда послѣднія средства были сильнѣе первыхъ. Князья Тверскіе никакъ не могли понять истиннаго положенія дѣлъ и въ началѣ XIV в. все еще считали возможной борьбу съ Татарами. Князь Александръ Михайловичъ призывалъ свою братію, русскихъ князей, „другъ за друга и братъ за брата стоять, а Татарамъ не выдавать и всѣмъ вмѣстѣ оборонять Русскую землю и всѣхъ православныхъ христіанъ." Въ 1327 г. этотъ великій князь не вытерпѣлъ, съ своимъ городомъ поднялся на Татаръ и истребилъ находившихся тогда въ Твери татарскихъ пословъ. Московскіе князья иначе смотрѣли на положеніе дѣлъ. Они вовсе не думали о борьбѣ съ Татарами; видя, что въ Ордѣ гораздо выгоднѣе дѣйствовать деньгами, чѣмъ оружіемъ, они усердно ухаживали за ханомъ и сдѣлали его орудіемъ своей политики. Никто изъ князей чаще Калиты не ѣздилъ на поклонъ къ хану въ Орду, гдѣ онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ, потому что пріѣзжалъ туда не съ пустыми руками. Въ Ордѣ привыкали уже думать, что когда пріѣдетъ Московскій князь, то будутъ деньги и у великаго хана и у его многочисленныхъ ханшъ, и у всѣхъ именитыхъ мурзъ Золотой Орды. Благодаря тому Московскій князь, по генеалогіи младшій среди своей братіи, добился старшаго великокняжескаго стола. Ханъ поручилъ Калитѣ наказать Тверскаго князя за возстаніе. Тотъ исправно исполнилъ порученіе и получилъ въ награду великокняжескій столъ, который съ тѣхъ поръ уже не выходилъ изъ подъ Московскаго князя.

3) Пріобрѣтеніе великокняжеск. званія Московскимъ княземъ сопровождалось двумя важными послѣдствіями для Руси, нравствен-

нымъ и политическимъ. Нравственное состояло въ томъ, что Московскій удѣльный владѣтель, ставъ великимъ княземъ, первый началъ выводить русское населеніе изъ того унынія и оцѣпенѣнія, въ какое повергли его внѣшнія несчастія. Образцовый устроитель своего удѣла, умѣвшій водворить въ немъ общественную безопасность и тишину, Московскій князь, ставъ великимъ, далъ почувствовать выгоды своей политики и другимъ частямъ сѣверо-восточной Руси. Этимъ онъ подготовилъ себѣ популярность, т.е. почву для дальнѣйшихъ успѣховъ. Лѣтописецъ съ удареніемъ отмѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Московскій князь получилъ отъ хана великокняжеское достоинство, сѣверная Русь начала отдыхать отъ постоянныхъ погромовъ, какіе терпѣла. Разсказывая о возвращеніи Калиты отъ хана съ пожалованіемъ, лѣтописецъ прибавляетъ: „бысть оттолѣ тишина велика по всей Русской землѣ на сорокъ лѣтъ и престаша Татарове пустошити землю Русскую." Это, очевидно, замѣтка наблюдателя, жившаго во второй половинѣ XIV в. Оглянувшись назадъ за 40 лѣтъ, этотъ наблюдатель отмѣтилъ, какъ почувствовалось въ эти десятилѣтія господство Москвы въ сѣверной Россіи: время съ 1328 по 1369 г., когда впервые напалъ на сѣверо-восточную Русь Ольгердъ Литовскій, считалось порою отдыха для населенія этой Руси, которое за то благодарило Москву. Политическое послѣдствіе пріобрѣтенія Московскимъ княземъ великаго княженія состояло въ томъ, что Московскій князь, ставъ великимъ, первый началъ выводить сѣверную Русь изъ состоянія раздробленія, въ какое привелъ ее удѣльный порядокъ. До тѣхъ поръ удѣльные князья, не смотря на свое родство, оставались чуждыми другъ другу, обособленными владѣтелями. Вокругъ Москвы со времени великокняженія Калиты образуется княжескій союзъ, руководимый Московскимъ княземъ. Сначала этотъ союзъ былъ финансовый и принудительный. Татары въ XIII в. сперва сами бирали наложенную ими на Русь дань, но потомъ стали поручать ея

сборъ великому князю Владимірскому. Такое порученіе сбирать ордынскую дань съ нѣсколькихъ удѣльныхъ и великихъ князей и доставлять ее въ Орду получилъ и Иванъ Даниловичъ, когда сталъ великимъ княземъ. Эта привилегія послужила могучимъ орудіемъ политическаго объединенія въ рукахъ Московскаго князя. Неохотникъ бить свою братію мечемъ, Московскій князь получилъ возможность бить ее рублемъ. Потомъ этотъ союзъ, сначала только финансовый, получилъ болѣе широкое политическое значеніе: Московскій князь сдѣланъ былъ высшимъ судьей надъ нѣсколькими удѣльными и великими князьями. Лѣтописецъ разсказываетъ, что когда дѣти Калиты по смерти отца въ 1341 г. явились къ хану Узбеку, тотъ встрѣтилъ ихъ съ честью и любовью, потому что очень любилъ и чтилъ ихъ отца, и обѣщалъ никому мимо ихъ не отдавать великаго княженія. Старшему сыну Семену, назначенному великимъ княземъ, даны были „подъ руки" всѣ князья русскіе. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что Семенъ былъ у хана въ великомъ почетѣ, и всѣ князья русскіе, и рязанскіе, и ростовскіе, и даже тверскіе столь подручны ему были, что все по его слову творили. Подобными отношеніями Семенъ и пріобрѣлъ себѣ прозваніе Гордаго. По смерти Семена его братъ и преемникъ Иванъ получилъ отъ хана вмѣстѣ съ великокняжескимъ званіемъ и высшую судебную власть надъ всѣми князьями сѣверной Руси: ханъ велѣлъ имъ во всемъ слушаться великаго князя Ивана и судиться у него, а въ обидахъ жаловаться на него хану. Въ княженіе Иванова сына Димитрія этотъ княжескій союзъ расширился и укрѣпился, получивъ національное значеніе. Когда при Димитріи возобновилась борьба Москвы съ Тверью, Тверской князь Михаилъ Александровичъ искалъ себѣ опоры въ Литвѣ и даже въ Ордѣ, чѣмъ погубилъ популярность, какой дотолѣ пользовались тверскіе князья въ населеніи сѣверной Руси. Когда въ 1375 г. Московскій князь пошелъ на Тверь, къ его полкамъ присоединилось 19 князей. Многіе изъ этихъ князей, потомки Всеволода III, были давнишними подручниками Мос-

ковскаго князя; но нѣкоторые изъ нихъ добровольно примкнули къ нему изъ патріотическаго побужденія. Таковы были князья черниговской линіи Святославичи: Брянскій, Новосильскій, Оболенскій. Они сердились на Тверскаго князя за то, что онъ неоднократно наводилъ на Русь Литву, столько зла надѣлавшую православнымъ христіанамъ, и соединился даже съ поганымъ Мамаемъ. Наконецъ почти вся сѣверная Русь, подъ руководствомъ Москвы, ставъ противъ Орды на Куликовомъ полѣ и подъ Московскими знаменами, одержала первую народную побѣду надъ татарствомъ. Это сообщило Московскому князю значеніе національнаго вождя сѣверной Руси въ борьбѣ съ внѣшними врагами.

4) Наконецъ, Московскій князь пріобрѣлъ своему стольному городу значеніе церковной столицы Руси. Въ этомъ пріобрѣтеніи ему помогло географическое положеніе города Москвы. Отъ татарскаго разгрома опустошена была старинная Кіевская Русь. Вслѣдъ за населеніемъ на сѣверъ ушелъ и высшій іерархъ русской церкви, кіевскій митрополитъ. Лѣтописецъ разсказываетъ, что въ 1299 г. митрополитъ Максимъ собрался со всѣмъ своимъ клиросомъ и уѣхалъ изъ Кіева во Владиміръ на Клязьму. Тогда же и весь Кіевъ городъ разбѣжался, добавляетъ лѣтописецъ. Но остатки южно-русской паствы не менѣе прежняго нуждались въ заботахъ высшаго пастыря русской церкви. Митрополитъ изъ Владиміра часто ѣздилъ въ южно-русскія епархіи. Въ эти поѣздки онъ останавливался на перепутьѣ въ городѣ Москвѣ. Тамъ часто бывалъ и подолгу живалъ въ Москвѣ преемникъ Максима митроп. Петръ. Благодаря этому у него завязалась тѣсная дружба съ мѣстнымъ княземъ Иваномъ Калитой. Оба они вмѣстѣ заложили соборный храмъ Успенія въ Москвѣ; въ этомъ же городѣ митрополита Петра застигла смерть въ 1326 г. Можетъ быть, онъ и не думалъ о перенесеніи митрополичьей каѳедры съ Клязьмы на берега Москвы; но эта случайность стала завѣ-

томъ для дальнѣйшихъ митрополитовъ. Преемникъ Петра Ѳеогностъ не хотѣлъ жить во Владимірѣ, поселился на митрополичьемъ подворьѣ въ Москвѣ у чудотворцева гроба. Такъ Москва стала церковной столицей Руси задолго прежде, чѣмъ сдѣлалась столицей политической. Богатыя матеріальныя средства, которыми располагала тогда русская церковь, стали стекаться въ Москву, содѣйствуя ея обогащенію. Еще важнѣе было нравственное впечатлѣніе, произведенное этимъ перемѣщеніемъ митрополичьей каѳедры на населеніе сѣверной Руси. Это населеніе съ большимъ довѣріемъ стало относиться къ Московскому князю, предполагая, что всѣ его дѣйствія совершаются съ благословеніемъ святителя. Слѣдъ этого впечатлѣнія замѣтенъ въ разсказѣ лѣтописца. Повѣствуя о перенесеніи каѳедры изъ Владиміра въ Москву, этотъ лѣтописецъ замѣчаетъ: „инымъ же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща". Еще ярче выступаетъ это нравственно-религіозное впечатлѣніе въ памятникахъ позднѣйшаго времени. Митрополитъ Петръ умеръ страдальцемъ за русскую землю; неоднократно путешествовалъ въ Орду ходатайствовать за паству и много потерпѣлъ тамъ отъ Татаръ. Церковь русская причислила его въ сонмъ святыхъ представителей Русской земли и русскіе люди клялись его именемъ уже въ XIV в. Жизнь этого святителя описана его другомъ и современникомъ, ростовскимъ епископомъ Прохоромъ. Этотъ біографъ разсказываетъ о томъ, какъ скончался въ Москвѣ Петръ въ отсутствіе князя Ивана Калиты. Въ концѣ XIV или началѣ XV в. одинъ изъ преемниковъ Петра сербъ Кипріанъ написалъ болѣе витіеватое жизнеописаніе святителя. Здѣсь встрѣчаемъ совершенно другое описаніе его кончины: Петръ скончался въ присутствіи князя Ивана. Умирая, онъ увѣщевалъ князя достроить основанный имъ обоими соборный храмъ Успенія Божіей Матери и при этомъ будто бы изрекъ князю такое пророчество: „Если, сынъ, меня послушаешь и храмъ

Богородицы воздвигнешь и меня упокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься болѣе другихъ князей, и сыновья и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ среди всѣхъ городовъ руcскихъ, и святители станутъ жить въ немъ, и взойдутъ руки его на плеча враговъ его, да и кости мои въ немъ положены будутъ." Очевидно, Кипріанъ заимствовалъ эту подробность, неизвѣстную Прохору, изъ народнаго сказанія, успѣвшаго сложиться подъ вліяніемъ событій XIV в. Церковное руcское общество стало сочувственно относиться къ князю, дѣйствовавшему объ руку съ высшимъ пастыремъ руcской церкви. Это сочувствіе церковнаго общества, можетъ быть, всего болѣе помогло Московскому князю укрѣпить за собой національное и нравственное значеніе въ сѣверной Руси. Слѣды этого сочувствія находимъ и въ другомъ нѣсколько позднѣйшемъ памятникѣ. Около половины XV в. началъ подвизаться въ основанномъ имъ монастырѣ инокъ Пафнутій Боровскій, суровѣйшій характеръ XV в. Онъ любилъ разсказывать ученикамъ, что видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку. Эти разсказы, записанные слушателями, дошли до насъ. Между прочимъ преп. Пафнутій разсказывалъ, какъ въ 1427 г. былъ моръ великій на Руси, мерли „болячкой-прыщемъ". Обмирала тогда одна инокиня и, очнувшись, разсказывала, кого видѣла въ раю и кого въ аду, и о комъ что разсказывала, разсудивъ по ихъ жизни, нашли что это правда. Видѣла она въ раю вел. князя Ивана Даниловича Калиту; такъ онъ прозванъ былъ, добавилъ повѣствователь, за свое нищелюбіе, потому что всегда носилъ за поясомъ мѣшокъ съ деньгами (калиту), изъ котораго подавалъ нищимъ, сколько рука захватитъ. Очевидно, ироническое прозваніе, данное современниками князю-скопидому, въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ получило уже нравственное значеніе. Подходитъ разъ къ князю нищій и получаетъ милостыню; подходитъ въ другой разъ, и князь даетъ ему другую милостыню; нищій подходитъ въ третій разъ; тогда князь не стерпѣлъ и, подавая ему третью милостыню, сказалъ: „на, возьми, несытыя зенки!" — „Самъ ты несытыя зенки, возразилъ нищій: и здѣсь царствуешь, и на томъ свѣтѣ цар-

-ствовать хочешь". Это тонкая язва въ грубой формѣ: нищій хотѣлъ сказать, что князь милостыней, нищелюбіемъ старается заработать себѣ царство небесное. „Изъ этого и ясно стало, продолжалъ разсказчикъ, что нищій посланъ былъ отъ Бога искусить князя и возвѣстить ему, что по Бозѣ бяше дѣло его, еже творить." Видѣла еще инокиня въ аду Литовскаго короля Витовта въ образѣ великаго человѣка, которому страшный черный муринъ (бѣсъ) клалъ въ ротъ клещами раскаленные червонцы, приговаривая: „наѣдайся же, окаянный." Добродушный юморъ, которымъ проникнуты эти разсказы, не позволяетъ сомнѣваться въ ихъ народномъ происхожденіи. Не смущайтесь хронологіей разсказа, не останавливайтесь на томъ, что въ 1427 г. инокиня даже въ аду не могла встрѣтить Витовта, который умеръ въ 1430 г. Но народное сказаніе, забывая хронологію, противупоставляетъ Литовскаго короля, врага Руси и православія, Ивану Даниловичу Калитѣ, другу нищей меньшей братіи, правнукъ котораго Василій Дмитріевичъ сдерживалъ напоръ этого грознаго короля на православную Русь. Церковный колоритъ, которымъ окрашены приведенные разсказы, указываетъ на участіе духовенства въ ихъ созданіи. Очевидно политическіе успѣхи Московскаго князя освящены были въ народномъ представленіи содѣйствіемъ и благословеніемъ высшей духовной власти на Руси. Благодаря тому эти успѣхи, достигнутые не всегда чистыми средствами, стали прочнымъ достояніемъ Московскаго князя.

Соединяя всѣ изложенные факты, мы можемъ представить себѣ отношеніе, какое въ продолженіе XIV в. установилось среди сѣвернаго русскаго населенія къ Московскому княжеству и его князю: подъ вліяніемъ событій XIV в. въ средѣ населенія на нихъ установился троякій взглядъ. 1) На Московскаго князя привыкали смотрѣть, какъ на образцоваго хозяина-правителя, установителя земской тишины и гражданскаго порядка, а на Московское княжество — какъ на исходный пунктъ новаго строя земскихъ отношеній, первымъ плодомъ котораго было установленіе большей внутренней тишины и внѣшней безо-

пасности. 2) На Московскаго князя привыкали смотрѣть, какъ на народнаго вождя Руси въ борьбѣ съ внѣшними врагами, а на Москву, какъ на виновницу первыхъ народныхъ успѣховъ надъ невѣрной Литвой и погаными „сыроядцами" Агарянами. 3) Наконецъ, въ Московскомъ князѣ сѣверная Русь привыкала видѣть старшаго сына церкви, ближайшаго друга и сотрудника главнаго русскаго іерарха, а въ Москвѣ привыкало видѣть городъ, на которомъ покоилось особенное благословеніе величайшаго святителя Русской земли и съ которымъ связаны религіозно-нравственные интересы народа. Такое значеніе пріобрѣлъ въ половинѣ XV в. удѣльный князь, который полтораста лѣтъ назадъ являлся мелкимъ хищникомъ, подстерегавшимъ изъ-за угла своихъ сосѣдей.

Внутреннія отношенія между Московскими князьями. Начавъ изучать исторію Московскаго княжества въ XIV и первой половинѣ XV в., мы прослѣдили территоріальныя пріобрѣтенія и національные успѣхи его, но это былъ лишь одинъ изъ процессовъ, создавшихъ могущество Москвы. Имъ обозначились внѣшніе успѣхи московскихъ князей, распространеніе ихъ территоріи и авторитета за первоначальные предѣлы ихъ вотчинъ. Но національный и территоріальный ростъ Московскаго княжества сопровождался еще политическимъ ростомъ его князя. Въ то время какъ Московское княжество вбирало въ себя разбросанныя части Русской земли, его князь въ своемъ лицѣ собиралъ раздробленные элементы верховной власти, и какъ первый процессъ превратилъ Московское княжество въ Русское государство, такъ результатомъ втораго было превращеніе Московскаго удѣльнаго князя въ русскаго государя. Этотъ второй процессъ, которымъ обозначились внутренніе политическіе успѣхи Московскаго княжества, намъ и предстоитъ изучить. Чтобы лучше понять этотъ процессъ, надо еще разъ представить себѣ порядокъ княжескаго владѣнія, дѣйствовавшій въ Московскомъ княжествѣ. Слѣдя за успѣхами Москвы, мы видимъ дѣятельность Московскаго вели-

каго князя; но Московскій великій князь былъ не единственнымъ, а только старшимъ изъ московскихъ князей. Вотчина Московскихъ Даниловичей не была цѣльной политической единицей: подобно вотчинамъ другихъ княжескихъ линій она представляла группу независимыхъ удѣльныхъ княжествъ. Въ то время какъ начиналась объединительная роль Москвы, въ семьѣ ея князей еще вполнѣ дѣйствовали старыя удѣльныя отношенія. Но по мѣрѣ того какъ расширялись владѣнія и внѣшнее значеніе Москвы, измѣнялись и внутреннія отношенія между Московскимъ великимъ княземъ и его младшими удѣльными родичами и измѣнялись въ пользу перваго. Чтобы изучить ходъ этого измѣненія, мы разсмотримъ сначала порядокъ наслѣдованія, дѣйствовавшій въ семьѣ Московскихъ князей до половины XV в., и потомъ взаимныя отношенія князей-наслѣдниковъ по владѣнію.

1) <u>Порядокъ наслѣдованія.</u> Порядокъ наслѣдованія, установившійся между Московскими князьями, открывается изъ длиннаго ряда дошедшихъ до насъ духовныхъ грамотъ Московскихъ князей XIV и XV в. Начиная съ Калиты и до Ивана III, каждый Московскій князь оставлялъ послѣ себя духовную грамоту, большая часть князей даже по двѣ, иные по три духовныя грамоты. Такимъ образомъ мы имѣемъ обильный матеріалъ для изученія Московскаго порядка наслѣдованія въ этихъ грамотахъ, которыхъ до Ивана III насчитывается до 16. Самое появленіе этихъ грамотъ характеризуетъ Московскій порядокъ наслѣдованія. Если наслѣдованіе каждый разъ опредѣлялось завѣщаніемъ князя-вотчинника, не существовало обязательнаго правила, которымъ устанавливался [illegible] постоянный однообразный порядокъ наслѣдованія независимо отъ усмотрѣнія [illegible]. Порядокъ наслѣдованія по завѣщанію [illegible] характеръ [illegible] удѣльнаго княжескаго владѣнія, основаніе [illegible] княжествъ, какъ личной собственности князя. Наслѣдниками по этимъ духовнымъ грамотамъ

являются прежде всего сыновья завѣщателя, за отсутствіемъ сыновей его братья, наконецъ жены даже при сыновьяхъ и при братьяхъ. Великій князь Иванъ Калита раздѣлилъ свою вотчину на 4 части, изъ которыхъ 3 отдалъ своимъ сыновьямъ, а четвертую второй своей женѣ съ дочерьми. Сынъ его великій князь Семенъ, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ весь удѣлъ женѣ помимо братьевъ. Княжескія вдовы постоянно участвуютъ въ наслѣдствѣ. Онѣ получаютъ отъ князей завѣщателей, своихъ мужей, владѣнія двоякаго рода: 1) „опричнины", т. е. владѣнія, принадлежавшія имъ на правахъ полной собственности, 2) „прожитки", которыми онѣ пользовались лишь до своей смерти. Это постоянное участіе княгинь-вдовъ въ наслѣдствѣ составляло вторую черту юридическаго характера княжескаго владѣнія, какъ частной собственности владѣльца. Еще яснѣе вскрывается этотъ юридическій характеръ удѣльнаго княжества въ порядкѣ раздѣла его частей между наслѣдниками. Вотчина завѣщателя не дѣлилась по завѣщанію на сплошныя пространства; въ раздѣлѣ господствовала чрезвычайная чересполосица. Причиной этого былъ порядокъ раздѣла. Московское княжество состояло изъ нѣсколькихъ пластовъ или разрядовъ владѣній, различавшихся между собою по своему хозяйственному значенію или историческому происхожденію. Эти разряды великій князь Дмитрій Донской перечисляетъ въ своей духовной въ такомъ порядкѣ: городъ Москва, которая обыкновенно отдавалась въ совмѣстное владѣніе всѣмъ сыновьямъ-наслѣдникамъ, дворцовыя села подмосковныя, дворцовыя села въ чужихъ немосковскихъ удѣлахъ и въ велико-княжеской области Владимірской, затѣмъ остальныя владѣнія, города и сельскія волости, притомъ сначала владѣнія Московскія старинныя и наконецъ позднѣйшія Московскія пріобрѣтенія. Каждый наслѣдникъ получалъ особую долю въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ Московскихъ владѣній, точно также какъ онъ получалъ особую долю въ каждомъ разрядѣ движимаго имущества завѣщателя. Какъ всякому сыну отецъ завѣщатель назначалъ изъ своей до-

машней рухляди особую шапку, шубу и кафтанъ съ кушакомъ, такъ каждый наслѣдникъ получалъ особый жеребій въ городѣ Москвѣ и въ подмосковныхъ дворцовыхъ селахъ, особую долю въ старинныхъ Московскихъ владѣніяхъ и въ новыхъ примыслахъ. Это безразличіе въ раздѣлѣ движимаго имущества, домашней рухляди и вотчинныхъ владѣній составляетъ третью характеристическую черту въ юридическомъ характерѣ удѣльнаго Московскаго владѣнія. Князь-завѣщатель дѣлилъ такъ черезполосно свою вотчину очевидно по хозяйственнымъ, а не по политическимъ соображеніямъ. Онъ смотрѣлъ на свои владѣнія какъ на различныя статьи своего хозяйства, а не какъ на общество, связанное одними интересами и цѣлями. Даже по своей формѣ духовныя грамоты Московскихъ князей совершенно походили на завѣщанія частныхъ лицъ того времени. Раскроемъ, напримѣръ, первую духовную грамоту перваго Московскаго великаго князя Ивана Калиты, составленную около 1328 г., когда онъ собирался ѣхать въ Орду. Грамота эта начинается такими словами: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, се азъ грѣшный худый рабъ Божій Иванъ пишу грамоту душевную, идя въ Орду, никѣмъ не нуженъ (никѣмъ не принуждаемъ), цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьѣ. Аже Богъ что розгадаетъ о моемъ животѣ, даю рядъ сыномъ своимъ и княгинѣ своей. Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву, а се есмь имъ роздѣлъ учинилъ (т. е. городъ Москву я отдаю всѣмъ сыновьямъ въ совмѣстное владѣніе, а вотъ что даю имъ каждому въ отдѣльности). Затѣмъ перечисляются города, села и волости, составлявшія удѣлъ каждого сына. Какъ завѣщанія частныхъ лицъ совершались при свидѣтеляхъ и скрѣплялись духовной властью, такъ и духовныя грамоты Московскихъ великихъ князей писались при „послухахъ“, которыми обыкновенно были ихъ бояре, и подписывались Московскимъ митрополитомъ. Итакъ основными чертами господствовавшаго среди Московскихъ князей порядка наслѣдованія были: личная воля завѣщателя, какъ единственное основаніе это-

го порядка, участіе въ раздѣлѣ наслѣдства всѣхъ членовъ семьи князя-завѣщателя и полное юридическое безразличіе движимаго и недвижимаго имущества, домашней рухляди и территоріальныхъ владѣній.

Отношенія князей по владѣнію. Теперь посмотримъ, какія отношенія устанавливались между князьями-сонаслѣдниками, когда закрывалъ глаза имъ отецъ-завѣщатель, и они вступали во владѣніе доставшимися имъ удѣлами. Эти отношенія можно изучить по договорнымъ грамотамъ Московскихъ князей, которыхъ также дошло нѣсколько десятковъ отъ XIV и XV в.в. По этимъ грамотамъ каждый князь сонаслѣдникъ является полнымъ хозяиномъ доставшагося ему удѣла; онъ владѣетъ имъ вполнѣ независимо, какъ владѣлъ своей отчиной его отецъ. Формулой этой независимости можно признать слова великаго князя Димитрія Донскаго въ договорной его грамотѣ съ двоюроднымъ братомъ удѣльнымъ княземъ Серпуховскимъ Владиміромъ Андреевичемъ 1388г.: „тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина." На основаніи этой формулы и опредѣляются взаимныя отношенія князей сонаслѣдниковъ по владѣнію. Одинъ князь не вмѣшивался въ удѣльныя дѣла другаго, не могъ безъ разрѣшенія владѣльца пріобрѣтать земли въ чужомъ удѣлѣ, не могъ даже безъ позволенія мѣстнаго владѣльца проѣхать чрезъ его владѣнія „на свою утѣху" т.е. на охоту. Но при изложенномъ порядкѣ раздѣла вотчинъ между наслѣдниками и при частныхъ* способахъ пріобрѣтенія земель князьями обыкновенно бывало такъ, что одинъ князь владѣлъ селами и деревнями въ удѣлѣ другаго. Такимъ образомъ извѣстное село имѣло двухъ владѣльцевъ, территоріальнаго и юридическаго. Положеніе такихъ селъ опредѣлялось условіемъ договорныхъ грамотъ, которое имѣло характеръ обычнаго правила: „Судомъ и данью тянуть по землѣ и по водѣ", т.е. такія села были подсудны и платили дань, прямой поземельной налогъ, мѣстному территоріальному владѣльцу, въ удѣлѣ котораго они находились, а не своему князю собственнику. Впрочемъ и это правило допускало исключеніе: иногда села князя, находившіяся въ чужомъ

*частныхъ

удѣлъ, данью тянули къ мѣстному территоріальному владѣльцу, а по суду зависѣли отъ своего князя-собственника. Итакъ каждый удѣльный князь былъ независимымъ владѣльцемъ своего удѣла.

Но легко понять, что удѣльные князья извѣстной княжеской линіи не могли стать вполнѣ чуждыми другъ другу владѣльцами, потому уже, что были близкими родственниками другъ-другу. Это родство устанавливало между князьями извѣстныя связи. Обыкновенно это были родные либо двоюродные братья или дяди съ племянниками. Обыкновенно въ договорныхъ грамотахъ они обязывались „быть всѣмъ за одинъ до живота". Младшіе удѣльные князья обязывались чтить старшаго вмѣсто отца; старшій обязывался держать младшихъ братьевъ въ братствѣ безъ обиды и заботиться о дѣтяхъ ихъ, когда они осиротѣютъ. Но легко видѣть, что все это родственныя, а не владѣльческія отношенія; притомъ это скорѣе нравственныя обѣщанія, чѣмъ политическія обязательства. Существовали ли какія либо обязательныя отношенія по владѣнію, т. е. политическія связи? По договорнымъ грамотамъ Московскихъ князей XIV и первой половины XV в. старшій великій князь въ силу своего старшинства не имѣлъ постояннаго обязательнаго политическаго авторитета для младшихъ своихъ родичей. Притомъ тогда не было даже на Руси и единаго великаго князя. Съ развитіемъ удѣльнаго порядка владѣнія раздѣлилось и великокняжеское достоинство. Князья владѣтели тогдашней сѣверной Руси принадлежали къ различнымъ княжескимъ линіямъ, большая часть которыхъ шла отъ Всеволода III Суздальскаго. Каждая обособившаяся княжеская линія имѣла своего великаго князя. Такъ у князей Тверскихъ былъ свой великій князь, свой у Ростовскихъ, Ярославскихъ, Рязанскихъ и другихъ линій. Правда, первымъ изъ этихъ великихъ князей можно было считать великаго князя Московскаго, потому что съ Ивана Калиты онъ владѣлъ и великокняжеской Владимірской областью, которая въ XIII в. была общимъ достояніемъ Всеволодова племени и которою по очереди владѣли старшіе

изъ Всеволодовичей. Но подъ вліяніемъ началъ, на которыхъ былъ построенъ удѣльный порядокъ владѣнія, и Владимірское великое княжество утратило свой прежній характеръ. Въ духовной своей 1389 г. великій князь Димитрій Донской включилъ Владимірскую область въ составъ своей наслѣдственной вотчины. Такъ исчезъ послѣдній остатокъ прежняго нераздѣльнаго княжескаго владѣнія. Постоянныхъ владѣльческихъ связей между князьями старшимъ и младшими въ каждой линіи не существовало, судя по договорнымъ Московскимъ грамотамъ; завязывались лишь связи временныя. Эти временныя связи вытекали либо изъ потребностей внѣшней обороны, либо изъ отношеній къ Ордѣ. Въ интересахъ внѣшней безопасности князья родственники обыкновенно составляли наступательный и оборонительный союзъ другъ съ другомъ. Въ договорныхъ грамотахъ младшіе удѣльные князья говорили своему старшему: „быть тебѣ съ нами, а намъ съ тобою." Великій князь обязывался не заключать договоровъ безъ вѣдома младшихъ и наоборотъ. Великій князь и младшіе его родичи обязывались имѣть общихъ друзей и общихъ враговъ. Старшій говоритъ въ грамотѣ младшимъ: „сяду я на коня (пойду въ походъ), и вамъ садиться на коней, когда я самъ не пойду, а васъ пошлю, вамъ идти безъ ослушанія." Но это были временныя условія, которыя заключаются между вполнѣ независимыми владѣтелями по международному праву. Притомъ условія эти измѣнялись съ каждымъ поколѣніемъ князей, даже съ каждой перемѣной въ наличномъ составѣ князей. Благодаря этой измѣнчивости договорныхъ отношеній до насъ и сохранилось отъ тѣхъ вѣковъ такое множество договорныхъ грамотъ. Великій князь Василій Темный только съ двоюродными братьями своими удѣльными князьями Можайскими Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами заключилъ въ продолженіе своего княженія 17 договоровъ; еще больше договоровъ пришлось заключить тому же великому князю съ своимъ дядей Юріемъ Галицкимъ и его сыновьями Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Краснымъ. Другой рядъ владѣльческихъ отношеній между

князьями завязывался подъ вліяніемъ ихъ зависимости отъ Орды. Ордынскій ханъ сначала собиралъ дань съ Русской земли посредствомъ своихъ агентовъ, потомъ нашелъ болѣе удобнымъ поручать сборъ этой дани великимъ князьямъ русскимъ. Каждый великій князь собиралъ Татарскую дань или выходъ съ удѣльныхъ князей своей линіи и доставлялъ ее въ Орду. Этимъ преимуществомъ, которое давало великимъ князьямъ возможность держать въ зависимости князей удѣльныхъ, первые очень дорожили, старались не допускать младшихъ родичей до непосредственныхъ сношеній съ Ордой. Это условіе выражалось въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ словами великаго князя, обращенными къ удѣльнымъ: „мнѣ знать Орду, а тобѣ Орды не знать". Финансовая зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго со временемъ могла превратиться въ зависимость политическую; но князья очень хорошо помнили, что эта связь навязана извнѣ, и стояли на той мысли, что она должна исчезнуть съ исчезновеніемъ этой сторонней силы. Вотъ почему въ упомянутомъ договорѣ Димитрія Донскаго съ Серпуховскимъ удѣльнымъ княземъ мы встрѣчаемъ условіе: „оже ны Богъ избавитъ, освободитъ отъ Орды, ино мнѣ два жеребья дани, а тобѣ третій", т. е. я, великій князь, буду удерживать свои двѣ трети ордынской дани въ своихъ рукахъ, а ты свою одну треть въ своихъ. Значитъ Московскіе князья предполагали, что какъ скоро спадетъ татарское иго, должна исчезнуть и финансовая зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго. Такимъ образомъ, разсматривая договорныя грамоты XIV и XV в., мы не находимъ никакой постоянной политической связи, которая бы подчиняла удѣльныхъ князей великому въ извѣстной линіи. При такихъ отношеніяхъ какимъ же способомъ могла завязаться политическая зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго? Вотъ вопросъ, разрѣшеніемъ котораго вскрывается процессъ образованія верховной государственной власти въ Московскомъ княжествѣ.

<u>Значеніе старшаго наслѣдника.</u> Для изучающаго взаимныя отношенія Московскихъ князей XIV и XV в. ихъ договорныя грамоты довольно ка-

варный источникъ. Изложенныя мною условія ихъ уже не соотвѣтствовали современной имъ дѣйствительности. Съ этой стороны московскія договорныя грамоты представляютъ исторический анахронизмъ: онѣ воспроизводятъ княжескія отношенія, несомнѣнно дѣйствовавшія нѣкогда, именно лишь въ первую пору удѣльнаго порядка, въ XIII и развѣ въ началѣ XIV в., не позднѣе. Съ тѣхъ поръ какъ Москва начала пріобрѣтать рѣшительный перевѣсъ надъ другими княжествами, эти устарѣлыя условія повторялись въ договорныхъ грамотахъ, какъ затверженныя формулы, по старой памяти, вслѣдствіе обычнаго консерватизма канцелярій, изъ неумѣнья поспѣвать за жизнью. Вотъ опасность, которая грозитъ изслѣдователю договорныхъ грамотъ. Дѣйствительныя отношенія Московскихъ князей съ Димитрія Донского или даже его ближайшихъ предшественниковъ становились уже на другія основанія. Великій князь Московскій пріобрѣталъ все больше преобладанія надъ удѣльными младшими родичами. Любопытно, что это преобладаніе старшаго великаго князя, разрушившее потомъ удѣльный порядокъ, создавалось изъ условій этого же самаго порядка. Мы видѣли изъ Московскихъ духовныхъ грамотъ, что порядокъ наслѣдованія въ средѣ Московскихъ князей опредѣлялся исключительно личной волей завѣщателя. Но эти завѣщатели постепенно выработали и усвоили себѣ извѣстныя постоянныя правила, которыми они руководились въ раздѣлѣ своей вотчины между наслѣдниками. Такъ уже съ первой Московской духовной грамоты, написанной Иваномъ Калитой, мы замѣчаемъ стремленіе Московскихъ завѣщателей дѣлить вотчины на неравныя части: размѣры каждой части соотвѣтствовали степени старшинства получавшаго ее наслѣдника. Чѣмъ старше былъ наслѣдникъ, тѣмъ бо́льшая доля наслѣдства доставалась ему. Въ этомъ неравенствѣ раздѣла, очевидно сказывалась смутная мысль о нѣкогда дѣйствовавшемъ между князьями порядкѣ владѣнія по очереди старшинства. Благода-

ря этому обычаю, усвоенному московскими завѣщателями, старшій наслѣдникъ обыкновенно старшій сынъ, получалъ изъ отцовскаго наслѣдства большую долю сравнительно съ младшими братьями сонаслѣдниками. Этотъ излишекъ давался ему на „старѣйшій путь", т.е. по праву старшинства. Сначала онъ является очень малозамѣтнымъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ лишнихъ селъ, нѣсколькихъ лишнихъ доходовъ; но съ завѣщанія Димитрія Донскаго этотъ излишекъ, получаемый старшимъ на „старѣйшій путь", является все въ большихъ размѣрахъ. По духовной Димитрія Донскаго владѣнія его были раздѣлены между пятью его сыновьями; въ духовной опредѣляется и доходность каждаго удѣла. Завѣщатель указываетъ, сколько долженъ вносить каждый изъ его наслѣдниковъ въ составъ каждой тысячи рублей Ордынской дани. Очевидно, доля каждаго наслѣдника соразмѣрялась съ доходностью его удѣла. Старшій сынъ, великій князь Василій долженъ былъ вносить въ составъ каждой тысячи рублей Ордынской дани не пятую часть, а 342 р., т.е. больше одной трети всей суммы. Послѣ Димитрія Донскаго съ каждымъ поколѣніемъ излишекъ старшаго наслѣдника на „старѣйшій путь" ростетъ все болѣе. Возьмемъ духовную великаго князя Василія Темнаго, составленную въ 1462 г. Василій также раздѣлилъ свою вотчину между пятью сыновьями. Старшему великому князю Ивану онъ далъ одному 16 городовъ съ уѣздами, притомъ самыхъ значительныхъ, а остальнымъ сыновьямъ всѣмъ вмѣстѣ столько-же. Чтобы еще яснѣе представить себѣ этотъ процессъ, мы перейдемъ за предѣлы изучаемаго періода и перелистуемъ духовную грамоту великаго князя Ивана III, составленную около 1504 г. Иванъ III раздѣлилъ свою вотчину также между пятью сыновьями. Старшему изъ наслѣдниковъ, великому князю Василію онъ отказалъ одному 30 городовъ съ уѣздами, а всѣмъ остальнымъ вмѣстѣ 26. И этотъ великій князь опредѣляетъ долю каждаго наслѣдника въ составѣ каждой тысячи рублей на Ордынскіе расходы. Великій князь, старшій наслѣдникъ, одинъ долженъ былъ вносить въ каждую тысячу рублей 717 р., т.е. около ¾ всей суммы, почти втрое больше, чѣмъ всѣ младшіе братья вмѣстѣ. Къ такому результату привелъ рано усвоенный Московскими завѣщателями обычай нарушать равенство раздѣла вотчины между наслѣдниками въ пользу старшаго изъ нихъ. Излишекъ на старшій путь, сначала столь малозамѣтный, къ началу XVI в. достигъ такихъ размѣровъ, которые давали старшему на-

слѣднику рѣшительно-материальное преобладаніе надъ младшими. Князья завѣщатели не давали старшимъ сыновьямъ никакихъ лишнихъ политическихъ правъ, не ставили младшихъ ихъ братьевъ въ прямую политическую отъ нихъ зависимость; но они постепенно сосредоточивали въ рукахъ старшаго наслѣдника такую массу владѣльческихъ средствъ, которая давала ему возможность подчинить себѣ младшихъ удѣльныхъ родичей и безъ лишнихъ политическихъ правъ. Такимъ чисто матеріальнымъ, имущественнымъ преобладаніемъ и создана была политическая власть Московскаго великаго князя, старшаго наслѣдника. Посредствомъ такого вотчиннаго преобладанія, а не политическаго преимущества этотъ великій князь и превратился въ государя не только для простыхъ обывателей Московскихъ удѣловъ, но и для самыхъ удѣльныхъ князей. Значитъ, политическая власть великаго Московскаго князя, уничтожившая потомъ удѣльный порядокъ владѣнія, создалась изъ условій этого же самаго порядка, при помощи права князей завѣщателей распоряжаться своими вотчинами по личному усмотрѣнію.

Но какъ скоро изъ среды младшихъ князей сталъ подниматься одинъ старшій великій князь, около него начали сосредоточиваться политическія стремленія и интересы всего сѣверно-русскаго населенія. Населеніе это съ духовенствомъ во главѣ старалось такъ высоко поднять старшаго Московскаго князя надъ удѣльными, что онъ превратился въ государя съ національно-политическимъ значеніемъ. Извѣстна шумная усобица, завязавшаяся между Московскими князьями по смерти великаго князя Василія Димитріевича. Эта усобица произошла вслѣдствіе притязанія Юрія Димитріевича Галицкаго дяди великаго князя Василія занять великокняжескій столъ мимо старшаго племянника. Этотъ дядя, дѣйствуя во имя своего старшинства, въ 1431 г. поѣхалъ въ Орду тягаться съ своимъ племянникомъ за великое княженіе. Тамъ онъ „лѣтописями и старыми грамотами" доказывалъ свое преимущество, тогда какъ Московскіе агенты доказывали преимущество Василія не „мертвыми грамотами", а практическими соображеніями и ссылкою на волю и милость хана. Шумная эта усобица, заставившая великаго князя Василія потерпѣть столько бѣдъ, взволновала все общество. Когда разъ сынъ Юрія Димитрій Шемяка, по смерти отца наслѣдникъ его притязаній, нарушилъ свой договоръ съ Василіемъ, послѣдній отдалъ

дѣло на судъ духовенства. Духовенство, именно пять епископовъ съ нѣсколькими архимандритами (тогда не было митрополита на Руси) въ 1447 г. обратилось къ нарушителю договора съ грознымъ посланіемъ, въ которомъ высказали свой взглядъ на политическій порядокъ. Здѣсь духовенство рѣшительно возстаетъ противъ притязаній Шемякина отца на великокняжескій столъ, признавая преимущество за племянникомъ, старшимъ сыномъ предшествовавшаго великаго князя. Притязаніе Юрія духовенство сравниваетъ съ грѣхомъ праотца Адама, возымѣвшаго желаніе „равнобожества", внушенное сатаной. „Сколько трудовъ понесъ отецъ твой, писали владыки, сколько истомы потерпѣло отъ него христіанство, но великокняжескаго стола онъ все таки не получилъ, чего ему не дано Богомъ, ни земскою изначала пошлиной." Итакъ духовенство считало правильнымъ порядокъ наслѣдованія въ нисходящей линіи, а не по очереди старшинства и даже наперекоръ исторіи признавало его стариннымъ обычаемъ Русской земли. Этотъ новый порядокъ неизбѣжно долженъ былъ привести къ установленію единовластія.

Такъ мы изучили два процесса, которыми создано было политическое и національное значеніе Московскаго княжества и его старшаго князя. Одинъ процессъ расширилъ территорію и внѣшнее могущество этого княжества, другой собиралъ элементы верховной власти въ лицѣ старшаго изъ Московскихъ князей. Оба процесса начались личными или фамильными стремленіями Московскихъ князей, но потомъ были поддержаны всѣмъ населеніемъ Сѣверной Руси съ духовенствомъ во главѣ. Эта поддержка объясняется фактомъ, незамѣтно совершившимся въ Сѣверной Руси подъ шумъ удѣльныхъ княжескихъ ссоръ и татарскихъ погромовъ. Мы знаемъ, какія обстоятельства заставили массу русскаго населенія передвинуться изъ старой Кіевской Руси въ область верхней Волги. Передвиженіе это сопровождалось раздробленіемъ народныхъ силъ, выразившимся въ удѣльномъ дробленіи верхне-волжской Руси. Но съ теченіемъ времени различные этнографическіе элементы, прежде разбросанные, стали сливаться въ одно національное цѣлое, завязалась и развилась въ составѣ русскаго населенія цѣльная, плотная народность великорусская. Сложившись среди внѣшнихъ опасностей и при внутреннемъ политическомъ раздробленіи, она почувствовала потребность въ сосредоточеніи своихъ силъ, въ твердомъ порядкѣ

образованіе ея и было скрытой, но главной причиной успѣховъ, какихъ добился Московскій князь своей политикой. Какъ скоро среди сѣвернаго населенія сложился взглядъ на Москву, какъ на политическій центръ, около котораго оно могло собрать свои силы для борьбы съ внѣшними врагами, на Московскаго князя, какъ на народнаго руководителя въ этой борьбѣ, въ умахъ и отношеніяхъ удѣльной Руси совершилась перемѣна, рѣшившая судьбу удѣльнаго порядка. Всѣ національныя политическія стремленія великорусскаго племени, дотолѣ безуспѣшно искавшія прочнаго пункта прикрѣпленія, тогда встрѣтились съ частными вотчинными стремленіями Московскаго князя и понесли его на высоту національнаго государя. Такъ можно обозначить весь процессъ роста Московскаго княжества.

Значеніе московскихъ князей въ исторіи Московскаго княжества. Часто даютъ преобладающее значеніе въ ходѣ политическаго и національнаго возвышенія Москвы личнымъ качествамъ ея князей. Окончивъ обзоръ политическаго роста Москвы, мы можемъ оцѣнить и значеніе этихъ качествъ въ ея исторіи. Нѣтъ надобности преувеличивать это значеніе, считать политическое и національное могущество Московскаго княжества исключительно дѣломъ его князей, слѣдствіемъ ихъ личнаго творчества, ихъ талантовъ. Историческіе памятники XIV и XV в.в. не даютъ намъ возможности живо воспроизвести обликъ каждаго изъ этихъ князей. Московскіе великіе князья являются въ этихъ памятникахъ блѣдными фигурами, смѣнявшимися на великокняжескомъ столѣ подъ именами Ивана, Семена, другого Ивана, Димитрія, Василія, другого Василія. Всматриваясь въ нихъ, легко замѣтить, что передъ*) проходятъ не своеобразныя личности, а однообразныя повторенія одного и того же фамильнаго типа. Всѣ Московскіе князья до Ивана III, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга, такъ что наблюдатель иногда затрудняется рѣшить, кто изъ нихъ Иванъ и кто изъ нихъ Василій. Въ ихъ дѣятельности замѣтны нѣкоторыя индивидуальныя особенности; но эти особенности объясняются различіемъ возраста или исключительными внѣшними обстоятельствами, въ которыя попадали иные изъ этихъ князей; эти особенности не идутъ далѣе того, насколько измѣняется дѣятельность одного и того же лица отъ такихъ условій. Наблюдая преемствен-

*) нами

ную смѣну Московскихъ князей, мы можемъ уловить въ ихъ обликахъ только фамильныя типическія черты. Изслѣдователю они представляются не живыми лицами, даже не портретами, а скорѣе манекенами; онъ разсматриваетъ въ каждомъ его позу, костюмъ, но лица ихъ мало что говорятъ наблюдателю.

Прежде всего всѣ Московскіе Даниловичи отличаются посредственностью. Все племя Всеволода Большого Гнѣзда вообще не блеститъ талантами, за исключеніемъ развѣ одного Александра Невскаго. Московскіе Даниловичи, даже среди этого племени не идутъ въ первомъ ряду по личнымъ качествамъ. Это князья безъ всякаго блеска, на которыхъ не замѣтно ни героическаго, ни нравственнаго величія. Прежде всего это очень мирные люди; они неохотно вступаютъ въ битвы, а вступая въ нихъ, обыкновенно проигрываютъ ихъ; они умѣютъ отсиживаться отъ непріятеля за дубовыми стѣнами Московскаго кремля XIV в. но еще охотнѣе при нападеніи врага уѣзжаютъ въ Переяславль или куда нибудь подальше собирать полки, оставляя въ Москвѣ для ея защиты владыку Митрополита да жену съ дѣтьми. Не отличаясь крупными талантами, эти князья не отличались даже и крупными недостатками и страстями. Это дѣлало ихъ во многихъ отношеніяхъ образцами умѣренности и аккуратности. Это средніе люди древней Руси, больше хронологическіе знаки, чѣмъ историческія лица; даже ихъ наклонность выпить лишнее за обѣдомъ не возвышалась до столь извѣстной страсти древнерусскаго человѣка, высказанной устами Владиміра Святаго. Лучшей ихъ характеристикой могутъ служить черты, какими характеризуетъ великаго князя Симеона Гордаго одинъ изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ: „великій князь Симеонъ былъ прозванъ Гордымъ, потому что не любилъ неправды и крамолы и всѣхъ виновныхъ самъ наказывалъ, пилъ медъ и вино, но не напивался до пьяна и терпѣть не могъ пьяныхъ, не любилъ войны, но войско держалъ наготовѣ". Въ самомъ видномъ изъ Московскихъ князей XIV в. Димитріи Донскомъ біографъ современникъ могъ отмѣтить лишь семейныя и политическія добродѣтели. Вообще художнику высокаго стиля нечего дѣлать съ Московскими князьями. Но не блистая крупными талантами, эти князья совмѣщали въ себѣ много менѣе дорогихъ, но болѣе доходныхъ качествъ, отличались обиліемъ тѣхъ дарованій, которыми отличаются обыкновенно недаровитые люди. Прежде всего эти князья дружно живутъ другъ съ дру-

гомъ. Они крѣпко держатся завѣта отцовъ: „жити за одинъ". Въ продолженіе четырехъ поколѣній до смерти Василія Димитріевича Московское княжество было единственнымъ въ сѣверной Руси, не страдавшимъ отъ усобицъ собственныхъ князей. Потомъ Московскіе князья очень почтительные сыновья: они глубоко чтутъ память родителей. Поэтому среди нихъ рано складывается наслѣдственный кругъ понятій, привычекъ и пріемовъ княженія, образуется фамильный обычай, отцовское и дѣдовское преданіе, которое замѣняло имъ личный разумъ, какъ намъ школьная выучка замѣняетъ самодѣятельность мысли. Отсюда твердость поступи у Московскихъ князей, равность движенія, послѣдовательность дѣйствій; они дѣйствуютъ болѣе по памяти, по завѣту отцовъ, и потому дѣйствуютъ безъ перерывовъ и съ успѣхомъ, какъ недаровитому ученику крѣпкая память позволяетъ лучше отвѣчать урокъ сравнительно съ бойкимъ мальчикомъ, привыкшимъ говорить своими словами. Работа у Московскихъ князей идетъ ровной и непрерывной нитью; сынъ цѣпко хватается за дѣло отца и по мерѣ силъ ведетъ его дальше. Уваженіе къ отцовскому завѣту въ ихъ холодныхъ духовныхъ грамотахъ порой согрѣвается до степени теплаго набожнаго чувства. „А пишу вамъ се слово, такъ Симеонъ Гордый заканчиваетъ свою духовную, „того дѣля, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не погасла." Въ чемъ же состояло это фамильное преданіе, эта наслѣдственная политика Московскихъ князей? Они скопидомы по мелочамъ, по немногу. Недаромъ первый изъ нихъ, добившійся успѣховъ невзрачной съ нравственной стороны борьбы, перешелъ въ память потомства съ прозваніемъ Калиты - денежнаго кошеля. Готовясь предстать предъ престоломъ Всевышняго Судіи и диктуя дьяку духовную грамоту, какъ эти князья внимательны ко всѣмъ мелочамъ своего хозяйства, какъ хорошо помнятъ всякій вздоръ въ немъ, - не забудутъ ни шубки, ни пояса золотаго, ни коробки сердоликовой, все запишутъ, всему найдутъ мѣсто и наслѣдника. Сберечь отцовское стяжаніе и прибавить къ нему что нибудь новое, новую шубку построить, новое сельцо прикупить - вотъ на что повидимому были обращены ихъ правительственные помыслы, какъ они обозначаются въ ихъ духовныхъ грамотахъ. Въ этомъ и заключается причина политическихъ успѣховъ Московскихъ князей. У каждаго времени свои герои, а XIII и XIV вѣка были временами всеобщаго упадка на Руси, временемъ мелкихъ интересовъ и узкихъ чувствъ, мелкихъ ничтожныхъ характеровъ

Среди внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій люди становились малодушны и робки, впадали въ уныніе, покидали высокіе помыслы и стремленія: въ лѣтописи XIII-XIV в. не услышимъ прежнихъ рѣчей о Русской землѣ, о необходимости оберегать ее отъ поганыхъ, о томъ, что не сходилось языка южно-русскихъ князей. Люди замыкались въ кругу своихъ частныхъ интересовъ и выходили оттуда только, чтобы попользоваться на счетъ другихъ. Когда въ обществѣ падаютъ общіе интересы, то положеніемъ дѣлъ обыкновенно овладѣваютъ тѣ, которые энергичнѣе другихъ дѣйствуютъ во имя интересовъ личныхъ, а такими чаще всего бываютъ не наиболѣе даровитые, а наиболѣе угрожаемые, тѣ, кому наиболѣе грозитъ это паденіе. Московскіе князья были въ такомъ положеніи: по своему генеалогическому значенію это были наиболѣе безправные, приниженные князья, а условія ихъ экономическаго положенія давали имъ обильныя средства дѣйствовать во имя личной выгоды. Потому они лучше другихъ умѣли приноровиться къ условіямъ своего времени. Они дѣйствовали, какъ промышленники, въ которыхъ ремесло и обстоятельства развиваютъ смышленность и находчивость на счетъ другихъ высшихъ качествъ и стремленій. Купецъ, чѣмъ исключительнѣе входитъ въ свое дѣло, забывая другіе интересы, тѣмъ успѣшнѣе ведетъ его. Я хочу сказать, что фамильный характеръ Московскихъ князей съ ихъ своеобразной наслѣдственной политикой былъ не кореннымъ условіемъ успѣховъ Московскаго княжества, а только произведеніемъ тѣхъ же условій: этотъ характеръ и эта политика не создали политическаго и національнаго могущества Москвы, а сами были дѣломъ историческихъ силъ, создавшихъ это могущество.

Новгородъ Великій.

Мы кончили изученіе удѣльнаго порядка владѣнія и того процесса, которымъ одно изъ удѣльныхъ княжествъ поднялось надъ другими и потомъ поглотило всѣ другія. Мы останавливаемся на половинѣ XV в., на томъ моментѣ въ исторіи Московскаго княжества, когда оно готовилось завершить этотъ процессъ и поглотить послѣднія самостоятельныя княжества, еще остававшіяся въ сѣверной Руси. Но Московское княжество, нѣкогда одно изъ многихъ удѣльныхъ и потомъ вобравшее въ себя всѣ удѣлы, не было въ XV в. единственной политической формой на Руси. Рядомъ съ нимъ

существовали двѣ другія формы, въ которыхъ общественные элементы находились совсѣмъ въ иныхъ сочетаніяхъ. То были: 1) казачество, 2) вольныя городскія общины. Казачество въ XV в. еще только завязывалось. Напротивъ, вольныя городскія общины въ XV ст. уже доживали свой вѣкъ. Для полноты изученія русскаго общества Русской земли въ удѣльные вѣка мы сдѣлаемъ бѣглый обзоръ исторіи этихъ общинъ. Ихъ было три на Руси въ удѣльное время: Новгородъ Великій, его „младшій братъ" Псковъ и его колонія Вятка, основанная въ 1174 г. Не изучая исторіи каждой изъ этихъ общинъ порознь, мы познакомимся съ ними по судьбѣ старшей изъ нихъ — Новгородской. Новгородъ Великій былъ типическимъ представителемъ и родоначальникомъ остальныхъ двухъ вольныхъ городскихъ общинъ.

Топографія Новгорода и его территорія. Политическій строй Новгорода Великаго, т. е. старшаго города въ своей землѣ, былъ тѣсно связанъ съ топографіей города. Онъ расположенъ былъ по обоимъ берегамъ рѣки Волхова, недалеко отъ истока ея изъ озера Ильменя. Новгородъ составился изъ нѣсколькихъ слободъ или поселковъ, которые сначала были самостоятельными обществами, а потомъ соединились въ одну большую городскую общину. Слѣды этого самостоятельнаго существованія составныхъ частей Новгорода сохранились и позднѣе въ раздѣленіи города на концы. Волховъ дѣлитъ Новгородъ на двѣ половины: правую восточную сторону и лѣвую западную. Первая носила названіе Торговой, потому что въ ней находился главный городской рынокъ, торгъ. Вторая носила названіе Софійской съ той поры, какъ Владиміръ, сынъ Ярослава, около половины XI в. построилъ здѣсь соборный храмъ святой Софіи. Обѣ стороны соединялись большимъ Волховскимъ мостомъ, находившимся недалеко отъ торга. Къ торгу примыкала площадь, называвшаяся Ярославовымъ дворомъ, потому что здѣсь нѣкогда находилось подворье Ярослава, когда онъ княжилъ въ Новгородѣ, при жизни отца. На этой площади возвышалась „степень", помостъ, съ котораго новгородскіе сановники обращались съ рѣчами къ собравшемуся на вѣче народу. Близъ „степени" находилась вѣчевая башня, на которой висѣлъ вѣчевой колоколъ, а внизу которой помѣщалась вѣчевая канцелярія. Торговая сторона состояла изъ двухъ концовъ: Плотницкаго сѣвернѣе и Славенскаго южнѣе. Славенскій конецъ получилъ свое названіе отъ древнѣйшаго Новгородскаго поселка, вошедшаго въ составъ Новгоро-

да,—Славна. Вотъ почему Новгородъ нѣкогда назывался *Словѣнскомъ*, а обитатели *Словѣнами*: это собственно обитатели Славна. Городской торгъ и Ярославовъ дворъ находились въ Словенскомъ концѣ. На Софійской сторонѣ, тотчасъ по переходѣ черезъ Волховской мостъ, находился дѣтинецъ, укрѣпленіе, которымъ окруженъ былъ соборный храмъ святой Софіи. Софійская сторона дѣлилась на три конца: Неревскій къ сѣверу, Загородскій къ западу и Гончарный или Людинъ къ югу, ближе къ озеру. Названіе концовъ Гончарнаго и Плотницкаго указываетъ на ремесленный характеръ древнихъ слободъ, изъ которыхъ образовались концы Новгорода. Недаромъ въ началѣ XI в. кіевляне бранили Новгородцевъ презрительной кличкой плотниковъ. Новгородъ съ своими пятью концами былъ политическимъ средоточіемъ обширной территоріи, къ нему тянувшей. Эта территорія состояла изъ земель двухъ разрядовъ: изъ *пятинъ и волостей*; совокупность тѣхъ и другихъ составляла область или землю святой Софіи. Пятины были слѣдующія: къ сѣверо-западу отъ Новгорода между рѣками Волховомъ и Лугой простиралась по направленію къ Финскому заливу пятина *Вотьская*, получившая свое названіе отъ обитавшаго здѣсь финскаго племени Води или Воти. Къ сѣверо-востоку, вправо отъ Волхова шла далеко къ Бѣлому морю, по обѣ стороны Онежскаго озера, пятина *Обонежская*. Къ юго-востоку между рѣкой Метой и Ловатью простиралась пятина *Деревская*, къ юго-западу между рѣками Ловатью и Лугой, по обѣ стороны рѣки Шелони, шла *Шелонская* пятина. На отлетѣ за пятинами Обонежской и Деревской простиралась далеко къ юго-востоку пятина *Бѣжецкая*, получившая свое названіе отъ селенія Бѣжичей, одного изъ ея административныхъ средоточій въ нынѣшней Тверской губ. Эта пятина захватывала сѣверную часть нынѣшней Тверской губерніи, западную Ярославской и юго-восточный уголъ Новгородской. Особенностью пятиннаго дѣленія Новгородской территоріи было то, что всѣ пятины, кромѣ Бѣжецкой, начинались у самаго Новгорода и въ видѣ расширяющихся радіусовъ бѣжали отъ него въ различныя стороны. Такъ Деревяницкій погостъ Обонежской пятины находился въ двухъ верстахъ отъ Новгорода, а погостъ Спасскій той же пятины въ 700 верстахъ на Выго-озерѣ около Бѣлаго моря. Только въ Бѣжецкой пятинѣ по книгамъ XVI в. ближайшій погостъ находился отъ

Новгорода въ 100 верстахъ. Впрочемъ такъ было, можетъ быть, только въ XVI в., а прежде эта пятина ближе подходила къ стѣнамъ главнаго города. Значитъ, первоначально пятины состояли изъ древнѣйшихъ и ближайшихъ къ Новгороду владѣній его. Владѣнія болѣе отдаленныя и позднѣйшія не вошли въ пятинное дѣленіе и образовали рядъ особыхъ „волостей", имѣвшихъ нѣсколько отличное отъ пятинъ устройство. Такъ города Волокъ-Ламскій и Торжокъ съ своими округами не принадлежали ни къ какой пятинѣ. За пятинами Обонежской и Бѣжецкой простиралась на востокъ волость Заволочье или Двинская земля. Она называлась Заволочьемъ, потому что находилась за „волокомъ", за обширнымъ водораздѣломъ, отдѣляющимъ бассейнъ Онеги и Сѣверной Двины отъ бассейна Волги. Теченіемъ рѣки Вычегды съ ея притоками опредѣлялось положеніе Пермской земли. За Двинской землей и Пермью далѣе къ сѣверо-востоку находилась волость Печера по обѣимъ сторонамъ рѣки этого имени. По ту сторону сѣвернаго Уральскаго хребта находилась волость Югра. На сѣверномъ берегу Бѣлаго моря была волость Тре или Терскій берегъ.

Таковы были главныя волости Новгородскія, не входившія въ пятинное дѣленіе. Онѣ уже рано пріобрѣтены были Новгородомъ. Такъ уже въ XI в. новгородцы ходили за данью за Двину на Печеру, а въ XIII в. собирали дань на Терскомъ берегу. Новгородская территорія расширялась преимущественно посредствомъ военно-промышленной колонизаціи. Въ Новгородѣ составлялись компаніи вооруженныхъ промышленниковъ, которые направлялись преимущественно по рѣкамъ въ разныя стороны отъ города, чаще всего на финскій сѣверо-востокъ, основывали тамъ поселенія, облагали данью покоренныхъ туземцевъ и заводили лѣсные и другіе промыслы.

Условія и ходъ развитія Новгородской вольности. Теперь изучимъ условія и ходъ развитія Новгородской вольности. Въ началѣ нашей исторіи Новгородская земля по устройству своему была совершенно похожа на другія области Русской земли. Точно также и отношенія Новгорода къ князьямъ мало отличались отъ тѣхъ, въ какихъ стояли другіе старшіе города областей. На Новгородъ съ тѣхъ поръ, какъ первые князья покинули его для Кіева, наложена была дань въ пользу великаго князя Кіевскаго

По смерти Ярослава Новгородская земля присоединена была къ великому княжеству Кіевскому, и великій князь обыкновенно посылалъ туда для управленія своего сына или другаго ближайшаго родственника, назначая въ помощники ему посадника. До второй четверти XII в. въ бытѣ Новгородской земли незамѣтно никакихъ политическихъ особенностей, которыя выдѣляли бы ее изъ ряда другихъ областей Русской земли. Но со смерти Владиміра Мономаха все успѣшнѣе развиваются эти особенности, ставшія потомъ основаніемъ Новгородской вольности. Успѣшному развитію этого политическаго обособленія Новгородской земли помогали различныя условія, которыя нигдѣ, ни въ какой другой Русской области не приходили въ такое своеобразное сочетаніе, въ какомъ они дѣйствовали въ судьбѣ Новгорода. Одни изъ этихъ условій были связаны съ географическимъ положеніемъ края, другія вышли изъ исторической обстановки, въ какой жилъ Новгородъ. Географическія условія были таковы: 1) Новгородъ былъ политическимъ средоточіемъ края, составлявшаго отдаленный сѣверо-западный уголъ тогдашней Руси. Это отдаленное положеніе Новгорода ставило его внѣ круга русскихъ земель, бывшихъ главной сценой дѣятельности князей и ихъ дружинъ. Это освобождало Новгородъ отъ непосредственнаго давленія со стороны князя и его дружины и позволяло Новгородскому быту развиваться свободнѣе, на большемъ просторѣ. 2) Новгородъ былъ экономическимъ средоточіемъ края, наполненнаго лѣсами и болотами, въ которомъ хлѣбопашество никогда не могло стать основаніемъ народнаго хозяйства. Это не позволяло установиться здѣсь тѣмъ простымъ общественнымъ отношеніямъ, основаніемъ которыхъ въ другихъ областяхъ Руси было господство земледѣльческаго хозяйства. Наконецъ 3) Новгородъ лежалъ близко къ главнымъ рѣчнымъ бассейнамъ нашей равнины: къ Волгѣ, Днѣпру и Западной Двинѣ, а Волховъ соединялъ его воднымъ путемъ съ Финскимъ заливомъ и съ Балтійскимъ моремъ. Благодаря этой близости къ большимъ торговымъ дорогамъ Руси Новгородъ рано втянулся въ разносторонніе торговые обороты. Такимъ образомъ промышленность и торговля стали основаніемъ мѣстнаго народнаго хозяйства. Историческія условія, содѣйствовавшія развитію Новгородской вольности, были таковы. Въ XII в. усобицы князей уронили княжескій авто-

ритетъ. Это давало возможность мѣстнымъ земскимъ мірамъ свободнѣе опредѣлять свои отношенія къ князьямъ. Новгородъ шире всѣхъ воспользовался этой выгодой. Ставъ на окраинѣ Руси, съ нѣсколькихъ сторонъ окруженный враждебными инородцами и притомъ занимаясь преимущественно внѣшней торговлей, Новгородъ всегда нуждался въ князѣ и его дружинѣ для обороны границъ и торговыхъ путей. Но именно въ XII в., когда запутавшіеся княжескіе счеты уронили авторитетъ князя, Новгородъ нуждался въ князѣ и его дружинѣ гораздо менѣе, чѣмъ нуждался прежде и чѣмъ сталъ нуждаться потомъ. Потомъ на Новгородскихъ границахъ стали два опасные врага: Ливонскій орденъ и объединенная Литва. Въ XII в. еще не было ни того, ни другаго врага; Ливонскій орденъ основался въ самомъ началѣ XIII в., а Литва стала объединяться съ конца этого столѣтія. Совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ благопріятныхъ условій опредѣлились и отношенія Новгорода къ князьямъ, и устройство его управленія, и его общественный складъ, и, наконецъ, характеръ его политической жизни. Съ этихъ четырехъ сторонъ мы и изучимъ исторію города.

Въ X в. князья еще очень мало дорожили Новгородской землей; ихъ интересы были привязаны къ Южной Руси. Когда Святославъ, собираясь во второй болгарскій походъ, сталъ дѣлить Русскую землю между своими сыновьями, къ нему пришли и Новгородцы просить князя. Святославъ, по лѣтописи, сказалъ имъ: „да пойдетъ ли кто къ вамъ?“ Послѣдующіе князья стали обращать больше вниманія на богатый край. Но тотчасъ послѣ смерти Мономаха, какъ только упала его тяжелая рука, начали добиваться Новгородцы важныхъ политическихъ льготъ. Княжескія усобицы сопровождались частыми смѣнами князей на Новгородскомъ столѣ. Эти усобицы и смѣны помогли Новгородцамъ внести въ свой политическій строй два важныя начала, ставшія гарантіями ихъ вольности: во первыхъ, избирательность высшей администраціи, во вторыхъ, „рядъ“, т.е. договоръ съ князьями. Частыя смѣны князей въ Новгородѣ сопровождались и перемѣнами въ личномъ составѣ высшей Новгородской администраціи. Князь правилъ Новгородомъ при содѣйствіи назначаемыхъ имъ или великимъ княземъ помощниковъ, посадника и тысяцкаго. Когда князь покидалъ городъ добровольно или по неволѣ, и назначенный имъ посадникъ обыкновенно слагалъ съ себя должность, потому что новый князь обыкно-

венно назначалъ своего посадника. Но въ промежутокъ между двумя княженіями Новгородцы, оставаясь безъ высшаго правительства, привыкали выбирать на время исправляющаго должность посадника и требовать отъ новаго князя утвержденія его въ должности. Такъ самымъ ходомъ дѣлъ завелся въ Новгородѣ обычай выбирать посадника. Этотъ обычай начинаетъ дѣйствовать тотчасъ по смерти Мономаха, когда по разсказу лѣтописи въ 1126 г. Новгородцы „дали посадничество" одному изъ своихъ согражданъ. Послѣ выборъ посадника сталъ постояннымъ правомъ, которымъ очень дорожили Новгородцы. Понятна перемѣна въ самомъ характерѣ этой должности, происшедшая вслѣдствіе того, что она давалась не на княжескомъ дворѣ, а на вѣчевой площади. Изъ представителя и блюстителя интересовъ князя предъ Новгородцами выборный посадникъ долженъ былъ превратиться въ представителя и блюстителя интересовъ Новгорода передъ княземъ. Послѣ и другая важная должность — тысяцкаго также стала выборной. Въ Новгородскомъ управленіи важное значеніе имѣлъ мѣстный епископъ. До половины XII в. его рукополагалъ русскій митрополитъ съ соборомъ епископовъ въ Кіевѣ, слѣдовательно подъ вліяніемъ великаго князя. Но со второй половины XII в. Новгородцы начали выбирать изъ мѣстнаго духовенства и своего владыку, собираясь „всѣмъ городомъ" на вѣче и посылая избраннаго въ Кіевъ къ митрополиту для рукоположенія. Первымъ такимъ выборнымъ епископомъ былъ игуменъ одного изъ мѣстныхъ монастырей Аркадій, избранный Новгородцами въ 1156 г. Съ тѣхъ поръ за Кіевскимъ митрополитомъ осталось лишь право рукополагать присланнаго изъ Новгорода кандидата. Такъ во второй и третьей четверти XII в. высшая Новгородская администрація стала выборной. Въ то же время Новгородцы начали точнѣе опредѣлять и свои отношенія къ князьямъ. Усобицы князей давали Новгороду возможность выбирать между князьями соперниками и налагать на выбраннаго князя извѣстныя обязательства, стѣснявшія его власть. Эти обязательства излагались въ „рядахъ", договорахъ съ княземъ, которые и опредѣляли значеніе Новгородскаго князя въ мѣстномъ управленіи. Неясные слѣды этихъ „рядовъ", скрѣплявшихся крестнымъ цѣлованіемъ со стороны князя, появляются уже въ первой половинѣ XII вѣка. Позднѣе они яснѣе обозначаются въ разсказѣ лѣтописца. Въ 1209 г. Новго-

родцы оказали большую услугу великому князю Всеволоду Суздальскому въ его борьбѣ съ Черниговскими и Рязанскими князьями. Въ награду за это Всеволодъ сказалъ Новгородцамъ: „любите, кто вамъ добръ, и казните злыхъ." При этомъ, добавляетъ лѣтописецъ, Всеволодъ далъ Новгородцамъ „всю волю и уставы старыхъ князей, чего они хотѣли." Итакъ Всеволодъ возстановилъ какіе-то старые уставы князей, обезпечивавшіе льготы Новгородцевъ, и предоставилъ городу судебную власть въ извѣстныхъ дѣлахъ. Въ 1218 г. изъ Новгорода ушелъ правившій имъ знаменитый Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, князь Торопецкій. На мѣсто его прибылъ его смоленскій родичъ Святославъ Мстиславичъ. Этотъ князь потребовалъ смѣны выборнаго Новгородскаго посадника Твердислава. „А за что?" спросили Новгородцы, — „какая его вина?" — „Такъ, безъ вины", отвѣчалъ князь. Тогда Твердиславъ сказалъ, обращаясь къ вѣчу: „радъ я, что нѣтъ на мнѣ вины, а вы, братья, и въ посадникахъ, и въ князьяхъ вольны." Тогда вѣче сказало князю: „Вотъ, ты лишаешь мужа должности, а, вѣдь, ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа должности не лишать." Итакъ уже въ началѣ XIII в. князья крестнымъ цѣлованіемъ скрѣпляли извѣстные права Новгородцевъ. Условіе не лишать Новгородскаго сановника должности безъ вины, т. е. безъ суда является въ позднѣйшихъ договорахъ однимъ изъ главныхъ обезпеченій Новгородской вольности.

Опредѣленіе отношеній къ князьямъ. Льготы, которыхъ добились Новгородцы, излагались въ договорныхъ грамотахъ. Первыя такія грамоты, до насъ дошедшія не раньше второй половины XIII в., — ихъ три. Эти грамоты излагаютъ условія, на которыхъ правилъ Новгородской землей Ярославъ Ярославичъ Тверской. Двѣ изъ нихъ написаны въ 1265 г. и одна въ 1270 г. Позднѣйшія договорныя грамоты лишь повторяютъ условія, изложенныя въ этихъ грамотахъ Ярослава. Изучая ихъ, мы видимъ основанія политическаго устройства Новгорода. Новгородцы обязывали князей цѣловать крестъ, на чемъ цѣловали ихъ отцы и дѣды. Главная и общая обязанность, падавшая на князя, состояла въ томъ, чтобы онъ правилъ, „держалъ" Новгородъ „въ старинѣ по пошлинамъ". Значитъ, условія, изложенныя въ грамотахъ Ярослава, были не нововведеніемъ, а завѣтомъ старины. Договоры опредѣляли: 1) судебно-административныя отношенія князя къ городу, 2) финансовыя отношенія города къ князю, 3) отно-

ченія князя къ Новгородской торговлѣ. Князь былъ въ Новгородѣ высшей судебной и правительственной властью, руководилъ управленіемъ, опредѣлялъ частныя отношенія лицъ, скрѣплялъ ихъ права. Но всѣ эти судебно-административныя дѣйствія онъ совершалъ не одинъ и не по личному усмотрѣнію, а въ присутствіи и съ согласія выборнаго Новгородскаго посадника. На низшія должности, замѣщаемыя не по выбору, а по княжескому назначенію, князь избиралъ людей изъ Новгородскаго общества, а не изъ своей дружины. Всѣ должности раздавалъ онъ съ согласія посадника. Князь не могъ отнять безъ суда должности у выборнаго или назначеннаго чиновника. Всѣ судебно-правительственныя дѣйствія совершалъ онъ лично въ Новгородѣ и ничѣмъ не могъ распоряжаться или, живя въ своемъ удѣлѣ: „А изъ Суздальской ти земли, читаемъ въ договорѣ, Нова-города не рядити, ни волостей (должностей) ти не раздавати." Точно также безъ посадника князь не могъ судить, никому не могъ выдавать грамотъ, не могъ отдавать на откупъ свои Новгородскіе доходы. Такъ вся судебно-правительственная дѣятельность князя контролировалась представителемъ Новгорода. Съ мелочной подозрительностью опредѣляли Новгородцы свои финансовыя отношенія къ князю, его доходы, стараясь связать руки князю. Князь получалъ „даръ" съ Новгородской земли, ѣдучи въ Новгородъ, и не могъ собирать его, ѣдучи изъ Новгородской земли. Дань получалась княземъ только съ Заволочья, покореннаго края, не входившаго въ пятинное дѣленіе Новгородской области. Эту дань князь обыкновенно отдавалъ на откупъ Новгородцамъ. Если онъ самъ собиралъ ее, то посылалъ въ Заволочье двухъ сборщиковъ, которые собранную дань не могли везти прямо въ удѣлъ князя, а завозили сначала въ Новгородъ, откуда она и передавалась князю. Со времени Татарскаго нашествія и на Новгородъ наложенъ былъ Ордынскій „выходъ", дань. Татары потомъ поручили сборъ этого выхода, названнаго „чернымъ боромъ", т.е. повальнымъ, поголовнымъ налогомъ, великому князю Владимірскому. Новгородцы сами собирали черный боръ и передавали его своему князю, который доставлялъ его въ Орду. Кромѣ того князь пользовался въ Новгородской землѣ извѣстными угодьями, рыбными ловлями, бортями, звѣриными гонами, но всѣми этими угодьями онъ пользовался по точно опредѣленнымъ правиламъ въ уро-

ное время и въ условленныхъ размѣрахъ. Новгородцы всего болѣе старались помѣшать князю завязать непосредственныя хозяйственныя связи въ Новгородской землѣ, пустить здѣсь прочные корни. Въ договорныхъ грамотахъ особымъ условіемъ запрещалось князю съ княгиней, боярами и дворянами пріобрѣтать села въ Новгородской землѣ въ собственность и принимать людей въ закладъ, т.е. въ личную кабальную зависимость. Съ такою точностью опредѣлены были отношенія князя къ Новгородскому управленію. Съ такой же точностью были опредѣлены отношенія князя къ Новгородской торговлѣ. Торговля преимущественно внѣшняя была жизненнымъ нервомъ города. Князь нуженъ былъ Новгороду не только для обороны границъ, но и для обезпеченія торговыхъ интересовъ; онъ долженъ былъ давать въ своемъ княжествѣ свободный и безопасный путь Новгородскимъ купцамъ. Князь обязывался пускать въ свою волость Новгородскихъ купцовъ безъ „рубежа", безъ задержки. Было точно опредѣлено, какія пошлины взимать князю съ каждой торговой Новгородской ладьи или съ торговаго воза, являвшихся въ его княжество. Въ Новгородѣ рано основались нѣмецкіе купцы. Въ XIV вѣкѣ было въ Новгородѣ два двора заморскихъ купцовъ, — одинъ, принадлежавшій ганзейскимъ городамъ, другой готскій, принадлежавшій купцамъ съ острова Готланда. При этихъ дворахъ находились даже двѣ католическія церкви. Князь могъ участвовать въ торговлѣ города съ заморскими купцами только чрезъ Новгородскихъ посредниковъ; онъ не могъ затворять дворовъ иноземныхъ купцовъ, ставить къ нимъ своихъ приставовъ. Такимъ образомъ Новгородская внѣшняя торговля была ограждена отъ произвола со стороны князя. Связанный такими обязательствами князь получалъ за свои боевыя услуги городу извѣстный кормъ. Припомнимъ значеніе князя, вождя дружины въ старинныхъ торговыхъ городахъ Руси IX в. Это былъ наемный военный сторожъ города и его торговли. Точно такое же значеніе имѣлъ и Новгородскій князь удѣльнаго времени. Это значеніе князя выражено Псковской лѣтописью, которая одного Псковскаго князя XV в. называетъ „воеводой Псковичей, княземъ кормленнымъ, о комъ было имъ стояти и боронитися." Значеніе князя, какъ наемника Новгородъ старался поддерживать договорами до конца своей вольности. Такъ опредѣлены были отношенія Нов-

города къ князю по договорамъ.

<u>Управленіе. Вѣче.</u> Переходимъ къ устройству Новгородскаго управленія. Оно строилось въ связи съ опредѣленіемъ отношеній города къ князю. Эти отношенія, видѣли мы, опредѣлялись договорами; но договорами опредѣлялись еще въ XII в. и отношенія другихъ старшихъ городовъ на Руси къ князьямъ. Слѣдовательно Новгородъ въ удѣльные вѣка развивалъ лишь порядокъ политическихъ отношеній, какой завязывался всюду на Руси гораздо раньше; но этотъ порядокъ погибъ въ остальныхъ областяхъ, а въ Новгородѣ развился въ стройную систему правительственныхъ учрежденій. Разсмотримъ основанія этой системы. Благодаря договорамъ князь постепенно выступалъ изъ состава мѣстнаго общества, теряя органическія связи съ нимъ. Онъ съ своей дружиной входилъ въ это общество лишь механически, какъ сторонняя временная сила. Благодаря тому политическій центръ тяжести въ Новгородѣ долженъ былъ съ княжескаго двора перемѣститься на вѣчевую площадь, въ среду мѣстнаго общества. Вотъ почему, несмотря на присутствіе князя, Новгородъ въ удѣльные вѣка былъ собственно городской республикой. Далѣе, въ Новгородѣ мы встрѣчаемъ то же военное устройство, какое еще до князей сложилось въ другихъ старшихъ городахъ Руси. Новгородъ составлялъ „тысячу", вооруженный полкъ. Эта тысяча дѣлилась на сотни, военныя части города. Каждая сотня съ своимъ выборнымъ сотскимъ представляла особое общество, пользовавшееся извѣстной долей самоуправленія. Въ военное время это былъ рекрутскій округъ, въ мирное округъ полицейскій. Но сотня не была самой мелкой административной частью города; она подраздѣлялась на улицы, изъ которыхъ каждая съ своимъ выборнымъ „улицкимъ" старостой составляла также особый мѣстный міръ, пользовавшійся самоуправленіемъ. Съ другой стороны сотни складывались въ болѣе крупные союзы, концы. Каждый городской конецъ состоялъ изъ двухъ сотенъ. Во главѣ конца стоялъ выборный „кончанскій староста", который велъ текущія дѣла конца. Но онъ правилъ концемъ не одинъ, а при содѣйствіи коллегіи знатныхъ обывателей конца, которая составляла кончанскую управу. Эта управа была исполнительнымъ учрежденіемъ, дѣйствовавшимъ подъ надзоромъ кончанскаго схода, или вѣча, имѣвшаго распорядительную власть. Союзъ концовъ и составлялъ общину Великаго Новгорода. Такимъ образомъ Новгородъ представлялъ

многостепенное соединеніе мелкихъ и крупныхъ мѣстныхъ міровъ, изъ которыхъ послѣдніе также составлялись посредствомъ сложенія первыхъ. Совокупная воля всѣхъ этихъ союзныхъ міровъ выражалась въ общемъ вѣчѣ города. По происхожденію своему Новгородское вѣче было учрежденіемъ совершенно однороднымъ со сходками другихъ старшихъ городовъ Руси; но большій политическій просторъ далъ Новгородскому вѣчу возможность сложиться въ болѣе выработанныя формы. Впрочемъ и въ устройствѣ Новгородскаго вѣча до конца вольности города оставались важные пробѣлы. Вѣче созывалъ иногда князь, чаще который нибудь изъ главныхъ городскихъ сановниковъ, посадникъ или тысяцкій. Оно не было постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, созывалось, когда являлась въ немъ надобность. Никогда не было установлено постояннаго срока для его созыва. Вѣче собиралось по звуку вѣчеваго колокола. Звукъ этого колокола Новгородское ухо хорошо отличало отъ звона церковныхъ колоколовъ. Вѣче созывалось обыкновенно на площади, называвшейся Ярославовымъ дворомъ. Оно не было по составу своему представительнымъ учрежденіемъ, не состояло изъ депутатовъ: на вѣчевую площадь бѣжалъ всякій, кто считалъ себя полноправнымъ гражданиномъ. Вѣче обыкновенно состояло изъ гражданъ одного старшаго города; но иногда на немъ являлись и жители младшихъ городовъ земли, впрочемъ, только двухъ — Ладоги и Пскова. Это были или депутаты пригородовъ, которыхъ посылали въ Новгородъ, когда на вѣчѣ возникалъ вопросъ, касавшійся пригородовъ, или случайные посѣтители Новгорода изъ пригорожанъ, приглашенные на вѣче. Вопросы, подлежавшіе обсужденію вѣча, предлагались ему со „степени" высшими сановниками, степеннымъ посадникомъ или тысяцкимъ. Эти вопросы были законодательные и учредительные. Вѣче постановляло новые законы, приглашало князя или изгоняло его, выбирало и судило главныхъ городскихъ сановниковъ, разбирало ихъ споры съ княземъ, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ и т.п. На вѣчѣ по самому его составу не могло быть ни правильнаго обсужденія вопроса, ни правильнаго голосованія. Рѣшеніе составлялось на глазъ, лучше сказать на ухо, скорѣе по большинству криковъ, чѣмъ по большинству голосовъ. Когда вѣче раздѣлялось на партіи, большинство вырабатывалось насильственнымъ способомъ, посредствомъ драки: осилившая сторона и признавалась большинствомъ. Иногда весь городъ

раздѣлялся, и тогда созывалось два вѣча, одно на обычномъ мѣстѣ, на Торговой сторонѣ, другое на Софійской. Обыкновенно раздоръ кончался тѣмъ, что оба вѣча, двинувшись другъ противъ друга, сходились на Волховскомъ мосту и начинали драку, если духовенство во время не успѣвало разнять противниковъ. Такое значеніе Волховскаго моста въ исторіи Новгорода выразилось въ поэтической формѣ въ легендѣ, которую записалъ одинъ иностранецъ въ началѣ XVI в. баронъ Герберштейнъ. По его разсказу, когда Новгородцы при Владимірѣ Святомъ сбросили идолъ Перуна въ Волховъ, разсерженный богъ, доплывъ до моста, выкинулъ на него палку съ словами: „вотъ, вамъ, Новгородцы, отъ меня на память". Съ тѣхъ поръ Новгородцы сходятся съ палками на Волховскомъ мосту въ урочное время и начинаютъ драться какъ бѣшенные.

<u>Посадникъ и тысяцкій.</u> Исполнительными органами вѣча были два высшихъ выборныхъ сановника, которые вели текущія дѣла управленія, посадникъ и тысяцкій. Пока они занимали свои должности, они назывались „степенными", т.е. стоящими на степени, когда слагали съ себя должность, вступали въ разрядъ посадниковъ и тысяцкихъ „старыхъ". Довольно трудно разграничить вѣдомство обоихъ сановниковъ. Кажется, посадникъ былъ гражданскимъ управителемъ города, а тысяцкій — военнымъ и полицейскимъ. Вотъ почему нѣмцы въ удѣльные вѣка называли посадника бургграфомъ, а тысяцкаго герцогомъ. Оба сановника получали отъ вѣча полномочія на неопредѣленное время: одни правили годъ, другіе меньше, иные нѣсколько лѣтъ. Кажется, въ началѣ XV в. опредѣленъ былъ постоянный срокъ для занятія этихъ должностей. По крайней мѣрѣ одинъ французскій путешественникъ Guilbert de Lannoi, посѣтившій Новгородъ въ началѣ XV в., говоритъ о посадникѣ и тысяцкомъ, что эти сановники смѣнялись ежегодно. Посадникъ и тысяцкій правили съ помощью цѣлаго штата подчиненныхъ имъ низшихъ агентовъ.

<u>Совѣтъ господъ.</u> Вѣче было законодательнымъ учрежденіемъ, посадникъ и тысяцкій — его исполнительными судебно-административными органами. Легко замѣтить пробѣлъ, остававшійся между вѣчемъ и этими исполнительными органами. По характеру своему вѣче не могло правильно обсуждать предлагаемые ему вопросы. Нужно было особое учрежденіе, которое бы могло предварительно разработывать вопросы и предлагать вѣчу готовые проэкты законовъ или рѣшеній. Такимъ подготовительнымъ и распо-

рядительнымъ учрежденіемъ былъ Новгородскій совѣтъ господъ (Herrenrath), какъ называли его нѣмцы, или „господа", какъ онъ назывался въ Псковѣ. „Господа" вольнаго города развилась изъ древней боярской думы князя съ участіемъ городской старшины. Такую думу встрѣчаемъ мы при Владимірѣ Святомъ въ Кіевѣ. Новгородскіе князья для обсужденія важныхъ вопросовъ въ XIII в. приглашали къ себѣ на совѣтъ вмѣстѣ съ своими боярами и городскихъ сотскихъ и старостъ. По мѣрѣ того какъ князь терялъ органическія связи съ мѣстнымъ обществомъ, онъ съ боярами былъ постепенно вытѣсненъ изъ мѣстнаго правительственнаго совѣта. Тогда постояннымъ предсѣдателемъ Новгородскаго совѣта господъ остался мѣстный владыка-архіепископъ. Новгородскій совѣтъ послѣ того состоялъ изъ княжескаго намѣстника и городскихъ властей: изъ степенныхъ посадника и тысяцкаго, изъ старостъ кончанскихъ и сотскихъ съ нѣсколькими бирючами, т. е. приставами правительственнаго совѣта. Но рядомъ съ этими высшими городскими властями въ совѣтѣ сидѣли и старые посадники и тысяцкіе. Частыя смѣны высшихъ сановниковъ подъ вліяніемъ борьбы партій были причиной того, что въ совѣтѣ господъ всегда было много старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ. Вотъ почему Новгородскій совѣтъ въ XV в. наканунѣ паденія Новгородской вольности состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 50 членовъ. Всѣ они кромѣ предсѣдателя назывались боярами. Совѣтъ, сказали мы, подготовлялъ законодательные вопросы ко внесенію на вѣче, составлялъ готовые проэкты законовъ; но по характеру соціально-политическаго строя Новгорода этотъ совѣтъ на дѣлѣ имѣлъ болѣе важное значеніе. Состоя изъ представителей высшаго Новгородскаго класса, имѣвшаго могущественное экономическое вліяніе на весь городъ, этотъ подготовительный совѣтъ часто и предрѣшалъ вносимые имъ на вѣче вопросы, проводя среди гражданъ подготовленные имъ самимъ отвѣты. Въ исторіи политической жизни Новгорода боярскій совѣтъ имѣлъ гораздо больше значенія, чѣмъ вѣче, бывшее обыкновенно послушнымъ его орудіемъ.

<u>Областное управленіе. Пятины и пригороды.</u> Таково было центральное Новгородское управленіе, дѣйствовавшее въ старшемъ главномъ городѣ. Съ этимъ управленіемъ была тѣсно связана и областная администрація. Связь эта заключалась въ томъ, что каждая пятина Новгородской земли въ управленіи зависѣла отъ городскаго конца, къ которому была приписана. На эту зависимость указываетъ упомянутый много баронъ Герберштейнъ; впро-

чемъ его свидѣтельство очень неясно выражено. Передаю его свидѣтельство въ возможно близкомъ къ подлиннику изложеніи. Нѣкогда, во время своей вольности, Новгородъ имѣлъ обширную область, раздѣленную на пять частей; каждая изъ этихъ частей не только относилась во всѣхъ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ къ городскому начальству своей части (quarum quaelibet pars non solum de publicis ac privatis rebus cognoscendis ad ordinarium ac competentem suae partis magistratum referebat), но и сдѣлки съ горожанами каждый могъ совершать только въ своей части, и никому не позволялось обращаться съ чѣмъ либо къ другому начальству того же города (verum in sua duntaxat civitatis regione contrahere res quiscunque ac commode cum aliis civibus suis conficere poterat etc.). Герберштейнъ хотѣлъ сказать, или ему сказывали, что каждая <u>территоріальная</u> часть Новгородской земли, т.е. пятина, во всѣхъ дѣлахъ обращалась къ управленію своей <u>городской</u> части, т.е. городскаго конца. Такое же отношеніе частей территоріи къ концамъ города существовало и въ Псковской землѣ. Здѣсь старые пригороды издавна были распредѣлены между концами города. Въ 1468 г., когда накопилось много новыхъ пригородовъ, на вѣчѣ было рѣшено также раздѣлить ихъ по жребію между концами, по два пригорода на каждый конецъ. Пятина впрочемъ не была цѣльной административной единицей, не имѣла своего мѣстнаго административнаго средоточія. Она распадалась на административные округа, называвшиеся въ Московское время уѣздами; каждый уѣздъ имѣлъ свое особое административное средоточіе въ извѣстномъ пригородѣ, такъ что кончанское управленіе было единственной связью, соединявшей пятины въ одно административное цѣлое. Пригородъ съ своимъ уѣздомъ былъ такой же мѣстный самоуправляющійся міръ, какими были Новгородскіе сотни и концы. Его автономія выражалась въ мѣстномъ пригородскомъ вѣчѣ. Впрочемъ, это вѣче руководилось посадникомъ, который обыкновенно присылался изъ старшаго города. Пригороды состояли въ нѣкоторой политической зависимости отъ главнаго города. Формы, въ которыхъ выражалась эта зависимость, открываются въ разсказѣ о томъ, какъ Псковъ сталъ самостоятельнымъ городомъ. До половины <u>XIV</u> в. онъ былъ пригородомъ Новгорода. Въ 1348 г. по договору съ Новгородомъ онъ сталъ независимъ отъ него, сталъ называться младшимъ его братомъ. По этому договору Новгородцы отказались отъ права посылать въ Псковъ посадника и вызывать Псковичей въ Новгородъ на судъ гражданскій и церковный.

Здѣсь указаны двѣ формы зависимости пригорода отъ старшаго города: 1) главный городъ назначалъ посадника въ пригородъ, 2) судебныя учрежденія старшаго города служили высшей инстанціей для пригорожанъ. Третья форма политической зависимости пригорода отъ старшаго города состояла въ правѣ послѣдняго облагать пригородное населеніе сборомъ въ пользу старшаго города. Впрочемъ, политическая зависимость, выражавшаяся въ этихъ трехъ формахъ, была всегда очень слаба: пригороды иногда отказывались принимать посадниковъ, которыхъ присылалъ главный городъ. Вообще въ устройствѣ областнаго управленія Новгородской земли замѣтенъ рѣшительный перевѣсъ центробѣжныхъ силъ, парализовавшихъ дѣйствіе политическаго центра. Таково было устройство управленія въ Новгородской землѣ. Легко замѣтить основаніе на которомъ оно строилось. Этимъ основаніемъ была территоріальная федеративность, выражавшаяся въ извѣстной автономіи мелкихъ и крупныхъ мѣстныхъ міровъ, изъ которыхъ состояла Новгородская земля.

Классы Новгородскаго общества. Теперь обратимся къ изученію состава Новгородскаго общества. Здѣсь надо различать классы городскіе и сельскіе. Населеніе Новгорода Великаго состояло изъ *бояръ*, *житьихъ людей*, *купцовъ* и черныхъ людей.

Во главѣ Новгородскаго общества стояло боярство. Мы знаемъ, что въ другихъ областяхъ Русской земли боярство создавалось службой князю. Въ Новгородѣ князь съ своей дружиной былъ сторонней пришлой силой, органически не входившей въ составъ мѣстнаго общества. Какимъ образомъ могло возникнуть боярство въ Новгородѣ, когда здѣсь не было самаго корня, изъ котораго выросталъ этотъ классъ въ другихъ областяхъ Руси? Отвѣчая на этотъ вопросъ, надо припомнить, что еще до князей старшіе города на Руси управлялись военной старшиной, выходившей изъ мѣстной промышленной знати. Новгородское боярство образовалось изъ такого же класса. Въ другихъ областяхъ Руси съ появленіемъ князей городская военная старшина была вытѣснена изъ управленія княжеской дружиной; по разнымъ обстоятельствамъ въ Новгородѣ эта знать не утратила своего правительственнаго значенія и при князьяхъ. Уже въ XI в. князья, правившіе Новгородомъ, назначали на мѣстныя правительственныя должности людей изъ мѣстнаго же общества. Такимъ образомъ Новгородская администрація по личному составу своему стала туземной еще

прежде, чѣмъ сдѣлалась выборной. Изъ этихъ туземныхъ княжескихъ сановниковъ къ началу XII в. въ Новгородѣ сложился вліятельный классъ, или кругъ знатныхъ фамилій, имѣвшій двоякое руководящее значеніе въ мѣстномъ обществѣ: члены его занимали правительственныя должности въ городѣ по назначенію князя, а въ столкновеніи послѣдняго съ городомъ этотъ классъ становился во главѣ горожанъ противъ князя. Занимая по назначенію князя должности, которыя въ другихъ областяхъ давались княжескимъ боярамъ, и Новгородская знать усвоила себѣ значеніе и званіе бояръ. Значитъ и въ Новгородѣ боярство вышло изъ того же политическаго источника, изъ какого оно выходило въ другихъ областяхъ Русской земли: этимъ источникомъ была служба князю, занятіе высшихъ правительственныхъ должностей по назначенію князя. Усвоивъ себѣ званіе бояръ на княжеской службѣ, мѣстная правительственная знать удержала это званіе и послѣ, когда стала получать свои правительственныя полномочія не отъ князя, а отъ мѣстнаго вѣча.

Не такъ ясно выступаетъ въ Новгородскихъ источникахъ второй классъ, „житыхъ" или „житьихъ" людей. Можно замѣтить, что этотъ классъ стоялъ ближе къ мѣстному боярству, чѣмъ къ низшимъ слоямъ населенія. Значеніе его нѣсколько объясняется въ связи съ экономическимъ значеніемъ мѣстнаго боярства. Правя городомъ по выбору вѣча, это боярство вмѣстѣ съ тѣмъ руководило и народнымъ хозяйствомъ въ Новгородской землѣ. Это были крупные капиталисты, но они сами обыкновенно не принимали непосредственнаго участія въ торговыхъ оборотахъ, а ссужали своими капиталами настоящихъ торговцевъ, или вели торговые обороты посредствомъ агентовъ изъ купцовъ. Въ Новгородскихъ памятникахъ и преданіяхъ мѣстный бояринъ всегда является съ физіономіей капиталиста-дисконтера, ростовщика. Житьи люди были, повидимому, капиталисты средней руки, не принадлежавшіе къ первостепенной правительственной знати. Классъ настоящихъ торговцевъ назывался „купцами". Они уже стояли ближе къ городскому простонародью, слабо отдѣляясь отъ массы городскихъ черныхъ людей. Они работали съ помощью боярскихъ капиталовъ, либо кредитовались у бояръ, либо вели чужія торговыя дѣла въ качествѣ приказчиковъ. „Черные люди" были мелкіе ремесленники и рабочіе, которые брали работу или деньги для работы у высшихъ классовъ: бояръ и житьихъ людей. Таковъ составъ общества въ главномъ городѣ. Тѣ же самые классы встрѣчаемъ мы и въ пригородахъ, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ.

Въ глубинѣ сельскаго общества, какъ и городскаго видимъ „холоповъ". Этотъ классъ былъ очень многочисленъ въ Новгородской землѣ, но незамѣтенъ въ Псковѣ. Развитію его содѣйствовало боярское землевладѣніе. Новгородскіе бояре были крупные вотчинники. Извѣстія удѣльнаго времени говорятъ о Новгородскихъ землевладѣльцахъ, вотчины которыхъ простирались на сотни верстъ. Эти боярскія вотчины заселялись и эксплуатировались преимущественно холопами. Свободное крестьянское населеніе въ Новгородской землѣ состояло изъ двухъ разрядовъ: изъ *смердовъ*, обрабатывавшихъ государственныя земли Новгорода Великаго и *половниковъ*, арендовавшихъ земли частныхъ владѣльцевъ. Названіе свое они получили отъ обычнаго древней Руси условія поземельной аренды — обрабатывать землю „исполу", изъ половины урожая. Впрочемъ, въ Новгородской землѣ удѣльнаго времени половники снимали земли у частныхъ владѣльцевъ и на болѣе льготныхъ условіяхъ, изъ третьяго или четвертаго снопа. Половники являются въ Новгородской землѣ въ болѣе приниженномъ состояніи сравнительно съ вольными крестьянами въ княжеской Руси. Тамъ они стояли въ положеніи близкомъ къ холопамъ. Эта приниженность выражалась въ двухъ условіяхъ, которыя Новгородцы вносили въ договоры съ князьями: „1) холопа и половника безъ господина не судить, 2) бѣглыхъ Новгородскихъ холоповъ и половниковъ, укрывшихся въ удѣлѣ князя, выдавать обратно." Въ этомъ отношеніи Псковская земля рѣзко отличалась отъ Новгородской. Въ первой „*изорники*", какъ называли тамъ крестьянъ, арендовавшихъ частныя земли, были вольными хлѣбопашцами, которые пользовались правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому. Тамъ даже долговое обязательство не привязывало изорника къ землевладѣльцу. По Русской Правдѣ закупъ, бѣжавшій отъ хозяина безъ расплаты, становился полнымъ его холопомъ. По Псковской Правдѣ, памятнику, получившему окончательный видъ во второй половинѣ XV в., изорникъ, убѣжавшій отъ хозяина безъ расплаты не наказывался лишеніемъ свободы, когда возвращался изъ бѣговъ; хозяинъ могъ только при участіи мѣстной власти продать покинутое бѣглецомъ имущество и такимъ образомъ вознаградить себя за невозвращенную ссуду. Если имущества не доставало на это, господинъ могъ искать доплаты на изорникѣ, когда онъ возвращался. Въ подобныхъ же отношеніяхъ къ господамъ находились крестьяне и въ княжеской Руси удѣльныхъ вѣковъ. Значитъ въ вольной Новгородской землѣ сельское на-

яніе, работавшее на господскихъ земляхъ, было поставлено въ большую зависимость отъ землевладѣльцевъ, чѣмъ гдѣ-либо въ тогдашней Руси.

Другою особенностью Новгородскаго сельскаго быта было присутствіе класса крестьянъ собственниковъ, которыхъ встрѣчаемъ и въ Псковской землѣ. Этого класса мы не встрѣчаемъ на всемъ пространствѣ княжеской Руси; тамъ всѣ крестьяне работали, либо на государственныхъ, либо на частныхъ господскихъ земляхъ. Въ областяхъ вольныхъ городовъ, напротивъ, встрѣчаемъ сельскій классъ населенія называвшійся „земцами" или „своеземцами". Этотъ классъ, повидимому, былъ довольно многочисленъ. По поземельнымъ Новгородскимъ книгамъ, составленнымъ въ 1500 г. въ уѣздахъ Новгородскомъ, Ладожскомъ и Орѣховскомъ можно насчитать около 400 такихъ земцевъ, на земляхъ которыхъ обрабатывалось свыше 7000 десятинъ. Такъ на каждаго своеземца приходилось среднимъ числомъ пашни десятинъ по 18. Итакъ это мелкіе землевладѣльцы. Но землевладѣніе земцевъ отличалось нѣкоторыми своеобразными чертами. Своеземцы рѣдко владѣютъ землей въ одиночку. Чаще всего они сидятъ кучками, землевладѣльческими товариществами, связанными родствомъ или договоромъ. Встрѣчаемъ одно имѣніе, въ которомъ пашни было 84 десятины, и которое принадлежало 13 совладѣльцамъ. Своеземцы или сами обрабатывали свои земли, или сдавали ихъ въ аренду крестьянамъ-половникамъ. По роду занятій и размѣрамъ хозяйства своеземцы ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ, но они владѣли своими землями на правахъ полной собственности. Такой характеръ ихъ землевладѣнія ясно обозначается въ писцовыхъ книгахъ. Свое-

земцы мѣняли и продавали свои земли, выкупали у родичей, отдавали въ приданое за дочерьми, даже женщины вдовы и сестры являются владѣлицами и совладѣлицами такихъ земель. Наконецъ, Псковская лѣтопись въ разсказѣ о событіяхъ, которыми сопровождалось паденіе Пскова прямо называетъ земли своеземцевъ ихъ вотчинами. Каково было происхожденіе этого своеобразнаго класса въ вольныхъ общинахъ? Слѣды этого происхожденія еще сохранились по Новгородскимъ поземельнымъ книгамъ, хотя послѣдніе составлены Московскими писцами уже послѣ паденія Новгорода, въ послѣдніе годы XV в. Въ городѣ Орѣшкѣ по книгамъ 1500 г. рядомъ съ „городчанами", горожанами обозначено 29 дворовъ своеземцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежали къ разряду лучшихъ людей. Эти своеземцы ясно отличались отъ горожанъ, даже отъ „лучшихъ горожанъ". Читая описаніе сельскихъ погостовъ, находимъ, что эти Орѣшковскіе своеземцы владѣли землями въ Орѣшковскомъ и другихъ ближнихъ уѣздахъ. Одни изъ нихъ жили въ городѣ, сдавая свои земли въ аренду крестьянамъ, другіе только числились въ городскомъ обществѣ, а жили въ своихъ деревняхъ, отдавая городскіе свои дворы въ аренду „дворникамъ" (постояльцамъ), которые за нихъ и тянули городское тягло вмѣстѣ съ горожанами. Любопытно, что въ одномъ разрядѣ съ землями своеземцевъ переписныя книги перечисляютъ и земли „купецкія". Среди своеземцевъ появляются изрѣдка поповичи, отцы которыхъ служили при городскихъ церквахъ. Итакъ, сельскій классъ своеземцевъ образовался изъ горожанъ. Въ Новгородской и Псковской землѣ право земельной собственности не было привилегіей высшаго служилаго класса, какъ въ княжеской Руси; оно усвоено было и другими классами городского общества. Люди этихъ классовъ пріобрѣтали мелкіе участ-

ми въ собственность съ цѣлью нетолько земледѣльческой но и промышленной ихъ эксплоатаціи, разводя ленъ, хмѣль и лѣсныя борти, ловя рыбу и звѣря, ~~Иные~~ но какъ люди небогатые, они складывались для этого въ товарищества, въ земледѣльческія компаніи. Такія земледѣльческія товарищества носили въ Новгородской и Псковской землѣ специальное юридическое названіе „сябровъ" (сосѣдей). Значитъ городской капиталъ, главный рычагъ народнаго хозяйства, въ Новгородской землѣ создалъ здѣсь и особый своеобразный классъ земельныхъ собственниковъ, какой не встрѣчается въ Княжеской Руси. Таковъ составъ общества въ Новгородской землѣ. Разсматривая основаніе, на которомъ оно строилось, не слѣдуетъ забывать рѣзкой границы между политическимъ и соціальнымъ строемъ Новгорода, между формами политическаго быта и общественными отношеніями. Формы политическаго быта носили демократическій характеръ: всѣ свободные обыватели имѣли равные голоса на вѣчѣ. Но общественный бытъ Новгорода созидался не на почвѣ равенства. Значеніе каждаго класса въ Новгородской политической жизни зависѣло отъ его экономическаго положенія; политическій вѣсъ каждаго класса надѣлъ опредѣлялся его торговымъ вѣсомъ. На верху общества лежалъ классъ бояръ, крупныхъ капиталистовъ, къ которымъ примыкали капиталисты средней руки, житые люди, они и были политическими руководителями мѣстнаго общества. Ниже ихъ стояли купцы, настоящіе торговцы, которые работали чужимъ капиталомъ. Еще ниже лежалъ слой черныхъ людей, ремесленниковъ и рабочихъ, экономически зависѣвшихъ также отъ высшихъ классовъ. Еще менѣе последнихъ имѣли значеніе въ политической жизни земли сельскіе классы, дальше городскихъ стоящіе отъ главнаго источника власти и богатства, отъ торговаго ка-

питала, кромѣ развѣ земцевъ, которые по своему происхожденію принадлежали къ городскому обществу. Такимъ образомъ Новгородская соціальная лѣстница выстроилась сообразно съ имущественнымъ неравенствомъ людей.

Таково было основаніе Новгородскаго общественнаго устройства: въ немъ классы были собственно разряды лицъ, различавшіеся по своему экономическому положенію, и политическое значеніе значеніе каждаго класса опредѣлялось его значеніемъ экономическимъ.

Характеръ политической жизни Новгорода

Изучая исторію Новгорода Великаго, мы разсмотрѣли составъ его территоріи, строй его управленія и складъ общества. Всѣ эти стороны Новгородскаго быта складывались подъ прямымъ дѣйствіемъ своеобразнаго сочетанія географическихъ и историческихъ условій, въ которыхъ жилъ вольный городъ. Намъ остается разсмотрѣть еще одну сторону его быта. Тоже самое своеобразное сочетаніе внѣшнихъ и внутреннихъ условій, дѣйствіе которыхъ мы видѣли на политическомъ строѣ и экономическомъ бытѣ его, опредѣлило и характеръ политической жизни Новгорода, какъ оно же и рѣшило судьбу его политической вольности.

Разсматривая политическій и общественный строй Новгорода, мы видѣли, что онъ держался на двухъ основаніяхъ: 1) на политической самостоятельности мелкихъ и крупныхъ мѣстныхъ міровъ, изъ которыхъ состояла Новгородская земля, 2) на тѣсной связи политическаго значенія общественныхъ классовъ съ ихъ значеніемъ экономическимъ. Легко замѣтить нѣкоторое противорѣ-

чіе, существовавшее между этими основаніями политическаго быта Новгорода. По политическому своему складу Новгородъ былъ мозаическимъ соединеніемъ многочисленныхъ мѣстныхъ автономныхъ міровъ, и на вѣчевыхъ собраніяхъ люди разныхъ классовъ общества становились рядомъ, какъ равноправные граждане съ одинаковымъ голосомъ. Новгородская община слагалась изъ автономныхъ территоріальныхъ міровъ, но не изъ автономныхъ общественныхъ корпорацій, различавшихся политическими правами. Это сообщало Новгородскому государственному устройству демократическую наружность. Но съ другой стороны мы видѣли, что творцомъ Новгородскаго общества былъ торговый капиталъ, и политическое значеніе лица или класса въ немъ опредѣлялось его отношеніемъ къ этому движенію мѣстнаго народнаго хозяйства. Тѣсная связь политическаго значенія классовъ съ ихъ значеніемъ въ народномъ хозяйствѣ давала одному изъ нихъ, классу крупныхъ капиталистовъ-бояръ, политическое господство надъ остальными. Благодаря тому подъ демократическими формами государственнаго устройства въ Новгородѣ развился чрезвычайный аристократическій характеръ управленія и политической жизни. Эта встрѣча столь различныхъ основаній Новгородскаго политическаго быта и вызывала необыкновенный шумъ и движеніе въ политической жизни народа. Съ самыхъ раннихъ поръ видимъ въ Новгородѣ ожесточенную борьбу политическихъ партій; но въ разное время характеръ этой борьбы былъ неодинаковъ. Въ этомъ отношеніи внутреннюю политическую жизнь города можно раздѣлить на два періода.

До XIV вѣка въ Новгородѣ часто смѣнялись князья и эти князья соперничали другъ съ другомъ, принадлежа къ враждебнымъ княжескимъ линіямъ. Подъ вліяніемъ этой частой смѣны князей въ Новгородѣ образуются мѣстные политическіе кружки, которые стояли за разныхъ князей и которыми руководили главы богатѣйшихъ бояр-

скихъ фамилій города. Такъ первый періодъ въ исторіи политической жизни Новгорода былъ ознаменованъ борьбою княжескихъ партій. Но не князья сами по себѣ вызывали эту борьбу: ими прикрывались важные мѣстные интересы, для которыхъ враждебные другъ другу князья служили только орудіями или знаменами. Князь нуженъ былъ Новгороду не только для внѣшней обороны, но и для расширенія и обезпеченія торговыхъ оборотовъ. Князь открывалъ Новгородскимъ купцамъ свободный путь въ свое княжество. Это и раздѣляло на разныя враждебныя партіи Новгородскихъ капиталистовъ-бояръ и купцовъ въ борьбѣ за князей. Богатые боярскіе торговые дома, имѣвшіе дѣла преимущественно съ Суздальскимъ или Смоленскимъ краемъ стояли за Суздальскаго или Смоленскаго Мономаховича, а Черниговскій Ольговичъ нуженъ былъ тѣмъ Новгородскимъ торговымъ домамъ, которые вели дѣла преимущественно съ Черниговскимъ краемъ или съ Кіевской землей, когда на Кіевскомъ столѣ сидѣлъ князь изъ Черниговской линіи. Значитъ борьба княжескихъ партій, наполнявшая смутами исторію Новгорода до XIV вѣка, была собственно борьбой Новгородскихъ торговыхъ домовъ.

Съ XIV в. прекращается частая смѣна князей на Новгородскомъ столѣ; вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и характеръ политической борьбы въ Новгородѣ. Читая разсказъ мѣстной лѣтописи, легко замѣтить эту перемѣну. Со смерти Ярослава I до Татарскаго нашествія Новгородская лѣтопись описываетъ до 12 смутъ въ городѣ; изъ нихъ только двѣ не были связаны съ княжескими смѣнами, т.е. не были вызваны борьбою мѣстныхъ политическихъ кружковъ за того или другаго князя. Со Татарскаго нашествія и до вступленія Ивана III на великокняжескій столъ въ мѣстной лѣтописи описано болѣе 20 смутъ; изъ нихъ всего 4 связаны были съ княжескими смѣнами, вызваны были борьбой Новгородскихъ партій за того или другаго кня-

ся; всѣ остальныя смуты имѣли совсѣмъ другой источникъ. Этимъ новымъ источникомъ замѣтно обнаруживающимся съ XIV вѣка была соціальная рознь, борьба низшихъ-бѣдныхъ классовъ Новгородскаго общества съ высшими-богатыми. Новгородское общество дѣлится съ тѣхъ поръ на два враждебные лагеря, изъ которыхъ въ одномъ стоятъ лучшіе или „вячшіе" люди, какъ называетъ Новгородская лѣтопись мѣстную богатую знать, а въ другомъ люди „молодшіе" или меньшіе, т.е. чернь. Такъ съ XIV в. борьба Новгородскихъ торговыхъ фирмъ смѣнилась борьбою Новгородскихъ общественныхъ классовъ. Эта новая борьба имѣла свой корень также въ политическомъ и экономическомъ строѣ города. Рѣзкое имущественное неравенство между гражданами — очень обычное явленіе въ большихъ торговыхъ городахъ, особенно съ республиканскими формами устройства. Въ Новгородѣ это имущественое неравенство при политическомъ равноправіи, при демократическихъ формахъ устройства чувствовалось особенно рѣзко, получило острый характеръ, производило раздражающее дѣйствіе на низшіе классы. Къ этому присоединялась еще чрезвычайная задолженность низшаго черного населенія у знатныхъ бояръ. Какъ мы видѣли, новгородское боярство скупало своими капиталами все торговое рабочее населеніе города. При политической равноправности, встрѣчаясь на вѣчѣ, какъ равные сограждане, молодшіе люди Новгорода тѣмъ съ большей горечью чувствовали свою экономическую зависимость отъ немногихъ богатыхъ фамилій. Это и развило въ низшихъ классахъ Новгородскаго общества непримиримый антагонизмъ къ высшимъ. Во главѣ этихъ обоихъ соціальныхъ лагерей стояли богатыя боярскія фамиліи: и молодшіе люди въ Новгородѣ дѣйствовали подъ руководствомъ нѣкоторыхъ знатныхъ бояръ.

домовъ, которые становились во главѣ Новгородскаго простонародья въ борьбѣ съ своею братiею.

Такъ Новгородское боярство оставалось руководителемъ мѣстной политической жизни во все продолженiе исторiи вольнаго города. Благодаря тому съ теченiемъ времени все мѣстное управленiе перешло въ руки немногихъ знатныхъ домовъ. Изъ нихъ Новгородское вѣче выбирало посадниковъ и тысяцкихъ; ихъ члены наполняли Новгородскiй правительственный совѣтъ, который собственно былъ постояннымъ руководителемъ мѣстной политической жизни. Читая мѣстную сухую лѣтопись, легко замѣтить это господство боярской аристократiи въ Новгородѣ, которая является даже признаками замкнутой правительственной олигархiи.- Въ продолженiи XIII в. Новгородское вѣче 23 раза выбирало посадниковъ. На эту должность преимущественно выбрано было 15 лицъ, такъ какъ нѣкоторые посадники по нѣскольку разъ смѣщались и вновь выбирались на должность. Десятеро изъ нихъ принадлежали къ двумъ знатнымъ фамилiямъ, изъ которыхъ одна имѣла Новгородскаго боярина Михалки Степанича, а другая имѣла своимъ родоначальникомъ другого Новгородскаго боярина Мирошку Нездинича; оба они были посадниками въ Новгородѣ въ концѣ XII в. и началѣ XIII столѣтiя. Обѣ эти фамилiи постоянно враждовали между собою, стоя во главѣ двухъ враждебныхъ политическихъ партiй: Михалчичи были вождями Софiйской стороны, гдѣ преимущественно сосредоточивалась Новгородская боярская знать, а Нездиничи были руководителями демократической торговой стороны, гдѣ обыкновенно подымались возстанiя Новгородскихъ меньшихъ людей противъ боярства. Значитъ первенствующая должность Новгородскаго посадника въ продолженiи XIII вѣка оставалась почти исключительно въ рукахъ двухъ боярскихъ

фамилій. Изъ фамилій Михалчичей въ продолженіе двухъ столѣтій съ конца XII в. и до конца XIV в. выбрано было 12 однихъ посадниковъ, не говоря о другихъ важныхъ должностяхъ, которыя занимали члены того же боярскаго дома. Такъ встрѣча двухъ противоположныхъ основаній, на которыхъ держался политическій строй Новгорода, повела къ тому, что этотъ вольный городъ, при демократическихъ формахъ своего устройства сталъ аристократической республикой, и мѣстное общество, вѣчно неспокойное и недовѣрчивое къ знати во все время своей исторіи оставалось въ рукахъ немногихъ знатныхъ фамилій богатыхъ капиталистовъ.

Причины паденія Новгородской вольности.

Въ связи съ этимъ противорѣчіемъ формъ и характера политической жизни города тоже самое сочетаніе внѣшнихъ и внутреннихъ условій, которыми была создана политическая вольность Новгорода, подготовило и легкое паденіе этой вольности во второй половинѣ XV в. Благодаря этому сочетанію въ бытѣ и положеніи Новгорода рано обнаружились важные недостатки или слабыя стороны. Я укажу изъ нихъ четыре главныхъ.

Первою слабою стороною въ политическомъ бытѣ Новгорода былъ недостатокъ внутренняго общественнаго единенія. Политическій строй и экономическій бытъ торговаго города создали въ немъ господство боярской олигархіи капиталистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ развили глубокій антагонизмъ между имущими и неимущими классами. Мы видѣли, что въ основаніи борьбы политическихъ партій, наполнявшей смутами исторію города впродолженіи вѣковъ, лежала

сильная социальная рознь, непримиримый антагонизмъ низшихъ классовъ общества противъ немногихъ знатныхъ фамилій, которыя захватили въ свои руки управленіе городомъ и страной, одни пользовались всѣми благами вольности, давая чувствовать низшимъ классамъ только ея тяжести и неудобства. Этимъ Новгородское боярство пріучило руководимую имъ массу не дорожить вольностью города, съ сочувствіемъ и надеждою обращаться къ князю, у него искать суда и управы противъ своей самовластной и своекорыстной знати.— Второю слабой стороной въ быту Новгорода былъ недостатокъ земскаго единства и правительственной централизаціи въ Новгородской области. Мы видѣли, что составныя части Новгородской земли, автономные мѣстные міры были очень слабо связаны съ своимъ центромъ. Съ чрезвычайной точностью опредѣливъ свои внѣшнія отношенія, т.е. отношенія къ князьямъ, Новгородъ не внесъ такой же опредѣленности въ свою внутреннюю политическую жизнь. Въ его внутреннихъ земскихъ отношеніяхъ всегда господствовали неурядицы и хаосъ; части Новгородской земли, крупные и мелкіе мѣстные міры подобно классамъ Новгородскаго общества были разъединены взаимнымъ антагонизмомъ или равнодушіемъ,— и Новгородъ не обнаружилъ ни охоты, ни умѣнія связать ихъ съ центромъ и другъ съ другомъ ни крѣпкими правительственными нитями, ни прочими общественными интересами. Крупныя области Новгородской земли издавна стремились оторваться отъ своего центра: Псковичи уже съ XIV в. добились полной политической независимости отъ Новгорода; отдаленная Новгородская колонія — Вятка, основанная Новгородскими удальцами въ концѣ XII стол., съ самыхъ первыхъ шаговъ своей жизни стало въ независимое отношеніе къ метрополіи; Двинская земля также не разъ пыталась оторваться отъ Новгорода. Въ минуту последней рѣшительной борьбы Новгорода за свою вольность не только Псковъ и Вятка, но и Двинская земля не оказали ему никакой поддержки, а даже послали свои полки противъ него на помощь Мо-

скъ.-Третія слабая сторона въ положеніи Новгорода была его экономическая зависимость отъ низовой княжеской Руси, какъ называли Новгородцы центральную Великоруссію. Ставъ политическимъ средоточіемъ обширнаго лѣсистаго и болотистаго края, развивая разностороннія торговыя связи и богатѣя отъ торговли, Новгородъ всегда нуждался въ привозномъ хлѣбѣ съ Низа. Это заставляло его поддерживать постоянно добрыя отношенія къ низовой княжеской Руси. Суздальскіе князья, враждуя съ Новгородомъ, легко вынуждали у него покорность, задерживая въ Торжкѣ обозы съ хлѣбомъ, направлявшіеся въ Новгородъ. Благодаря этому Новгородцы не могли быть долго во враждѣ съ низовыми князьями: по выраженію лѣтописца, „къ нимъ ни жито и идяше ни отколеже"; въ Новгородѣ начиналась дороговизна, наступалъ голодъ; простонародье поднималось на бояръ и заставляло ихъ идти на мировую съ княземъ. Но нуждаясь постоянно въ дружбѣ съ низовыми князьями, Новгородъ не умѣлъ и не могъ пріобрѣсти себѣ искреннихъ и надежныхъ друзей ни среди нихъ, ни въ самомъ низовомъ населеніи. Новгорода ни одна изъ княжескихъ линій не считала своей вотчиной; всѣ князья привыкли смотрѣть на него, какъ на городъ чужой и притомъ богатый, на счетъ котораго можно было поживиться. По своему богатству Новгородъ былъ для низовыхъ князей лакомымъ кускомъ, возбуждавшимъ ихъ аппетитъ, а Новгородское республиканское устройство было для нихъ досаднымъ препятствіемъ, мѣшавшимъ воспользоваться этимъ кускомъ. Къ тому же разнообразныя причины рано развили въ населеніи княжеской Руси очень враждебныя отношенія къ Новгороду. Эти причины были: своеобразный политическій бытъ Новгорода, его раннія и тѣсныя торговыя и культурныя связи съ нѣмецкимъ като-

ническимъ Западомъ, наконецъ, частые разбойничьи походы Новгородскихъ молодцовъ или „ушкуйниковъ", которые большими шайками плавали по Волгѣ и ея притокамъ, разоряя встрѣчные города низовой Руси. Вотъ чѣмъ объясняется та радость, съ какою низовая княжеская Русь привѣтствовала разгромъ Новгорода при Иванѣ III. Здѣсь на Новгородцевъ привыкли смотрѣть, какъ на крамольниковъ и вѣроотступниковъ, вознесшихся гордостью. Въ глазахъ низоваго лѣтописца Новгородцы хуже невѣрныхъ. „Невѣрные", по его словамъ, искони не знаютъ Бога; эти же Новгородцы долго были христіанами, а подъ конецъ начали отступать къ латинству; Великій князь Иванъ пошелъ на нихъ не какъ на христіанъ, а какъ на иноплеменниковъ и вѣроотступниковъ. Въ то время какъ Ивановы полки громили Новгородъ, въ низовыхъ областяхъ самъ народъ добровольно собирался большими толпами и ходилъ на Новгородскую землю за добычей, такъ что, по замѣчанію лѣтописца, весь край былъ опустошенъ до самаго моря. — Наконецъ, четвертымъ важнымъ недостаткомъ въ устройствѣ Новгорода была слабость его военной организаціи. Всѣ свои усилія въ продолженіи вѣковъ Новгородъ обращалъ на развитіе и обезпеченіе своихъ торговыхъ интересовъ. Стоя въ сѣверо-западномъ углу Руси, окруженный опасными внѣшними врагами, Новгородъ при своихъ широкихъ промышленныхъ сношеніяхъ всегда нуждался въ князѣ и его боевой дружинѣ. Пока на Руси было много соперничавшихъ другъ съ другомъ князей, онъ легко находилъ себѣ между ними защитниковъ. Но съ XIV в. этихъ князей становилось все меньше и меньше, а между тѣмъ Новгородъ не воспользовался продолжительнымъ

другомъ, какой ему давали княжескія усобицы, чтобъ создать свою собственную военную силу, достаточную для внѣшней обороны края. Въ XV в. уже ни одинъ изъ русскихъ князей не могъ оказать Новгороду помощи въ столкновеніи съ великимъ княземъ Московскимъ. Оставалось искать помощи у сосѣда великаго князя Литовскаго; но союзъ съ Литвой казался измѣной родной землѣ въ глазахъ не только остальной Руси, но и низшихъ классовъ самаго Новгородскаго общества. Московскій лѣтописецъ, (говоритъ), разсказывая о первомъ походѣ Ивана на Новгородъ въ 1471 г. вскрываетъ этотъ важный недостатокъ Новгородскаго быта. Готовясь къ оборонѣ своей вольности Новгородъ могъ двинуть наскоро въ поле тысячно всякаго сброда гончаровъ, плотниковъ и другихъ ремесленниковъ, которые даже не умѣли сидѣть хорошенько на лошадяхъ и вызвали дружный смѣхъ въ Московскихъ полкахъ при первой встрѣчѣ съ ними. Четырехъ съ половиной тысячъ Московской рати было достаточно, чтобы разбить на голову эту толпу, положивъ тысячъ 12 на мѣстѣ.

Изложенными недостатками, которыми объясняется легкость паденія Новгородской вольности. Въ значительной степени всѣ эти слабыя стороны присущи были и младшему брату Новгорода Пскову, павшему безъ всякаго усилія со стороны Москвы въ 1510 г., какъ и отдаленной Новгородской колоніи Вяткѣ, завоеванной Москвою вслѣдъ за Новгородомъ въ 1489 г.

Таковы были главныя причины легкости паденія Новгородской вольности. Но въ указанныхъ недостаткахъ надобно видѣть только причины легкости съ какой палъ Новгородъ, а не причины

самаго факта его паденiя. Новгородъ палъ бы, если бы даже былъ свободенъ отъ этихъ недостатковъ: судьба его вольности была рѣшена не той или другой слабой стороной его строя, а болѣе общимъ условiемъ, болѣе широкимъ историческимъ процессомъ. Я указывалъ на этотъ процессъ, заканчивая исторiю Московскаго княжества въ удѣльные вѣка. Къ половинѣ XV в. великорусская народность была уже совершившимся этнографическимъ фактомъ; ей не доставало только политическаго единства. Эта народность должна была бороться за свое существованiе на Востокѣ, на Югѣ и на Западѣ. Она искала политическаго центра, около котораго могла бы собрать свои силы для этой тяжелой и опасной борьбы. Мы видѣли, какъ такимъ центромъ сдѣлалась Москва. Эта встрѣча удѣльныхъ стремленiй Московскихъ князей съ потребностями всего народонаселенiя и рѣшила участь не только Новгорода Великаго, но и другихъ самостоятельныхъ политическихъ мiровъ, какiе оставались на Руси въ половинѣ XV в. Новгородъ при лучшемъ политическомъ устройствѣ могъ бы вести болѣе упорную борьбу съ Москвой, но результатъ былъ бы тотъ же: онъ во всякомъ случаѣ неминуемо палъ бы подъ напоромъ Москвы. Однако, не обнаруживая стойкости и упорства въ борьбѣ съ Москвою, Новгородъ, падая, обнаружилъ много нравственной пассивной силы. Когда разрушается сильный физическiй организмъ, его разрушенiе обнаруживается тяжкими вздохами и стонами, когда гибнетъ общественный союзъ, жившiй долгой и славной жизнью, его гибель обнаруживается обыкновенно въ легендахъ, въ поэтическихъ сказанiяхъ. Въ нашей исторiи не много такихъ катастрофъ, которыя были бы окружены такимъ роемъ легендъ, какъ

паденіе Новгорода. Ожиданіе близкой бѣды еще съ начала кня-
женія Ивана III привело Новгородскіе умы и нервы въ напряженное
состояніе: это напряженіе обнаружилось въ чудесахъ, въ пророчествахъ
о близкой судьбѣ города. Въ одномъ изъ Новгородскихъ мона-
стырей въ 40 годахъ XV ст. подвизался инокъ Михаилъ, извѣст-
ный въ нашихъ святцахъ подъ именемъ Клопскаго. Въ 1440 г.
посѣтилъ его мѣстный архіепископъ Евфимій. Преподо-
бный сказалъ владыкѣ: „а сегодня радость большая въ
Москвѣ." — „Какая радость?" — „у великаго князя Московска-
го родился сынъ, которому дали Иванъ имя. Онъ раз-
рушитъ обычаи Новгородской земли и принесетъ ги-
бель нашему городу." — Не задолго до паденія Новгорода
съ далекаго острова Бѣлаго моря пришелъ въ Нов-
городъ основатель Соловецкаго монастыря ходатай-
ствовать передъ боярами о нуждахъ своей обители.
Пошелъ онъ и къ боярынѣ Марѳѣ Борецкой, вдовѣ по-
садника, пользовавшейся большимъ вліяніемъ въ
Новгородскомъ обществѣ; но она не приняла препод.
и велѣла холопамъ прогнать его. Уходя со двора
надменной боярыни, Зосима покачалъ головой
и сказалъ спутникамъ: „Придутъ дни, когда обита-
тели этого дома не будутъ ступать ногами своими
по этому двору, когда затворятся его ворота и не
отворятся болѣе, и запустѣетъ этотъ дворъ," — что
и случилось, прибавляетъ повѣствователь. Марѳа
послѣ одумалась, узнавъ, какъ Новгородскіе бояре ра-
душно принимаютъ обиженнаго ею пустынника.
Она усердно просила Зосиму прійти къ ней и бла-
гословить ее. Зосима согласился. Марѳа устроила
для него обѣдъ съ знатными гостями, первыми Нов-
городскими сановниками. Среди обѣда Зосима взгля-
нулъ на гостей и вдругъ съ изумленіемъ молча опу-
стилъ глаза въ землю. Взглянулъ въ другой разъ и
опять сдѣлалъ тоже. Въ взглянувъ въ третій разъ
и опять наклонившись, покачалъ головой и прос-

зился. Съ той минуты онъ не дотронулся до пищи, не смотря на просьбы хозяйки. По выходѣ изъ дома, ученикъ Зосимы спросилъ его, что это значило. Зосима отвѣчалъ: „взглянулъ я на знатныхъ гостей и вижу — шестеро изъ нихъ сидятъ безъ головъ." Это были тѣ шесть Новгородскихъ бояръ, которымъ Иванъ III, взявъ Новгородъ, велѣлъ отрубить головы, какъ главнымъ своимъ противникамъ. — Въ послѣдній годъ (1471) вольности Новгородцы соединились съ Литвой, и Литовскій князь послалъ къ нимъ намѣстникомъ подручника своего кіевскаго князя Михаила Олельковича. Готовилась борьба съ Москвой. Посадникъ Немиръ, принадлежавшій къ аристократической Литовской партіи въ Новгородѣ, пріѣхалъ въ Клопскій монастырь къ упомянутому выше блаженному Михаилу. Послѣдній спросилъ посадника, гдѣ онъ былъ. — „Былъ, отче, у своей пратещи (тещиной матери)." — Что у тебя, сынокъ, за дума, о чемъ ты ходишь думать съ женщинами? — „Батюшки," отвѣчалъ посадникъ, сбирается идти на насъ князь Московскій, у насъ есть свой кн. Михаилъ. — „То не князь, сынокъ, а грязь," возразилъ блаженный: шлите скорѣй пословъ въ Москву, добивайте челомъ за свою вину, а не то придетъ онъ къ Новгороду со всѣми силами своими, выйдете вы противъ него, и не будетъ вамъ божьяго пособія, и перебьетъ онъ многихъ изъ васъ и еще больше въ Москву сведетъ, а князь Михаилъ отъ васъ въ Литву уйдетъ и ни въ чемъ вамъ не поможетъ. — Все такъ и случилось, какъ предсказалъ блаженный.

Третій періодъ.

Русь Московская и Великорусское государство.

Обратимся къ изученію третьяго періода нашей исторіи. Этотъ періодъ начинается съ половины XVв., точнѣе говоря, со вступленія Ивана III. на великокняжескій столъ въ 1462г. и продолжается до начала XVIIв. (1613г), когда на Московскомъ престолъ является новая династія. Я назвалъ этотъ періодъ временемъ Московской Руси и Великорусскаго государства. Обозначу напередъ главныя явленія этого періода.

Сѣверная Русь, дотолѣ разбитая на самостоятельные мѣстные міры объединяется подъ одною государственною властью. Этой политически объединенной Русью правитъ Московскій государь, но онъ правитъ при содѣйствіи новаго класса, вокругъ него образовавшагося, бояръ. Основой народнаго хозяйства въ этомъ государствѣ остается по прежнему земледѣльческій трудъ вольнаго крестьянина, работающаго на государственной или частной землѣ; но государственная земля все болѣе переходитъ въ руки новаго военнаго класса, создаваемаго государствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе стѣсняется свобода крестьянскаго труда, замѣняясь личной зависимостью крестьянина отъ служилаго землевладѣльца. Таковы главныя явленія, которыя въ этомъ періодѣ намъ предстоитъ изучить.

Основной фактъ періода.

Прежде всего надобно вывести основной фактъ, отъ котораго пошли всѣ эти явленія. Что даетъ намъ право положить грань новаго періода на половинѣ XVв. Разсматривая явленія нашей исторіи съ этого времени, мы встрѣчаемъ въ нихъ Московскаго государя съ значеніемъ вождя Московскаго общества, который правитъ Московскимъ и Великорусскимъ государствомъ. Оба эти политическія явленія Московскаго государя и его Великорусское государство. мы часто представляемъ себѣ фактами, которые уже какъ будто готовы въ самомъ

началѣ періода, выросли какъ бы сами собой незамѣтно. Но въ половинѣ XV в. оба эти явленія еще не были готовы; они были результатами медленнаго и труднаго процесса, развивающагося въ этотъ же самый періодъ. Ни Московскаго государя въ политическомъ значеніи этого слова, ни Великорусскаго государства въ значеніи этнографическомъ еще не существовало въ ту минуту, когда Иванъ III вступилъ на столъ своего отца. Значительная часть сѣверной Руси еще не входила въ составъ Московскаго княжества. Она дѣлилась на нѣсколько великихъ княжествъ, изъ которыхъ каждое подраздѣлялось на нѣсколько удѣльныхъ. Однимъ изъ этихъ великихъ князей былъ и князь Московскій, окруженный своими удѣльными младшими родичами. Но этотъ великій князь Московскій былъ только наслѣдственнымъ хозяиномъ богатѣйшей вотчины, который возвышался надъ другими князьями не объемомъ своей власти, а только количествомъ матеріальныхъ средствъ, пространствомъ владѣній и суммой доходовъ. Согласно съ этимъ и въ Московскихъ памятникахъ княжескихъ отношеній, въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ князей мы встрѣчаемъ все прежнія удѣльныя опредѣленія; знакомыя намъ формулы княжескихъ удѣльныхъ отношеній. Въ договорныхъ грамотахъ князья удѣльные обязуются считать своего старшаго родича великаго князя Московскаго старшимъ братомъ „въ отца мѣсто", а великій князь обязуется держать своихъ младшихъ родичей князей удѣльныхъ въ братствѣ безъ обиды. И такъ въ первое время господствовали еще повидимому старыя отношенія, прежнія удѣльныя опредѣленія, и эти опредѣленія даже выражались старымъ удѣльнымъ языкомъ. Вмѣстѣ съ этими старыми формами княжескаго права и въ исторіи Московскаго княжества продолжаются старые знакомые факты. Мы видѣли въ исторіи этого княжества еще до половины XV в. два параллельные процесса: собираніе земли и сосредоточеніе власти, постепенное территоріальное расширеніе Московскаго княжества и постепенное вотчинное усиленіе старшаго Московскаго князя надъ удѣль-

ными. Ни тотъ, ни другой изъ этихъ процессовъ далеко еще не былъ доведенъ до конца, когда Иванъ III вступилъ на столъ отца и дѣда. Территоріальное собираніе Руси Москвою далеко еще не уничтожило всѣхъ самостоятельныхъ мѣстныхъ міровъ, которые существовали въ центральной и сѣверной Руси. Съ другой стороны, видѣли мы, подъ рукою Московскаго князя уже въ удѣльное время образовался значительный союзъ князей, но усилившаяся власть Московскаго князя не была еще такова, чтобы этихъ союзныхъ князей превратить изъ самостоятельныхъ владѣтелей въ подручниковъ Московскаго государя, его подданныхъ. Итакъ въ первое время на поверхности жизни господствуютъ повидимому старыя явленія. Но въ старыхъ процессахъ теперь становятся замѣтны нѣкоторыя новыя черты. Во первыхъ старый процессъ территоріальнаго собиранія Руси Москвою съ Ивана III продолжается не по старому. Въ удѣльное время территоріальныя пріобрѣтенія Московскихъ князей носили характеръ или захватовъ, или частныхъ хозяйственныхъ сдѣлокъ Московскаго князя съ его сосѣдями. Мѣстныя общества еще не принимали замѣтнаго участія въ этомъ территоріальномъ объединеніи Руси. Съ половины XV в. становится замѣтно вмѣшательство самихъ мѣстныхъ обществъ въ этотъ процессъ. Любопытно, что не вездѣ одни и тѣ же классы мѣстнаго общества начинаютъ тянуть къ Москвѣ. Въ вольныхъ городахъ на сторону Москвы становится простонародье въ борьбѣ съ своей мѣстной аристократіей. Мы знаемъ уже, какъ это сочувствіе простонародья къ Москвѣ помогло Московскому князю сломить вольность Новгорода Великаго. Совсѣмъ другое явленіе замѣчаемъ мы въ другихъ удѣльныхъ и великихъ княжествахъ сѣверной Руси. Здѣсь, напротивъ, высшіе классы общества тянутъ къ Москвѣ. Такъ въ Твери еще задолго до послѣдняго удара, нанесеннаго ей Москвою, мелкіе бояре и низшіе служилые люди начали переходить на Московскую службу. Когда Иванъ III только еще собирался въ походъ на Тверь, многіе Тверскіе бояре и дѣти боярскіе

стали покидать своего князя и толпами переходить на Московскую службу. Когда Иванъ III подступилъ къ Твери (въ 1485 г.) новая толпа Тверскихъ бояръ и даже нѣкоторые изъ Тверскихъ удѣльныхъ князей пришли въ Московскій лагерь и били челомъ Ивану на службу. Тверской лѣтописецъ называетъ этихъ перелетовъ крамольниками и считаетъ ихъ главными виновниками паденія Тверскаго княжества. Тоже самое явленіе повторилось и въ судьбѣ другаго великаго княжества - Рязанскаго. Это княжество присоединено было къ Москвѣ при Ивановомъ преемникѣ въ 1517 г. Но задолго до этого Московскій государь имѣлъ тамъ опору въ главномъ Рязанскомъ бояринѣ Коробьинѣ, который и подготовилъ низложеніе своего князя. Далѣе, союзъ князей, сложившійся подъ рукою Московскаго государя еще въ удѣльные вѣка, теперь расширился и скрѣпился новыми интересами, расширившими и закрѣпившими авторитетъ Московскаго государя. Прежде въ этомъ союзѣ мы замѣчали дѣйствіе преимущественно матеріальной силы: князья становились подъ рукой Московскаго государя благодаря его матеріальному давленію. Теперь этотъ союзъ расширяется по другимъ побужденіямъ: множество мелкихъ князей черниговской линіи, бывшіе въ зависимости отъ Литвы, становятся союзниками Москвы, руководимые религіозными интересами. Мы покинули юго-западную Русь въ минуту ея разгрома татарами. Съ половины XIII ст. въ сосѣдствѣ съ этой Русью начинаетъ подниматься княжество Литовское. Въ XIII и XIV в. Литовскіе князья постепенно подчиняютъ себѣ разбросанныя и отягощенныя княжества западной Руси. И общества и князья охотно подчинились Литвѣ, которая освобождала ихъ отъ Татарской дани. Съ тѣхъ поръ начинается могущественное культурное политическое вліяніе западной Руси на Литву. Къ началу XV в. Литва представляла изъ себя больше Русское, чѣмъ Литовское княжество. Но въ 1386 г. Литовскій великій князь Ягелло женился на наслѣдницѣ

Польскаго королевства и принялъ католичество. Съ тѣхъ поръ началась подъ покровительствомъ польскаго правительства католическая пропоганда въ западной Руси. Пропоганда эта особенно усилилась во второй половинѣ XV в., когда Литвой правилъ сынъ Ягелло Казимiръ IV. Православное русское общество оказывало сильное противодѣйствiе этой пропогандѣ. Увлекаемые религiозными интересами и мелкiе князья западной Руси, самостоятельные владѣтели своихъ княжествъ подъ легкою Литовскою рукою, начали одинъ за другимъ приставать къ Москвѣ, какъ къ своему религiозному центру. Таковы новыя явленiя, которыя замѣчаются въ территорiальномъ собиранiи Руси съ половины XV в. Сами мѣстныя общества начинаютъ тянуться къ Москвѣ, увлекая за собой и своихъ князей. Благодаря этому сочувствiю Московское собиранiе Руси получаетъ иной характеръ и ускоренный ходъ. Теперь оно перестало быть дѣломъ захвата или частнаго соглашенiя, а сдѣлалось нацiонально-религiознымъ движенiемъ. Достаточно короткаго перечня территорiальныхъ прiобрѣтенiй, сдѣланныхъ Москвой съ Ивана III, чтобы видѣть, какимъ ускореннымъ ходомъ пошло политическое объединенiе Руси. Когда Иванъ III вступилъ на столъ отца, въ центральной и сѣверной Руси существовало еще много вольныхъ самостоятельныхъ или полунезависимыхъ политическихъ мiровъ. По ихъ политическому устройству ихъ можно раздѣлить на два разряда: то были или вольные города или княжества. Эти княжества принадлежали двумъ княжескимъ линiямъ: Всеволода III и старшаго Святослава Черниговскаго. Къ князьямъ Всеволодова племени принадлежали великiе и удѣльные князья Тверскiе, Ярославскiе и Ростовскiе. Потомству Святослава Черниговскаго принадлежали Великое княжество Рязанское и многочисленные мелкiе удѣльныя княжества по восточной сторонѣ Днѣпра, признавшiе надъ собой

въ XIV в. власть Литовскаго государя. Таковы княжества Новосильское, Воротынское, Одоевское, Бѣлевское и др. Съ половины XV ст. и вольные города и княжества быстро входятъ въ составъ Московской территоріи. Въ 1463 г. всѣ князья Ярославскіе великіе съ удѣльными били Ивану III челомъ о принятіи ихъ на Московскую службу и отказались отъ своей самостоятельности. Въ 1470-хъ годахъ покоренъ былъ Новгородъ Великій съ его обширной областью въ сѣверной Руси. Въ 1472 г. завоевана была Пермь. Въ 1474 г. князья Ростовскіе продали Москвѣ остававшуюся за ними половину Ростовскаго княжества, другая половина еще раньше была куплена Москвой. Эта сдѣлка сопровождалась вступленіемъ Ростовскихъ князей въ число Московскихъ бояръ. Въ 1485 г. была завоевана Тверь, въ 1489 — Вятка, тогда же Московскіе полки впервые перешли за Уралъ въ Сибирь. Въ 1490-хъ годахъ цѣлый рядъ мелкихъ князей Черниговской линіи, Одоевскіе, Новосильскіе, Воротынскіе также поступили на Московскую службу, признавъ себя подчиненными союзниками Московскаго государя. Въ княженіе Иванова преемника присоединены были къ Москвѣ: Псковъ съ его волостью; Смоленское княжество завоеванное Литвою при Витовтѣ въ концѣ XIV в., и княжество Рязанское. Мы не будемъ перечислять территоріальныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Москвою въ царствованіи Ивана IV. Довольно того, что было пріобрѣтено его отцемъ и дѣдомъ, чтобы видѣть, насколько расширилась территорія Московскаго княжества. При восшествіи Ивана III на великокняжескій столъ, эта территорія едва ли заключала въ себѣ болѣе 15000 □ миль. Пріобрѣтенія, сдѣланныя Иваномъ III и его сыномъ увеличили эту территорію по меньшей мѣрѣ тысячъ на 40 □ миль.

Такова перемѣна, происшедшая въ положеніи Московскаго княжества. Территоріальное расширеніе само по себѣ успѣхъ чисто внѣшній географическій, но оно оказало могущественное дѣйствіе на положеніе Московскаго кня-

жества и его князя. Если вы представите себѣ новыя границы Московскаго княжества, созданныя перечисленными территоріальными пріобрѣтеніями, вы увидите, что это княжество теперь вобрало въ себѣ цѣлую народность. Мы знаемъ, какъ въ удѣльные вѣка путемъ колонизаціи въ центральной и сѣверной Руси сложилось новое племя въ составѣ русскаго населенія, новая народность — великорусская. Но до половины XV в. эта народность оставалась лишь фактомъ этнографическимъ, а не политическимъ: она была разбита на нѣсколько самостоятельныхъ политическихъ частей; единство національное не выражалось въ единствѣ государственномъ. Теперь вся эта народность соединяется подъ одной государственной властью, вся покрывается одной политической формой. Это сообщаетъ новый характеръ Московскому княжеству. До сихъ поръ оно было одним изъ нѣсколькихъ великихъ княжествъ сѣверной Руси; теперь оно становится здѣсь единственнымъ и національнымъ: его границы совпадаютъ съ предѣлами великорусской народности. Вотъ тотъ основной фактъ, отъ котораго пошли всѣ другія явленія, наполняющія нашу исторію XV и XVI вѣковъ. Можно такъ выразить этотъ фактъ: завершеніе территоріальнаго собиранія Руси Москвой превратило Московское княжество въ національное Великорусское государство. Изъ этого факта и вышелъ рядъ важныхъ политическихъ послѣдствій. Если вы припомните главныя явленія нашей исторіи XV и XVI в., вы увидите, что внѣшнее и внутреннее положеніе Московскаго государства въ это время слагается изъ совокупности послѣдствій, которыя вышли изъ этого основнаго факта. Фактъ этотъ заключался въ томъ, что территоріальное расширеніе Московскаго княжества сообщило Московскому князю характеръ національнаго великорусскаго государя.

Ближайшія послѣдствія этого факта.

Вслѣдствіе этого, во-первыхъ, измѣнилось внѣшнее положеніе Московскаго княжества. До сихъ поръ оно почти со всѣхъ сторонъ было прикрыто отъ внѣшнихъ враговъ другими русскими же княжествами или землями вольныхъ городскихъ общинъ: съ сѣвера княжествомъ Тверскимъ, съ сѣвера-востока Ярославскимъ и до конца XVI в. Нижегородскимъ, съ юга Рязанскимъ и линіей мелкихъ княжествъ Черниговскихъ, съ запада Смоленскимъ (до завоеванія его Литвой), съ сѣвера-запада землями Новгорода и Пскова. Съ половины XV в. всѣ эти внѣшнія прикрытія исчезаютъ и Московское княжество становится глазъ на глазъ съ иноземными государствами, не принадлежащими къ семьѣ русскихъ княжествъ. Въ связи съ этою перемѣною во внѣшнемъ положеніи княжества измѣнилась и внѣшняя политика Московскихъ князей. Теперь, дѣйствуя на болѣе широкой сценѣ, они усвояютъ себѣ новыя задачи, какія не стояли предъ Московскими князьями удѣльныхъ вѣковъ. До сихъ поръ внѣшнія отношенія Московскихъ князей ограничивались тѣснымъ кругомъ своей же братіи, другихъ русскихъ князей великихъ и удѣльныхъ. Съ Ивана III эта политика выходитъ на болѣе широкую дорогу: Московское государство заводитъ особенныя дипломатическія сношенія съ иноземными государствами; Польшей и Литвой, Швеціей съ орденами Тевтонскимъ и Ливонскимъ, съ императоромъ Германскимъ и др. Вмѣстѣ съ расширеніемъ дипломатической сцены измѣняется и программа внѣшней политики. Подъ вліяніемъ удѣльнаго раздробленія Руси въ русскихъ умахъ удѣльныхъ вѣковъ исчезла мысль о единствѣ Русской земли. Теперь когда вся Великая Россія объединяется подъ одною политическою властью, эта забытая мысль о единствѣ Русской земли воскресаетъ. Любопытно, что эта мысль вырабатывается прежде всего въ Московской

правительственной среди путемъ внѣшнихъ сноше-
ній и столкновеній и уже изъ правительственнаго
круга проникаетъ въ общество. Первой провозвѣстницей
этой мысли является Московская дипломатія Ива-
нова времени; прежде всего мы встрѣчаемъ ее въ Мос-
ковскихъ дипломатическихъ бумагахъ. Приведу изъ нихъ
нѣсколько, можетъ быть, не самыхъ выразительныхъ чертъ;
Иванъ III два раза воевалъ съ своимъ Литовскимъ сосѣдомъ
великимъ княземъ Александромъ сыномъ Казиміра. Обѣ
войны вызваны были одними причинами: переходомъ
мелкихъ Черниговскихъ князей на Московскую службу.
Первая война началась тотчасъ по смерти Казимі-
ра въ 1492 г. Вторая борьба началась когда переходъ
Черниговскихъ князей на Московскую службу возобновилась
въ 1500 г. Посредникомъ между враждующими сторонами
явился пріѣхавшій въ Москву посолъ отъ папы и вен-
герскаго короля Владислава. Въ тоже время (1501 г.) Алек-
сандръ Литовскій былъ избранъ уже королемъ Польскимъ.
Литовскій посолъ жаловался въ Москвѣ на то, что
Московскій государь захватываетъ у сосѣдей чужія вот-
чины у Литвы, на которыя онъ не имѣетъ никакого
права. Московское правительство возразило на эту
жалобу: „короли Венгерскій и Литовскій объявляютъ,
что хотятъ стоять противъ насъ за свою вот-
чину; но они что называютъ своей вотчиной? Не
тѣ ли города и волости, съ которыми русскіе
князья пришли къ намъ служить, или которые на-
ши люди у Литвы побрали? Папѣ надлежало хорошо
извѣстно, что короли Владиславъ и Александръ вотчи-
чи Польскаго королевства, да Литовской земли отъ
своихъ предковъ, а Русская земля отъ нашихъ пред-
ковъ изъ старины наша отчина. Папа положилъ
бы себѣ то на разумъ, гораздо ли короли поступаютъ,
что ино за свою вотчину воевать съ нами хотятъ."

И такъ вся Русская земля, а не одна только великорусская ея половина объявлена была вотчиной Московского государя. Это же заявление повторено было Москвой и по заключении перемирія съ Александромъ въ 1503 г., когда Александръ сталъ жаловаться на Ивана за то, что тотъ не отдаетъ захваченныхъ у Литвы земель, говоря что ему Александру, жаль своей вотчины. „А мнѣ, возражалъ Иванъ, „развѣ не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой, Кіева, Смоленска и другихъ городовъ?". Эта мысль о единствѣ Русской земли изъ историческаго воспоминанія теперь превращается въ политическое притязаніе, которое Москва и стремилась заявить во всѣ стороны, какъ свое неотъемлемое право.

Таковы были два ближайшия послѣдствія, вытекшія изъ указаннаго основнаго факта. Территоріальное расширеніе Москвы сообщило Московскому государю національное значеніе. Отсюда: 1) измѣнилось внѣшнее положеніе Московскаго княжества, 2) усложнились задачи внѣшней Московской политики, которая теперь, когда Великая Русь образовала единое политическое цѣлое, поставила на очередь вопросъ о политическомъ объединеніи всей Русской земли, и изъ этого вопроса вышла вѣковая борьба двухъ сосѣднихъ славянскихъ государствъ, Руси и Польши.

Внутренния политическія успѣхи Московскаго государя.

Я указалъ ближайшия внѣшнія послѣдствія какія вышли изъ основнаго факта періода. Но этотъ фактъ оказалъ свое дѣйствіе и на болѣе скрытыя сферы Московской государственной жизни. Прежде всего онъ подѣйствовалъ на политическое сознаніе Московскаго государя. Новая политика вызвала въ правительственныхъ Московскихъ умахъ рядъ новыхъ политическихъ понятій. Ни въ одномъ тогдашнемъ памятникѣ мы не найдемъ прямаго и яснаго

выраженія этихъ понятій, какія отлагались въ умахъ подъ вліяніемъ измѣнившагося положенія. Тогдашніе политическіе дѣльцы не любили въ своей дѣятельности исходить изъ отвлеченныхъ теорій, но быстро переходить отъ новыхъ фактовъ къ новымъ идеямъ. Но, почувствовавъ себя въ новомъ положеніи, Московская государственная власть ощупью искала дома и на сторонѣ формъ, которыя бы соотвѣтствовали этому положенію и, уже нарядившись въ эти формы, старалась съ помощью ихъ уяснить себѣ свое новое значеніе. Съ этой стороны получаютъ не маловажный историческій интересъ нѣкоторыя дипломатическія формальности и новыя придворныя церемоніи, появляющіяся съ княженія Ивана III. Иванъ былъ женатъ два раза. Первая его жена была дочь его сосѣда великаго князя Тверского. По смерти ея Иванъ сталъ искать другой жены. Тогда въ Римѣ проживала бѣглая племянница послѣдняго Византійскаго императора Софья Ѳоминишна Палеологъ. Не смотря на то, что Греки со времени Флорентійской уніи сильно уронили себя въ русскихъ православныхъ глазахъ, не смотря на то, что Софья жила близко къ ненавистному папѣ, Иванъ III, одолѣвъ въ себѣ религіозную брезгливость, выписалъ царевну изъ Италіи и женился на ней въ 1472 г. Эта царевна получила очень важное значеніе въ Москвѣ. Бояре XVI в. приписывали ей всѣ непріятныя имъ нововведенія, какія съ того времени появились при Московскомъ дворѣ. Внимательный наблюдатель Московской жизни баронъ Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ посломъ Германскаго императора при Ивановомъ преемникѣ, замѣчаетъ, что эта царевна имѣла большое вліяніе на великаго князя и сдѣлала многое. Ей даже приписываютъ настойчивое внушеніе Ивану III сбросить съ себя Татарское иго. Софья принимала въ Москвѣ и сама себя цѣнила не столько, какъ великая княгиня, сколько, какъ византійская царевна. Въ Троице-

Сергіевскомъ монастырѣ хранится шелковая пелена, шитая руками этой великой княгини, которая вышила на ней и свое имя. Пелена эта была вышита въ 1498 г. Въ 26 лѣтъ замужества Софьѣ кажется пора уже было забыть про свое дѣвичество и прежнее византійское званіе, однако въ подписи на пеленѣ она все еще величаетъ себя „царевною царегородскою", а не великой княгиней Московскою. Почувствовавъ себя въ новомъ положеніи и еще рядомъ съ такою важною женой, наслѣдницей византійскихъ императоровъ, Иванъ нашелъ тѣсной и некрасивой прежнюю кремлевскую обстановку, въ какой жили его предки. Вслѣдъ за царевною изъ Италіи выписаны были мастера, которые построили новый каменный дворецъ, на мѣстѣ прежнихъ деревянныхъ хоромъ, и новый Успенскій соборъ. Съ тѣхъ поръ въ кремлѣ при дворѣ сталъ заводится тотъ сложный и строгій церемоніалъ, который сообщалъ такую чопорность и натянутость придворной Московской жизни. Точно также какъ у себя дома, въ кремлѣ среди придворныхъ людей Иванъ началъ выступать болѣе торжественнымъ шагомъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Въ Московскихъ дипломатическихъ бумагахъ съ этого времени является новая пышная терминологія, незнакомая Московскимъ князьямъ удѣльныхъ вѣковъ. Любопытно прослѣдить исторію новаго титула Московскаго государя. Въ этомъ титулѣ высказались двѣ основныя политическія идеи, усвоенныя Московскимъ государемъ: мысль о Московскомъ государѣ, какъ о національномъ властителѣ всей Русской земли и, какъ политическомъ и религіозномъ преемникѣ Византійскихъ императоровъ. Въ сношеніяхъ съ Польско-Литовскимъ дворомъ великій князь Московскій теперь впервые отважился показать политическому міру притязательный титулъ государя „всея Руси", прежде употреблявшійся лишь въ домашнемъ обиходѣ, въ актахъ внутренняго управленія. Послѣ

того какъ пала Византія и свергнуто было Татарское иго въ сношеніяхъ съ неважными иностранными дворами появляется титулъ „царя всея Руси". Этотъ терминъ, какъ извѣстно, есть сокращенная русская форма слова „цесарь". Такъ Русскіе звали прежде Византійскаго императора и хана Золотой Орды. Этотъ терминъ въ актахъ внутренняго управленія обыкновенно соединялся со сходнымъ съ нимъ по значенію титуломъ „самодержца". Это, какъ извѣстно, есть книжный русскій переводъ византійскаго термина αὐτοκράτωρ. Оба титула выражали тогда понятіе не о государѣ съ неограниченной властью, а о государѣ независимомъ, никому не платящемъ дани. На тогдашнемъ политическомъ языкѣ оба эти слова противополагались тому, что мы называемъ вассаломъ. Усвоивъ эти новые пышные титулы, Иванъ нашелъ неприличнымъ называться въ актахъ просто по русски Иваномъ государемъ, великимъ княземъ, а началъ писаться въ церковной книжной формѣ: „Іоаннъ, Божіею милостію государь и великій князь всея Руси". Къ этому титулу привѣшивается длинный рядъ эпитетовъ, обозначавшихъ новые предѣлы Московскаго государства: „князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Тверской, Пермской, Югорскій, Болгарскій и иныхъ". Почувствовавъ себя и по силѣ и по православному христіанству преемникомъ павшихъ византійскихъ императоровъ, Московскій государь нашелъ и наглядное выраженіе своей династической связи съ ними: въ концѣ XV в. на его печатяхъ появляется византійскій гербъ, двуглавый орелъ.

Всѣ эти придворныя церемоніальныя подробности любопытны, какъ признаки усиленной работы политической мысли, какая началась въ Московскихъ государственныхъ умахъ въ новой обстановкѣ. Во всѣхъ новыхъ титулахъ, церемоніяхъ и признаніяхъ власти

сказались успѣхи политическаго сознанія Московскаго государя. Успѣхи эти повели къ попыткѣ вникнуть въ самую сущность верховной власти, въ ея основанія и задачи. Почувствовавъ себя въ новомъ положеніи Московскій государь нашелъ недостаточнымъ прежній источникъ своей власти, какимъ служила отчина и дѣдина, т. е. преемство отъ отца и дѣда. Теперь онъ хотѣлъ поставить свою власть на болѣе возвышенное основаніе, дать ей божественное происхожденіе. Въ 1486 г. нѣмецкій рыцарь Поппель, странствуя по малоизвѣстнымъ, отдаленнымъ странамъ, какимъ-то образомъ попалъ въ Москву. Видъ Московскаго государства поразилъ его какъ политическое и географическое открытіе. На западѣ знали преимущественно Русь Польско-Литовскую, и многіе даже не подозрѣвали существованія Руси Московской. Воротясь домой, Поппель разсказывалъ Германскому императору, что за Польско-Литовской Русью есть еще другая Русь, Московская, независимая ни отъ Польши, ни отъ Татаръ, государь которой будетъ, пожалуй, посильнѣе и побогаче самого короля Польскаго. Удивленный такимъ неожиданнымъ открытіемъ императоръ послалъ Поппеля въ Москву просить у Ивана руки одной изъ его дочерей для своего племянника и въ вознагражденіе за это предложить Ивану королевскій титулъ. Иванъ благодарилъ за любезное предложеніе, но въ отвѣтъ на него велѣлъ сказать послу: „а что ты намъ говоришь о королевствѣ, то мы, Божіею милостью, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы. Просимъ Бога, чтобы намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ такъ быть, какъ мы теперь государи на своей землѣ; а поставленія, какъ прежде ни отъ кого не хотѣли, такъ не хотимъ и теперь." Новое основаніе верховной власти повело и къ усвоенію ея новыхъ задачъ. Увидавъ себя государемъ

цѣлаго православнаго народа, Московскій великій князь впервые смутно почувствовалъ и тѣ новыя политическія обязанности, которыя ложились на него, какъ на охранителя народнаго блага. Эта смутная мысль высказалась по одному случаю, о которомъ разсказываетъ одинъ позднѣйшій лѣтописный сводъ. Въ 1491 г. по договору Иванъ велѣлъ своимъ удѣльнымъ братьямъ послать ихъ полки на помощь своему крымскому союзнику хану Менгли Гирею. Удѣльный князь Андрей Углицкій не послушался, не послалъ своихъ полковъ. Въ Москвѣ сперва смолчали, но потомъ, когда князь Андрей пріѣхалъ въ столицу, приняли его ласково, и неожиданно схватили и посадили въ тюрьму. Митрополитъ ходатайствовалъ передъ великимъ княземъ за арестованнаго, но Иванъ отказался дать ему свободу, говоря, что этотъ князь и раньше нѣсколько разъ злоумышлялъ противъ него. „Да это бы было ничего еще, добавилъ Иванъ," но, когда я умру, онъ будетъ искать великаго княженія подъ внукомъ моимъ, и если даже не добудетъ самъ, то смутитъ дѣтей моихъ, и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а Татары будутъ Русскую землю бить, жечь и плѣнить и дань опять наложатъ, и кровь христіанская польется по прежнему, и всѣ мои труды останутся напрасны, и вы по прежнему будете рабами Татаръ." Можетъ быть Иванъ и не выражалъ своихъ мыслей въ такой обработанной литературной формѣ, но присутствіе ихъ замѣтно у него по его дѣятельности. Почувствовавъ себя въ новомъ положеніи, дѣйствуя въ новой обстановкѣ, усвоивъ себѣ новыя права и обязанности, Иванъ завелъ новый государственный обрядъ, въ которомъ можетъ быть всего нагляднѣе высказались успѣхи политическаго сознанія Московскаго государя. Предшественники Ивана великіе князья Московскіе просто садились на столъ отцовъ и дѣдовъ. Иванъ III нашелъ это недостаточнымъ и установилъ обычай вѣн-

чать преемника на царство торжественнымъ церковнымъ обрядомъ. У Ивана отъ первой жены былъ старшій сынъ Иванъ, который умеръ раньше отца. Послѣ него остался сынъ Дмитрій. Этого внука Иванъ и назначилъ своимъ преемникомъ, помимо своего сына отъ второй жены Софьи Василія. Вѣнчаніе происходило въ Успенскомъ соборѣ въ 1498 г. Великій князь дѣдъ возложилъ на великаго князя внука шапку и бармы Мономаха. Подлинность этихъ царственныхъ украшеній остается на отвѣтственности тогдашней Московской археологіи. Во время вѣнчанія Митрополитъ, обращаясь къ дѣду, называлъ его „преславнымъ царемъ самодержавцемъ". Торжественная минута вызвала въ Московскомъ государѣ потребность оглянуться назадъ и призвать старину въ свидѣтели новаго порядка престолонаслѣдія — въ прямой нисходящей линіи. Обратясь къ Митрополиту, Иванъ сказалъ: „отецъ митрополитъ, божьимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей, великихъ князей, старина наша оттолѣ и до сихъ мѣстъ: отцы наши, великіе князья, сыновьямъ своимъ старшимъ давали великое княженіе; и я было сына своего перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ; но божьею волею сынъ мой Иванъ умеръ; у него остался сынъ первый Дмитрій, и я его теперь благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ, и ты бы его, отецъ, на великое княженіе благословилъ." Потомъ Иванъ разжаловалъ внука и назначилъ преемникомъ своего сына Василія; но и надъ этимъ новымъ наслѣдникомъ онъ повторилъ торжественный обрядъ вѣнчанія. Вотъ почему Василій первый назывался помазанникомъ божіимъ. Таковы были формы, въ которыхъ высказалось новое сознаніе верховной властью своихъ правъ и обязанностей. Но усиленная работа политической мысли повела не къ одному лишь накопленію

новыхъ украшеній вокругъ великаго князя и его титула: отъ этой работы остались и практическія осадки. Новое значеніе верховной власти, постепенно уясняясь, отразилось не только на придворномъ церемоніалѣ, но и на государственномъ правѣ. Мы знаемъ, что Московскіе великіе князья уже съ первой половины XIV в. постепенно усиливали вотчинное преобладаніе старшаго своего наслѣдника надъ младшими князьями удѣльными. Иванъ III въ своемъ завѣщаніи довелъ это усиленіе до громадныхъ размѣровъ. Своему старшему сыну и наслѣднику онъ одному завѣщалъ 90 городовъ съ областями, тогда какъ его 4 удѣльнымъ братьямъ всѣмъ вмѣстѣ дано было не болѣе 30 городовъ. Теперь великій князь Московскій сталъ гораздо богаче и сильнѣе всѣхъ удѣльныхъ своихъ родичей, вмѣстѣ взятыхъ. Но усиливая матеріальныя средства великаго князя, Иванъ въ своей духовной далъ ему и важныя политическія преимущества надъ младшими удѣльными братьями. Въ этомъ отношеніи духовная Ивана есть первый актъ въ исторіи нашего государственнаго права. Эти права, данныя великому князю надъ удѣльными, были таковы: 1) До сихъ поръ всѣ князья сонаслѣдники совмѣстно владѣли городомъ Москвой; Иванъ III отдалъ столицу во владѣніе одному великому князю, который одинъ правилъ ею, собиралъ всѣ доходы и только выдавалъ изъ нихъ по 100 руб. въ годъ каждому изъ удѣльныхъ своихъ братьевъ. 2) До сихъ поръ удѣльные князья творили судъ и расправу каждый въ своемъ участкѣ столицы и въ доставшихся ему подмосковныхъ станахъ; по духовной Ивана III судъ по важнымъ уголовнымъ дѣламъ и во всей Москвѣ, и подмосковныхъ станахъ, доставшихся въ удѣлы братьямъ, принадлежалъ исключительно великому князю. 3) До сихъ поръ всѣ князья, великій и удѣльные, били свою монету, въ нашихъ нумизматическихъ кабинетахъ вы найдете множество экземпляровъ

удѣльной монеты XIV и XV в; по духовной Ивана III право чеканить монету предоставлено было одному великому князю Московскому. 4) До сихъ поръ удѣльные князья могли распологать наслѣдственными вотчинами въ завѣщаніяхъ по личному усмотрѣнію. Дмитрій Донской впервые ввелъ нѣкоторое ограниченіе въ это право, постановивъ, что удѣльный князь, умирая безсыновнимъ, не имѣлъ права никому завѣщать свой удѣлъ, который по смерти владѣльца, дѣлился между оставшимися братьями. Въ духовной Ивана III это ограниченіе направлено исключительно въ пользу великаго князя; вымороченый удѣлъ весь безъ раздѣла переходилъ къ послѣднему. Часть удѣла, выдѣленная княгинѣ-вдовѣ „на прожитокъ" оставалась въ ея пользованіи только до ея смерти „до живота", а потомъ также отходила къ великому князю. Наконецъ, 5) по договорнымъ грамотамъ съ своими удѣльными братьями Иванъ III впервые добился права исключительно вести сношения съ иноземными государями. Удѣльный князь могъ сноситься съ чужеземными государями только съ вѣдома и согласія своего великаго князя. Такъ Московскій великій князь, превосходившій прежде удѣльныхъ князей только размѣрами своихъ владѣній, количествомъ матеріальныхъ средствъ теперь сосредоточилъ въ своемъ лицѣ и наибольшее количество политическихъ правъ. Преемникъ Ивана III князь Василій былъ въ исторіи Москвы первымъ Московскимъ государемъ въ настоящемъ политическомъ смыслѣ этого слова.

Таковы были практическія послѣдствія, вышедшія изъ новаго взгляда верховной власти на свое значеніе, права и обязанности. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи этотъ взглядъ, такъ возвысившій старшаго великаго князя надъ удѣльными повелъ къ уничтоженію самаго удѣльнаго порядка. Иванъ IV въ-

духовной 1572 г. назначилъ своимъ преемникомъ старшаго сына Ивана, отказавъ ему все царство русское, но выдѣлилъ удѣлъ и второму своему сыну Ѳедору; только этотъ удѣлъ не былъ особымъ самостоятельнымъ владѣніемъ; его владѣтель не получилъ значенія самостоятельнаго государя, а во всемъ подчиненъ былъ царю, великому князю, и самый удѣлъ его оставался подъ верховною властью старшаго брата, какъ государя или, какъ выражается духовная, принадлежалъ ему же, — царю и великому князю, къ его великому государству", т.е. составлялъ нераздѣльную часть единаго Русскаго царства. Въ этой духовной Ивана IV впервые въ исторіи нашего государственнаго права удѣльный рѣшительно выражено было понятіе объ удѣльномъ князѣ какъ о простомъ слугѣ князя великаго.

Перемѣна во взглядѣ общества на государя.

Мы перечислили послѣдствія основнаго факта внѣшнія и внутреннія, обнаружившіяся во внѣшнемъ положеніи и внѣшней политикѣ Московскаго государства, какъ и въ политическомъ сознаніи Московскаго государя. Но этотъ фактъ отразился и на отношеніи Московскаго общества къ своему государю. До конца XV в. господствовали еще старыя простыя отношенія общества къ государю. Въ этихъ отношеніяхъ еще не замѣтно было слѣдовъ того культа благоговѣнія, которымъ въ послѣдствіи былъ окруженъ Московскій государь. Въ 1480 г. Иванъ III постоявъ на Угрѣ противъ хана Ахмата, воротился въ Москву. Столица была въ смятеніи, горожане сносили въ Кремль свои пожитки, ожидая Татарской осады. Увидѣвъ возвращающагося великаго князя, они подступили къ нему съ упреками и говорили ему, по свидѣтель-

ству митрополита: „когда ты, государь, княжишь надъ нами въ мирное время, тогда насъ много безъ толку обременяешь поборами, а теперь самъ, разсердивъ хана, не заплативъ ему выхода, насъ всѣхъ выдаешь Татарамъ." Престарѣлый Ростовскій архіепископъ Вассіанъ встрѣтилъ великаго князя еще болѣе сильными упреками, началъ „зло говорить ему", называя его бѣгуномъ, трусомъ и грозя, что на немъ взыщется кровь христіанская, которая прольется отъ Татаръ. Приведемъ еще эпизодъ изъ княженія Иванова преемника. И здѣсь встрѣчаемъ еще тѣ-же простыя отношенія подданныхъ къ государю. Тогда въ Москвѣ заподозрили по доносу въ зломъ умыслѣ Дмитровскаго князя Юрія и рѣшили дождаться его пріѣзда въ столицу чтобы арестовать его. Узнавъ объ этомъ, Юрій обратился къ Волоколамскому игумену преподобному Іосифу, сообщивъ ему, что въ Москвѣ слушаютъ клеветниковъ и прося игумена съѣздить въ Москву ходатайствовать за него передъ великимъ княземъ. Іосифъ уговаривалъ удѣльнаго князя не противиться великому: „преклони главу твою передъ помазанникомъ Божьимъ и покорись ему". Юрій отвѣчалъ на это: „будь мнѣ вмѣсто отца роднаго; я по твоему наставленію не буду противъ государя, готовъ все терпѣть отъ него, даже самую смерть, только съѣзди къ нему." Іосифъ послалъ къ великому князю двухъ старцевъ своего монастыря. Великій князь Василій встрѣтилъ посланныхъ сердитыми словами: „зачѣмъ пришли, какое вамъ до меня дѣло." Тогда одинъ изъ старцевъ началъ говорить великому князю, что государю не подобаетъ такъ сердито спрашивать, не разузнавъ въ чемъ дѣло, а подобаетъ прежде распросить ихъ съ кротостью и смиреніемъ. Великій князь смутился, всталъ и, улыбаясь, сказалъ: „прос-

тише, старцы, я пошутилъ." Затѣмъ снявъ шапку, поклонился и спросилъ о здоровьи игумена. Тогда пошла уже рѣчь о дѣлѣ и великій князь уважилъ ходатайство Іосифа. Такъ еще въ началѣ XVI в. мы замѣчаемъ простыя удѣльныя отношенія подданныхъ къ своему государю, но эти отношенія быстро исчезли. Уже при томъ же великомъ князѣ Василіи верховная власть начала окружаться тѣмъ ореоломъ, который такъ рѣзко отдѣлялъ Московскаго государя отъ всего остальнаго общества. Австрійскій посолъ Герберштейнъ, бывшій тогда въ Москвѣ замѣчаетъ, что этотъ великій князь докончилъ то, что началъ его отецъ и властью своею надъ подданными превосходитъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ. Онъ добавляетъ, что въ Москвѣ говорятъ про великого князя: „воля государева Божія воля, государь исполнитель воли Божьей;" когда москвичей спрашиваютъ о какомъ нибудь неизвѣстномъ или или сомнительномъ дѣлѣ, они отвѣчаютъ заученными съ дѣтства выраженіями: „мы того не знаемъ, знаютъ то Богъ да государь, одинъ государь знаетъ все". Они даже величаютъ своего государя ключникомъ и постельничьимъ Божьимъ, примѣняя языкъ Московскаго двора къ столь возвышеннымъ отношеніямъ. Такъ уже ко времени Василіева преемника Ивана IV въ Москвѣ былъ готовъ тотъ кодексъ политическихъ понятій, которымъ такъ долго жила потомъ Московская Русь.

Московское боярство XV XVI в.

Перемѣна въ составѣ и политическомъ настроеніи боярства.

Изучая политическія послѣдствія основнаго факта періода, превращенія Московскаго княжества въ великорусское государство, я указалъ дѣйствіе этого факта на политическое сознаніе Московскаго

государя и великорусскаго общества. Этотъ фактъ утвердилъ въ умѣ Московскаго государя новый взглядъ на свою власть, какъ и въ умѣ великорусскаго народа новый взглядъ на своего государя. Почувствовавъ себя на высотѣ національнаго властителя Московскій государь страшно выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, какъ и въ глазахъ своего народа. Но заронивъ въ умы новыя политическія <u>понятія</u>, тотъ же фактъ вызвалъ и новыя политическія <u>отношенія</u>. Территоріальное расширеніе Московскаго княжества глубоко измѣнило положеніе и взаимныя отношенія классовъ Московскаго общества и прежде всего составъ и настроеніе его верхняго слоя, боярства, а перемѣны въ его составѣ и настроеніи измѣнили его отношенія къ государю и измѣнили не въ томъ направленіи, въ какомъ измѣнились отношенія къ нему остальнаго общества.

Чтобы понять это направленіе, надо припомнить положеніе Московскаго боярства въ удѣльные вѣка. Уже въ удѣльное время Москва привлекла къ себѣ многочисленное и блестящее боярство, какого не было ни при какомъ другомъ княжескомъ дворѣ сѣверной Руси. Съ конца XIII ст. на берега Москвы стекаются со всѣхъ сторонъ знатные слуги, и изъ сосѣднихъ сѣверныхъ княжествъ, и съ далекаго русскаго юга, изъ Чернигова, Кіева, даже съ Волыни и изъ-за границы, съ нѣмецкаго запада и татарскаго юго-востока, изъ Крыма и самой Орды. Благодаря этому приливу уже въ половинѣ XV в. Московскій великій князь былъ окруженъ плотной стѣной знатныхъ боярскихъ фамилій. По старѣйшимъ родословнымъ Московскаго княжества такихъ фамилій можно насчитать до четырехъ десятковъ. Главнѣйшими изъ нихъ

были: Кошкины, Морозовы, Челядинины, Вельяминовы, Воронцовы, Ховрины-Головины, Сабуровы и др. Въ своихъ отношенiяхъ къ великому князю это боярство сохраняло тотъ же характеръ случайныхъ, вольныхъ совѣтниковъ, какими были бояре при князьяхъ XII в. Съ половины XV ст. составъ этого боярства глубоко измѣняется. Старинныя родословныя московскiя книги вскрываютъ эту перемѣну. Къ концу XVI в. по этимъ книгамъ на Московской службѣ можно насчитать до 200 знатныхъ фамилiй. Исключивъ изъ этого числа фамилiи, служившiя въ Москвѣ еще до Ивана III, найдемъ, что болѣе 150 фамилiй вошло въ составъ Московскаго боярства съ половины XV ст. По происхожденiю своему это боярство было очень пестро. Старыя родословныя книги его производятъ впечатлѣнiе каталога русскаго этнографическаго музея. Вся великорусская равнина была представлена этимъ боярствомъ во всей полнотѣ и пестротѣ своего этнографическаго состава, со всѣми своими русскими, нѣмецкими, греческими, литовскими и даже татарскими элементами. Рѣшительное большинство въ этомъ новомъ составѣ боярства принадлежало княжескимъ, титулованнымъ фамилiямъ. Усиленное собиранiе Руси Московской съ Ивана III сопровождалось вступленiемъ на Московскую службу многихъ князей, покидавшихъ упраздненные великiе или удѣльные столы. Съ тѣхъ поръ во всѣхъ отрасляхъ Московскаго управленiя, въ думѣ совѣтниками, въ приказахъ судьями, въ областяхъ намѣстниками, въ полкахъ воеводами являются все князья и князья. Служилое княжье если не задавило, то закрыло собой московскаго нетитулованнаго боярства. Эти князья

были наши Рюриковичи или литовскіе Гедиминовичи. Столь пестрые и сбродные этнографическіе и соціальные элементы не могли скоро слиться въ плотную и однообразную массу. Новое Московское боярство образовало длинную іерархическую лѣстницу, на которой боярскія фамиліи размѣщались по своему служебному достоинству. Это достоинство опредѣлялось различными условіями. 1) Въ Москвѣ восторжествовала мысль, что князь, только потому что онъ князь, долженъ стоять выше простаго боярина, хотя бы первый былъ только вчерашнимъ слугой Московскаго государя, а второй имѣлъ длинный рядъ предковъ, служившихъ этому государю. Такъ давность службы была принесена въ жертву знатности происхожденія. Таково было первое условіе. 2) И князья не всѣ обстроились въ одну линію на Московской службѣ: потомки прежнихъ великихъ князей стали выше, потомки бывшихъ удѣльныхъ князей ниже. Князья Пѣнковы всегда становились выше по службѣ родичей князей Курбскихъ или Прозоровскихъ, потому что Пѣнковы шли отъ великихъ князей Ярославскихъ, а Курбскіе и Прозоровскіе отъ князей Ярославскихъ удѣльныхъ. И такъ служебное значеніе пришлаго слуги въ Москвѣ опредѣлялось его положеніемъ въ минуту перехода на Московскую службу. Вотъ второе условіе. Послѣдовательное примѣненіе этого втораго правила приводило къ одному исключенію изъ перваго, т.е. ставило иныхъ князей ниже простыхъ бояръ. Многіе удѣльные князья потеряли свои удѣлы еще до перехода на Московскую службу. Въ Москву они переходили уже со службы при какомъ либо другомъ дворѣ, великокняжескомъ или удѣльномъ. Какъ слуги младшихъ князей, они въ Москвѣ становились ниже старинныхъ здѣшнихъ бояръ, служившихъ старшему изъ

всѣхъ князей, какъ великихъ, такъ и удѣльныхъ. Благодаря такому распорядку Московское боярство въ новомъ своемъ составѣ распалось на нѣсколько іерархическихъ слоевъ. Верхній слой образовали потомки бывшихъ великихъ князей русскихъ и литовскихъ. Въ этомъ слоѣ встрѣчаемъ князей Пенковыхъ Ярославскихъ, князей Шуйскихъ Нижегородскихъ, князей Ростовскихъ, князей Патрикѣевыхъ-Гедиминовичей, предковъ князей Голицыныхъ и Куракиныхъ. Изъ стариннаго нетитулованнаго боярства Москвы въ этомъ слоѣ удержались одни Захарьины, вѣтвь стараго Московскаго боярскаго рода Кошкиныхъ. Второй слой составился изъ потомковъ значительныхъ удѣльныхъ князей, Воротынскихъ, Одоевскихъ, Оболенскихъ, Пронскихъ. Къ нимъ примкнули и знатныя фамиліи стариннаго Московскаго боярства: Вельяминовы, Бутурлины, Челяднины и др.

Въ новомъ своемъ составѣ Московское боярство стало проникаться и новымъ политическимъ настроеніемъ. Первостепенная знать, ставшая во главѣ этого боярства, шла отъ бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей. Не думайте, что съ исчезновеніемъ великихъ и удѣльныхъ княжествъ тотчасъ безъ слѣда исчезъ и удѣльный порядокъ, существовавшій въ сѣверной Руси. Нѣтъ, этотъ порядокъ долго дѣйствовалъ и подъ самодержавною рукою Московскаго государя. Политическое объединеніе сѣверной Руси долго выражалось только въ единствѣ московской верховной власти, но не сопровождалось немедленною перестройкою мѣстнаго управленія, гдѣ еще долго хранились остатки удѣльнаго порядка. Удѣльные князья, переставая быть самостоятельными владѣльцами своихъ удѣловъ, оставались въ нихъ простыми вотчинниками-землевладѣльцами, иногда очень крупными, и часто даже продолжали пользоваться долей своей прежней пра-

вительственной власти. Благодаря тому переходъ князя на Московскую службу съ удѣльнаго и даже великокняжескаго стола не былъ для него крутымъ переворотомъ, потерей всего, что имѣлъ онъ прежде. При дворѣ Московскаго государя, въ Кремлѣ онъ видѣлъ себя въ новой обстановкѣ, къ какой не привыкли его предки; но у себя дома, въ кругу своего вотчиннаго хозяйства, этотъ князь чувствовалъ себя среди прежнихъ отношеній, поддерживалъ прежнія понятія и привычки. Съ другой стороны, титулованное боярство заняло всѣ высшія должности въ Московскомъ управленіи, командовало Московскими полками, правило областями Московскаго государства. Очень часто бывшій удѣльный князь продолжалъ править своимъ удѣломъ въ качествѣ Московскаго намѣстника. Все это помогло потомкамъ князей удѣльныхъ и великихъ титулованнымъ боярамъ усвоить взглядъ на себя, какого не имѣли старинные нетитулованные московскіе бояре. Послѣдніе были вольными слугами князя по договору; первые стали видѣть въ себѣ властителей по происхожденію. Руководя всѣмъ въ объединенной сѣверной Руси, потомки бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей продолжали смотрѣть на себя, какъ на такихъ же хозяевъ Русской земли, какими были ихъ удѣльные предки; только предки правили Русской землей по частямъ и въ одиночку, а потомки собравшись въ Москвѣ стали править всей землей и всѣ вмѣстѣ. Среди титулованныхъ бояръ XVI в. развивается взглядъ на свое правительственное значеніе не какъ на пожалованіе государя, а какъ на свое наслѣдственное право, полученное отъ предковъ независимо отъ этого государя. Сами Московскіе государи поддерживали среди нихъ этотъ взглядъ, часто прямо признавая удѣльныя преда-

нія. Почувствовавъ себя въ сборѣ вокругъ Московскаго кремля, новое титулованное боярство взглянуло на себя, какъ на собраніе наслѣдственныхъ привычныхъ властителей Русской земли, а на Москву, какъ на сборный пунктъ, изъ котораго оно по прежнему будетъ править Русской землей, только не по частямъ и въ одиночку, а вмѣстѣ и всей землей въ совокупности. Значитъ, въ новомъ Московскомъ боярствѣ преданіе власти, шедшее изъ удѣльныхъ вѣковъ, не прервалось, а только преобразилось. Теперь, когда потомки прежнихъ удѣльныхъ князей собрались въ Москвѣ, эта власть изъ одиночной личной и мѣстной превратилась въ собирательную, сословную и всеземскую. Такъ Московская боярская знать въ новомъ своемъ составѣ присвоила себѣ и новый взглядъ на свое политическое значеніе, какого не имѣло боярство удѣльныхъ вѣковъ. Этотъ новый взглядъ не остался только политическимъ притязаніемъ, но облекся въ строгую систему служебныхъ отношеній, извѣстную подъ названіемъ мѣстничества.

Мѣстничество.

Изложу главныя основанія этого порядка служебныхъ боярскихъ отношеній. Мѣстничествомъ мы называемъ порядокъ служебныхъ отношеній боярскихъ и вообще служилыхъ фамилій, сложившійся въ Москвѣ въ XV и XVI в. Чтобы объяснить этотъ своеобразный порядокъ, возьмемъ два простые схематическіе примѣра. Положимъ, что два Бутурлина, дядя съ племянникомъ назначены служить вмѣстѣ, первый на высшую должность, второй на низшую. При этомъ соображали на столько-ли дядя старше племянника, на сколько его должность выше должности послѣдняго. Далѣе, положимъ, на тѣ же должности назначены князь Одоевскій съ Бутур-

цынымъ. Прежде Одоевскіе всегда шли по службѣ выше Бутурлиныхъ. Такъ они должны идти и теперь; но при назначеніи соображали, на сколько-то превосходство, принадлежавшее Одоевскимъ, поднимало ихъ выше Бутурлиныхъ, на сколько выше должность, указанная данному Одоевскому, должности даннаго Бутурлина. Итакъ каждая боярская фамилія и каждое лицо боярской фамиліи занимали и внѣ службы постоянное и опредѣленное положеніе среди другихъ боярскихъ фамилій и лицъ. Это положеніе, независимое отъ службы, было достояніемъ каждой фамиліи и каждаго лица, унаслѣдованнымъ отъ родоначальника и всѣхъ предковъ. Это наслѣдственное положеніе фамиліи и лица называлось „отечествомъ". Итакъ отечество это унаслѣдованное отъ предковъ отношеніе служилаго лица и служилой фамиліи по службѣ къ другимъ служилымъ лицамъ и фамиліямъ, родственникамъ или чужеродцамъ. Былъ выработанъ особый способъ опредѣлять отечество съ математической точностью. Отечество каждаго высчитывалось. Правила этого счета составляютъ мѣстническую ариѳметику. Счетъ былъ двоякій: „простой по „родословцу" и двойной по родословцу вмѣстѣ съ „разрядами". Родословецъ — это поколѣнная роспись фамиліи, начиная отъ ея родоначальника. Разрядами назывались приказныя книги, въ которыхъ изъ году въ годъ записывались всѣ служебныя назначенія, даваемыя лицамъ знатныхъ фамилій. Счетъ по родословцу опредѣлялъ отношенія лица къ его родичамъ; счетъ по родословцу вмѣстѣ съ разрядами опредѣлялъ отношенія къ чужеродцамъ или членамъ чужихъ фамилій. Счетъ по родословцу былъ снятъ съ отношеній между членами старинныхъ русскихъ родовъ. Члены каждой большой древне-русской семьи размѣщались за обѣденнымъ столомъ въ порядкѣ старшин-

ства. Первое мѣсто принадлежало этому домохозяину, два, за нимъ слѣдующія — двумъ его младшимъ братьямъ, четвертое мѣсто — его старшему сыну. Если у отца былъ третій братъ, онъ не могъ сѣсть ни выше, ни ниже старшаго племянника, былъ ему ровня (ровесникъ). Отсюда объясняются правила мѣстнической ариѳметики. По этой ариѳметикѣ старшій сынъ отъ своего отца четвертое мѣсто, т. е. между тѣмъ и другимъ остаются два пустыхъ мѣста. Каждый слѣдующій братъ мѣстомъ ниже предшествующаго старшаго; значитъ братья должны сидѣть рядомъ. Изъ этихъ двухъ правилъ вытекало третье: старшій четвертый изъ братьевъ старшему племяннику „въ версту" (т. е. сверстникъ, ровня, ровесникъ). Значитъ было не можно рядомъ, а должны были сѣсть насупротивъ. Итак, старшинство каждаго изъ родичей опредѣлялось его разстояніемъ отъ общаго предка. Это разстояніе измѣрялось генеалогическими ступенями „мѣстъ". Отсюда и названіе „мѣстничества". Первое начальное понятіе о мѣстничествѣ очевидно сложилось среди бояръ за княжескимъ столомъ, гдѣ бояре разсаживались въ порядкѣ служебно-генеалогическаго старшинства; но потомъ это понятіе было перенесено на всѣ служебныя отношенія. Генеалогическое разстояніе между лицами одной или разныхъ фамилій назначенными на извѣстныя должности должно было соотвѣтствовать іерархическому разстоянію между этими должностями. Для этого каждая сфера служебныхъ отношеній, мѣста въ государевой думѣ, должности административныя, какъ и должности полковыхъ воеводъ были расположены въ извѣстномъ порядкѣ старшинства, составляли іерархическую лѣстницу. Вотъ напримѣръ въ какомъ порядкѣ слѣдовали одна за другой должности полковыхъ воеводъ.

Московская армія большая или малая ходила въ походъ пятью полками или корпусами. Это были: большой полкъ, правая рука, сторожевой и передовой полки, т. е. арьергардъ и авангардъ и лѣвая рука. Каждый полкъ имѣлъ одного или нѣсколькихъ воеводъ, смотря по величинѣ полковъ. Эти воеводы назывались первыми, другими или вторыми и третьими и т. д. Должности этихъ воеводъ по старшинству слѣдовали въ такомъ порядкѣ: первое мѣсто принадлежало первому воеводѣ большаго полка, второе - первому воеводѣ правой руки, третье - первымъ воеводамъ сторожевого и передового полковъ, которые были равны; четвертое - первому воеводѣ лѣвой руки; пятое - второму воеводѣ большаго полка; шестое - второму воеводѣ правой руки и т. д. Если изъ двухъ родственниковъ, назначенныхъ воеводами въ одной арміи, старшій былъ двумя мѣстами выше младшаго, то при назначеніи перваго первымъ воеводой большаго полка, второго должны были назначить первымъ воеводой сторожевого либо передового полка, не выше и не ниже. Если его назначили выше, старшій родичъ билъ челомъ и безчестіи: онъ терпѣлъ „поруху" въ своемъ отечествѣ. Если второго назначали ниже, онъ билъ челомъ о безчестіи, говоря, что ему такъ служить съ своимъ родичемъ „не вмѣстно", что онъ понесетъ „потерьку" своей родовой чести. Сложенъ былъ счетъ, опредѣлявшій мѣстническія отношенія между чужеродцами. Если члены двухъ фамилій назначались на службу, гдѣ они должны были дѣйствовать вмѣстѣ, они прежде всего соображали, какъ служили ихъ предки. Для этого они брали разряды и искали въ нихъ „случая", т. е. такого назначенія изъ прежнихъ лѣтъ, гдѣ бы ихъ предки также назначены были служить вмѣстѣ. Они вычисляли разстояніе,

какое лежало между доставшимися имъ должностями. Это разстояніе принималось за мърку мъстническихъ отношеній обѣихъ фамилій. Опредѣливъ это фамильное взаимное свое отношеніе по разрядамъ, оба назначенные „совмѣстника" брали свои родословныя и высчитывали свое генеалогическое разстояніе каждый отъ своего предка, однако изъ этихъ лицъ, которые встрѣтились на службѣ въ найденномъ случаѣ и высчитывали по родословцу. Если разстояніе это было одинаково у обоихъ совмѣстниковъ, то они могли быть назначены на такія же должности, какія занимали ихъ предки. Но если одинъ изъ совмѣстниковъ дальше отстоялъ отъ своего предка, нежели его соперникъ отъ своего, онъ долженъ былъ спуститься на одно мѣсто. Если въ найденномъ случаѣ предки совмѣстниковъ, Одоевскій и Бутурлинъ служили первый первымъ воеводой большаго полка, другой первымъ воеводой лѣвой руки, — значитъ Одоевскій относился къ Бутурлину, какъ отецъ къ сыну, т. е. былъ отдѣленъ отъ послѣдняго двумя мѣстами, потому что первый воевода лѣвой руки четвертое мѣсто, сынъ старшій отъ отца также четвертое мѣсто. Если потомокъ Одоевскаго отстоялъ отъ своего предка на шесть мѣстъ, а потомокъ Бутурлина на пять, то потомокъ Бутурлина не могъ служить первымъ воеводой лѣвой руки при назначеніи потомка Одоевскаго на должность перваго воеводы большаго полка. Онъ долженъ былъ подняться на одно мѣсто выше, ибо отношеніе по родословцу не соотвѣтствовало отношенію по разрядамъ. Думаю, что сказанное нѣсколько уяснитъ вамъ мудреныя мѣстническія отношенія. Сущность ихъ состояла въ томъ, что есть отношеній

генеалогическихъ, существовавшихъ между фамиліями накидывалась на сѣть должностей и должна была соотвѣтствовать послѣдней. Отсюда можно понять идею мѣстничества. Позднѣйшія поколѣнія бояръ должны были размѣщаться на службѣ и за столомъ государя, какъ размѣщались первыя поколѣнія. Отношенія между фамиліями въ преемственномъ ряду поколѣній не должны были измѣняться. Какъ нѣкогда стояли на службѣ отцы и дѣды, такъ должны стоять внуки и дальнѣйшіе потомки. Итакъ мѣстничество устанавливало не фамильную наслѣдственность должностей, а наслѣдственность служебныхъ отношеній между фамиліями. Этимъ опредѣлялось значеніе правительственныхъ должностей въ мѣстничествѣ. Должность сама по себѣ ничего не значила въ мѣстничествѣ: она была тѣмъ же по отношенію къ отечеству, чѣмъ служитъ ариѳметическое число по отношенію къ алгебраическому выраженію, т.е. конкретною случайностью. Одоевскій готовъ былъ занять какую угодно должность лишь бы Бутурлинъ съ нимъ вмѣстѣ стоялъ на должности еще ниже. Все дѣло было не въ должности, а во взаимномъ отношеніи лицъ по должностямъ. Слѣдовательно должности въ мѣстничествѣ имѣли значеніе совершенно обратное тому, какое онѣ имѣютъ теперь. Теперь правительственное значеніе лица опредѣляется его должностью, т.е. степенью власти и отвѣтственности съ ней сопряженной; въ мѣстничествѣ генеалогическимъ положеніемъ лица опредѣлялась должность, какую оно получало. Теперь мѣсто краситъ человѣка, тогда человѣкъ красилъ мѣсто. Слѣды такого порядка отношеній между боярскими фамиліями становятся замѣтны въ Московскомъ боярствѣ съ Ивана III

Съ того времени боярскія фамиліи складываются въ тѣсные стройные ряды. Поэтому линіи предковъ, служебныя отношенія которыхъ принимались потомками за основаніе своего фамильнаго старшинства, въ мѣстническихъ спорахъ XVI и XVII в. не восходили обыкновенно раньше этого княженія. Впрочемъ, большая часть знатнѣйшихъ Московскихъ фамилій этихъ вѣковъ до Ивана III еще не служила въ Москвѣ. Отсюда можно понять и политическое значеніе мѣстничества для бояръ. Служебныя отношенія бояръ мѣстничество ставило въ зависимость отъ служебныхъ отношеній предковъ, т.е. политическое значеніе лица или фамиліи оно дѣлало независимымъ ни отъ желанія государя, ни отъ личныхъ заслугъ или качествъ служилыхъ лицъ. Какъ стояли предки, такъ должны стоять и потомки и ни государева милость, ни государственныя заслуги или личные таланты не должны было измѣнять этого порядка. Вотъ почему бояре такъ дорожили мѣстничествомъ за мѣста, говорили бояре XVIIв. наши отцы помирали. Боярина можно было избить, прогнать со службы, ограбить, но нельзя было заставить служить или сидѣть за государевымъ столомъ ниже своего „отечества".

Такимъ образомъ мѣстничество имѣло оборонительный характеръ. Имъ классъ защищался какъ отъ произвола сверху со стороны государя, такъ и отъ случайностей или происковъ снизу, со стороны отдѣльныхъ служилыхъ лицъ. Благодаря тому мѣстничество сообщало боярству характеръ замкнутой сословной корпораціи, политической аристократіи. Сама верховная власть такой порядокъ служебныхъ отношеній, т.е. признавала боярство такой аристократіей. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ, гдѣ вскрывается такой взглядъ на мѣстничество. Въ 1616 г. князь Волконскій, не родовитый

но многослуживший бояринъ билъ челомъ боярамъ думы, что ему по своей службѣ обидно быть ниже боярина Головина. Бояре разобрали дѣло и послали князя въ тюрьму за то, что онъ „своимъ безпѣльнымъ челобитьемъ обезчестилъ" Головина человѣка родовитаго, до котораго ему далеко по отечеству, а что касается до службы Волконскаго, то „за службу государь жалуетъ деньгами и помѣстьемъ, а не отечествомъ". Итакъ государь можетъ сдѣлать служилаго человѣка богатымъ, но не можетъ сдѣлать его знатнымъ, потому что знатность идетъ отъ предковъ, а покойныхъ предковъ уже нельзя сдѣлать ни больше ни меньше знатными, чѣмъ они были при жизни. Итакъ, когда Московское боярство стало складываться изъ пестрыхъ, сродныхъ элементовъ въ цѣльный правительственный классъ, этотъ складъ вышелъ аристократическимъ.

Отношенiе новаго боярства къ государю.

Перемѣна въ составѣ и настроенiи Московскаго боярства измѣнила его отношенiя къ Московскому государю. Эта перемѣна была неизбѣжнымъ последствiемъ одного и того же процесса, которымъ создались и государева власть и новое его боярство. Въ удѣльные вѣка боярство шло на службу въ Москву, ища здѣсь новыхъ служебныхъ выгодъ; эти выгоды службы росли для служилаго человѣка вмѣстѣ съ успѣхами Московскаго государя. Это устанавливало единство интересовъ между обѣими сторонами. Вотъ почему Московскiе бояре XIV в. дружно помогали своему государю въ его внѣшнихъ дѣлахъ и усердно содѣйствовали ему во внутреннемъ управленiи. Тѣсная связь, задушевныя отношенiя между обѣими сторонами яркою нитью проходятъ по Московскимъ па-

мятникамъ XIV в. Въ духовной своимъ младшимъ братьямъ великій князь Семенъ пишетъ: „слушали бы вы во всемъ отца нашего владыку Алексѣя, да старыхъ бояръ, которые отцу нашему и намъ добра хотѣли". Еще задушевнѣе выступаютъ эти отношенія въ написанной современникомъ біографіи великаго князя Дмитрія Донского. Обращаясь къ своимъ дѣтямъ великій князь говоритъ: „бояръ своихъ любите, честь имъ достойную воздайте по ихъ службѣ, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте". Обратившись затѣмъ къ боярамъ, великій князь въ сочувственныхъ словахъ напоминалъ имъ, какъ они работали вмѣстѣ въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, какъ укрѣпили княженіе, какъ стали страшны недругамъ Руской земли. Между прочимъ великій князь сказалъ своимъ сотрудникамъ: „я всѣхъ васъ любилъ, въ чести держалъ, веселился съ вами, съ вами и скорбѣлъ, и вы назывались у меня не боярами, а князьями земли моей". —

Эти отношенія измѣнились съ половины XV в. Новые титулованные бояре шли въ Москву не за новыми служебными выгодами, а большею частью съ горькимъ чувствомъ сожалѣнія объ утраченныхъ выгодахъ удѣльной самостоятельности. Интересы и чувства обѣихъ сторонъ разошлись далеко, хотя шли изъ одного источника. Политическія обстоятельства съ одной стороны поставили Московскаго князя на высоту національнаго государя съ широкой властью, съ другой навязали ему правительственный классъ съ широкими политическими притязаніями и стѣснительной для верховной власти сословной организаціей. Почувствовавъ себя въ сборѣ вокругъ Московскаго кремля титулованные бояре усвоили себѣ политическій

притязанія, коихъ не имѣли Московскіе бояре удѣльнаго времени. Почувствовавъ себя государемъ объединенной великой Руси, Московскій князь съ трудомъ переносилъ и прежнія отношенія свои къ боярамъ и совершенно не могъ ужиться съ новыми ихъ притязаніями. Такимъ образомъ одни и тѣ же историческія обстоятельства разрушили единство интересовъ между обѣими политическими силами, а разъединеніе интересовъ разстроило гармонію ихъ взаимныхъ отношеній. Отсюда и вышелъ рядъ столкновеній между Московскимъ государемъ и его боярами. Столкновенія эти иногда называются громкимъ именемъ политической борьбы Московскаго государя съ его непокорными боярами. Но это была очень своеобразная борьба какъ по своимъ формамъ, такъ и по руководившимъ его побужденіямъ. Бояре, отстаивая свои притязанія, не поднимали открыто противъ своего государя, не брали въ руки оружія, даже не вели наслѣдственной и постоянной политической оппозиціи противъ него. Столкновеніе выражалось обыкновенно въ придворныхъ интригахъ и опалахъ, происхожденіе которыхъ иногда трудно разобрать. Это столкновеніе съ особенной силой обнаруживалось два раза и каждый разъ по одному поводу по вопросу о престолонаслѣдіи. Иванъ III, какъ мы знаемъ, сперва назначилъ своимъ наслѣдникомъ внука Димитрія, вѣнчалъ его на великое княженіе, а потомъ развѣнчалъ, назначивъ преемникомъ сына своего отъ второй жены Василія. Боярство въ этомъ семейномъ столкновеніи стало за внука и противодѣйствовало сыну изъ нелюбви къ его матери и принесеннымъ ею политическимъ понятіямъ и внушеніямъ. Столкновеніе доходило до сильнаго раздраженія съ обѣихъ сторонъ, вызвало ссоры при дворѣ, рѣзкія выходки со стороны

бояръ, кажется, даже крамолу; заговоръ; по крайней мѣрѣ сынъ Василія царь Иванъ послѣ жаловался, что бояре на его отца вмѣстѣ съ племянникомъ Василіемъ Дмитріемъ „многія пагубныя смерти умышляли," даже самому государю дѣду „многія поносныя и укоризненныя слова говорили". Но какъ завязалось это дѣло остается неяснымъ; только черезъ годъ (1499г) послѣ вѣнчанія Дмитрія поплатились знатнѣйшіе Московскіе бояре за свое противодѣйствіе Василію: князю Семену Ряполовскому Стародубскому отрубили голову, а его друзей князя Ивана Патрикѣева съ сыномъ Василіемъ, знаменитымъ въ послѣдствіи старцемъ Вассіаномъ Косымъ, насильно постригли въ монашество. Та же глухая борьба продолжалась и при Ивановомъ преемникѣ Василіи. Этотъ великій князь съ недовѣріемъ относился къ боярамъ, какъ государь, котораго они не хотѣли видѣть на престолѣ и съ трудомъ на немъ терпѣли. И эта борьба обнаруживалась лишь въ опалахъ, постигшихъ нѣкоторыхъ знатныхъ людей. Такъ первостепенный бояринъ князь Василій Холмскій за что былъ посаженъ въ тюрьму, а второстепенному думному человѣку Берсеню Беклемишеву отрѣзали языкъ за неподобныя рѣчи о великомъ князѣ и его матери. Но съ особенной силой борьба возобновилась въ царствованіи Грознаго и все по тому же поводу, по вопросу о престолонаслѣдіи. Вскорѣ послѣ завоеванія Казанскаго царства (въ 1553г). Иванъ опасно занемогъ и велѣлъ боярамъ присягнуть новорожденному своему сыну царевичу Дмитрію. Многіе первостепенные бояре отказались отъ присяги или приняли ее неохотно, говоря, что не хотятъ служить „малому мимо старого", т.е. хотятъ служить двоюродному брату царя, удѣльному князю Владиміру Андреевичу Старицкому. Произшедшее этимъ стол-

кновенiемъ недовѣрiе царя къ боярамъ черезъ нѣсколько лѣтъ произвело полный разрывъ между обѣими сторонами, который сопровождался жестокими опалами и казнями, упавшими на бояръ.
Но во всѣхъ этихъ столкновенiяхъ впродолженiе трехъ царствованiй побужденiя, руководившiя боровшимися сторонами остаются нѣмы, не высказываются прямо ни той, ни другой стороной. Изъ за чего шла борьба, какiе непримиримые интересы ее питали объ этомъ не говорятъ борющiяся стороны. Иванъ III глухо жаловался на неуступчивость, строптивость своихъ бояръ. Отправляя въ Польшу пословъ вскорѣ послѣ дѣла о наслѣдникѣ, Иванъ между прочимъ давалъ имъ такое наставленiе въ инструкцiи: „чтобъ во всемъ между вами гладко было, пили бы бережно и не до пьяна и во всемъ бы себя берегли, а не поступали бы такъ, какъ князь Семенъ Ряполовскiй высоко умничалъ съ княземъ Василiемъ, сыномъ Ивана Юрьевича (Патрикѣева)". Нѣсколько яснѣе обозначаются чувства и стремленiя оппозицiонной боярской стороны въ княженiе Василiя. До насъ дошелъ памятникъ, вскрывающiй политическое настроенiе этой стороны: это отрывокъ слѣдственнаго дѣла объ упомянутомъ выше думномъ человѣкѣ Иванѣ Никитичѣ Берсенѣ Беклемишевѣ 1525 г. Берсень, далеко не принадлежавшiй къ первостепенной знати, былъ человѣкъ упрямый, неуступчивый; въ то время въ Москвѣ проживалъ вызванный съ Аѳона для исправленiя и ~~перевода~~ богослужебныхъ и богословскихъ книгъ ученый монахъ Максимъ Грекъ, человѣкъ бывалый, знакомый съ католическимъ западомъ и его наукой. Онъ привлекъ къ себѣ любознательныхъ людей изъ Московской знати, которые приходили къ нему въ келью бесѣдовать „о книгахъ и цареградскихъ обы-

чаяхъ", такъ что его келья въ Симоновомъ монастырѣ сдѣлалась похожа на ученый клубъ. Любопытно, что наиболѣе обычными гостями Максима были люди изъ оппозиціонной знати; между ними встрѣчаемъ и упомянутаго сына опальнаго боярина князя Холмскаго и сына грубившаго Ивану III боярина Тучкова. Но самымъ близкимъ гостемъ Максима былъ Иванъ Никитичъ Берсень. Онъ находился въ это время подъ опалой: оправдывая свое колкое прозвище (берсень-крыжовникъ), Иванъ Никитичъ разъ въ думѣ что-то рѣзко возразилъ государю при обсужденіи вопроса о Смоленскѣ. Великій князь разсердился и выгналъ его изъ совѣта сказавъ: „пошелъ смердъ, ты мнѣ не надобенъ". Берсень въ бесѣдахъ съ Максимомъ высказывалъ свои огорченныя чувства, въ которыхъ можно видѣть отраженіе политическихъ думъ тогдашняго боярства. Берсень ничѣмъ не доволенъ въ Московскомъ государствѣ ни людьми, ни порядками; всего болѣе недоволенъ онъ самимъ государемъ. Недовольство это совершенно консервативнаго характера: старые Московскіе порядки съ недавняго времени стали шататься и на это жаловался Берсень. Онъ относится еще снисходительно къ Васильеву отцу: Иванъ III, по его мнѣнію, былъ добръ и до людей ласковъ, и потому Богъ помогалъ ему во всемъ; онъ любилъ „встрѣчу", возраженіе противъ себя, „а нынѣшній государь не таковъ, людей мало жалуетъ, упрямъ, не любитъ встрѣчи противъ себя и опаляется на тѣхъ, кто ему встрѣчу говоритъ". Берсень высказываетъ цѣлую философію консерватизма: „самъ ты знаешь, говоритъ онъ Максиму, да и мы слыхали отъ разумныхъ людей, что какая земля перемѣняетъ свои старые обычаи, та земля не долго стоитъ; а у насъ нынѣшній великій

князь старые обычаи перемѣнитъ; такъ отъ нихъ какого добра ждать." Когда Максимъ возразилъ, что государи перемѣняютъ „царскіе и земскіе обычаи", сообразуясь съ обстоятельствами и государственными интересами, Берсень отвѣчалъ: „а все таки лучше старыхъ обычаевъ держаться, людей жаловать, стариковъ почитать; а нынѣ государь нашъ, запершись, самъ третей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ." Этой перемѣной обычаевъ Берсень объясняетъ безпорядки и тревоги, испытываемые Русской землей. Первой виновницей этой измѣны старымъ обычаямъ, родной старинѣ, Берсень считаетъ мать великаго князя. „Какъ пришли сюда Греки, говорилъ Берсень, такъ земля наша и замѣшалась; а до тѣхъ поръ земля наша Русская въ миру и тишинѣ жила. Какъ пришла сюда мать великаго князя, великая княгиня Софья, съ вашими Греками, такъ и почали у насъ нестроенія великія, подобныя вашимъ царьградскимъ". Максимъ Грекъ счелъ долгомъ заступиться за землячку и возразилъ: „великая княгиня Софья съ обѣихъ сторонъ была роду великаго: по отцу царскаго рода царьградскаго, а по матери великаго Дукса Феррарійскаго Итальянскія страны". Какова бы она ни была, отвѣчалъ Берсень, да къ нашему нестроенію пришла." За всѣ эти разумныя рѣчи, вскрывшіяся на слѣдствіи, Берсеню и отрѣзали языкъ. Итакъ, если Берсень точно выражалъ взгляды оппозиціоннаго боярства, послѣднее было недовольно нарушеніемъ установленныхъ обычаевъ и правительственныхъ порядковъ, недовѣріемъ государя къ своимъ боярамъ и тѣмъ, что рядомъ съ боярской думой онъ создалъ интимный кабинетъ изъ немногихъ довѣренныхъ лицъ, съ которыми предварительно обсуждалъ государственные вопросы, потомъ вносившіеся въ боярскую думу. Берсень не тре-

буетъ никакихъ новыхъ правъ для боярства, а только отстаиваетъ старыя обычаи, нарушаемые государемъ; онъ оппозиціонный консерваторъ противникъ государя, потому что стоитъ противъ нововведеній. По смерти Василія въ малолѣтство его сына власть попала въ руки бояръ. Теперь они могли распорядиться государствомъ по своему, осуществить свои политическіе идеалы, согласно съ ними перестроить государственный порядокъ; но они не пытались строить никакого новаго порядка. Раздѣлившись на партіи, бояре вели ожесточенныя усобицы другъ съ другомъ изъ личныхъ, или фамильныхъ интересовъ, а не изъ за какого-либо государственнаго порядка. Въ продолженіи 10 лѣтъ они вели эти усобицы, и эти 10 лѣтъ прошли не только безплодно для политическаго значенія боярства, но и уронили его политическій авторитетъ въ глазахъ общества.
Въ царствованіе Грознаго, когда возобновилась борьба политическіе взгляды обѣихъ сторонъ высказались еще яснѣе. Въ 1563 г. князь Андрей Михайловичъ Курбскій, сверстникъ и любимецъ царя Ивана, командуя Московскими полками въ Ливонской войнѣ, проигралъ одну битву и, боясь опалы, убѣжалъ къ Польскому королю. Но бывшій бояринъ не хотѣлъ молча разстаться съ своимъ покинутымъ царемъ: съ чужбины, изъ Литвы онъ написалъ рѣзкое посланіе Ивану, укоряя его въ жестокомъ обращеніи съ боярами. Царь Иванъ самъ, „словесной мудрости риторъ", какъ звали его современники, не хотѣлъ остаться въ долгу у бѣглеца и отвѣчалъ ему длиннымъ оправдательнымъ посланіемъ. Такъ завязалась любопытная переписка продолжавшаяся въ 60 и 70 годахъ (1560-1570^ыхъ^ годахъ). Кромѣ того

князь Андрей въ Литвѣ написалъ политическую исторію царя Ивана, гдѣ также выражалъ политическія воззрѣнія своей статьи. Такъ обѣ стороны исповѣдывались другъ другу. Можно ожидать, что они вполнѣ высказали свои политическія воззрѣнія. Но и въ этой полемикѣ, веденной обѣими сторонами съ большимъ жаромъ и талантомъ, не находимъ прямого отвѣта на вопросъ о причинахъ вражды, раздѣлявшей обѣ стороны. Письма Курбского наполнены личными упреками. Въ исторіи царя Ивана онъ высказываетъ нѣсколько общихъ политическихъ сужденій. Князь Андрей считаетъ правильнымъ такой государственный порядокъ, который основанъ не на личномъ произволѣ государя, а на участіи „синклита" бояръ въ управленіи; чтобы вести дѣла успѣшно правильно, государю необходимо совѣтоваться съ боярами. Впрочемъ государь долженъ дѣлиться своею властію не съ одними боярами; князь Курбскій допускаетъ и народное представительство, стоитъ за пользу и необходимость земскаго собора. Въ своей исторіи царя Ивана онъ высказываетъ такой возвышенный политическій тезисъ: „если царь почтенъ царствомъ, но не получилъ отъ Бога какихъ даро-рованій, онъ долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у своихъ совѣтниковъ, но и у простыхъ людей, потому что даръ духа дается не по богатству внѣшнему и не по силѣ царства, но по правости душевной". — Вотъ и всѣ политическія воззрѣнія Курбскаго. Курбскій стоялъ за правительственное значеніе боярскаго совѣта и участіе земскаго собора въ управленіи. Но ни правительственное значеніе боярскаго совѣта, ни участіе земскаго собора не были уже въ то время идеалами, политическими мечтами. Боярскій совѣтъ и земскій

соборъ былъ въ то время политическимъ фактомъ; первый фактомъ очень старымъ, а второй является недавнимъ. Первый земскiй соборъ былъ созванъ въ 1550 г. Итакъ князь Курбскiй стоитъ за существующiе факты; его политическая программа не идетъ за предѣлы дѣйствующаго порядка; онъ не требуетъ ни новыхъ правъ боярамъ, ни новыхъ обезпеченiй для ихъ старыхъ правъ. Въ этомъ отношенiи онъ немного идетъ дальше своего политическаго предшественника Ивана Никитича Берсеня-Беклемишева. Теперь послушаемъ другую сторону. Всѣ политическiя идеалы царя Ивана сводятся къ одной идеѣ, къ мысли о самодержавной власти. Самодержавiе для Ивана не только нормальный, свыше установленный, государственный порядокъ, но и искони́й фактъ нашей исторiи, идущiй изъ глубины вѣковъ. „Самодержавства нашего начало отъ святаго Владимира, мы родилися на царствѣ, а не чужое похитили; русскiе самодержавцы изначала сами владѣютъ всѣмъ царствомъ а не бояре и вельможи". Этой самодержавной власти Иванъ даетъ божественное происхожденiе и указываетъ ей не только политическое, но и высокое религiозное нравственное назначенiе: „тщуюсь съ усердiемъ людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя, а отъ междоусобныхъ браней и строптивнаго житiя да престанутъ, которыми царство растлѣвается; ибо, если царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобныя брани не прекратятся". Значенiе этой самодержавной власти Иванъ выражаетъ въ такой простѣйшей формулѣ: „жаловать своихъ холопей мы вольны и

казнить ихъ вольны же." Вотъ и вся политическая программа царя Ивана. Но, столь рѣзко выраженная идея самодержавной власти у Ивана не развивается въ опредѣленный политическій порядокъ, изъ нея не извлекаются никакія практическія послѣдствія. Царь нигдѣ не говоритъ, согласенъ ли его идеалъ съ существующимъ государственнымъ устройствомъ, или требуетъ новаго; можетъ-ли напримѣръ его самодержавная власть дѣйствовать объ руку съ наличнымъ боярствомъ, или должно создать другія орудія управленія. Но противъ самодержавія, какъ его понимали тогда въ Москвѣ, не возставало и боярство. Бояре признавали самодержавную власть Московскаго государя, какъ ее создала исторія: они только настаивали на необходимости и пользѣ участія въ управленіи другой политической силы, созданной той же исторіею — боярства и даже призывали въ помощь этой силѣ все-земское представительство. Изъ-за чего же вышелъ споръ и даже лилась кровь? Обѣ стороны отстаивали существующее; каждая защищала учрежденіе или обычай, на который же нападала и противная сторона. Вотъ своеобразный характеръ политической борьбы, которая шла между Московскимъ государемъ и его боярствомъ: это видимое отсутствіе достаточной политической причины для борьбы. Обѣ стороны, кажется, не могли ни удержаться отъ этой борьбы, ни объяснить ее себѣ, сказать, изъ за чего онѣ борются. Такой своеобразный характеръ борьбы объясняетъ и ея исходъ.

Происхожденіе и значеніе опричнины.

Изучая ходъ борьбы Московскаго государя съ его бо-

ярами въ XVI в., мы отмѣтили одну своеобразную черту въ ея характерѣ: это — недостатокъ видимой политической причины для борьбы. Боровшіяся стороны никакъ не могли объяснить другъ другу изъ-за чего они борятся. Столь же своеобразенъ былъ и исходъ этой борьбы. По выходѣ изъ малолѣтства царь Иванъ принялъ самъ дѣятельное участіе въ управленіи. Тогда изъ боярства, разбивавшагося на враждебныя партіи выдвинулось и стало около престола нѣсколько дѣльныхъ благомыслящихъ и даровитыхъ совѣтниковъ, съ которыми царь и началъ править государствомъ. Въ этой правительственной дѣятельности, начавшейся съ 1550 г. смѣлыя внѣшнія предпріятія соединялись съ широкими и хорошо обдуманными планами внутреннихъ преобразованій. Въ 1550 г. былъ пересмотрѣнъ и исправленъ старый судебникъ Ивана III и выработанъ новый лучшій порядокъ судопроизводства. Въ 1551 г. созванъ былъ церковный соборъ, которому царь предложилъ сложный проэктъ церковной реформы, имѣвшій цѣлью привести въ порядокъ религіозно-нравственную жизнь народа. Въ 1552 г. пало Казанское царство и тотчасъ послѣ того сталъ вырабатываться сложный планъ земскихъ учрежденій, который замѣнилъ областныхъ управителей, „кормленщиковъ" земскимъ самоуправленіемъ. Въ 1558 г. съ цѣлью открыть непосредственныя сношенія съ Западной Европой начата была Ливонская война. Всѣ эти важныя предпріятія царь велъ съ своими сотрудниками, большинство которыхъ сосредоточивалось около двухъ лицъ близкихъ къ царю, его духовника Сильвестра и начальника челобитнаго приказа, то наше-

му статсъ-секретаря у принятія прошеній, Алексѣя Адашева. Но разныя причины, чисто домашнія отношенія, частью различія въ политическихъ взглядахъ охладили царя къ его совѣтникамъ. Начавшіяся недоразумѣнія повели къ враждебнымъ столкновеніямъ, которыя сопровождались попытками нѣкоторыхъ недовольныхъ совѣтниковъ бѣжать въ Литву. Смерть царицы первой жены Ивана Анастасіи въ 1560 г. окончательно разстроила стоявшихъ у престола кругъ совѣтниковъ. Побѣгъ одного изъ виднѣйшихъ даровитѣйшихъ сотрудниковъ царя князя Курбскаго въ 1564 г. произвелъ окончательный разрывъ. Разрывъ этотъ сопровождался страннымъ явленіемъ. Зимой въ концѣ 1564 г. разъ въ кремлѣ появилось множество саней. Царь собрался со всей семьей и нѣкоторыми придворными куда-то въ дорогу, захвативъ утварь, иконы и кресты, платье и всю свою казну и выѣхалъ изъ столицы. Видно было, что это не обычное богомолье или увеселительная поѣздка царя, а цѣлое переселеніе. Москва оставалась въ недоумѣніи. Черезъ мѣсяцъ изъ Александровской слободы, гдѣ остановился царь, онъ прислалъ въ Москву двѣ грамоты. Въ одной онъ клалъ свой государевъ гнѣвъ на все духовенство и бояръ, на всѣхъ приказныхъ и служилыхъ людей, поголовно обвиняя ихъ въ томъ, что они о государствѣ, государѣ и обо всемъ православномъ христіанствѣ нерадѣли, отъ враговъ ихъ не обороняли, напротивъ сами притѣсняли христіанъ, расхищали казну и земли государевы, а духовенство покрывало виновныхъ, защищало ихъ, ходатайствовало за нихъ передъ царемъ. И вотъ царь, писала грамота, „въ великой жалости сердца", не стерпѣвъ всѣхъ этихъ измѣнъ покинулъ свое

царство и пошелъ поселиться гдѣ-нибудь, гдѣ богъ укажетъ. Московскому простонародью, купцамъ и всѣмъ тяглымъ людямъ царь прислалъ другую грамоту, гдѣ писалъ „чтобы они сомнѣнія не держали, что опалы и гнѣва на нихъ нѣтъ." Столица тотчасъ прервала обычную жизнь, лавки закрылись, приказы перестали дѣйствовать. Въ смятеніи городъ завопилъ, прося Митрополита съ епископами и боярами ѣхать въ слободу, бить челомъ государю чтобы онъ воротился на царство. При этомъ горожане кричали, что-бы государь вернулся на царство оборонять ихъ отъ волковъ и сильныхъ людей, что за государскихъ измѣнниковъ и лиходѣевъ они не стоятъ и сами ихъ истребятъ. Въ слободу отправили депутацію изъ высшаго духовенства и бояръ съ ~~митрополитомъ~~ Пименомъ-арх. Новгородскимъ во главѣ. Царь принялъ ихъ и согласился воротиться на царство, паки взять своя государства, подъ условіемъ которое будетъ объявлено послѣ. Черезъ нѣсколько времени царь воротился въ столицу и созвалъ государственный совѣтъ изъ бояръ и духовенства. Его здѣсь не узнали: небольшіе сѣрые и живые огня глаза погасли; на головѣ и въ бородѣ отъ прежнихъ прекрасныхъ волосъ не осталось и слѣда. Очевидно два мѣсяца отсутствія царь провелъ въ страшной нравственной агитаціи не зная чѣмъ окончится его затѣя. Въ совѣтѣ онъ предложилъ условія на которыхъ принималъ брошенную власть. Условія эти состояли въ томъ, что ему на измѣнниковъ своихъ и ослушниковъ опалу класть, а иныхъ казнить, имущество же ихъ брать на себя, чтобы духовенство, бояре и приказные люди все это положили на.

его государевой волѣ, чтобы ему въ томъ не мѣшали. Итакъ царь выпросилъ себѣ у государственнаго совѣта полицейскую диктатуру. Для расправы съ измѣнниками и ослушниками царь учредилъ опричнину. Это особый дворъ, который образовалъ себѣ царь съ особыми боярами, дворецкимъ, казначеемъ, съ цѣлымъ придворнымъ штатомъ. Изъ служилыхъ людей взяты были 1000 человѣкъ, которымъ въ столицѣ отведены были особыя улицы и слободы; прежніе обыватели этихъ улицъ и слободъ были силой выведены изъ своихъ домовъ и поселены въ другихъ мѣстахъ. На содержаніе этого особаго двора царь выдѣлилъ изъ состава государства 20 городовъ съ уѣздами, въ которыхъ земли были розданы опричникамъ, а прежніе землевладѣльцы выведены были изъ своихъ помѣстій въ другіе уѣзды. Эта выдѣленная изъ государства часть получила свое особое управленіе. Вся остальная земля получила названіе земщины, которая оставлена была подъ управленіемъ прежней думы бояръ, не взятыхъ въ опричнину получившихъ названіе земскихъ. Всѣ учрежденія центральныя и областныя должны были дѣйствовать по прежнему, обращаясь съ вопросами и всѣми земскими дѣлами въ думу земскихъ бояръ, которая правила землею, докладывая государю только о важнѣйшихъ военныхъ и земскихъ дѣлахъ. Такъ все государство раздѣлилось на двѣ неравныя части — на земщину и опричнину. Во главѣ первой осталось старое боярство, во главѣ которой непосредственно сталъ самъ царь. За выѣздъ изъ столицы на покрытіе понесенныхъ издержекъ царь взыскалъ съ земщины контрибуцію 100000 руб. (около шести миллионовъ на наши

деньги. Учредивъ опричину и написавъ уставъ для ея, царь началъ опалы класть на крамольниковъ и ослушниковъ, казнить ихъ, начавъ съ ближайшихъ сторонниковъ бывшаго князя Курбскаго.
Опричина при первомъ взглядѣ на нее представляется учрежденіемъ, лишеннымъ всякаго политическаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, объявивъ всѣхъ бояръ измѣнниками, царь оставляетъ земское управленіе въ рукахъ этихъ измѣнниковъ. Но происхожденіе опричины объясняется въ связи съ тѣмъ политическимъ столкновеніемъ, которымъ она была вызвана. Прежде всего въ опричинѣ надо различать ея политическую форму и ея политическую цѣль.
Форма, въ какую облечено это учрежденіе, была заимствована изъ преданій и обычаевъ старины: это былъ удѣлъ. Самый терминъ „опричина" взятъ изъ удѣльнаго языка: въ княжескихъ грамотахъ XIV в. опричинами назывались тѣ владѣнія, какія выдѣлялись въ полную собственность княгинямъ-вдовамъ. Самъ Иванъ смотрѣлъ на свою опричину, какъ на свое частное владѣніе, особый удѣлъ, который онъ выдѣлилъ изъ состава государства, изъ земщины. Въ 1574 г. царь вѣнчалъ на царство только что крещеннаго Касимовскаго хана Симеона Бекбулатовича, давъ ему титулъ государя великаго князя всея Руси. Переводя этотъ титулъ на нашъ простой языкъ царь Иванъ назначилъ Симеона предсѣдателемъ думы земскихъ бояръ. Симеонъ правилъ царствомъ 2 года, потомъ его сослали въ Тверь. Всѣ правительственные указы писались отъ имени Симеона, какъ государя великаго князя всея Руси, а Иванъ довольствовался титуломъ государя князя (даже не великаго) Московскаго, и въ челобитныхъ своихъ къ Симеону величалъ себя княземъ Московскимъ Иванцемъ Васильевымъ. Значитъ Иванъ противопоставилъ себя, какъ князя Московскаго удѣла

государю всея Руси, стоявшему во главѣ земщины. Признавая себя княземъ удѣльнаго княжества Московскаго, Иванъ какъ бы косвенно признавалъ этимъ, что вся остальная Русская земля принадлежитъ совѣту потомковъ бывшихъ властителей, князей великихъ и удѣльныхъ, изъ которыхъ состояло высшее Московское боярство, засѣдавшее въ думѣ. Послѣ Иванъ переименовалъ опричину въ дворъ бояръ и служилыхъ людей опричныхъ въ бояръ и служилыхъ людей дворовыхъ. Но не думайте, что Иванъ хотѣлъ только реставрировать старую удѣльную форму. Онъ этой старой формѣ указалъ небывалую прежде задачу. Въ опричину царь убѣжалъ, спасаясь отъ боярства. Мысль, что онъ долженъ бѣжать отъ своихъ бояръ, стала постепенно господствующей въ его умѣ. Такъ въ духовной своей, написанной въ 1572 г., царь трезвенно считаетъ себя изгнанникомъ, скитальцемъ. Здѣсь Иванъ пишетъ: „по множеству беззаконій моихъ распростерся на меня гнѣвъ Божій, изгнанъ я боярами ради ихъ самовольства изъ своего достоянія, и скитаюсь по странамъ.“ Послѣ ему приписывали серьезное намѣреніе бѣжать въ Англію. И такъ опричина является учрежденіемъ, которое должно было ограждать личную безопасность царя. Опричинѣ указана была политическая цѣль, для которой не было особаго учрежденія, въ существовавшемъ государственномъ устройствѣ. Цѣль эта состояла въ томъ, чтобы истребить крамолу, гнѣздившуюся въ Русской землѣ, преимущественно въ боярской средѣ. Такимъ образомъ опричина является высшей полиціей по дѣламъ государственной измѣны. Отрядъ въ тысячу человѣкъ, зачисленный въ опричину и потомъ увеличенный до 6 тысячъ, становился корпусомъ дозорщиковъ внутренней крамолы.

Малюта Скуратовъ былъ шефомъ этого корпуса, а царь выпросилъ себѣ у духовенства, бояръ и всей земли полицейскую диктатуру для борьбы съ этой крамолой. Какъ полицейскій отрядъ, опричина получила особый мундиръ - собачью голову и метлу, съ которыми ѣздили опричники: это былъ знакъ ихъ должности, состоявшей въ томъ, чтобы выслѣживать, вынюхивать и выметать измѣну.

Таково было происхожденіе опричины. Но объяснивъ ея происхожденіе, все-таки довольно трудно объяснить ея политическій смыслъ. Легко видѣть какъ она возникла, но трудно понять, какъ могла придти царю мысль о такомъ учрежденіи. Опричина не отвѣчала на политическій вопросъ, стоявшій тогда на очереди, не устраняла затрудненія, которымъ была вызвана. Затрудненіе это обнаружилось въ своеобразной борьбѣ между двумя политическими силами, стоявшими во главѣ государства. Мы видѣли, что эта борьба представляется не имѣвшею достаточной причины. Это потому, что источникомъ борьбы были не противорѣчивыя политическія стремленія обѣихъ государственныхъ силъ, а одно противорѣчіе въ самомъ политическомъ строѣ Московскаго государства. Государь и боярство не расходились другъ съ другомъ въ политическихъ идеалахъ, а только впервые натолкнулись на одну несообразность въ политической дѣйствительности, созданную исторіей Московскаго государства, и не знали какъ съ нею справиться. Что такое было Московское государство XVI в. Это - абсолютная монархія, но съ аристократическимъ управленіемъ. По мѣрѣ упраздненія удѣловъ, Московскій государь все больше чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ Русской земли. По мѣрѣ того же упраздненія удѣловъ вокругъ него становились потомки упраздненныхъ великихъ и удѣльныхъ князей, собиралась

притязательная аристократія, составившая верхній слой правительственнаго класса, съ которымъ царь долженъ былъ править объединенною землей. Значеніе власти Московскаго государства росло вмѣстѣ рука объ руку съ другой политической силой ее ограничивавшей. Значитъ характеръ этой власти не соотвѣтствовалъ свойству правительственныхъ органовъ, посредствомъ которыхъ она должна была дѣйствовать. Благодаря этому обѣ стороны очутились въ положеніи, котораго они какъ-то не замѣчали, пока оно складывалось, и съ которымъ не знали что дѣлать, когда его замѣтили. Обѣ стороны тогда почувствовали себя въ неловкомъ положеніи, и не знали какъ изъ него выйти. Ни боярство не умѣло устроиться и устроить государственный порядокъ безъ государевой власти, какой она была тогда, ни государь не зналъ какъ безъ боярскаго содѣйствія управиться съ своимъ царствомъ въ его новыхъ предѣлахъ. Обѣ стороны не могли ни ужиться одна съ другой, ни обойтись другъ безъ друга. Не умѣя ни примириться ни разстаться, онѣ попытались раздѣлиться, жить рядомъ, но не вмѣстѣ. Такимъ выходомъ изъ затрудненія и была опричина.

Но опричина не устранила этого затрудненія. Затрудненіе заключалось въ неудобномъ для государя политическомъ положеніи бояръ, какъ правительственнаго класса, его стѣснявшаго. Поэтому выйти изъ затрудненія можно было двумя путями: или устранить боярство, какъ правительственный классъ, и замѣнить его другими, болѣе гибкими и послушными орудіями, или привлечь къ себѣ наиболѣе надежныхъ людей изъ боярства и съ ними править, какъ уже и правилъ Иванъ въ началѣ царствованія. Перваго онъ не могъ сдѣлать, втораго не сумѣлъ, или не захотѣлъ. Онъ

не могъ скоро создать другой правительственный классъ, достаточно привычный и способный къ управленію. Правда, у него мелькала мысль о поголовномъ истребленіи боярства, но это была несбыточная мечта. Во всякомъ случаѣ, избирая тотъ или другой выходъ, предстояло дѣйствовать противъ политическаго положенія цѣлаго класса, а не противъ отдѣльныхъ лицъ. Иванъ поступилъ наоборотъ. Заподозрѣвъ все боярство въ измѣнѣ, онъ бросился на заподозрѣнныхъ, вырывая ихъ по одиночкѣ, но оставилъ классъ во главѣ земскаго управленія. Не имѣя возможности сокрушить неудобный для него порядокъ управленія, онъ сталъ истреблять отдѣльныя ненавистныя ему лица. Въ этомъ состояла политическая нелѣпость опричнины: вызванная столкновеніемъ, причиной котораго былъ порядокъ, а не лица, она была направлена противъ лицъ, а не противъ порядка. Въ этомъ смыслѣ и можно сказать, что опричнина не отвѣтила на вопросъ, стоявшій на очереди. При томъ опричнина въ значительной степени была произведеніемъ испуганнаго воображенія царя и била не туда, куда мѣтила. Царь направлялъ ее противъ страшной крамолы, будто бы гнѣздившейся въ боярской средѣ, и грозившей истребленіемъ всей царской семьи. Но такая крамола жила только въ воспаленной головѣ царя: въ дѣйствительности она не шла дальше помысловъ и попытокъ эмиграціи. Но если бы и существовала такая боярская крамола, царю слѣдовало дѣйствовать иначе: онъ долженъ былъ направить свои удары на боярство, а онъ билъ не однихъ бояръ, и даже не бояръ преимущественно. Курбскій въ своей исторіи Ивана, перечисляя жертвы его жестокости, насчитываетъ ихъ свыше 400. Совершая казни, Иванъ по набожности заносилъ имена казненныхъ въ помянники (синодики), которые разсылалъ по монастырямъ для поминовенія душъ покойныхъ.

Эти синодики очень любопытные памятники; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ число жертвъ возростаетъ до 4000. Но боярскихъ именъ въ этихъ спискахъ сравнительно немного; за то въ поминники заносились перебитые массами и неповинные въ боярской крамолѣ дворовые люди, подъячіе, псари, монахи, монахини — „скончавшіеся христіане мужескаго, женскаго и дѣтскаго чина, имена коихъ ты самъ, Господи, вѣси", какъ причитаетъ синодикъ послѣ каждой группы избитыхъ массами. Такой образъ дѣйствій, внесшій въ умы страшную смуту, о которой говорятъ современники, былъ слѣдствіемъ не политическаго расчета, а патологическаго настроенія царя. Столкнувшись съ боярами, царь преувеличилъ опасность, испугался. Тогда политическій вопросъ превратился для него въ вопросъ о личной безопасности, и онъ, какъ не въ мѣру испугавшійся человѣкъ, закрывъ глаза началъ бить направо и налѣво, не разбирая враговъ и друзей. Значитъ въ направленіи, какое далъ царь политической борьбѣ, много виноватъ личный его характеръ, который потому имѣетъ нѣкоторое значеніе въ нашей государственной исторіи.

Характеръ и значеніе Ивана Грознаго.

Царь Иванъ родился въ 1530 г. Отъ природы онъ получилъ умъ бойкій и гибкій, немного насмѣшливый, настоящій Московскій великорусскій умъ. Но обстоятельства, среди которыхъ прошло его дѣтство, испортили этотъ умъ, дали ему неестественное, болѣзненное развитіе. Иванъ рано осиротѣлъ; на 4 году лишился отца, а на 8 потерялъ и мать. Онъ съ дѣтства видѣлъ себя между чужими людьми. Въ умъ его рано и глубоко врѣзалось, и всю жизнь ~~жизнь~~ сохранялось чувство сиротства, одиночества. Отсюда его

робость, ставшая основной чертой его характера. Подобно людямъ, выросшимъ среди чужихъ, Иванъ рано усвоилъ себѣ привычку ходить оглядываясь и прислушиваясь. Это развило въ немъ подозрительность, которая съ летами превратилась въ затаенное недовѣріе къ людямъ. Въ дѣтствѣ ему часто приходилось испытывать равнодушіе, или пренебреженіе къ себѣ со стороны окружающихъ. Онъ самъ послѣ вспоминалъ въ письмѣ къ князю Курбскому, какъ его съ братомъ Юріемъ въ дѣтствѣ стѣсняли во всемъ, держали какъ убогихъ людей, плохо кормили и одѣвали, ни въ чемъ воли не давали, все заставляли дѣлать насильно и не по возрасту. Въ торжественные, церемоніальные случаи при выходѣ, или пріемѣ пословъ его окружали царственной пышностью, становились вокругъ него съ рабольпнымъ смиреніемъ, а въ будни тѣ же люди не церемонились съ нимъ, порой баловали, порой дразнили. Играютъ они бывало съ братомъ Юріемъ въ спальнѣ покойнаго отца, а князь Шуйскій развалится передъ ними на лавкѣ, обопрется локтемъ о постель отца и ногу на нее положитъ, не обращая никакого вниманія на дѣтей. Горечь, съ какою Иванъ вспоминалъ черезъ 25 лѣтъ объ этомъ, показываетъ, какъ сильно огорчало его сердце. Но въ обстановкѣ, въ какой шло его дѣтство, онъ не всегда могъ тотчасъ обнаружить чувство досады или злости; къ тому же онъ былъ испуганъ въ дѣтствѣ. Въ 1542 г. сторонники князя Василія Шуйскаго напали ночью на стоявшаго за ихъ противниковъ митрополита Іоасафа; владыка скрылся во дворецъ великаго князя. Мятежники разбили окна у Митрополита, бросились за нимъ во дворецъ, и вломились съ шумомъ въ спальню маленькаго государя, разбудили и напугали его. Эти тревожныя сцены боярскаго произвола и насилія, среди которыхъ росъ Иванъ, были его первыми житей-

скими впечатлѣніями. Онъ превратилъ робость царя въ пугливость, изъ которой со временемъ развилась наклонность преувеличивать опасность, раздражительность, и молчаливое, затаенное озлобленіе противъ людей. Вѣчно встревоженный Иванъ рано привыкъ думать, что онъ окруженъ врагами, и получилъ печальную наклонность высматривать, какъ плетутся вокругъ него безконечныя нити козней, которыми, чудилось ему, окружающіе старались его опутать со всѣхъ сторонъ. Это заставляло его постоянно держаться настороже; мысль, что, вотъ-вотъ, изъ за угла покажется недругъ, стало обычнымъ ежедневнымъ его ожиданіемъ. Всего сильнѣе работалъ въ немъ инстинктъ самохраненія; всѣ усилія его бойкаго ума были потрачены на развитіе этого грубаго чувства. Какъ всѣ люди, рано начавшіе борьбу за существованіе, Иванъ быстро выросъ, получилъ преждевременную зрѣлость. Въ 17, 20 лѣтъ онъ уже поражалъ окружающихъ необыкновеннымъ количествомъ передуманныхъ мыслей, до которыхъ его предки не додумывались и въ зрѣлой возрастъ. Въ 1546 г., когда онъ заговорилъ съ окружающими о женитьбѣ и вѣнчаніи на царство, то бояре и митрополитъ, по словамъ лѣтописца, расплакались отъ умиленія и радости, что царь такъ молодъ, а уже такъ много подумалъ, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, отъ всѣхъ утаившись. Это постоянное напряженіе, въ какомъ росъ Иванъ, и вслѣдствіе котораго онъ преждевременно выросъ, породило въ немъ нервную возбуждаемость. Иванъ рано привыкъ вводить въ работу ума дѣйствіе чувства. О чемъ бы онъ ни размышлялъ, онъ постоянно подзадоривалъ свою мысль страстью. Помощью возбужденія онъ могъ разгорячить свою голову до отважныхъ и широкихъ помысловъ; свою

рѣчь до высокаго краснорѣчья; и тогда отъ его слова изливали, какъ отъ раскаленнаго желѣза подъ молотомъ кузнеца искры остроумiя, насмѣшки и пикантныя выраженiя. Иванъ былъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей XVI в. Въ его сочиненiяхъ, написанныхъ подъ диктовку страсти и раздраженiя, онъ поражаетъ гибкостью ума, изворотливостью дiалектики, блескомъ мысли; но это фосфорическiй блескъ, лишенный теплоты; это не вдохновенiе, а горячка головы, нервическая игра, слѣдствiе искусственнаго возбужденiя. Минуты усиленной работы ума и чувства сопровождались полнымъ упадкомъ душевныхъ силъ и тогда отъ его остроумiя не оставалось и простаго здраваго смысла. Въ эти минуты онъ способенъ былъ на замыслы смѣлаго великаго соображенiя. Быстро перегорая такiе люди современемъ, когда слабѣетъ въ нихъ возбуждаемость прибѣгаютъ обыкновенно къ искусственному средству — къ вину, и Иванъ не чуждался этого средства. Нравственной неровностью, смѣной высокихъ подъемовъ духа съ самыми постыдными паденiями объясняется дѣятельность Ивана; онъ совершилъ много хорошаго и рядомъ съ этимъ еще больше поступковъ, которые сдѣлали его предметомъ ужаса и отвращенiя для современниковъ и послѣдующихъ поколѣнiй. Разгромъ Новгорода (1570) Московскiя казни, убiйство сына и митрополита Филиппа и безобразiя съ опричниками въ Александровской слободѣ, — читая обо всемъ этомъ подумаешь, что это былъ звѣрь отъ природы. Но онъ вовсе не былъ такимъ. Когда онъ освобождался отъ внѣшнихъ раздражающихъ впечатлѣнiй, оставался на единѣ съ самимъ собою, съ своими задушевными думами, онъ

овладѣвала грустью, къ которой способны только люди, испытавшіе много нравственныхъ утратъ. Кажется ничего не можетъ быть формальнѣе, безличнѣе духовной грамоты древняго Московскаго князя. Иванъ и въ этомъ канцелярскомъ актѣ выдерживаетъ свой лирическій характеръ. Духовную свою 1572г. онъ начинаетъ религіозными размышленіями и продолжаетъ такими задушевными словами: „тѣло изнемогло, болѣзнуетъ духъ, раны душевныя и тѣлесныя умножилися и нѣтъ врача, который бы исцѣлилъ меня; ждалъ я, ктобы поскорбѣлъ со мной, и никого не явилось, утѣшающихъ я не нашелъ, заплатили мнѣ зломъ за добро, ненавистью за любовь." Библейскій страдалецъ, подумаешь, читая эти строки, - а этотъ страдалецъ нѣсколько времени тому назадъ по одному подозрѣнію въ измѣнѣ разгромилъ города съ цѣлой областью ни въ чемъ неповинныхъ!..

Сами по себѣ описанныя свойства Ивана могли бы послужить только любопытнымъ матеріаломъ для психолога, или лучше для психіатра. Къ сожалѣнію одно обстоятельство сообщило имъ значеніе гораздо болѣе важное, чѣмъ какое имѣютъ обыкновенно психологическія курьозы, появляющіяся въ частной жизни, особенно въ такой обильной всякими душевными курьезами, какъ Русская: Иванъ былъ <u>царь</u>. Черты личнаго характера его дали особое направленіе его политическому образу мыслей, а политическій образъ мыслей оказалъ сильное, хотя и отрицательное, вліяніе на его политическій образъ дѣйствій, т.е. испортилъ его.

Иванъ рано, и много раньше и больше, чѣмъ слѣдовало, сталъ думать своей нервной мыслью

о томъ, что онъ государь Московскій и всея Руси.
Событія боярскаго правленія неотступно поддерживали въ немъ эту думу, сообщили ей тревожный, острый характеръ. Его сердили и обижали, выталкивали изъ дворца и грозили убить людей, къ которымъ онъ привязывался, пренебрегали его просьбами и слезами; у него на глазахъ выказывали непочтеніе къ памяти его отца, сложены безъ, дурно отзывались о покойномъ въ присутствіи сына. Но этого сына всѣ признавали государемъ; ни отъ кого не слыхалъ онъ и намека на то, что его царственное право скорѣе подвергнуться сомнѣнію, спору. Каждый изъ окружающихъ, обращаясь къ Ивану, называлъ его великимъ государемъ; каждый случай, его тревожившій или раздражавшій, заставлялъ его вспоминать о томъ же и съ любовью останавливаться на мысли о своемъ царственномъ достоинствѣ. Ивана учили, какъ учили всѣхъ царей Древней Руси, заставляли безконечно повторять зады, твердить часословъ и псалтырь. Изреченія изъ этихъ книгъ затверживались механически и на всю жизнь врѣзывались въ память. Кажется дѣтская мысль Ивана рано начала проникать въ это механическое зубреніе Часослова и Псалтыря. Здѣсь онъ встрѣчалъ строки о царѣ и царствѣ, о помазанникѣ Божіемъ, о нечестивыхъ совѣтникахъ, о блаженномъ мужѣ, который не ходитъ на совѣтъ ихъ и т. д. Съ тѣхъ поръ какъ сталъ Иванъ понимать свое сиротское положеніе и думать объ отношеніяхъ своихъ къ окружающимъ, эти строки должны были живо затрогивать его вниманіе. Онъ понималъ эти библейскіе афоризмы по своему прилагая ихъ къ себѣ и къ сво-

ему положенію. Они давали ему прямые и успокоительные отвѣты на вопросы, какіе возбуждались въ его головѣ тревожными столкновеніями, давали высоконравственное оправданіе чувству злости, какое вызывали въ немъ эти столкновенія. Легко понять, какіе быстрые успѣхи въ изученіи чтенія долженъ былъ сдѣлать Иванъ, примѣняя къ своей книжности такой первый себялюбивый методъ, изучая и толкуя слово Божіе подъ диктовку раздраженнаго и капризнаго чувства. Съ тѣхъ поръ книги должны были стать любимымъ предметомъ его занятій. Отъ псалтыря онъ охотно перешелъ къ другимъ книгамъ писанія, перечитывалъ много, что могъ достать изъ тогдашняго книжнаго запаса. Это былъ начитаннѣйшій Москвичъ XVI ст. Недаромъ современники называли его „словесной мудрости риторомъ": все что онъ читалъ, было духовнаго содержанія; вездѣ находилъ онъ и отмѣчалъ одни и тѣже мысли и образы, которые близко подходили къ его настроенію, вторили его собственнымъ думамъ. Онъ читалъ и перечитывалъ любимыя мѣста и они неизгладимо врѣзывались въ его память. Не хуже нынѣшнихъ разныхъ ученыхъ Иванъ любилъ пестрить свои сочиненія цитатами кстати и не кстати. На каждомъ шагу онъ вставлялъ въ своихъ рѣчахъ отдѣльныя строки изъ писанія, иногда выписывалъ подрядъ цѣлыя главы изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ или апостольскихъ посланій и очень часто искажалъ ихъ текстъ безъ всякой нужды. Это происходило не отъ небрежности въ списываніи, а отъ того, что Иванъ, очевидно, выписывалъ изъ своихъ источниковъ наизусть.

Такъ зародилось въ головѣ Ивана политическое размышленіе — занятіе, котораго не знали его предки, ни среди дѣтскихъ игръ, ни въ хозяйствен-

ныхъ заботахъ зрѣлаго возраста, что занятіе шло въ тихомолку тайкомъ отъ окружающихъ, которые долго не замѣчали, въ какую сторону направлена встревоженная мысль молодого государя. Вотъ почему въ 1546г., когда Ивану едва минуло 17 лѣтъ, онъ поразилъ бояръ неожиданностью своихъ думъ, заговоривъ съ ними о томъ, что онъ задумалъ жениться; но что прежде женитьбы онъ хочетъ „поискать прародительскихъ порядковъ, какъ прародители его цари и великіе князья и сродникъ ихъ Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе садились". Первымъ помысломъ Ивана при выходѣ изъ правительственной опеки бояръ было принять титулъ царя и вѣнчаться на царство торжественнымъ церковнымъ обрядомъ, какъ былъ вѣнчанъ его отецъ. Бояре удивились, что царь такъ молодъ, а уже прародительскихъ обычаевъ поискалъ. Политическія его думы вырабатывались тайкомъ отъ бояръ, какъ тайкомъ складывался его нравственный характеръ. По позднѣйшимъ сочиненіямъ, царя можно съ нѣкоторой точностью возстановить весь процессъ его политическаго самовоспитанія. Его посланія къ кн. Курбскому напоминаютъ политическіе трактаты о царской власти и государственномъ порядкѣ и напоминаютъ обличительные памфлеты противъ боярства. Попробуйте бѣгло перелистовать эти длинныя, пространныя посланія: васъ поразитъ видимая безпорядочность, съ какой излагаются здѣсь мысли, и необыкновенная пестрота, разнообразіе книжнаго матеріала, который авторъ щедрою рукою разсыпалъ по своимъ страницамъ. Чего тутъ нѣтъ, какихъ именъ, текстовъ и примѣровъ! Длинныя и короткія выписки изъ Григорія Назіанзина, Іоанна Златоуста и другихъ отцовъ церкви, строки и цѣлыя страни-

цы изъ пророка Исаіи, книгъ Моисеевыхъ и другихъ частей Библіи; образы изъ греческой мифологіи — Зевсъ, Аполлонъ, герои Иліады — Антеноръ и Эней, библейскія имена Гедеона, Авимелеха, Евфафа, безсвязные эпизоды изъ исторіи Евреевъ, Римской и Византійской имперіи и даже западныхъ народовъ со средневѣковыми именами Гензериха Вандальскаго, Готовъ Савроматовъ, Французовъ, — выхваченными изъ древне-русскихъ учебниковъ всеобщей исторіи - хронографовъ, и, наконецъ, порой мимоходомъ брошенная черта изъ русскихъ лѣтописей, — все это перепутанное, переполненное анахронизмами выплываетъ въ посланіяхъ у Ивана, повинуясь капризному движенію его мысли, и вся эта ученая каша сдобрена философскими и политическими афоризмами и посолена хлесткимъ, иногда удачнымъ сарказмомъ или ироніей. Какая хаотическая пестрота, набитая сбродомъ всякой всячины, подумаешь, пересматривая эти посланія. Недаромъ князь Курбскій называетъ посланія Ивана бабьей болтовней, гдѣ изреченія св. писанія чередуются съ рѣчами о женскихъ тѣлогрѣяхъ и постеляхъ. Но всматриваясь пристальнѣе въ этотъ пенящійся потокъ воспоминаній, чувствъ и мыслей, вы безъ труда уловите основную мысль, которая тонкой нитью проходитъ по этимъ повидимому столь нестройнымъ страницамъ. Затверженные авторомъ съ дѣтства его библейскіе тексты писанія всѣ одинаковаго содержанія. Всѣ они говорятъ о царской власти, о ея божественномъ происхожденіи, объ отношеніяхъ къ ней совѣтниковъ и всѣхъ подданныхъ, о гибельныхъ послѣдствіяхъ безначалія, разновластія и т. п. Вчитываясь въ писанія Ивана создаешь себѣ изъ ветхозавѣтныхъ образовъ особый идеальный міръ, въ кото-

рый уходилъ, спасаясь отъ житейскихъ тревогъ и огорченій. Онъ съ любовью созерцалъ эти вѣтхозавѣтные образы помазанниковъ Божіихъ Давида, Соломона; но въ этихъ образахъ онъ созерцалъ самого себя, старался найти въ нихъ отраженіе своей собственной царственной особы; понятно, что онъ любовался собой, что въ такомъ отраженіи его собственная фигура представлялась ему въ блескѣ и величіи, какого и не чудилось его предкамъ, простымъ Московскимъ князьямъ. Иванъ былъ первый русскій государь, который узрѣлъ въ себѣ царя въ смыслѣ библейскаго помазанника Божія. Это было политическимъ открытіемъ для Ивана и съ той минуты его царственное „я“ сдѣлалось для него предметомъ поклоненія, онъ самъ для себя сталъ святыней и создалъ себѣ цѣлое богословіе своей царской власти. Тономъ вдохновеннаго свыше и вмѣстѣ съ тонкой ироніей пишетъ онъ своему врагу Стефану Баторію во время переговоровъ о мирѣ, колоя ему глаза его избирательной властью: „Мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси по Божію изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію.“ Но изъ всѣхъ этихъ усилій мысли и воображенія царь вынесъ простую голую мысль о царской власти безъ всякой обдуманной политической программы. Увлеченный борьбою, онъ опустилъ изъ виду вопросы государственной жизни и усиленной работой развилъ въ себѣ отвлеченную мысль о личной власти, не умѣя приладить ее къ окружающей дѣйствительности. Потому стоявшіе на очереди практическіе вопросы государственнаго порядка остались у него неразрѣшенными. Въ молодости, начавъ править государствомъ, онъ окружилъ себя способными совѣтниками большею час-

тѣхъ изъ бояръ, и съ ними повелъ смѣлую внѣшнюю и внутреннюю политику. Предприняты были удачныя войны на востокѣ и западѣ, цѣлью которыхъ было съ одной стороны, раздвинуть и обезопасить юговосточные предѣлы государства, съ другой стороны же — добраться берега Балтійскаго моря и войти въ непосредственныя промышленныя и культурныя сношенія съ западной Европой. Въ то время были также задуманы широкія реформы въ центральномъ областномъ управленіи и въ отношеніяхъ разныхъ классовъ общества. Основной мыслію этихъ реформъ было устроить мѣстные земскіе міры и призвать ихъ къ участію въ управленіи нетолько мѣстномъ, но даже и центральномъ. Но царь не ужился съ своими совѣтниками. При болѣзненновозбужденности чувствъ* добрый совѣтъ посягательствомъ на свои верховныя права, несогласіе съ своими планами знакомъ заговора и измѣны. Удаливъ отъ себя добрыхъ совѣтниковъ, онъ отдался одностороннему направленію своей сложенной политической мысли, ведя подозрительныя казни и крамолы и неосторожно возбудилъ старый вопросъ объ отношеніи государя къ боярству, вопросъ, котораго онъ не въ состояніи былъ разрѣшить и котораго потому не слѣдовало возбуждать. Вопросъ состоялъ въ точномъ опредѣленіи отношенія самодержавной власти Московскаго государя новому Московскому боярству въ томъ положеніи, какъ оно заняло въ государствѣ, но царь Иванъ еще менѣе своихъ предковъ умѣлъ опредѣлить это отношеніе. Выработавъ себѣ чрезвычайно исключительную и нетерпимую совершенно отвлеченную теорію верховной власти, онъ рѣшилъ, что онъ не можетъ

пропущено:
* власти, при подозрительномъ умѣ, онъ считалъ.

править государствомъ такъ, какъ правили его отецъ и дѣдъ, посредствомъ бояръ; но какъ иначе онъ долженъ править, этого онъ не могъ уяснить себѣ. Превративъ политическій вопросъ въ ожесточенную борьбу въ безцѣльную и неразборчивую рѣзню, онъ своей опричиною внесъ въ общество страшную смуту, а сыноубійствомъ разстроилъ свою семью и подготовилъ гибель своей династіи. Между тѣмъ успѣшно начатыя имъ внѣшнія предпріятія и внутреннія реформы разстроились или были брошены недоконченными благодаря нелѣпо затянувшейся внутренней борьбѣ.—

Такимъ образомъ значеніе царя Ивана въ исторіи нашего государства вовсе не такъ велико, какъ можно было бы думать, судя по шуму, какой производила его дѣятельность. Грозный царь больше подѣйствовалъ на воображеніе и нервы современниковъ, чѣмъ на современный государственный порядокъ. Жизнь Московскаго государства и безъ Ивана устроилась бы такъ же, какъ она устраивалась до него и послѣ него; но это устройство безъ него пошло бы и послѣдовательнѣе, чѣмъ оно шло при немъ и послѣ него, важнѣйшіе политическіе вопросы были бы разрѣшены безъ тѣхъ потрясеній, какія были имъ подготовлены. Иванъ былъ замѣчательный писатель, даже бойкій политическій мыслитель, но онъ не былъ государственный дѣлецъ. Одностороннее, себялюбивое направленіе его политической мысли при его нервной возбужденности лишило его практическаго такта, чутья дѣйствительности и, предпринявъ завершеніе государственнаго порядка, заложеннаго его предками, незамѣтно для себя самого кончилъ тѣмъ, что поколебалъ самыя основанія этого порядка. Его можно сравнить съ тѣмъ ветхозавѣтнымъ

Самсона богатыря, который, чтобы погубить враговъ, обрушилъ на самого себя зданiе, на кровлѣ коего эти враги сидѣли.

Изучивъ положенiе боярства въ Московскомъ государствѣ, перейдемъ къ изученiю другихъ классовъ русскаго общества.

Устройство служилаго класса.

Его элементы.

Мы изучили положенiе, какое заняло Московское боярство при своемъ новомъ составѣ въ государственномъ управленiи. Но политическое значенiе боярства не ограничивалось его правительственнымъ положенiемъ. Боярство имѣло еще военное значенiе. Бояринъ былъ не только правительственный совѣтникъ и сотрудникъ, но и соратникъ своего князя. По этому военному значенiю боярство было только верхнимъ слоемъ многочисленнаго военнаго, служилаго класса, сформировавшагося въ Московскомъ государствѣ въ продолженiи XV и XVI в. Какъ правительственный боярство выдѣлялось изъ этого класса; но оно входило въ его составъ какъ военно-служилый. Теперь изучимъ составъ и положенiе этого военно-служилаго класса, разумѣя и боярство, какъ его составную часть.

Составъ военно-служилаго класса въ Московскомъ государствѣ тѣхъ вѣковъ былъ очень сложенъ. Чтобы понять составные элементы, изъ которыхъ онъ сложился, надо припомнить составъ общества въ удѣльныхъ княжествахъ. Общество дѣлилось на классы по роду услугъ, какiя оказывали они удѣльному князю: одни служили ему ратную службу и назывались слу-

гами вольными; другие служили по дворцовому хозяйству князя и были его дворовыми людьми; наконец, третьи снимали у князя его земли, что платили ему подать и назывались людьми тяглыми или черными. Вот три класса, из которых гражданское общество в удельном княжестве: слуги вольные с боярами во главе, слуги дворцовые и люди черные, городские или сельские. Особое положение занимали разные разряды лиц, составлявшие церковное общество с духовенством во главе. Эти слои удельного общества или целиком вошли или внесли свои вклады в состав служилого класса в Московском государстве. В основание этого класса легли слуги вольные, служившие при Московском княжеском дворе удельных веков. Уже до половины XV в. Московский двор был многочисленнее дворов всех других княжеств великих и удельных, существовавших на Руси. Уже до Ивана III на Московской службе можно насчитать до 40 знатных боярских фамилий, не говоря о фамилиях средних и низших вольных слуг. С половины XV столетия состав этого первоначального Московского двора осложняется новыми военными элементами, вошедшими в него со стороны. То были: 1) князья великие и удельные, одиночками сошедшие с своих столов и вошедшие в состав Московского боярства, 2) бояре и вольные слуги бывших великих и удельных князей, вместе с своими государями перешедшие на Московскую службу. Кроме этих военных вольных слуг в состав военно-служилого класса в Московском государстве вошли элементы и не военные или невольные по происхождению. То были: 1) бывшие дворцовые

не военные, большей частью даже не свободные, слуги великихъ и удѣльныхъ князей, разные приказные и ремесленные люди, служившіе при княжескихъ дворахъ для хозяйственныхъ надобностей: ключники, казначеи, тіуны, дьяки съ подъячими, конюхи, псари, садовники и т.п. Съ половины XV в. эти дворцовые слуги стали получать отъ Московскаго великаго князя земли за свою службу наравнѣ съ военно-служилыми людьми и вошли въ одинъ разрядъ съ послѣдними, неся по землѣ одинаковую ратную повинность. 2) У прежнихъ удѣльныхъ бояръ были свои вооруженные слуги, съ которыми господа ходили въ походъ. Эти дворовые слуги назывались „послужильцами". Съ половины XV в. Московское правительство стало отбирать этихъ послужильцовъ на государственную службу, давая имъ земли и заставляя ихъ по землѣ нести военную повинность наравнѣ съ прочими служилыми людьми. 3) Неслужилое тяглое общество, называвшееся въ удѣльные вѣка „земскими черными людьми" вмѣстѣ съ духовенствомъ также внесло свой вкладъ въ составъ военно-служилаго класса. Тяглые неслужилые люди вмѣстѣ съ поповичами различными путями проникали въ этотъ классъ. а) Съ половины XV в. установилось правило, что всѣ личные землевладѣльцы должны нести военную повинность. Завоевывая вольные города, Новгородъ, Вятку, Псковъ, Московское правительство находило тамъ горожанъ землевладѣльцевъ, какъ землевладѣльцевъ, верстая ихъ въ службу, однихъ оставляя на мѣстѣ, а другихъ переводя въ центральные уѣзды Мос-

ковскаго государства и надѣляя здѣсь вотчинами и помѣстьями. Такимъ образомъ значительное количество бывшихъ горожанъ землевладѣльцевъ Новгорода, Пскова и Вятки очутилось въ составѣ военно-служилаго Московскаго класса. b) Съ усложненіемъ приказной администраціи и письменнаго канцелярскаго дѣлопроизводства развивался и классъ дьяковъ съ подьячими. Эти дьяки съ подьячими вербовались преимущественно изъ грамотныхъ людей, принадлежавшихъ къ духовному сословію или городскому простонародью. Еще князь Курбскій писалъ, что большинство дьяковъ его времени вышло „изъ поповичей и простаго всенародства." Эти дьяки съ подьячими получали за свою приказную службу въ награду, или пріобрѣтали сами вотчины и помѣстья и по землямъ обязаны были отбывать ратную повинность. Дѣти ихъ часто уже не сидѣли въ канцеляріяхъ, а съ вотчинъ и помѣстій своихъ несли ратную службу. c) Нуждаясь въ ратныхъ людяхъ для внѣшней обороны Московское правительство вербовало ихъ и изъ тяглыхъ классовъ городскихъ и сельскихъ даже изъ несвободнаго класса холоповъ. Приказный человѣкъ половины XVII в. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что во время прежнихъ войнъ Московское правительство брало ратныхъ людей изъ всѣхъ классовъ, даже изъ крестьянъ и холоповъ. Многіе изъ нихъ за свою ратную службу и за „полонное терпѣніе" освобождались изъ крестьянства, и изъ холопства, получали отъ правительства мелкія вотчины и помѣстья и такимъ образомъ становились военно-служилыми людьми. Таковы были разнообразные туземные элементы, вошедшіе въ составъ военно служилаго Московскаго класса. Но кромѣ...

въ удѣльные вѣка, такъ и въ XV, XVI, XVII ст. не прекращался приливъ ратныхъ слугъ изъ-за границы: Литвы, Польши, Германіи, изъ татарскихъ ордъ. Московское правительство иногда усиленно стараясь принимало этихъ выѣзжихъ слугъ. Такъ видимъ, что „новокрещенные Татары" часто усиленно гнѣздились „испомѣщались" въ Московскихъ областяхъ. Довольно трудно опредѣлить количественное отношеніе между этими разнообразными составными элементами Московскаго служилаго люда. До насъ дошла оффиціальная родословная книга, составленная въ концѣ XVII в. Въ нее занесены старинныя служилыя фамиліи, которыя составляли верхній слой служилаго класса, составившій то, что потомъ стали называть столбовымъ дворянствомъ. По недостатку точныхъ данныхъ нѣтъ возможности опредѣлить количественное отношеніе между составными элементами этого класса по ихъ соціальному происхожденію; но есть возможность разсортировать ихъ по ихъ происхожденію національному. По этой книгѣ фамилій русскихъ, т.е. великорусскаго происхожденія было 33%, происхожденія польско-литовскаго, т.е. въ значительной степени тоже русскаго 24%, происхожденія западно-европейскаго и нѣмецкаго 25%, происхожденія татарскаго и вообще восточнаго 17% и 1% остается невыясненъ.

Мы перечислили разнообразные общественные и національные элементы, изъ которыхъ слагался служилый классъ въ Московскомъ государствѣ XV и XVI в. Это разнообразіе элементовъ сообщило необыкновенную пестроту военно-служилому классу. Со временемъ эти разнообразные элементы посредствомъ одинаковыхъ правъ и обязанностей слились въ одно сословіе, а сослов

ныя права и обязанности вмѣстѣ съ одинаковымъ воспитаніемъ, одинаковыми понятіями и нравами сдѣлаютъ это сословіе въ плотный однообразный слой, который подъ именемъ дворянства надолго станетъ во главѣ русскаго общества и оставитъ въ немъ глубокіе слѣды своего вліянія. Но въ XVI в. не было еще ничего подобнаго: говоря о служилыхъ людяхъ того вѣка, надобно заводить рѣчь объ одномъ сложномъ сословіи. Разнообразіе составныхъ элементовъ класса отразилось и на его служебномъ положеніи. Различные слои его составили служебную іерархію, по ступенямъ которой они расположились. Эта служебная іерархія состояла изъ нѣсколькихъ разрядовъ или чиновъ. Вотъ ихъ перечень, начиная сверху: 1) <u>чины думные</u> — бояре, окольничіе и думные дворяне; 2) <u>чины Московскіе</u>, столичные стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, жильцы, 3) <u>чины провинціальные — городовые</u> дворяне и дѣти боярскіе. Эта лѣстница Московскихъ служилыхъ чиновъ очень похожа на позднѣйшую табель о рангахъ, но она отличалась отъ послѣдней тѣмъ, что служебные чины нашего времени пріобрѣтаются исключительно личной службой, а служебные чины древней Москвы пріобрѣтались не столько личной службой сколько „отечествомъ", т.е. службой отцовъ и дѣдовъ, слѣдовательно въ значительной степени были наслѣдственны. Человѣкъ знатнаго боярскаго рода обыкновенно начиналъ службу свою съ чина Московскаго дворянина или даже стольника и постепенно поднимался выше до боярства. Незнатный провинціальный дворянинъ могъ дослужиться до чина жильца или Московскаго дворянина, но чрезвычайно рѣдко поднимался выше. Значитъ, родовитый человѣкъ начиналъ съ того, чѣмъ иногда и то очень рѣдко кончалъ неродовитый.

Наборъ этого многочисленнаго военнослужилаго класса сопровождался глубокими перемѣнами въ строѣ всего общества въ Московскомъ государствѣ. Этотъ наборъ со всѣми своими послѣдствіями былъ тѣсно связанъ съ основнымъ фактомъ, изъ котораго вышли уже изученныя нами политическія явленія того періода, т.е. съ территоріальнымъ расширеніемъ Московскаго государства. Новыя границы государства поставили его въ непосредственное сосѣдство съ внѣшними иноплеменными врагами Руси — Шведами, Поляками, Татарами. Это сосѣдство ставило государство въ положеніе, которое дѣлало его похожимъ на вооруженный лагерь, съ трехъ сторонъ окруженный врагами, боровшійся на три фронта. На западѣ эта борьба изрѣдка прерывалась кратковременными перемиріями, на югѣ и юговостокѣ не прерывалась никогда. Такое состояніе непрерывной борьбы стало уже нормальнымъ въ XVI в. Англійскій посолъ Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ XVI в. пишетъ, что война съ Татарами Крымскими, Ногаями, Черемисами и другими восточными инородцами бываетъ у Москвы каждый годъ. Татары Крымскіе обыкновенно нападаютъ на предѣлы Московскаго государства разъ или дважды въ годъ иногда около Троицына дня, чаще во время жатвы. Они налетаютъ изъ степей на Русь отдѣльными стаями, кружась около границъ подобно дикимъ гусямъ, бросаясь туда, гдѣ чуялась добыча, захватывая и опустошая все на пути. Плѣнные — главная добыча, которой они ищутъ, особенно мальчики и дѣвочки, которыхъ они продаютъ въ Турцію и другія страны. Въ XVI в. по берегамъ Тихой Сосны и Средняго Донца верхъ [illegible]

было встрѣтить русскихъ рабовъ и рабынь. Для этой добычи Татары отправлялись въ походъ, украшенные корзинами. Пограничные жители, привыкнувъ къ этимъ ежегоднымъ нападеніямъ, держали очень мало скота, только свиньи гуляли въ степи на просторѣ, запрещенныя Магометовымъ закономъ. Такъ въ XVI в. на южной границѣ Московскаго государства повторялись печальныя явленія, какія описываетъ древняя Кіевская лѣтопись XI-XII вв, разсказывая о Печенѣгахъ и Половцахъ. Разрядныя книги XVI в, въ которыхъ заносились всѣ военныя распоряженія, живо рисуютъ тревожную жизнь на опасныхъ Московскихъ границахъ. Ранней весной въ Разрядномъ приказѣ (въ военномъ министерствѣ или главномъ штабѣ) закипала оживленная работа. Дьяки съ подьячими разсылали повѣстки въ разные уѣзды Московскаго государства съ приказомъ мобилизировать ратныхъ людей городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ назначая имъ сборные пункты. Городовые дворяне и дѣти боярскіе поднимались на ноги и выступали въ походъ къ назначенному пункту „конны людны и оружны". Пересмотрѣвъ ихъ на сборныхъ пунктахъ, присланные изъ Москвы воеводы соединяли ихъ въ полки, а полки въ цѣлыя арміи, изъ которыхъ одну ставили на Клязьмѣ у Владиміра или подъ Нижнимъ, другую подъ Коломной или выше подъ Тулой, третью на Угрѣ или въ другомъ мѣстѣ на Литовской границѣ. Оградившись такимъ образомъ со всѣхъ опасныхъ сторонъ, въ Москвѣ ждали вѣстей о движеніи враговъ, и полки иногда стояли на своихъ мѣстахъ до глубокой осени, пока распутица или морозы не являлись имъ на смѣну. Окраины Мос-

ковское государство отъ внѣшнихъ враговъ. Огромныя массы вооруженнаго люда ежегодно поднимались на ноги для этой сторожевой службы. Постоянныя опасности создали для Московскаго правительства необходимость во многочисленной вооруженной силѣ. По мѣрѣ того, какъ эта сила создавалась возникалъ и требовалъ все настоятельнѣе разрѣшенія одинъ вопросъ, какъ содержать эту многочисленную вооруженную массу. Въ удѣльные вѣка содержаніе немногочисленнаго служилаго люда при княжескомъ дворѣ обезпечивалось тремя главными источниками. Это были: 1) денежное жалованье, о которомъ еще говорятъ извѣстія XIII в., хотя потомъ оно становится незамѣтно, 2) вотчины, пріобрѣтенію которыхъ служилыми людьми содѣйствовали сами князья, 3) кормленія, т.е. доходы съ извѣстныхъ правительственныхъ должностей, на которыя назначались служилые люди. Въ XV и XVI в. эти удѣльные источники были уже недостаточны для хозяйственнаго обезпеченія все разроставшагося служилаго класса. Возникала настоятельная нужда въ новыхъ экономическихъ средствахъ. Но Московское объединеніе сѣверной Руси не дало такихъ средствъ, не сопровождалось замѣтнымъ подъемомъ народнаго благосостоянія; торговля и промышленность не сдѣлали замѣтныхъ успѣховъ. Благодаря успѣшному собиранію Руси Московскій государь-хозяинъ пріобрѣлъ одинъ новый капиталъ: то были обширныя пространства земли пустой или жилой, т.е. населенной крестьянами. Этотъ капиталъ онъ только и могъ пустить въ оборотъ для обезпеченія содержанія служилыхъ людей. Такимъ образомъ земля въ Московскомъ государ-

сделалась политическимъ средствомъ экономическаго обезпеченія государственной ратной службы. Изъ этого соединенія службы съ землевладеніемъ развилась поместная система. Поместная система является вторымъ важнымъ факторомъ въ исторіи русскаго общества съ половины XVI в., вытекшимъ изъ территоріальнаго расширенія Московскаго государства, считая первымъ факторомъ усиленный наборъ многочисленнаго служилаго класса.

Происхожденіе и развитіе поместной системы.

Поместной системой называемъ тотъ порядокъ служилаго землевладенія, установившійся въ Московскомъ государстве XV и XVI в. Въ основаніи этого порядка лежало поместье. Поместьемъ въ Московской Руси назывался участокъ казенной государственной земли, данный государемъ въ личное владеніе служилому человеку подъ условіемъ службы, т.е. какъ награда за службу и вместе какъ средство для службы. Подобно самой службе это владеніе было временнымъ, обыкновенно пожизненнымъ. Условнымъ, личнымъ и временнымъ характеромъ своимъ поместное владеніе отличалось отъ вотчины, составлявшей полную и наследственную земельную собственность своего владельца. Какъ и все въ Московскомъ государстве, поместное владеніе землей возникло еще въ удельное время: оно имело свой первоначальный источникъ въ порсмесномъ хозяйстве удельнаго московскаго князя.

Происхожденіе и развитіе поместнаго владенія одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ въ исторіи русскаго права и государственнаго устрой-

ства. Чтобы объяснить происхожденіе его, надо припомнить опять составъ общества въ удѣльномъ княжествѣ. Мы видѣли, что при дворѣ удѣльнаго князя было два рода слугъ: „вольные" военные и дворцовые полусвободные, называвшіеся слугами „подворскими," вольные слуги составляли дружину князя, дворцовые подъ руководствомъ дворецкаго составляли княжескую службу. Существенное отличіе службы дворцовой отъ вольной состояло въ томъ, что первая была личная, вторая поземельная. Вольные слуги принимали на себя по уговору съ княземъ извѣстныя служебныя обязанности, которыя не простирались на ихъ вотчину. Служебныя отношенія вольныхъ слугъ были совершенно обособлены отъ отношеній поземельныхъ. Вотъ почему въ удѣльные вѣка вольный слуга могъ покинуть князя, которому онъ служилъ, и перейти на службу къ другому, не теряя своихъ владѣльческихъ правъ на вотчину, находившуюся въ покинутомъ княжествѣ. Это раздѣленіе службы и поземельныхъ отношеній вольныхъ слугъ чрезвычайно точно и ясно проведено въ договорныхъ грамотахъ князей удѣльнаго времени. Такъ напримѣръ въ договорѣ сыновей Калиты 1341 г. младшіе братья говорятъ старшему Семену: „а бояромъ и слугамъ вольнымъ воля; кто поѣдетъ отъ насъ къ тобѣ или отъ тобе къ намъ, нелюбья ни не держати." Если вольный слуга покинетъ службу при дворѣ одного брата и перейдетъ къ другому, оставленный братъ не долженъ мстить за это покинувшему его слугѣ. Итакъ вольная служба не была связана съ землевладѣніемъ. Напротивъ служба дворцовая всегда обусловливалась землевладѣніемъ. Эти дворцовые слуги были

ключники, тiуны, псари, конюхи и разные другiе ремесленники и рабочiе люди. Одни изъ нихъ были лично свободные люди, другiе принадлежали къ холопамъ князя; тѣ и другiе одинаково не имѣли поземельной собственности. Но тѣмъ и другимъ удѣльные князья за ихъ службу, или для обезпеченiя ея исправнаго отбыванiя, давали участки земли въ пользованiе. Отношенiе такихъ слугъ къ князю довольно ясно изображено въ духовной грамотѣ удѣльнаго князя серпуховского Владимiра 1410 года. Князь завѣщатель говоритъ здѣсь о своихъ дворовыхъ людяхъ, которымъ розданы были земли въ пользованiе: „а кто изъ бортниковъ, или садовниковъ, или псарей и т.п. не захочетъ жить на тѣхъ земляхъ, иныхъ земли лишенъ, - поди прочь, а сами сыну моему князю Ивану не надобны, на котораго грамоты полной не будетъ (т.е. которые изъ этихъ людей лично свободны, не холопы полные)." Значитъ, для тѣхъ и другихъ пользованiе землей князя неразрывно было связано со службой по княжескому хозяйству. Но эти дворцовые слуги не могли прiобрѣтать земли въ полную безусловную собственность на вотчинномъ правѣ, на какомъ владѣли землей слуги вольные. Въ той же духовной князя Влад. Серпуховского мы читаемъ любопытное условiе: „а кто мои ключники не купленные, а покупали деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтямъ моимъ не надобны, а деревни ихъ дѣтямъ моимъ, во всемъ будутъ удѣлѣ." Значитъ, эти ключники были лично свободными людьми. Служа князю, они покупали деревни, т.е. прiобрѣтали ихъ въ собственность; но эта собственность не признавалась полной. Какъ скоро ключники, пользовавшiеся личной свободой, покидали службу,

при князѣ, они считались и купленыхъ или деревень. Итакъ различные роды службы при удѣльномъ княжескомъ дворѣ вознаграждались разными способами. Вольные слуги получали отъ князя за свою службу кормы и доводы, т.е. доходныя административныя и судебныя должности. Не встрѣчаемъ ни одного случая, чтобы въ XIV и началѣ XV в. бояре или вольные слуги получали отъ князя земли за свою службу. Напротивъ слуги дворцовые не назначались на правительственныя и судебныя должности; служба ихъ вознаграждалась земельными дачами, но подъ условіемъ службы. Эти земельныя дачи дворцовыхъ слугъ и были юридическимъ первообразомъ помѣстнаго владѣнія. Съ половины XV в., съ объединеніемъ Сѣверной Руси мы замѣчаемъ важныя перемѣны въ строѣ служилаго класса. Во первыхъ служба вольныхъ слугъ перестаетъ быть вольною. Вольные слуги лишаются права покидать службу великому князю Московскому и переѣзжать въ удѣлы, тѣмъ менѣе за русскую границу. Съ другой стороны вольнымъ слугамъ за службу Московскій государь даетъ земли. Эти земли жаловались на какомъ-то особенномъ правѣ, отличномъ отъ вотчиннаго; это владѣніе въ первое время не называлось еще помѣстьемъ, но отличалось уже условнымъ характеромъ. Такой характеръ особенно ясно высказывается въ одномъ замѣчаніи духовной грамоты Василія Темнаго 1462 г. Въ борьбѣ съ Шемякой однимъ изъ усерднѣйшихъ слугъ этого князя былъ принадлежавшій къ хорошей фамиліи слуга вольный Ѳедоръ Басенокъ. Мать великаго князя Василія дала этому Басенку два своихъ села въ Коломенскомъ уѣздѣ, предоставивъ сыну своему по смерти ей рас-

порядковыя отчины селами. Сынъ въ своей духовной пишетъ о селахъ Басенка, что послѣ Басенкова живота тѣ села должны отойти къ его великой княгинѣ-женѣ. Значитъ села, пожалованныя вольному слугѣ, даны были слугѣ только въ пожизненное владѣніе. Это одинъ изъ признаковъ владѣнія помѣстнаго. Далѣе дворцовая служба, въ удѣльные вѣка столь рѣзко отличавшаяся отъ вольной, съ половины XV в. стала сливаться съ послѣдней. Слуги вольные, какъ и дворцовые одинаково стали зваться служилыми людьми Московскаго государя. И тѣмъ и другимъ начали давать казенныя земли въ пользованіе совершенно на тѣхъ же правахъ, на какихъ получали ихъ дворцовые слуги XIV в. Какъ скоро произошли эти перемѣны въ служебныхъ отношеніяхъ и въ служиломъ землевладѣніи, тогда возникло и помѣстное владѣніе.

Чтобы яснѣе представить себѣ происхожденіе этого владѣнія, повторимъ еще разъ процессъ его возникновенія и развитія. При удѣльныхъ княжескихъ дворахъ различались два рода службы. Служба вольная военно-административная и служба полусвободная дворцово-хозяйственная. Служба вольная вознаграждалась кормленіями, судебно-административными должностями, служба дворцовая земельными дачами. Первая служба имѣла личный характеръ, условія ея не простирались на землевладѣніе; вторая имѣла характеръ поземельный, неразрывно связана была съ землевладѣніемъ, имъ условливалась и его обусловливала. Такъ въ удѣльные вѣка сложились 2 типа княжескихъ слугъ-землевладѣльцевъ:

слуги перваго типа назывались боярами и слугами вольными, а вторые — слугами дворцовыми или подворскими. Съ объединеніемъ Сѣверной Руси въ положеніи тѣхъ и другихъ произошелъ важный переворотъ, сблизившій оба рода службы: съ одной стороны служба вольныхъ людей перестала быть вольною, съ другой, служба дворцовыхъ смѣшалась съ военно-административной службой вольныхъ людей. Соотвѣтственно этому перемѣна произошла и въ условіяхъ землевладѣнія: на вотчины вольныхъ слугъ пали служебныя повинности ихъ владѣльцевъ; землевладѣніемъ дворцовыхъ слугъ стала обезпечиваться ратная служба. Какъ скоро исчезла воля слугъ вольныхъ, ратная повинность была одинаково разложена на земли всякихъ слугъ, прежнихъ вольныхъ и дворцовыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторымъ слугамъ стали давать земельныя дачи въ пользованіе подъ условіемъ службы. Эти земельныя дачи и получили названіе помѣстій.

Итакъ помѣстное владѣніе развилось изъ служилаго дворцоваго землевладѣнія удѣльныхъ вѣковъ; только помѣстье обезпечивало не дворцовую, а ратную службу своихъ владѣльцевъ. Такая перемѣна становится замѣтна во второй половинѣ XV в. Съ этой поры возникаетъ юридическая идея помѣстья, какъ средства обезпеченія государственной ратной, а не хозяйственной дворцовой службы. Съ этого же времени помѣстное владѣніе начинаетъ складываться въ строгую и сложную систему, вырабатываются точныя правила раздачи земель въ помѣстное владѣніе. Эти правила стали необходимы, когда

правительство усиленными наборами, создавъ многочисленную вооруженную массу, начало обезпечивать ея содержаніе земельными дачами. Слѣды усиленной и систематической раздачи казенныхъ земель въ помѣстное владѣніе появляются уже во второй половинѣ XV вѣка. До насъ дошла переписная книга Вотской пятины Новгородской земли, составленная въ 1500 году. Въ двухъ уѣздахъ этой пятины Ладожскомъ и Ореховскомъ по этой книгѣ встрѣчаемъ уже 106 московскихъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ находилось около 3000 дворовъ съ 4000 жившихъ въ нихъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Эти цифры показываютъ, какъ торопливо шло испомѣщеніе служилыхъ людей и какого развитія достигло московское помѣстное владѣніе на сѣверозападной окраинѣ государства, — въ Новгородской землѣ, въ теченіе какихъ нибудь 20 лѣтъ по завоеваніи Новгорода. Въ указанныхъ уѣздахъ Вотской пятины по переписной книгѣ 1500 года едва ли не большая половина всей пахотной земли была уже во владѣніи помѣщиковъ переведенныхъ изъ центральной Московской Руси. Слѣды такого же усиленнаго развитія помѣстнаго владѣнія встрѣчаемъ и въ центральныхъ уѣздахъ государства. Отъ первыхъ годовъ XVI вѣка сохранилось нѣсколько межевыхъ грамотъ, разграничивающихъ Московскій и ближайшіе къ нему уѣзды одинъ отъ другого. По границамъ этихъ уѣздовъ грамоты указываютъ рядомъ съ вотчинниками множество мелкихъ помѣщиковъ. Это были дьяки съ подьячими, псари, конюхи — словомъ, тѣ же дворовые слуги, которымъ въ XIV вѣкѣ князья давали земли въ пользованіе за службу. Въ XVI вѣкѣ служилые люди иногда испомѣщались цѣлыми массами. Наиболѣе извѣстный случай такого испомѣщенія относится къ 1550 году. Для разныхъ службъ при дворѣ правительство тогда набрало изъ разныхъ уѣздовъ 1000 служилыхъ людей, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Служилымъ людямъ,

которыхъ служба привязывала къ столицѣ, нужны были для хозяйственныхъ потребностей подмосковныя вотчины или помѣстья. Тысячѣ избранныхъ по уѣздамъ для столичной службы служилыхъ людей правительство роздало помѣстья въ Московскомъ и ближайшихъ уѣздахъ, присоединивъ къ этой массѣ нѣсколько людей высшихъ чиновъ, бояръ и окольничихъ. Размѣры помѣстныхъ участковъ были не одинаковы, соотвѣтствовали чинамъ помѣщиковъ: бояре и окольничьи получили по 200 четвертей въ полѣ (300 десятинъ въ трехъ поляхъ); дворяне и дѣти боярскіе, городовые раздѣлены на нѣсколько статей или разрядовъ, получили по 200, 150 и по 100 четвертей въ полѣ. Такимъ образомъ 1078 служилымъ людямъ разныхъ чиновъ въ томъ году роздано было за разъ 176, 775 десятинъ въ помѣстья. Вскорѣ послѣ завоеванія Казани правительство привело въ порядокъ помѣстное владѣніе и поземельную службу, составило списки служилыхъ людей съ раздѣленіемъ ихъ на статьи, по размѣрамъ вотчиннаго и помѣстнаго владѣнія и по окладамъ денежнаго жалованія, какое съ того же времени стали получать служилые люди въ придачу къ поземельнымъ своимъ доходамъ. До насъ дошли отрывки этихъ списковъ, составленныхъ не раньше 1556 года. Здѣсь при имени каждаго служилаго лица обозначено, сколько у него вотчины и помѣстья, съ какимъ числомъ дворовыхъ людей обязанъ онъ являться на службу и въ какомъ вооруженіи, и какъ великъ назначенный ему окладъ денежнаго жалованія. Съ этого времени помѣстное владѣніе и является стройной и сложной системой, основанной на точно опредѣленныхъ и постоянныхъ правилахъ. Вотъ главныя черты этой системы, въ ея окончательномъ видѣ, какой она получила уже къ половинѣ XVII в. Всѣми поземельными отношеніями служилыхъ людей завѣдывало особое центральное учрежденіе - Помѣстный приказъ, какъ Разрядный завѣдывалъ собственно ихъ слу-

дебно-военными отношеніями. Служилые люди владѣли землей по мѣсту службы, какъ и служили по мѣсту, гдѣ владѣли землей: отсюда и самое названіе помѣстья. Служба привязывала служилыхъ людей либо къ столицѣ, либо къ извѣстной области. Поэтому и служилые люди раздѣлялись на два разряда: къ первому принадлежали Московскіе чины, составлявшіе Московскій списокъ, ко второму — чины уѣздные или городовые дворяне и дѣти боярскіе. Московскіе чины кромѣ помѣстій и вотчинъ въ дальнихъ уѣздахъ обыкновенно имѣли подмосковныя помѣстья или вотчины. Уѣздные дворяне и дѣти боярскіе получали помѣстья тамъ, гдѣ служили, т.е. гдѣ должны были защищать государство, образуя мѣстную землевладѣльческую милицію. Служебныя обязанности служилаго человѣка падали не только на его помѣстье, но и на вотчину. Въ половинѣ XVI вѣка въ первый разъ была опредѣлена точно самая норма службы съ земли, т.е. количество ратной повинности, падавшей на служилаго человѣка по его землѣ. По закону, состоявшемуся въ царствованіи Грознаго, въ 1550-хъ годахъ съ каждыхъ 100 четей, т.е. съ 150 десятинъ, доброй земли долженъ являться въ походъ одинъ ратникъ „на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ", по выраженію указа; а въ дальній походъ съ двумя конями. Землевладѣльцы, имѣвшіе вотчины или помѣстья, заключавшія болѣе 100 четей земли, соотвѣтственно этому выводили въ походъ извѣстное количество вооруженныхъ дворовыхъ людей. Помѣстные оклады были чрезвычайно разнообразны, соотвѣтствуя чинамъ. Притомъ обыкновенно давали не весь окладъ сразу, а только часть его оклада, потомъ прибавки по службѣ. Поэтому оклады отличались отъ дачъ. Размѣръ дачи обусловливался размѣромъ вотчины служилаго человѣка: дачи были обратно пропорціональны вотчинамъ, какъ оклады были пря-

но пропорціональны чинамъ. Чѣмъ выше чинъ, тѣмъ больше окладъ; чѣмъ больше вотчины у служилаго человѣка, тѣмъ меньше его помѣстный окладъ, ибо помѣстье собственно было подспорьемъ къ вотчинѣ. Люди высшихъ чиновъ, бояре, окольничьи и думные дворяне получали помѣстья по 1000 четей; потомъ за службу окладъ этотъ увеличивался: Думные люди иногда имѣли помѣстья въ 1500, 2000 и больше десятинъ въ трехъ поляхъ. Провинціальные дворяне и дѣти боярскіе получали оклады 300 четей до 100; впрочемъ, бывали оклады больше и меньше этого. Съ помѣстнымъ окладомъ съ половины XVI столѣтія соединялся денежный въ извѣстной, измѣнявшейся, впрочемъ, пропорціи. Приказный человѣкъ половины XVII вѣка Котошихинъ говоритъ, что денежный окладъ, назначался по рублю на каждыя 5 четей, т.е. 1½ десятинъ помѣстнаго оклада. Впрочемъ, по книгамъ видно, что эта пропорція часто нарушалась. Притомъ денежные оклады выдавались обыкновенно только передъ большими походами или черезъ извѣстное количество лѣтъ, напр. черезъ два въ третій годъ. Помѣщики, служившіе съ помѣстій и вотчинъ, если были послѣдніе, держали при себѣ до возраста и готовили къ службѣ своихъ сыновей. Дворянинъ XVI вѣка начиналъ свою службу обыкновенно съ 15 лѣтъ. До этого онъ числился въ „недоросляхъ", поступалъ на службу. Его тогда верстали помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ „новичнымъ", къ которому потомъ бывали прибавки за службу. Верстаніе было двоякое: старшихъ сыновей, поступавшихъ на службу, когда еще имѣлъ силы служить отецъ, верстали въ „отводъ", давали особыя помѣстья; младшаго сына, который поступалъ на службу, когда отецъ уже дряхлѣлъ, „припускали" къ нему въ помѣстье съ тѣмъ, чтобы по смерти отца онъ вмѣстѣ съ землей наслѣдовалъ и его служебныя обязанности.

При этомъ верстаніи правительство вообще наблюдало, чтобы на двоихъ служилыхъ людей, отца съ сыномъ или двухъ братьевъ, приходилось помѣстья не болѣе 500 четей. Если у отца поспѣвали на службу при немъ болѣе трехъ сыновей, то одного изъ нихъ, обыкновенно меньшаго при помѣстьи въ 500 четей припускали къ отцу, а остальныхъ двоихъ верстали въ отводъ. Таковы были главныя правила помѣстнаго верстанія. Съ теченіемъ времени выработались правила обезпеченія семействъ, оставшихся послѣ служилыхъ людей. Когда умиралъ служилый человѣкъ, то изъ его помѣстья выдѣлялась четвертная доля „на прожиточекъ" его вдовѣ и дочерямъ; —вдовѣ до смерти или вторичнаго замужества, дочерямъ до 15 лѣтъ, когда онѣ могли выйти замужъ. По достиженіи 15 лѣтъ, дочь, по закону лишалась своей прожиточной части, впрочемъ выходя замужъ, могла справить свой прожиточекъ за женихомъ. Величина прожитка зависѣла отъ того, какъ умиралъ помѣщикъ. Если онъ умиралъ дома своею смертью, вдовѣ его выдѣлялось 10% изъ его помѣстья, дочерямъ по 5%; если онъ былъ убитъ въ походѣ, эти оклады удваивались.

Послѣдствія помѣстной системы.

Я изложилъ основанія помѣстной системы въ томъ видѣ, какой она приняла съ половины XVII ст. Развитіе этой системы служилаго землевладѣнія сопровождалось разнообразными и важными послѣдствіями для государственнаго и народно-хозяйственнаго быта древней и новой Руси. Въ нашей исторіи очень немного фактовъ, которые бы производили болѣе глубокій переворотъ какъ въ политическомъ складѣ, такъ и въ хозяйственномъ бытѣ общества. Я перечислю тѣ близжайшія и

этихъ послѣдствій, которыя четко обнаружатся уже къ концу XVI ст. 1) Помѣстное землевладѣніе усвоило юридическій характеръ землевладѣнія вотчиннаго. Перемѣна эта была произведена распространеніемъ на вотчинное землевладѣніе принципа, на которомъ построено было землевладѣніе помѣстное. Въ удѣльное время государственная служба не была связана съ землевладѣніемъ. Поземельныя отношенія боярина и вольнаго слуги строго отдѣлялись отъ его личныхъ служебныхъ отношеній къ князю; вольный слуга могъ служить въ одномъ удѣлѣ и владѣть землею въ другомъ. Этимъ строгимъ раздѣленіемъ земельныхъ и служебныхъ отношеній въ удѣльные вѣка условливалось тогдашнее государственное значеніе земли. Тогда земля платила, несла тягло; служили только лица. Теперь служба связалась съ землей, т.е. служебныя повинности распредѣлялись на лица по землѣ. Поэтому теперь рядомъ съ землей, платящей явилась земля служащая, или, говоря точнѣе, значительная даже большая часть земли платящей вмѣстѣ съ тѣмъ стала и землей служащей. Благодаря этому соединенію службы съ землей произошла двоякая перемѣна въ вотчинномъ землевладѣніи: 1) стѣснено было право продажи вотчинъ, т. е. ограниченъ былъ кругъ лицъ, имѣвшихъ это право, 2) стѣснено было право распоряжаться вотчиною по завѣщанію. Какъ скоро государственная служба, какъ повинность, стала падать на лица по землѣ, утвердилась мысль, что, кто служитъ, долженъ имѣть землю. Прямымъ послѣдствіемъ этой мысли было другое начало: кто владѣетъ землей, долженъ служить. Въ удѣльное время право земельной собственности принадлежало на Руси всѣмъ свободнымъ классамъ общества; но какъ скоро восторжествовало указанное начало, вмѣстѣ съ помѣстнымъ владѣніемъ, владѣніе землей на ли-

нымъ вотчиннымъ правомъ должно было стать привиле-
гией служилыхъ лицъ. Вотъ почему въ Московскомъ госу-
дарствѣ XVI в. мы уже не встрѣчаемъ въ гражданскомъ
обществѣ землевладѣльцевъ-вотчинниковъ, которые бы
не принадлежали къ служилому классу. Вотчины
царственные были не личной собственностью, а при-
надлежали церковнымъ учрежденіямъ. Кто владѣлъ
землей въ Московскомъ государствѣ на вотчинномъ
личномъ правѣ, тотъ долженъ былъ служить или
переставалъ быть земельнымъ вотчинникомъ. Далѣе
ограничено было право распоряжаться вотчинами.
На вотчинное землевладѣніе налагалась служебная
повинность въ одинаковой степени, какъ и на зем-
левладѣніе помѣстное. Слѣдовательно вотчиной
могло владѣть только лицо способное нести воен-
ную повинность. Отсюда законъ сталъ ограничи-
вать право распоряженія вотчинами, чтобы по-
мѣшать ихъ переходу въ руки неспособныя къ служ-
бѣ или помѣшать ослабленію служебныхъ способно-
стей служилыхъ фамилій. Это стѣсненіе косну-
лось права отчужденія и права завѣщанія вот-
чинъ, именно родовыхъ, т.е. наслѣдственныхъ, а не
благопріобрѣтенныхъ. Государство старалось обезпе-
чить и поддержать служебныя способности не толь-
ко отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ служебныхъ фа-
милій. Отсюда и вытекали ограниченія, ка-
кимъ подвергалось право отчужденія и завѣщанія
родовыхъ вотчинъ. Мы встрѣчаемъ это право наи-
болѣе полно выраженнымъ въ двухъ законахъ 1562 и
1572 г. Оба эти указа ограничивали право отчужде-
нія вотчинъ князей и бояръ. Князья или бояре по
этимъ законамъ не могли продавать, ни иначе
ни какимъ либо образомъ отчуждать свои нас-
лѣдственныя вотчины. На дѣлѣ допускались случаи,

въ которыхъ вотчинники могли продавать свои родовыя вотчины, впрочемъ ни въ какомъ случаѣ не болѣе половины; но это дозволенное отчужденіе стѣснялось правомъ выкупа родовыхъ вотчинъ родичами. Это право опредѣлено уже въ судебникѣ царя Ивана и въ дополнительныхъ къ нему указахъ. Отчужденіе родовыхъ вотчинъ обусловливалось молчаливымъ согласіемъ родичей. Вотчинникъ, продавая родовую вотчину, отказывался отъ права выкупа ея за себя и за своихъ нисходящихъ потомковъ. Боковые родственники, если подписывались свидѣтелями на купчей, то отказывались этимъ отъ права выкупа проданной вотчины; но это право сохранялось за остальными родичами, которые не подписывались на купчей. Они могли выкупить проданную вотчину въ продолженіи 40 лѣтъ. Притомъ родичъ, выкупившій свою родовую вотчину лишался уже права дальнѣйшаго отчужденія ея въ чужой родъ, а былъ обязанъ передавать ее путемъ купли или завѣщанія членамъ своей фамиліи. Еще болѣе стѣснено было право завѣщанія родовыхъ вотчинъ. Вотчинникъ могъ отказать свою вотчину нисходящимъ потомкамъ или за неимѣніемъ ихъ боковымъ родичамъ. Но право завѣщанія ограничено было не многими поколѣніями, именно завѣщаніе могло простираться только до третьяго колѣна, считая самого предка, т. е. не далѣе внучатъ. Вотчинникъ могъ отказать лишь часть куплной вотчины своей женѣ, но только на прожитокъ во временное владѣніе, не предоставляя ей права дальнѣйшаго распоряженія завѣщанной частью. Наконецъ, упомянутыми законами 1562 и 1572 г. рѣшительно было запрещено вотчинникамъ отказывать свои вотчины „по душѣ" въ монастырь. Благодаря этимъ отношеніямъ вотчинное землевладѣ-

ніе значительно приблизилось къ землевладѣнію помѣстному. Какъ легко замѣтить всѣ изложенныя ограниченія вызваны были двумя цѣлями: поддерживать служебную годность служилыхъ фамилій и недопускать перехода служилыхъ земель въ руки неспособныя къ службѣ, или непривычныя къ ней. Послѣдняя цѣль прямо высказывалась въ указахъ XVI ст., ограничивавшихъ право завѣщанія. Эти указы оправдывали излагаемые ими стѣсненія тѣмъ, чтобы „въ службѣ убытка не было и земля бы изъ службы не выходила". Таково было первое послѣдствіе помѣстной системы, отразившееся на юридическомъ значеніи вотчиннаго землевладѣнія. Вотчина подобно помѣстью переставала быть полной частной собственностью и становилась владѣніемъ обязательнымъ и условнымъ.

3) Развитіе помѣстнаго землевладѣнія создало уѣздныя дворянскія общества, мѣстныя землевладѣльческія корпораціи. Напрасно образованіе этихъ дворянскихъ мѣстныхъ обществъ обыкновенно относятъ уже къ XVIII вѣку, къ учрежденіямъ Екатерины II по преимуществу. Эти дворянскія общества только съ болѣе строгими обязанностями существовали уже въ XVI вѣкѣ. Всѣ служилые люди уѣзда были связаны другъ съ другомъ порукой. За каждаго служилаго человѣка поручались въ исправномъ отбываніи имъ службы его сосѣди, за которыхъ въ свою очередь ручались ихъ сосѣди и такимъ образомъ порука распространялась на служилыхъ людей всего уѣзда. Это была не круговая, а, такъ сказать, цѣпная порука. Связь, образуемая этой порукой, выражалась въ томъ, что дворяне уѣзда собирались и выбирали изъ своей среды отвѣтственныхъ присяжныхъ „окладчиковъ", по 8, по 10 или болѣе человѣкъ на уѣздъ. Когда изъ столицы пріѣзжалъ въ уѣздъ бояринъ „разборщикъ", т.е. ревизоръ, смотрѣть дворянъ и верстать новиковъ помѣстьями, эти присяжные окладчики показывали ему сколько дворянъ въ уѣздѣ,

сколько за кѣмъ изъ нихъ земли, сколько у кого дѣтей,
и какъ кто служитъ, т.е. является ли съ полнымъ ко-
личествомъ ратныхъ людей и въ узаконенномъ вооруженіи.
Такимъ образомъ служба и соединенное съ нею служебное
землевладѣніе были связями, которыми держались дворян-
скія уѣздныя общества. Ими же вызывались и періодическіе
съѣзды уѣзднаго дворянства, слѣды которыхъ появляются
уже въ княженіи Ивана Грознаго.

Помѣстное землевладѣніе стало средствомъ искусст-
веннаго развитія частнаго землевладѣнія на Руси. Ог-
ромное количество казенной земли роздано было въ ру-
ки служилымъ людямъ на помѣстномъ правѣ. Нельзя
при настоящей обработкѣ исторіи русскаго землевладѣ-
нія опредѣлить количественное отношеніе помѣстныхъ
земель къ вотчиннымъ ни въ XVI, ни въ XVII столѣтіяхъ.
Самъ Котошихинъ отказывается даже приблизитель-
но опредѣлить сколько было крестьянъ за всѣми слу-
жилыми людьми. Онъ только говоритъ, что за иными
боярами было по десяти, по пятнадцати тысячъ
дворовъ и даже больше. Всѣ помѣстья съ теченіемъ вре-
мени слились съ вотчинами, стали собственностью
владѣльцевъ. Значитъ, если бы не было помѣстной
системы въ Русскомъ государствѣ, путемъ естествен-
наго движенія капиталовъ, никогда не образовалось бы
столько частныхъ земельныхъ собственниковъ, сколько ихъ
оказалось въ XVIII столѣтіи. Помѣстная система въ этомъ
отношеніи имѣла для русскаго дворянства тоже зна-
ченіе, какое для крестьянъ имѣетъ Положеніе 19 февраля
1861 г.: этимъ положеніемъ искусственно при содѣйствіи
государства создано крестьянское землевладѣніе, т.е. ог-
ромное количество земли на правахъ собственности
передано крестьянскимъ обществамъ.

4) Помѣстное землевладѣніе подорвало развитіе рус-
скихъ городовъ городской промышленности. Помѣстная

система, увлекая массу служилыхъ людей изъ города въ деревню, такимъ образомъ лишила городскую промышленность и городской ремесленный трудъ сбыта и спроса, главныхъ и наиболѣе доходныхъ потребителей. Служилые люди, сидя въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, старались завести своихъ дворовыхъ ремесленниковъ, все получать на мѣстѣ, не обращаясь въ городъ. Такимъ образомъ у городскихъ торговцевъ, рабочихъ и ремесленниковъ исчезъ цѣлый классъ заказчиковъ и потребителей. Вотъ чѣмъ между прочимъ объясняется необыкновенно тугой ростъ нашей городской промышленности въ XVI и XVII вв. Наконецъ 5) усиленное развитіе помѣстнаго землевладѣнія создало въ служилой средѣ слой прежде незамѣтный, который можно назвать служилымъ землевладѣльческимъ пролетаріатомъ. Чѣмъ болѣе размножался служилый классъ, тѣмъ болѣе истощались земельныя средства Московскаго правительства. Къ началу XVII столѣтія оно уже стало чувствовать недостатокъ удобной земли для испомѣщенія служилыхъ людей. Поэтому оно все болѣе сокращало помѣстные оклады. Въ концѣ XVI вѣка среди провинціальнаго дворянства мы встрѣчаемъ чрезвычайно мелкихъ помѣщиковъ, которыхъ оклады приближались къ крестьянскимъ участкамъ: были помѣщики съ 20, 15, даже 7 десятинами пахатной земли. Образовалась значительная масса бѣдныхъ провинціальныхъ дворянъ. Списки уѣзднаго дворянства XVI вѣка съ отмѣтками ревизоровъ даютъ много краснорѣчивыхъ указаній на дѣтяхъ, съ какимъ развивался этотъ помѣщичій пролетаріатъ. Многіе помѣщики на землѣ своей не имѣли ни одного крестьянскаго двора, жили одними своими дворами, „однодворками"; отсюда позднѣе произошло названіе однодворцевъ. Въ спискахъ встрѣчаемъ такія заявленія окладчиковъ: „такой-то сынъ боярскій отъ службы отбылъ, на службу ходитъ лишь по бѣд=

ности; другой, собою худъ (бѣдно вооруженъ), не служитъ, служитъ нѣмымъ, живетъ въ городѣ у церкви стоитъ дьякомъ на клиросѣ; третій „худъ, не служитъ живетъ „во крестьянахъ"; четвертый „бѣденъ не служитъ, живетъ у другого помѣщика въ дворникахъ; „портной мастеришко;" пятый „худъ, не служитъ, волочится межъ дворъ, питается христовымъ именемъ; бояре приговорили: изъ службы выкинуть вонъ."

Можно только догадываться, что уже къ концу XVI ст. помѣстное землевладѣніе намного превосходило количественно вотчинное. При томъ помѣстное землевладѣніе постепенно превращалось въ вотчинное. Важныя государственныя заслуги, оказанныя извѣстнымъ лицомъ награждались тѣмъ, что извѣстная доля его помѣстнаго оклада обращалась ему въ вотчину; обыкновенно 20% помѣстнаго оклада переходило въ вотчинное владѣніе. Благодаря этому уже къ концу XVII ст. огромное количество бывшихъ помѣстныхъ земель вошло въ составъ вотчиннаго землевладѣнія. По нѣкоторымъ цифрамъ, мы можемъ приблизительно опредѣлить, какое огромное количество земли было сосредоточено въ служилыхъ рукахъ уже къ концу XVII в. Казенныхъ и дворцовыхъ земель въ царствованіи Алексѣя, если вѣрить Московскому подъячему Котошихину, осталось уже немного; онъ считаетъ всего дворцовыхъ земель не болѣе 30000 крестьянскихъ дворовъ, земель черныхъ или казенныхъ не болѣе 20000. Всѣ остальныя земли находились уже въ частномъ владѣніи; изъ нихъ въ рукахъ церковныхъ властей, патріарха и епископовъ числилось 35000 крестьянскихъ дворовъ, за монастырями около 90000 дворовъ. По одному указу 1688 г. только за боярами, окольничими, думными и ближними людьми, т.е. за людьми высшихъ чиновъ считалось уже около 100000 крестьянскихъ дворовъ.

Крестьяне въ XVI в.

Я изложилъ ближайшія прямыя послѣдствія помѣс-

кой системы, но уже въ XVI в. стало замѣтно дѣйствіе послѣдствій косвенныхъ. Они прежде всего отразились на положеніи класса, всего тѣснѣе связаннаго со служилыми людьми — сельскаго населенія крестьянъ. Теперь остановимся на перемѣнѣ, которая обнаруживалась въ положеніи этого населенія къ концу XVI ст.
Если вы станете изучать сельское населеніе по поземельнымъ актамъ и книгамъ XVI в. крестьянское населеніе представится вамъ въ такомъ видѣ. Вокругъ села съ церковью состоявшаго изъ 4 или 5 крестьянскихъ дворовъ, очень рѣдко больше, разбросаны тамъ и сямъ деревни и починки, которые тянули къ этому селу, какъ къ своему церковному и хозяйственно-административному центру. Поселки, возникавшіе на нови, на поднятомъ впервые земельномъ участкѣ носили названіе „починковъ". Починокъ обыкновенно состоялъ изъ одного крестьянскаго двора. Съ теченіемъ времени онъ разростался, рядомъ съ первоначальнымъ дворомъ возникали одинъ или два другихъ, рѣдко больше. Тогда починокъ получалъ названіе деревни. У каждаго двора былъ свой особый земельный участокъ съ соотвѣтствующимъ ему количествомъ сѣнокоса. Каждый подворный пахотный участокъ непремѣнно огораживался. Такіе подворные участки представляли незначительными и разсѣянными островками, среди обширныхъ непроходимыхъ или заброшенныхъ пустошей. На земляхъ частныхъ владѣльцевъ обыкновенно обрабатывалось подъ пашню не больше 10 десятъ 100, на земляхъ церковныхъ, болѣе разработанныхъ и гуще заселенныхъ, не больше 20 дес. изъ 100. Земли, на которыхъ жили крестьяне, по роду землевладѣнія дѣлились на 3 разряда: на земли церковныя, принадлежавшія церковнымъ учрежденіямъ, служилыя, находившіяся во владѣніи служилыхъ людей и государевы. Послѣднія

подразделялись на 2 разряда: на государевы дворцовыя, причислявшіяся къ дворцу, и, какъ бы составлявшія его частную собственность и государевы черныя, т.е. государственныя, не находившіяся ни въ чьемъ частномъ владѣніи. Юридическое различіе между землями дворцовыми и черными было очень незначительно. Поэтому земли одного разряда часто переходили въ другой разрядъ и въ XVII в. соединялись подъ однимъ дворцовымъ управленіемъ, тѣ и другія сливались. Такимъ образомъ въ Московскомъ государствѣ XVI в. существовало 3 рода землевладѣльцевъ: государь, церковныя учрежденія и служилые люди. На всемъ пространствѣ Московскаго государства мы не встрѣчаемъ другихъ частныхъ землевладѣльцевъ, т.е. не существовало крестьянъ собственниковъ. Крестьяне всюду сидѣли на чужихъ земляхъ, церковныхъ, служилыхъ либо государственныхъ; далее, сидя на черныхъ земляхъ, не составлявшихъ ничьей собственности, крестьяне не считали этихъ земель своими. Про такія земли крестьянинъ XVI в. говоритъ: „та земля великого князя, а моего владѣнія"; „та земля Божія да государева, а ростали и рожи наши". И такъ крестьяне очень ясно отличали право собственности на землю, отъ права пользованія ею. Значитъ по своему юридическому и хозяйственному отношенію къ землѣ крестьянинъ XVI в. былъ безземельнымъ хлѣбопашцемъ, т.е. работавшимъ на чужой землѣ.

Разсмотримъ юридическія отношенія крестьянъ, т.е. ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ. Крестьянинъ былъ вольный хлѣбопашецъ, сидѣвшій на чужой земли, по договору съ землевладѣльцами; его свобода выражалась въ правѣ крестьянскаго „выхода" или „отказа", т.е. въ правѣ покинуть одинъ участокъ и перейти на другой, отъ одного землевладѣльца къ другому.

Первоначально право это не было стеснено закономъ, но самое свойство поземельныхъ отношеній налагало нѣкоторое ограниченіе на это право крестьянина, какъ и на произволъ землевладѣльца въ отношеніи къ крестьянамъ: землевладѣлецъ, напримѣръ, не могъ сгонять крестьянина съ земли передъ жатвой, какъ и крестьянинъ не могъ покинуть свой участокъ, разсчитавшись съ хозяиномъ по окончаніи жатвы. Изъ этихъ естественныхъ отношеній сельскаго хозяйства вытекала необходимость однообразнаго, закономъ опредѣленнаго срока для крестьянскаго перехода, когда обѣ стороны могли разсчитаться другъ съ другомъ. Судебникъ Ивана III установилъ для этого одинъ обязательный срокъ — за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю. Впрочемъ, послѣ него въ Псковской землѣ въ XV вѣкѣ существовалъ другой законный срокъ для крестьянскаго выхода, именно Филиппова заговѣнья (14 Ноября). Значитъ, крестьянинъ могъ покинуть участокъ, когда кончались всѣ полевыя работы и обѣ стороны могли свести взаимные счеты. Свобода крестьянина выражалась также въ томъ, что садясь на чужую землю, онъ заключалъ съ землевладѣльцемъ поземельный договоръ. Условія этого договора излагались въ „порядныхъ грамотахъ“. Крестьянинъ договаривался съ землевладѣльцемъ, какъ свободное, юридически равноправное съ нимъ лицо. Онъ бралъ у хозяина больший и меньшій участокъ земли, сообразуясь съ своими рабочими средствами. Участки эти были чрезвычайно разнообразны. Крестьянинъ снималъ участокъ до „обжи“ или „выти“. Обжа и выть податныя единицы поземельной мѣры, изъ коихъ первою опредѣлялось количество пахотной земли на Новгородскомъ Сѣверѣ, а второю въ центральномъ

областяхъ. Обжей назывался вообще участокъ отъ 10-15 десятинъ въ трехъ поляхъ. Выть была единицей нѣсколько болѣе значительной, притомъ чрезвычайно измѣнчивой, смотря по качеству почвы. Чаще всего выть доброй земли заключало въ себѣ 18 десятинъ; средней 21, худой 24 - десят. Впрочемъ встрѣчаемъ выти и большихъ и меньшихъ размѣровъ. Крестьянинъ бралъ у землевладѣльца извѣстную долю выти или обжи, рѣдко цѣлую выть или обжу, и въ порядной грамотѣ излагалъ условія, на которыхъ снималъ землю. Условія эти касались прежде всего платежей и повинностей, какія долженъ былъ нести крестьянинъ за пользованіе чужой землей. Въ иныхъ имѣніяхъ всѣ повинности соединялись въ извѣстномъ денежномъ и хлѣбномъ оброкѣ; въ другихъ вмѣсто денежныхъ и натуральныхъ платежей крестьянинъ обязывался работать на землевладѣльца. Но чаще встрѣчаемъ смѣшанныя условія: сверхъ оброка деньгами или хлѣбомъ крестьянинъ обязывался еще отбывать въ пользу землевладѣльца барщину, которая называлась „издѣльемъ" и „боярскимъ дѣломъ". Совмѣщеніе оброка и барщины объясняется тѣмъ, что они выходили изъ разныхъ источниковъ. Денежный и хлѣбный оброкъ въ Древней Руси былъ собственно поземельной рентой, платой за пользованіе чужой землей. „Издѣліе" имѣло совсѣмъ другое происхожденіе. Крестьянинъ, садясь на чужой землѣ, обыкновенно бралъ у хозяина ссуду или „подмогу". За это вмѣсто платежа процентовъ крестьянинъ обязывался работать на хозяина, чаще всего пахалъ извѣстное количество барской земли. Итакъ барщина въ Древней Руси вышла изъ соединенія поземельнаго найма съ денежнымъ или другимъ займомъ. И размѣръ, и виды оброка были чрезвычайно разнообразны; но, кажется, это разнообразіе

мнѣ видимое. Одинъ и тотъ же монастырь Троице-Сергіевскій въ 1580 году положилъ на крестьянъ одного своего села оброкъ по три рубля съ выти, а въ 1590 году онъ назначилъ крестьянамъ другаго села вмѣсто всего оброка обрабатывать на монастырь по 2½ десятины съ выти озимыхъ и яровыхъ. Можно было-бы расчитать тяжесть этихъ платежей и повинностей, опредѣливъ мѣновое отношеніе рубля XVI в. къ нынѣшнему или опредѣливъ нынѣшнюю стоимость обработки десятины земли въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились упомянутыя села; но этотъ расчетъ очень труденъ и сложенъ. Можно воспользоваться другимъ пріемомъ для того, чтобы опредѣлить высоту назначенной монастыремъ арендной платы. Крестьяне за каждую выть арендуемой земли обязывались обрабатывать въ пользу монастыря 5 десятинъ озимаго и ярового хлѣба. Изъ актовъ не видно, какого качества была земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ. Положимъ, что была земля добрая, слѣдовательно выть состояла изъ 18 десятинъ. Если крестьяне за пользованіе этой вытью обрабатывали на монастырь 5 десятинъ, это значитъ, что они пахали 17 десятинъ и изъ нихъ урожай 5 десятинъ отдавали землевладѣльцу. Вы знаете, что при трехпольномъ хозяйствѣ ежегодно урожай получается только съ двухъ третей земли. Если вы произведете расчетъ, то найдете, что крестьяне съ выти доброй земли платили аренды приблизительно 29½ % валового дохода съ земли. Но земля могла быть и средняя, т.е. выть заключала въ себѣ не 18, а 21 десятину. Значитъ за пользованіе урожаемъ съ 14 дес. земли крестьянинъ обрабатывалъ на монастырь 5 дес., иначе говоря, изъ вало-

ваго дохода съ 19 десятинъ доходъ съ 5 выдавался въ пользу монастыря. Если произвести тотъ же расчетъ, выйдетъ, что арендная плата за выть средней земли составитъ 26½% валового дохода. Наконецъ, если предположить, что это была худая земля и повторить тотъ же расчетъ, найдемъ, что арендная плата за выть такой земли составляла 23½% валового дохода. Такъ измѣнялась плата земли по качеству почвы. Припомнимъ, что по тогдашнему законодательству ростъ съ отданнаго взаймы капитала составлялъ на пять шестой, т. е. за 5 рублей давали росту 1 руб. (20%). Итакъ поземельная аренда была выше тогдашняго узаконеннаго роста. Но оброками или барщиной не исчерпывались доходы землевладѣльцевъ. Опредѣливъ отношенія тогдашнихъ денегъ къ нынѣшнимъ и нынѣшнюю стоимость земли, находимъ, что тяжесть, положенная монастыремъ на крестьянъ обоихъ селъ, была почти одинакова. По цѣнамъ хлѣба Московскій рубль конца XVI вѣка равнялся приблизительно 20–22 нынѣшнимъ. Итакъ крестьяне одного монастырскаго села платили съ выти 60–66 рублей, почти столько же стоитъ и теперь обработка 2½ десятинъ озимыхъ и 2½ яровыхъ. Значитъ плата за пользованіе землей въ XVI вѣкѣ была довольно высока. Въ одной дворцовой волости Тверского уѣзда крестьяне къ концу XVI столѣтія платили съ выти 24 десятинъ худой земли, — оброкъ, равнявшійся 3 рублямъ съ небольшимъ нынѣшнихъ денегъ. Въ имѣніяхъ Троицкаго монастыря Углицкаго уѣзда въ тоже самое время крестьяне платили монастырю съ нѣсколько большей выти худой же земли такой оброкъ, что на каждую десятину приходилось даже по четыре рубля слишкомъ. Нынѣ едва ли существуютъ въ тѣхъ

мѣстахъ такія высокія арендныя цѣны. Итакъ крестьяне XVI вѣка по отношенію своимъ къ землевладѣльцамъ были вольными и перехожими арендаторами чужой земли, государевой, церковной или служилой. Итакъ государственная подать служила и основаніемъ общественнаго устройства крестьянъ. Крестьяне для платы податей соединялись въ административные округа, которые назывались станами и волостями. Станы и волости составляли сельскія общества, связанныя круговой порукой въ уплатѣ податей. Предметомъ этой круговой поруки была раскладка государственнаго тягла и уплата податей міромъ за несостоятельныхъ или выбылыхъ членовъ общества. Назначалась обыкновенно опредѣленная сумма податей на все общество. Члены послѣдняго развёрстывали эту сумму по отдѣльнымъ тяглымъ дворамъ, сообразуясь съ земельнымъ участкомъ каждаго двора. Но иные крестьяне покидали свои участки и выходили изъ общества, другіе могли оказаться несостоятельными въ уплатѣ податей. За тѣхъ и другихъ до новой переписи обязано было платить подать все общество. Это и составляло предметъ круговой поруки въ древнерусскомъ сельскомъ обществѣ. Податью и создано было крестьянское общественное управленіе. Волость выбирала старосту и окладчиковъ, которые развёрстывали подать между ея членами или, выражаясь языкомъ актовъ, „сидѣли на мірскомъ разметѣ". Староста съ окладчиками и всѣми крестьянами распоряжался землею волости, раздавалъ участки новымъ поселенцамъ, давалъ имъ льготы, защищалъ эту землю отъ стороннихъ захватовъ и т. п. Значитъ связью, на которой

держалось древне-русское сельское общество. служило собственно государственное тягло, а не земля. То был податной союз финансовый. Иначе говоря, въ Древней Руси существовало мірское распоряженіе землей для уплаты податей, но еще не замѣтно общиннаго пользованія землей. Итакъ по своему отношенію къ государству крестьянинъ былъ тяглый человѣкъ, тяглый рабочій, платившій государству за право земледѣльческаго труда на чужой землѣ.

Теперь войдемъ въ экономическое положеніе крестьянъ; разсмотримъ, какъ они жили въ тѣсномъ кругу своего хозяйства. Крестьянинъ былъ вольный и перехожій наниматель чужой земли, свобода котораго обезпечивалась правомъ выхода и рядами договоровъ съ землевладѣльцемъ. Таково было положеніе крестьянина по праву; но уже въ XVI вѣкѣ оно было далеко не таково на дѣлѣ. Вольный и перехожій арендаторъ крестьянинъ, приходилъ на чужую землю съ пустыми руками, т.е. безъ капитала, безъ земледѣльческаго инвентаря. Садясь на чужой землѣ, онъ обыкновенно нуждался въ ссудѣ, въ помощи со стороны землевладѣльца. Эта помощь была почти обычнымъ условіемъ при заключеніи договора крестьянина съ землевладѣльцемъ. Чрезвычайно рѣдко крестьянинъ садился на чужую землю безъ барской помощи. Она принимала различные виды. Во первыхъ крестьянинъ получалъ отъ землевладѣльца готовый дворъ или лѣсъ для его постройки. Далѣе землевладѣлецъ ссужалъ его хлѣбомъ на посѣвъ и на прокормленіе до первой жатвы, давалъ также деньги и въ иныхъ случаяхъ скотъ. Всѣ эти виды помощи носили общее названіе „боярскаго серебра", а получавшій ее назывался „серебреникомъ." Вольный арендаторъ земли становился должникомъ земле-

владѣльца. Кромѣ прямой подмоги была еще косвенная: именно привиллегированный землевладѣлецъ давалъ своему крестьянину на извѣстное количество лѣтъ льготу не только отъ вотчинныхъ оброковъ и повинностей, но и отъ государственныхъ податей. Послѣ онъ долженъ былъ вознаградить землевладѣльца за эту льготу. Каждый крестьянинъ, покидая участокъ земли, который онъ обрабатывалъ, долженъ былъ расчитаться съ хозяиномъ: 1) заплатить ему ссуду „серебро"; 2) заплатить за пользованіе барскимъ дворомъ, уплатить „пожилое" за весь прожитые годы. По судебнику 1497 года пожилое это опредѣлено было въ размѣрѣ одного рубля за четыре года въ полевыхъ мѣстахъ, гдѣ не было близко строевого лѣса, и въ размѣрѣ $\frac{1}{2}$ рубля въ мѣстахъ лѣсныхъ, такъ что за каждый годъ приходилось $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{8}$ рубля. Судебникъ 1550 года увеличилъ пожилое, набавивши 2 алтына. Если расчитать тяжесть всѣхъ этихъ платежей для крестьянина при уходѣ отъ владѣльца, особенно если онъ долго жилъ на его землѣ, то можно легко понять, что въ большинствѣ случаевъ вольный и перехожій хлѣбопашецъ, сохраняя свое _право_ перехода не имѣлъ _возможности_ покинуть насиженный участокъ, расплатиться съ землевладѣльцемъ. Такимъ образомъ экономическое положеніе крестьянъ ставило ихъ въ противорѣчіе съ ихъ положеніемъ юридическимъ. Это противорѣчіе и было причиной важной перемѣны въ положеніи крестьянъ, обнаруживающейся во второй половинѣ XVI вѣка.

Вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ въ XVI в.

Я сказалъ, что вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ съ половины XV в. въ служиломъ землевладѣніи, из-

мѣнилось и положеніе крестьянъ. Эту перемѣну въ положеніи земледѣльческаго населенія Московскаго государства обыкновенно изображаютъ такими чертами.

Вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ въ XVI вѣкѣ.

Перемѣну, происшедшую въ положеніи крестьянъ въ XVI столѣтіи, обыкновенно изображаютъ такими чертами. До конца XVI столѣтія крестьяне были вольными хлѣбопашцами, пользовавшимися правомъ свободнаго перехода съ земли на землю. Но изъ этого права вышли большія неудобства какъ для общественнаго порядка, такъ для государственной казны и особенно для мелкихъ служилыхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ богатые вотчинники сманивали крестьянъ, оставляя ихъ безъ рабочихъ рукъ, слѣдовательно безъ средствъ исправно отбывать государственную службу. Вслѣдствіе этихъ затрудненій правительство царя Ѳеодора прикрѣпило крестьянъ къ землѣ, отмѣнивъ право крестьянскаго выхода. Всѣ печальныя послѣдствія крѣпостнаго права, обнаруживающіяся впослѣдствіи, вышли изъ этого поземельнаго прикрѣпленія крестьянъ. Такъ какъ первый указъ, отмѣнявшій право крестьянскаго выхода, былъ изданъ, когда государствомъ правилъ Борисъ Годуновъ, то на этого правителя падаетъ вся отвѣтственность за эти послѣдствія. Онъ есть первый виновникъ крѣпостнаго права, крѣпостникъ-учредитель. Итакъ въ концѣ XVI столѣтія правительство одною общею мѣрою измѣнило поземельное положеніе крестьянъ. Въ такомъ изображеніи было много неяснаго и неточнаго. Во первыхъ неясно, что было тогда установлено, поземельное-ли прикрѣпленіе крестьянъ,

или крѣпостное право. Это два состоянія совершенно различнаго характера и происхожденія, во многихъ отношеніяхъ даже исключающія одно другое. Подъ поземельнымъ прикрѣпленіемъ крестьянъ мы разумѣемъ государственную мѣру, привязывающую крестьянъ къ землѣ независимо отъ личнаго отношенія ихъ къ землевладѣльцамъ; подъ крѣпостнымъ правомъ разумѣютъ право человѣка на личность другого, скрѣпленное извѣстнымъ юридическимъ актомъ „крѣпостью", независимо отъ отношенія крѣпостного къ землѣ. Во вторыхъ не только не сохранилось общаго указа, отмѣнявшаго крестьянскій выходъ, но въ уцѣлѣвшихъ актахъ нѣтъ и намека на то, чтобы такой указъ когда-либо былъ изданъ. Первымъ актомъ, въ которомъ видятъ указаніе на прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, какъ на общую мѣру, считаютъ указъ 24 Ноября 1597 года. Но этотъ указъ содержаніемъ своимъ не оправдываетъ сказанія объ общемъ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ въ XVI столѣтіи. Изъ этого акта узнаемъ только, что если крестьянинъ убѣжалъ отъ землевладѣльца не раньше 5 лѣтъ до сентября 1597г. и землевладѣлецъ вчинилъ искъ о немъ, то по суду и по сыску такого крестьянина должно возвращать къ прежнему землевладѣльцу съ семьею и имуществомъ, „съ женою, дѣтьми и со всѣми животы". Если же крестьянинъ убѣжалъ раньше 5 лѣтъ, и землевладѣлецъ не вчинилъ объ немъ иска, то такого крестьянина назадъ не возвращать и исковъ и челобитныхъ объ его сыскѣ не принимать. Больше ничего не говорится въ указѣ 24 Ноября. Указъ, очевидно, говоритъ только о крестьянахъ бѣглыхъ, которые покидали своихъ землевладѣльцевъ, не расплатившись съ ними, а устанавливаетъ срокъ давности для иска и

возврата такихъ бѣглыхъ. И раньше, даже въ XV в. удѣльныя княжескія правительства принимали мѣры противъ бѣглыхъ крестьянъ, которые покидали землевладѣльцевъ безъ расплаты съ ними. Въ этомъ отношеніи указъ 24 Ноября не представляетъ ничего новаго, кромѣ установленія срока давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Изъ него однако вывели заключеніе, что за 5 лѣтъ до его изданія, именно въ 1592 г. должно было послѣдовать общее законоположеніе, лишавшее крестьянъ права выхода и прикрѣплявшее ихъ къ землѣ. Уже Погодинъ, а вслѣдъ за нимъ и Бѣляевъ основательно замѣчали, что указъ 1597 года не даетъ права предполагать, будто за 5 лѣтъ до него состоялось общее распоряженіе, прикрѣплявшее крестьянъ къ землѣ; этотъ указъ только устанавливаетъ пятилѣтнюю давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Впрочемъ и Бѣляевъ думалъ, что если не въ 1592 году, то не раньше 1590 года должно было состояться общее распоряженіе, отмѣнявшее крестьянскій выходъ, потому что отъ 1590 года сохранился актъ, въ которомъ еще признается за крестьянами право выхода, и можно надѣяться, что со временемъ этотъ указъ будетъ найденъ въ архивахъ. Можно съ увѣренностью сказать, что никогда не найдутъ ни того ни другого указа, — ни 1590, ни 1592 г., потому что ни того ни другого не было издано. Разсмотримъ явленія, какія встрѣчаются въ поземельныхъ актахъ и книгахъ XVI и XVII в.

До насъ дошло значительное количество порядныхъ грамотъ, въ которыхъ крестьяне уговариваются съ землевладѣльцами, садясь на ихъ землю. Эти порядныя идутъ съ половины XVI вѣка до половины XVII и даже далѣе. Если Вы, читая эти

порядныя, забудете легенду о прикрѣпленіи крестьянъ при Ѳеодорѣ, что порядныя и не напоминаютъ вамъ объ ней. Крестьяне договаривались съ землевладѣльцами въ первой половинѣ XVII вѣка совершенно такъ же, какъ они договаривались во второй половинѣ XVI вѣка. Въ этихъ порядныхъ опредѣляются величина условій земельной аренды, величина оброка и барщины и обязательства крестьянина въ случаѣ его ухода отъ землевладѣльца. Крестьянинъ обязывается въ случаѣ ухода заплатить землевладѣльцу пожилое и ссуду и вознаградить его за льготы. Возможность ухода крестьянина отъ землевладѣльца обыкновенно предполагается въ порядной, какъ возможность вполнѣ законная. Предположеніе, что въ концѣ XVI вѣка крестьяне были прикрѣплены къ землѣ и лишены права перехода, дѣлаетъ непонятнымъ цѣлый рядъ порядныхъ грамотъ, составленныхъ по узаконенной формѣ. Такъ одинъ монастырь въ 1599 году, переводя своихъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое, заключаетъ съ ними новую порядную грамоту, какъ съ вольными арендаторами. Другой актъ того же года разсказываетъ, что монастырь долго искалъ одного своего убѣжавшаго безъ расплаты крестьянина, наконецъ, отыскавши его въ вотчинѣ одного служилаго землевладѣльца, потребовалъ назадъ. Вдова землевладѣльца выдала крестьянина. Во время Русской Правды за такой побѣгъ крестьянинъ былъ бы обращенъ въ полнаго холопа. Теперь, послѣ предполагаемого прикрѣпленія, монастырь не только не наказываетъ своего бѣглеца, но заключаетъ съ нимъ договоръ и даже даетъ ему на обзаведеніе льготы и новую ссуду. Тѣ же самыя явленія мы встрѣчаемъ и въ царствованіи Михаила. По ряду заключенному въ 1630 г. одинъ крестьянинъ сѣлъ на

земли Тихвинскаго монастыря со льготой и ссудной; онъ освобожденъ былъ на годъ отъ платы казенныхъ податей и вотчиннаго оброка, взялъ у монастыря на обзаведеніе 10 руб. денегъ и 10 четвертей разнаго хлѣба. Порядной грамотѣ встрѣчаемъ условіе: „если, пишетъ крестьянинъ, я не буду жить за монастыремъ на своемъ участкѣ по своему договору, или стану, гдѣ на сторонѣ рядиться въ крестьяне, монастырю взять на мнѣ за денежную и за хлѣбную подмогу и за льготу 30 рублей по сей рядной записи" Порядная грамота и не предполагаетъ мысли о не законности ухода крестьянина съ участка, который онъ снялъ у монастыря; онъ только обязанъ выплатить неустойку, чтобы вознаградить землевладѣльца за потраченные имъ расходы. Итакъ по порядным грамотамъ не замѣтно прикрѣпленія крестьянъ и въ первой половинѣ XVII вѣка. Съ другой стороны, нѣкоторые крестьяне являются прикрѣпленными къ землѣ, лишенными права выхода, уже задолго до предполагаемаго указа о поземельномъ прикрѣпленіи. Въ 1552 году дана была грамота чернымъ крестьянамъ Важскаго уѣзда. Эта грамота предоставляетъ сельскимъ обществамъ право возвращать своихъ старыхъ тяглецовъ, выѣхавшихъ на земли монастырскія и сажать на прежніе участки. Это распоряженіе касается черныхъ, государственныхъ крестьянъ. Но и всѣ тяглые крестьяне являются тогда уже какъ-бы прикрѣпленными къ землѣ. Въ 1560-хъ годахъ богатымъ солеварамъ Строгановымъ отданы были обширныя пустоши по Камѣ и Чусовой съ правомъ населять ихъ новоприходцами, призывая послѣднихъ со всѣхъ сторонъ. Строгановы только не могли призывать

къ себѣ тяглыхъ крестьянъ и пашенныхъ, т. е. посаженныхъ на тягло и записанныхъ въ книги. Таковыхъ тяглыхъ поселенцевъ Строгановы обязаны были выдавать съ семьями и имуществомъ по требованію мѣстныхъ начальствъ. Итакъ предположеніе объ указѣ, отмѣнившемъ право выхода и прикрѣпившемъ крестьянъ къ землѣ въ концѣ XVI столѣтія не оправдывается ни съ той, ни съ другой стороны, ни предшествующими, ни послѣдующими явленіями. Чтобы понять въ чемъ дѣло, надобно прежде всего остановиться на вопросѣ, было ли что отмѣнять законодателю съ конца XVI в. Внимательно изучая положеніе крестьянъ того времени, мы встрѣчаемъ случаи отказа крестьянъ, т. е. свободный ихъ переходъ отъ одного землевладѣльца къ другому; но легко замѣтить и то, что эти случаи были чрезвычайно рѣдки. Порядныя грамоты, о которыхъ я сейчасъ говорилъ — исключительныя явленія: онѣ принадлежали тѣмъ немногимъ крестьянамъ, которые могли разставаться съ землевладѣльцами; или которые въ первый разъ садились на тягло изъ вольныхъ людей. Тяглыми людьми считались собственно домохозяева, братья, дѣти и племянники ихъ принадлежали къ классу вольныхъ людей, пока не брали для обработки извѣстнаго тяглаго участка, съ той поры они становились тяглыми ихъ начинало знать государство, какъ своихъ плательщиковъ. Большая часть рядныхъ записей, намъ извѣстныхъ, написана была такими вольными людьми, переходившими въ разрядъ тяглыхъ. Огромная масса тяглыхъ крестьянъ уже не пользовалась правомъ перехода не потому, что это право

было отмѣнено закономъ, а потому что сами крестьяне лишились возможности имъ пользоваться. Переходъ обусловливался расплатой съ землевладѣльцемъ или съ сельскимъ обществомъ, къ которому принадлежалъ крестьянинъ. Крестьянинъ обыкновенно долженъ былъ платить пожилое за пользованіе дворомъ и другія пошлины за льготы и выплатить ссуду. Пожилое увеличивалось больше или меньше смотря по количеству лѣтъ, прожитыхъ крестьяниномъ на заарендованномъ имъ участкѣ. Много крестьянъ пользовалось своимъ участкомъ всю жизнь и даже передавало пользованіе имъ своимъ дѣтямъ. Такимъ образомъ они становились старожильцами. Такимъ крестьянамъ трудно было разомъ заплатить пожилое и другія пошлины. Съ другой стороны долговременное пребываніе на извѣстномъ участкѣ прикрѣпляло къ нему крестьянина еще одною связью. Рѣдкій крестьянинъ садился на участокъ безъ ссуды, которую давали ему землевладѣлецъ или пріявшее его общество государственныхъ крестьянъ. Ссуда деньгами или хлѣбомъ - почти непремѣнное условіе повсемѣстно явленіе порядныхъ грамотъ XVI и XVII в. Тоже самое явленіе открывается и въ уцѣлѣвшихъ поземельныхъ вотчинныхъ книгахъ. У крупныхъ землевладѣльцевъ огромное большинство крестьянъ сидѣло со ссудой. До насъ дошли поземельныя вотчинныя книги Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, составленныя въ концѣ XVI ст. Это очень подробная хозяйственная опись съ указаніемъ количества земли, крестьянскихъ дворовъ и получаемыхъ съ нихъ вотчинныхъ оброковъ. Въ Бѣлозерскомъ

Романовскомъ и Вологодскомъ уѣздахъ монастырь имѣлъ болѣе 1500 вытей по 37 десятинъ въ каждомъ. Всего по книгамъ подъ крестьянами у Бѣлозерскаго монастыря было безъ малаго 20000 десятинъ земли. Изъ этого числа 14000 десятинъ, находившихся въ пользованіи крестьянъ, значатся или монастырскими пашнями. Такимъ образомъ около $\frac{2}{3}$ монастырскихъ крестьянъ были должниками монастыря, работали съ его ссудой. Обыкновенно, получая ссуду, крестьянинъ давалъ землевладѣльцу ссудную запись, опредѣлявшую условія, на которыхъ онъ бралъ ссуду. Ссудная запись соотвѣтствовала заемной кабалѣ и ставила вольнаго крестьянина въ положеніе близкое къ положенію временныхъ кабальныхъ холоповъ. Ссудныя записи до того становятся обычнымъ явленіемъ въ поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ, что въ XVI в. крестьянинъ, который работалъ безъ такой записи, былъ исключительнымъ рѣдкимъ явленіемъ. Ссудная запись, какъ долговое обязательство, имѣла значеніе крѣпости, которая ставила крестьянина въ личную зависимость отъ землевладѣльца. Землевладѣльцы привыкли соединять съ долговымъ письменнымъ обязательствомъ понятіе о холопѣ, т.е. о крѣпостномъ человѣкѣ; теперь стали переносить это понятіе на вольныхъ крестьянъ, жившихъ на ихъ земляхъ по ссуднымъ записямъ. Такъ еще до конца XVI в. въ сельскомъ населеніи образовался классъ крестьянъ старинныхъ и крѣпостныхъ. Это старинное и крѣпостное крестьянство составляло классъ лично прикрѣпленный къ землевладѣльцамъ независимо отъ ихъ отношеній къ землѣ. Говоря просто, это были настоящіе крѣпостные, которые от-

личались отъ холоповъ только тѣмъ, что ихъ крѣпостъ была обусловлена пользованіемъ землей, и что они, лично завися отъ господъ не переставали платить казенныя подати. У такихъ крестьянъ самособою исчезало право выхода, но исчезая оно вырождалось въ два другія явленія, крестьянскій вывозъ и крестьянскій побѣгъ. Крестьянинъ рѣдко могъ расплатиться съ землевладѣльцемъ безъ чужой помощи. Обыкновенно его выручалъ другой землевладѣлецъ, который платилъ за него пожилое и ссуду и вывозилъ его на свою землю. Такъ крестьянинъ, мѣняя участокъ, не мѣнялъ своего юридическаго положенія. Вывозъ крестьянъ однимъ землевладѣльцемъ у другаго съ чрезвычайной быстротой развивается въ продолженіи XVI в. благодаря этому обычаю въ XVI вѣкѣ возникла ожесточенная борьба землевладѣльцевъ за рабочія крестьянскія руки. Время около 24 Ноября, Юрьева дня осенняго, было временемъ удивительныхъ сценъ, разыгрывавшихся на всемъ пространствѣ государства. Приказчикъ богатаго землевладѣльца отправлялся въ села черныхъ крестьянъ или мелкихъ помѣщиковъ и начиналъ „отказывать" крестьянъ, т.е. подговаривалъ ихъ къ переселенію, платилъ за нихъ ссуду и пожилое и свозилъ ихъ на землю своего господина. Крестьянскія общества или мелкіе землевладѣльцы, лишаясь рабочихъ рукъ, старались силою удержать ихъ, начитывали на крестьянъ лишнее, а если не имѣли на то возможности, то собирали своихъ людей и встрѣчали отказчика съ кольями. Жалобы мелкихъ помѣщиковъ и государственныхъ крестьянъ ярко рисуютъ намъ эти Юрьевскія сцены. Съ другой стороны во второй половинѣ XVI в. замѣтно ста-

ли усиливаться крестьянские побеги. Объ этомъ говорятъ и судебные памятники и извѣстія иностранцевъ, наблюдавшихъ родъ дѣлъ въ Московскомъ государствѣ. Въ каждой поземельной описи рядомъ съ дворами жилыми встрѣчается множество дворовъ и деревень пустыхъ заброшенныхъ. Итакъ крестьяне еще раньше указа правительства, уничтожившаго право выхода, перестали пользоваться этимъ правомъ; ихъ выходъ превратился, съ одной стороны, въ вывозъ однимъ землевладѣльцемъ отъ другого, а съ другой, въ незаконный побѣгъ безъ расплаты. Обращаясь къ изученію Московскаго законодательства XVI и XVII в. мы встрѣчаемъ въ немъ тоже положеніе дѣлъ съ конца XVI в. И крестьянскіе вывозы и крестьянскіе побѣги сопровождались важными затрудненіями для государства, государственнаго хозяйства и особенно для сельскихъ обществъ и мелкихъ землевладѣльцевъ. Землевладѣльцы крупные вывозили крестьянъ изъ сельскихъ государственныхъ обществъ и изъ мелкихъ помѣщиковъ; но это не измѣняло положеніе крестьянина, а только замѣняло его личную зависимость отъ одного лица или общества зависимостью отъ другого. Такимъ образомъ крестьянскій выходъ превратился въ одностороннюю привилегію крупныхъ землевладѣльцевъ, не обезпечивавшую свободы крестьянина, но вредившую казеннымъ интересамъ. Сельскія общества государственныхъ крестьянъ, теряли своихъ тяглецовъ и становились въ невозможность исправно платить государственныя подати; мелкіе служилые землевладѣльцы, теряя рабочія руки, переставали исправно слу-

деть ратную службу. Наконецъ крестьянскіе выводы и побѣги содѣйствовали переходу тяглыхъ крестьянъ въ классъ холоповъ. Судебникъ 1497г., опредѣляя условія крестьянскаго выхода, только назначаетъ срокъ для него. Въ судебникѣ 1550г. мы встрѣчаемъ важное добавленіе: крестьянинъ могъ уйти отъ землевладѣльца лишь въ одинъ срокъ около Юрьева дня осенняго; но если крестьянинъ продавался съ пашнею въ полное холопство своему или чужому землевладѣльцу могъ дѣлать это безъ вѣчнаго срока не платя пожилаго. Но становясь полнымъ холопомъ тяглый крестьянинъ переставалъ быть плательщикомъ государственной подати. Противъ этихъ последствій крестьянскаго выхода и направлено было Московское законодательство XV, XVI и первой половины XVII в. Уже съ Ивана III правительство начало запрещать выходъ не только стародѣльцамъ, но и другимъ тяглымъ крестьянамъ въ интересахъ государственнаго порядка и исправнаго платежа податей. Далѣе въ царствованіе Бориса Годунова изданъ былъ 28 нояб-ря 1601г. указъ, по которому дозволялось вывозить крестьянъ другъ у друга только мелкимъ землевладѣльцамъ и то заразъ не болѣе 2 крестьянъ. Землевладѣльцы Московскаго уѣзда, обыкновенно люди высшихъ чиновъ и крупные вотчинники совсѣмъ лишены были права вывозить крестьянъ на свои земли. Этотъ указъ является мѣрой, направленной противъ землевладѣльцевъ въ пользу крестьянъ: онъ имѣетъ, что царь позволилъ давать крестьянамъ выходъ по причинѣ налоговъ и продажъ, которыми землевладѣльцы ихъ обременили. Въ указѣ 24 ноября 1602г

повторено было это ограниченiе вывоза; но оно было объяснено цѣлiю прекратить бои и грабежи, которыми обыкновенно сопровождался перевозъ крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому. Притомъ даже въ дозволенныхъ случаяхъ вывоза, крестьянинъ не долженъ былъ мѣнять свое тяглоположенiе, а долженъ былъ оставаться крестьяниномъ, а не переходя въ нетяглые дворовые люди. Въ царствованiи перваго самозванца указомъ 1 февраля 1606 г. прекращенъ былъ этотъ переходъ крестьянъ въ холопство. Въ продолженiи 1601–3 г. на Руси былъ неурожай. Это заставило многихъ крестьянъ бѣжать отъ своихъ землевладѣльцевъ, отказавшихся поддерживать ихъ хозяйство въ трудные годы. Многiе бѣглые, принятые другими землевладѣльцами, поступили къ нимъ въ холопы. Указъ 1 февраля предписывалъ всѣхъ крестьянъ, бѣжавшихъ до голодныхъ лѣтъ и продававшихся въ холопство, возвращать на покинутыя мѣста, переводя ихъ изъ холоповъ въ крестьянство. Такимъ образомъ отмѣнена была статья судебника 1550 г., позволявшая крестьянамъ продаваться въ холопство. Крестьяне, бѣжавшiе въ голодные годы, когда землевладѣльцы отказались кормить ихъ не возвращались на прежнiя мѣста, оставаясь въ томъ положенiи, въ какое вступили послѣ побѣга. Итакъ всѣ эти указы не признавали всѣхъ крестьянъ прикрѣпленными къ землѣ по закону; они говорятъ только о крестьянахъ, которыхъ свозили или которые бѣгали, не расплатившись съ хозяева. Не отмѣняя права выхода законодательство направилось лишь противъ невыгодныхъ для государственнаго порядка, послѣдствiй этого права: 1) оно старалось прекратить переходъ крестьянъ изъ тяглаго состоянiя въ нетяглое, въ классъ холоповъ; 2) оно старалось

уничтожить игру въ крестьянъ, которую вели крупные землевладѣльцы, сманивая ихъ съ земли государственныхъ крестьянскихъ обществъ, или мелкихъ помѣщиковъ; наконецъ 3) оно старалось прекратить незаконные побѣги крестьянъ, нарушавшие право нерѣдко собственности землевладѣльцевъ. Но во всѣхъ изложенныхъ указахъ, которые старались уничтожить эти невыгодныя послѣдствія крестьянскаго перехода нѣтъ рѣчи о самомъ переходѣ, какъ правѣ, потому что это право въ огромномъ большинствѣ сельскаго населенія давно уже перестало дѣйствовать, превратилось въ воспоминание. Сохранилось современное иностранное извѣстие, которое, разъясняя основную мысль указовъ Годунова, свидѣтельствуетъ, что этотъ царь не только не хотѣлъ лишить крестьянъ принадлежавшаго имъ права, но пытался защитить ихъ отъ произвола землевладѣльцевъ. Одинъ иностранецъ говоритъ, что Борисъ Годуновъ, жалѣя крестьянъ, которыхъ землевладѣльцы привыкли считать своими крѣпостными, издалъ постановление, которымъ точно были опредѣлены платежи и работы крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ. Итакъ Московское законодательство XVI и первой половины XVII не поддерживаетъ предположения о состоявшемся тогда общемъ прикрѣплении крестьянъ къ землѣ. Наконецъ уложение 1649г. прямо свидѣтельствуетъ, что прежде не было издано общаго закона, который-бы лишилъ крестьянъ права выхода и прикрѣпилъ-бы ихъ къ землѣ. Статья 3 главы XI[а] Уложенія опредѣляетъ порядокъ иска и возврата бѣглыхъ крестьянъ на прежнее мѣсто жительства, прямо говоритъ, что до нынѣшняго указа не было государевой заповѣди (запрета), чтобы никому за себя крестьяне не принимать, а только были указаны бѣглымъ крестьянамъ урочные годы,

т.е. сроки давности для сыска беглых.
Въ такихъ чертахъ представляютъ намъ памятники XVI и первой половины XVII в. поземельное положеніе крестьянъ. Положеніе это создалось тѣмъ противорѣчіемъ, какое образовалось между экономическими и юридическими отношеніями крестьянъ. Вольный и переходящій хлѣбопашецъ, по закону крестьянинъ былъ на дѣлѣ рабочимъ безъ земли и земледѣльческаго инвентаря, и нуждаясь въ этомъ инвентарѣ, подвергался опасности превратиться въ невольнаго земледѣльца. Къ концу XVI в. положеніе крестьянъ можно представить въ такомъ видѣ: 1) При старой династіи не было издано общаго закона ни о поземельномъ прикрѣпленіи крестьянъ, ни о крѣпостномъ правѣ. Законъ не отмѣнялъ право крестьянскаго выхода, потому что это право само собою переставало дѣйствовать еще раньше конца XVI в., выродившись въ двѣ другія формы, въ вывозъ крестьянъ одними землевладѣльцами у другаго и въ незаконные побѣги крестьянъ отъ землевладѣльцевъ безъ расплаты. 2) Значительное большинство крестьянъ уже въ XVI в., незамѣтно для правительства и безъ его содѣйствія попало въ крѣпостное состояніе путемъ договорныхъ обязательствъ, но то было прикрѣпленіе личное, а не поземельное. 3) Московское законодательство XVI и XVII в. до Уложенія, не отмѣняя права крестьянскаго выхода, принимало только мѣры противъ невыгодныхъ для государства послѣдствій его, противъ безпорядочнаго и разорительнаго для мелкихъ землевладѣльцевъ своза крестьянъ на земли крупныхъ вотчинниковъ и противъ незаконныхъ крестьянскихъ побѣговъ. Принимая эти мѣры, возвращая бѣглыхъ крестьянъ на прежніе участки, законодательство не устанавливало прямо

поземельнаго ихъ прикрѣпленія, а старалось только облегчить исправное отправленіе государственныхъ повинностей сельскими обществами и мелкими землевладѣльцами и помѣшать развитію личной крѣпости, въ которую все болѣе попадали крестьяне путемъ долговыхъ обязательствъ. Сводъ и побѣгъ крестьянъ всего болѣе опустошали мелкія помѣстья городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, о поземельномъ обезпеченіи которыхъ такъ хлопотало правительство XVII в. въ интересѣ ратной службы. Вотъ съ какой стороны перемѣны, внесенныя законодательствомъ въ положеніе крестьянъ, связываются съ послѣдствіями помѣстной системы.

Управленіе въ Московскомъ государствѣ XVI удѣльнаго времени.

Управленіе въ Московскомъ княжествѣ. Изучая устройство общества въ Московскомъ государствѣ, сдѣлаемъ краткій очеркъ правительственныхъ формъ, въ какія облеклось послѣднее въ XV и XVI вѣкахъ. Управленіе его все развилось изъ удѣльнаго. Чтобы понять послѣднее, надобно припомнить характеръ и строй княжества удѣльнаго времени. Какъ мы знаемъ, удѣльное княжество было собственно не государство, а хозяйство князя; иначе говоря государство было въ то время ничто иное, какъ княжеское хозяйство. Поэтому управленіе удѣльнаго времени было собственно эксплуатаціею различныхъ статей этого хозяйства. Населеніе удѣла было для князя не обществомъ, не союзомъ подданныхъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей общаго блага: оно было лишь ору-

дiемъ хозяйственной эксплуатацiю княжества. Правительственныя дѣйствiя, имѣвшiя цѣлью общее благо, поддержанiе общественнаго порядка, тогда разсматривались, какъ доходныя статьи княжескаго хозяйства, и были сопряжены съ извѣстными пошлинами въ пользу правительства и его агентовъ. Такъ произошли всѣ тѣ пошлины судебныя, торговыя, свадебныя и другiя, какiя поступали въ княжескую казну удѣльнаго времени. На такомъ строѣ удѣльныхъ княжествъ развилась и держалась удѣльная администрацiя. Различныя учрежденiя въ системѣ удѣльнаго управленiя имѣли цѣлью эксплуатацiю земель и угодьевъ въ княжествахъ. По своимъ хозяйственнымъ отношенiямъ къ князю земли всего удѣла дѣлились на три разряда: одни изъ этихъ земель принадлежали непосредственно дворцу, эксплуатировались непосредственно на князя, который получалъ съ нихъ всѣ необходимые для дворца припасы; другiя земли на извѣстныхъ условiяхъ отдавались въ частное владѣнiе лицамъ или учрежденiямъ; наконецъ третьи сдавались въ аренду крестьянамъ на извѣстныхъ условiяхъ. Первыя земли назывались дворцовыми, вторыя боярскими и церковными, третьи черными.

Дворцовыя земли съ угодьями составляли собственно область дворцоваго управленiя.

Различныя части дворцоваго хозяйства поручались въ управленiе отдѣльнымъ боярамъ и слугамъ князя, иногда даже его холопамъ. Дворцовые слуги и пашни управлялись дворецкимъ. Различныя угодья на княжескихъ земляхъ, напримѣръ промыслы — бортный, рыбный, звѣриный — вѣдались особыми дворцовыми сановниками, ключникомъ, стольникомъ, ловчимъ и т. д. Такъ при дворцѣ сложилась цѣлая система административныхъ вѣдомствъ, которыя

всѣ имѣли хозяйственное происхожденіе и назначеніе. Люди, которымъ поручались эти вѣдомства, называются въ актахъ удѣльнаго времени *боярами введенными*, а совокупность ихъ вѣдомствъ составляло центральное управленіе княжества, въ удѣльномъ смыслѣ этого слова. Особенно важныя дѣла, которыя не могли быть рѣшены отдѣльными боярами введенными, или которыя касались не одного, а нѣсколькихъ вѣдомствъ, восходили къ самому князю и рѣшались имъ вмѣстѣ съ тѣми боярами, вѣдомства которыхъ они касались. Это и есть княжеская Дума удѣльнаго времени, совѣтъ бояръ при князѣ. — Таково было устройство центральнаго правительства въ удѣльное время, состоявшаго изъ отдѣльныхъ дворцовыхъ вѣдомствъ и изъ боярскаго совѣта, измѣнчиваго по составу, составлявшагося особо для каждаго дѣла изъ двухъ, трехъ, или болѣе бояръ.

Всѣ земли, не приписанныя къ княжескому двору, т.е. земли частныхъ владѣльцевъ и черныхъ крестьянъ, предоставлены были мѣстной администраціи. Областное управленіе находилось въ рукахъ *намѣстниковъ и волостелей*. Значительныя княжества дѣлились на административные округа, называвшіеся *уѣздами*. Впрочемъ уѣздъ не былъ административнымъ округомъ въ нашемъ смыслѣ слова, подчиненнымъ одной власти съ ея орудіями. Уѣздъ состоялъ собственно изъ города и сельскихъ обществъ, которыя назывались *волостями*. Намѣстникъ правилъ городомъ и ближайшими къ нему сельскими округами, которые въ отличіе отъ прочихъ волостей назывались *станами*. Станъ — такая же сельская волость, только пригородная и потому, приписанная къ округу намѣстника. Каждая изъ остальныхъ сельскихъ волостей, входившихъ въ составъ уѣзда, управлялась

своимъ волостелемъ, который обыкновенно ни въ чемъ не зависѣлъ отъ городскаго намѣстника. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣднему принадлежала лишь высшая юрисдикція по уголовнымъ дѣламъ, совершавшимся въ волостяхъ уѣзда. Намѣстники и волостели правили съ помощью подчиненныхъ имъ агентовъ: тіуновъ, творившихъ судъ ихъ именемъ; доводчиковъ и праветчиковъ, которые вызывали тяжущихся на судъ, правили съ нихъ пени и пошлины, отдавали ихъ на поруки и т.п. Тіуны, доводчики и праветчики не были государственные чиновники: обыкновенно они были дворовые люди или холопы намѣстниковъ и волостелей. Намѣстникъ, какъ и волостель, былъ по характеру своему собственно правительственнымъ арендаторомъ князя: онъ снималъ у послѣдняго по извѣстнымъ условіямъ доходы князя въ извѣстномъ административномъ округѣ. Даже самыя условія этой правительственной аренды напоминаютъ условія поземельныхъ контрактовъ того времени. Въ старину земли отдавались въ аренду обыкновенно исполу, т.е. изъ половины урожая, почему крестьянинъ древней Руси на сѣверѣ и назывался половникомъ даже тогда, когда по условіямъ аренды платилъ менѣе 50% валоваго дохода. И областной управитель удѣльнаго времени снималъ у князя округъ „исполу", изъ половины доходовъ: на это прямо указываетъ духовная великаго князя Московскаго Семена, гдѣ мы читаемъ, что если кто изъ бояръ князя станетъ служить его княгинѣ и будетъ волостью вѣдать, тотъ дастъ княгинѣ половину прибытка, правительственнаго дохода. Каждый правительственный актъ намѣстника и волостеля сопряженъ былъ съ извѣстнымъ доходомъ; такъ что правительственныя отправленія имѣли значеніе не столько дѣйствій, направленныхъ къ поддержанію

порядка или закона, столько дѣйствій, имѣвшихъ цѣлью извлеченіе доходовъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ должность областного управителя называлась кормленіемъ: послѣдній кормился въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Содержаніе его составлялось изъ кормовъ прямыхъ налоговъ и изъ пошлинъ налоговъ косвенныхъ, какими оплачивались извѣстные правительственные акты. Кормы были: 1) въѣзжій, 2) ежегодные, постоянные, именно Рождественскій (къ Рождеству) и Петровскій (къ Петрову дню). Въѣзжій кормъ собирался при въѣздѣ управителя на кормленіе, при самомъ вступленіи его въ должность: управляемые давали управителю на въѣздѣ „кто что принесетъ“. Рождественскій и Петровскій кормы были равно опредѣлены съ большею точностью. Въ удѣльное время кормы вообще взимались натурою: такъ Рождественскій кормъ намѣстника состоялъ изъ полоти мяса (половины говяжьяго стяга), 10 хлѣбовъ, бочки овса и воза сѣна съ каждой сохи. Соха — платежная единица удѣльнаго времени, перешедшая и въ Московское государство: подъ нею разумѣлось въ городѣ извѣстное количество посадскихъ тяглыхъ дворовъ, въ селѣ извѣстное пространство тяглой крестьянской земли. Итак, и цѣлая соха разнообразилась по мѣсту и по времени, равно какъ и по качеству земли и городскихъ дворовъ. Впослѣдствіи въ Московскомъ государствѣ сельская соха всего чаще содержала въ себѣ 1200 десятинъ доброй земли, 1500 десятинъ средней и 1800 десятинъ худой. Итакъ каждая соха платила намѣстнику опредѣленные поборы натурою. Это — кормы въ собственномъ смыслѣ. Затѣмъ намѣстникъ съ своими помощниками получалъ извѣстныя пошлины съ правительственныхъ актовъ, напр. судебныя пошлины, именно имъ извѣстный процентъ (10%) съ

суммы иска, или противень противъ истцовъ (иска) т.е. пеню, равняющуюся суммѣ самого иска. Далѣе въ пользу намѣстника шли торговыя пошлины, — налоги на продаваемые товары, пошлины свадебныя, взимавшiяся при выдачѣ замужъ обывательницы въ предѣлахъ округа или за его границы: въ первомъ случаѣ намѣстникъ получалъ свадебный убрусъ (платокъ), во второмъ — выводную куницу (мѣхъ). **Перемѣны въ центральномъ управленiи Московскаго государства съ половины XVI в.** Мы отмѣтили устройство центральнаго и областнаго управленiя въ Московскомъ княжествѣ удѣльныхъ вѣковъ. По мѣрѣ того какъ это княжество превращалось въ Великорусское государство, усложнялись въ немъ и административныя задачи, а это усложненiе должно было измѣнить управленiе какъ въ центрѣ, такъ и въ провинцiи. Важнѣйшая перемѣна въ центральномъ управленiи состояла въ томъ, что дворцовыя вѣдомства удѣльнаго времени превратились въ учрежденiя, получившiя названiе приказовъ. Дворцовыя удѣльныя вѣдомства были собственно единоличныя правительственныя порученiя: каждое изъ этихъ вѣдомствъ управлялось тѣмъ или другимъ лицомъ, бояриномъ введеннымъ, которому князь поручалъ извѣстную часть своего дворцоваго хозяйства. Эти единоличныя порученiя главныхъ приказчиковъ, бояръ введенныхъ, теперь и превратились въ приказы, сложныя и постоянныя присутственныя мѣста. Такъ совершился переходъ отъ управленiя посредствомъ лицъ къ управленiю посредствомъ постоянныхъ учрежденiй. Впрочемъ, этотъ переходъ не былъ рѣзкой замѣной одного порядка администрацiи другимъ, основаннымъ на иныхъ началахъ. Перемѣна носила болѣе техническiй, чѣмъ политическiй характеръ: приказы были постепеннымъ развитiемъ, осложненiемъ дворцовыхъ вѣдомствъ, единоличныхъ

порученій удѣльнаго времени. Въ XIV в. при несложности княжескаго хозяйства для управленія его извѣстною отраслью достаточно было одного лица, которое дѣйствовало безъ особой канцеляріи, посредствомъ устныхъ распоряженій. По мѣрѣ того, какъ государственное хозяйство становилось сложнѣе, административныя задачи дѣлались разнообразнѣе, развивалось и письменное дѣлопроизводство. Тогда боярину введенному понадобился дьякъ съ подъячими, иногда еще товарищъ для совмѣстнаго рѣшенія дѣлъ. Какъ скоро при бояринѣ введенномъ являлась особая канцелярія, съ той минуты и возникалъ приказъ, какъ постоянное присутственное мѣсто. Благодаря тому, вѣдомство удѣльнаго дворцоваго превратилось въ приказъ Большаго Дворца, вѣдомство конюшаго — въ Конюшенный приказъ и т. д. Рядомъ съ приказами, которые развивались изъ дворцовыхъ удѣльныхъ вѣдомствъ, становились приказы новые, для которыхъ не было соотвѣтствующихъ учрежденій въ удѣльное время. Всѣ эти приказы вызывались новыми потребностями государственнаго порядка. Теперь, съ одной стороны, возникали такія правительственныя задачи, которыя не укладывались въ тѣсныя рамки дворцоваго хозяйства, съ другой, все сильнѣе чувствовалась потребность стянуть къ центру такія правительственныя дѣла, которыя прежде находились въ безотчетномъ распоряженіи областныхъ правителей. Такъ въ центрѣ накоплялось много новыхъ административныхъ дѣлъ и задачъ. Новые приказы и возникали одинъ за другимъ въ продолженіе XV и XVI ст. по мѣрѣ накопленія этихъ новыхъ дѣлъ и задачъ. Въ удѣльное время несложныя внѣшнія отношенія князя не возбуждали потребности имѣть для нихъ особое постоянное учрежденіе: каждый вопросъ внѣшней политики разрѣшался княземъ съ его боярами введенными. Когда

внѣшнія отношенія Московскаго государства усложнились, въ Москвѣ появился особый приказъ, ими вѣдавшій, — Посольскій. Въ удѣльное время военно-служебныя дѣла служилыхъ людей по своей простотѣ не требовали особыхъ учрежденій. Въ XV и XVI в., когда служилый классъ разростался все больше, военно-служебное стало завѣдывать особое мѣсто, получившее названіе Разряднаго приказа. Таковъ одинъ рядъ новыхъ приказовъ, вызванныхъ усложненіемъ центральной администраціи. Другой рядъ имѣлъ своимъ источникомъ успѣхъ правительственной централизаціи. Въ удѣльное время множество правительственныхъ дѣлъ отдано было въ безконтрольное распоряженіе областныхъ правителей; теперь интересы государственнаго порядка потребовали установить дѣйствительный надзоръ за дѣйствіями областныхъ правителей. Въ удѣльное время намѣстники и волостели вѣдали всѣ уголовныя дѣла; теперь важнѣйшія преступленія изъяты были изъ компетенціи областныхъ управителей, и для нихъ въ центрѣ созданъ былъ особый Разбойный приказъ. Въ удѣльное время областные управители вѣдали всѣ дѣла о холопахъ; теперь эти дѣла сосредоточены были въ центрѣ, въ особомъ учрежденіи, — Холопьемъ приказѣ. Такъ всѣ Московскіе приказы имѣли тройкій источникъ происхожденія: одни развились изъ дворцовыхъ вѣдомствъ удѣльнаго времени, другіе были вызваны новыми правительственными задачами, возникшими съ образованіемъ Московскаго государства, наконецъ третьи были слѣдствіемъ стремленія стянуть важнѣйшія правительственныя дѣла изъ провинціи къ центру. Уже до конца XVI в. въ Москвѣ было болѣе 30 приказовъ. Гораздо труднѣе произвести точную группировку приказовъ по характеру дѣлъ. Такъ какъ приказы возникли не вдругъ по одному

плану, а появились постепенно съ усложненiемъ административныхъ задачъ, то распредѣленiе правительственныхъ дѣлъ между ними представляется чрезвычайно неправильнымъ и запутаннымъ на нашъ административный взглядъ, привыкшiй къ строгой регламентацiи и точному распредѣленiю дѣлъ по существу. Благодаря тому чрезвычайно трудно возстановить систему приказовъ, указать основанiя распредѣленiя дѣлъ между ними. Въ этомъ распредѣленiи руководствовались не политическими принципами, а практическими удобствами. Не заботясь о полной точности можно распредѣлить Московскiе приказы на 3 разряда по существу дѣлъ. Первый изъ нихъ составляли приказы обще-государственные, которые вѣдали извѣстныя государственныя дѣла на всемъ пространствѣ государства. Таковы были приказы, Разрядный, Разбойный, Холопiй. Другой разрядъ составляли приказы территорiальные, которые вѣдали или, лучше сказать, различныя дѣла, но только въ извѣстныхъ частяхъ государства. Къ этому разряду можно отнести наибольшее количество приказовъ: таковы были мѣстные дворцы, которые вѣдали дѣла въ областяхъ государства, составлявшихъ прежде независимые политическiе мiры, Новгородскiй, Тверской, Казанскiй, возникшiй послѣ завоеванiя Казани и нижняго Поволжья. Третiй разрядъ составляли приказы смѣшанные, въ которыхъ извѣстнаго рода общiе государственныя дѣла совмѣщались съ нѣкоторыми спецiальными дѣлами въ извѣстныхъ частяхъ государства. Таковы были приказы Посольскiй, соединявшiй управленiе внѣшними сношенiями съ финансовымъ управленiемъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, Помѣстный, вѣдавшiй вотчины и помѣстья служилыхъ людей, но не во всѣхъ, а только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ; наконецъ сюда же можно отнести и областные судные приказы Московскiй,

Владимірскій, Рязанскій, вѣдавшіе преимущественно судъ о вотчинныхъ и помѣстныхъ дѣлахъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ.
Такъ усложнилась центральная администрація въ образованіемъ Московскаго государства. Вмѣстѣ съ этимъ долженъ былъ измѣниться строй и характеръ высшаго правительственнаго учрежденія, которое руководило отдѣльными вѣдомствами, государевой боярской думы. Въ удѣльное время, какъ мы видѣли, эта дума состояла изъ тѣхъ или другихъ, вообще не многихъ бояръ, введенныхъ, назначавшихся особо по каждому дѣлу; теперь эта дума измѣняется и изъ тѣсенаго совѣта превращается въ сложное постоянное учрежденіе съ болѣе опредѣленнымъ составомъ и кругомъ дѣлъ. Въ удѣльное время дума состояла изъ немногихъ высшихъ сановниковъ и знатнѣйшихъ слугъ князя, которые всѣ носили званіе бояръ. Когда въ Московскомъ государствѣ боярство распалось на нѣсколько слоевъ, неодинаковыхъ по своему происхожденію и политическому значенію, тогда и въ самомъ составѣ думы появилось раздѣленіе на іерархическіе чины согласно съ генеалогической знатностью совѣтниковъ. Представители знатныхъ фамилій садились въ думѣ съ прежнимъ званіемъ бояръ: люди второстепенной знати являлись въ собраніе съ званіемъ окольничихъ, иногда дослуживаясь и до боярскаго чина. Наконецъ въ правленіе Московскаго царя Ивана, а можетъ быть и раньше, въ составѣ думы появляется новый членъ, получившій названіе „дѣтей боярскихъ, что въ думѣ живутъ", позднѣе назвавшихся думными дворянами". Обыкновенно это были дѣльцы, дослужившіеся до мѣста въ думѣ изъ захудалыхъ боярскихъ фамилій или дворянской массы, не принадлежавшей къ боярству. Кромѣ того въ думѣ присутствовали думные дьяки, государственные секретари и докладчики дѣлъ. При такой новой

организацiи боярской думы состояла уже не изъ 3-4 бояръ введенныхъ, а изъ нѣсколькихъ десятковъ членовъ, носившихъ разныя званiя. Всѣ они назначались въ думу государемъ. Разбирая значенiе думныхъ чиновъ, легко замѣтить 2 элемента въ составѣ думы, аристократическiй и бюрократическiй. Въ званiи бояръ и окольничихъ назначались обыкновенно старшiе представители важнѣйшихъ боярскихъ фамилiй; какъ скоро они достигали извѣстнаго возраста, ихъ назначали въ думу, строго сообразуясь съ мѣстническими обычаями и отношенiями. Напротивъ думные дворяне и думные дьяки, большею частью люди незнатные, получали назначенiе по личному усмотрѣнiю государя за личныя качества или государственныя заслуги. Но правительственное значенiе думныхъ людей не ограничилось ихъ сидѣньемъ въ думѣ. Всѣ служилые люди, носившiе званiе бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, были членами государственнаго совѣта; но эти же думные люди управляли центральными приказами, командовали полками въ походахъ и правили провинцiями въ качествѣ намѣстниковъ. Полковой воевода и уѣздный намѣстникъ конечно не могли засѣдать въ думѣ. Поэтому на ежедневныя засѣданiя думы являлись большею частью только начальники Московскихъ приказовъ, которыхъ должность привязывала къ столицѣ. Сами думные дьяки не были исключительно секретарями и докладчиками думы: каждый изъ нихъ управлялъ извѣстнымъ приказомъ. То были обыкновенно главные дьяки важнѣйшихъ приказовъ, Посольскаго, Разряднаго, Помѣстнаго и иногда либо Новгородскаго, либо Казанскаго, такъ что думныхъ дьяковъ обыкновенно бывало 3 или 4. Все это сообщало Боярской думѣ характеръ совѣта ми-

министровъ. Дума вѣдала очень обширный кругъ дѣлъ судебныхъ и административныхъ; но преимущественно это было законодательное учрежденіе. Каждый новый законъ исходилъ изъ Думы, съ обычною помѣткою: „Государь указалъ и бояре приговорили". Это законодательное значеніе Думы указано въ Судебникѣ 1550 года, одна статья котораго гласитъ: „А которыя будутъ дѣла новыя, а въ семъ Судебникѣ не писаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу (или: указу) и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ судебникѣ приписывати". Всѣ дополнительные къ Судебнику указы собственно были приговорами Думы. Далѣе Дума имѣла контроль надъ областнымъ управленіемъ, равно какъ и руководила дѣйствіями приказовъ. Она разрѣшала въ качествѣ высшей инстанціи множество судебныхъ дѣлъ. Члены Думы собирались на засѣданія во дворецъ обыкновенно рано поутру. Государь часто самъ председательствовалъ въ совѣтѣ бояръ; но если бояре, засѣдая безъ государя, находили возможнымъ рѣшить предложенный имъ законодательный вопросъ, то ихъ приговоръ обыкновенно получалъ силу закона, не восходя къ государю на утвержденіе. Иногда, въ особо важныхъ случаяхъ, обыкновенный составъ Думы расширялся, и въ нее входилъ второй правительственный элементъ, — глава русской церковной іерархіи съ высшимъ духовенствомъ. Этотъ высшій іерархъ, до конца XVI в. митрополитъ, а потомъ патріархъ, съ своими епископами составлялъ особый правительственный совѣтъ, вѣдавшій дѣла русской церкви. Этотъ совѣтъ назывался „Освященнымъ Соборомъ". Освященный соборъ дѣйствовалъ или независимо отъ Думы, или вмѣстѣ съ нею, или по ея указанію. Совмѣстное или подчиненное дѣйствіе Освященнаго собора вызывалось только церковными дѣлами, кото-

рые близко касались интересовъ государства. Для рѣшенія такихъ дѣлъ обыкновенно и созывалось соединенное собраніе Боярской Думы и Освященнаго собора. Такія собранія получили спеціальное названіе <u>соборовъ</u>, которые надобно строго отличать отъ земскихъ.

Сводя всѣ изложенныя перемѣны, происшедшія въ центральной администраціи Московскаго государства съ половины XV в., легко замѣтить общее направленіе, въ какомъ шла ея перестройка. Въ удѣльное время центральное управленіе имѣло своею исключительною задачей, ограждать и развивать личные хозяйственные интересы удѣльнаго князя. Съ половины XV в. центральное управленіе въ Московскомъ государствѣ постепенно выходитъ изъ тѣсной сферы дворцоваго княжескаго хозяйства и приноравливается къ потребностямъ общегосударственнымъ, усвояетъ задачи общенароднаго блага.

<u>Перемѣны въ областномъ управленіи съ половины XV в.</u>

Въ томъ же направленіи измѣнялась и областная администрація въ Московскомъ государствѣ: она также постепенно теряла характеръ правительственной аренды или кормленія служилыхъ людей, какой имѣла въ удѣльное время и становилась настоящимъ органомъ общегосударственнаго управленія. Отмѣчу три главные момента въ ходѣ этого переустройства. Первый моментъ состоялъ въ томъ, что центральное правительство начало точнѣе опредѣлять законодательнымъ путемъ установленные обычаемъ права и отвѣтственность областныхъ правителей и регулируя порядокъ кормленія, стѣсняло произволъ кормленщиковъ. Такую регламентацію областнаго управленія мы встрѣчаемъ въ „уставныхъ грамотахъ" съ половины XV в. Эти грамоты давали мѣстнымъ обществамъ извѣстныя гарантіи отъ произвола кормленщиковъ. Первою изъ такихъ гарантій была замѣна натуральныхъ кормовъ денежными сборами.

Такъ за Рождественскій кормъ намѣстникъ получалъ теперь съ каждой сохи вмѣсто десяти хлѣбовъ — десять денегъ (около 5р), вмѣсто воза сѣна — два алтына и т. п. Далѣе, запрещено было теперь намѣстникамъ и волостелямъ съ ихъ тіунами и доводчиками самимъ собирать свои кормы; это поручено было выборнымъ отъ обществъ *сотскимъ* въ городахъ и станахъ, *старостамъ* — въ прочихъ сельскихъ волостяхъ. Намѣстнику указывалось, сколько онъ долженъ держать тіуновъ и доводчиковъ, и какъ они должны дѣйствовать. Съ теченіемъ времени стали опредѣляться и самые сроки кормленія. Въ XVI столѣтіи Московское правительство старалось, по видимому, сокращать ихъ: такъ, по Судебнику 1550 года, кормленщикъ занимаетъ должность не далѣе года, хотя впрочемъ встрѣчаются случаи кормленій двухлѣтнихъ и трехлѣтнихъ. — Наконецъ, опредѣленъ былъ порядокъ принесенія обывателями жалобъ на намѣстниковъ и волостелей съ ихъ правительственными помощниками. По Судебникамъ обыватели сами назначали срокъ, въ который намѣстникъ или его человѣкъ долженъ стать на судъ передъ великимъ княземъ, т. е. отвѣчать на обвиненіе передъ государевою Думою. Этотъ срокъ долженъ былъ падать на время, когда намѣстникъ съѣдетъ уже съ кормленія.

Вторымъ моментомъ указаннаго процесса было подчиненіе областныхъ управителей, который сопровождался стѣсненіемъ самаго объема ихъ власти изъятіемъ нѣкоторыхъ дѣлъ изъ ихъ компетенціи. Это стѣсненіе достигалось путемъ двойнаго контроля, шедшаго сверху и снизу. Контроль сверху выражался въ *докладѣ*. Такъ называлось перенесеніе дѣла изъ областнаго учрежденія въ высшее центральное для его окончательнаго рѣшенія, *вершенія*, говоря языкомъ того времени, въ-

щиками областного учрежденiя только разбиралось дѣло, но окончательный приговоръ произносился высшимъ центральнымъ учрежденiемъ, при чемъ, разумѣется, пересматривалось и все дѣло, какъ его велъ областной управитель. Все большее количество дѣлъ, прежде вершившихся въ области на мѣстѣ, идетъ отъ областныхъ кормленщиковъ въ центральныя учрежденiя на докладъ въ продолженiе XV и XVI вѣковъ. Во второй половинѣ XV столѣтiя, по первому Судебнику, ограничена была власть лишь нѣкоторыхъ изъ областныхъ управителей. Они обязаны были посылать на докладъ нѣкоторыя дѣла окончательнымъ вершенiемъ: уголовныя дѣла о разбоѣ, татьбѣ съ поличнымъ и душегубствѣ. По второму Судебнику это ограниченiе распространено на всѣхъ намѣстниковъ и волостелей. Точно также уже съ половины XV вѣка едва-ли не большая часть поземельныхъ дѣлъ рѣшается въ центрѣ, а не въ провинцiи. Съ другой стороны, судебныя дѣйствiя намѣстниковъ и волостелей подчинены были надзору представителей мѣстныхъ обществъ. Сохранившiеся акты удѣльнаго времени изображаютъ дѣятельность лишь органовъ княжеской власти, какими были въ мѣстномъ управленiи намѣстники и волостели. Но едва замѣтно мелькаетъ въ грамотахъ другой рядъ областныхъ учрежденiй, въ которыхъ выражалась самодѣятельность мѣстныхъ обществъ. Города и пригородныя станы издавна выбирали своихъ сотскихъ, сельскiя волости - своихъ старостъ. По уцѣлѣвшимъ актамъ удѣльнаго времени трудно сказать, каково было значенiе этихъ земскихъ властей; но онѣ, повидимому, существовали всюду. Вѣроятно, имъ было предоставлено мѣстныя хозяйственныя дѣла обществъ. Съ образованiемъ Московской Руси ихъ привлекаютъ и къ дѣламъ государственнаго хозяйства. Въ концѣ XV столѣтiя имъ уже

принадлежала раскладка казенныхъ податей. Уставныя грамоты этого времени, какъ мы видѣли, возлагаютъ на нихъ сборъ намѣстничьихъ и волостельныхъ кормовъ. При старостахъ являются выборные окладчики, которые сидѣли „у земскаго розмета", раскладывали подати и повинности между тяглыми обывателями. Но, повидимому, до конца XV вѣка они не имѣли никакого судебнаго значенія, ни особой юрисдикціи, ни даже участія въ судѣ областныхъ управителей. Съ конца XV стол. земскія учрежденія постепенно развиваются и принимаютъ все болѣе дѣятельное участіе въ мѣстномъ управленіи и судѣ. Прежде всего выборныя земскія власти вводятся въ судъ намѣстниковъ и волостелей. По первому Судебнику и уставнымъ грамотамъ того времени намѣстникамъ и волостелямъ запрещено было судить безъ сотскихъ, старостъ и добрыхъ людей. Участіе этихъ земскихъ представителей въ судѣ первоначально было страдательное: они только присутствовали въ судѣ, какъ его наблюдатели и ассистенты. Если дѣло шло на докладъ въ высшую инстанцію и одна сторона оспаривала правильность суднаго списка (судебнаго протокола), то старосты и добрые люди призывались засвидѣтельствовать, такъ ли шелъ судъ, какъ то записано въ спискѣ. Добрые люди выбирались особо для каждаго дѣла, какъ понятые. Въ XVI столѣтіи они превращаются въ постоянное учрежденіе, первоначально въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, потомъ и повсюду: по Судебнику 1550 года въ судѣ областныхъ управителей должны были присутствовать выборные земскіе старосты съ постоянными присяжными засѣдателями, цѣловальниками. Теперь и значеніе ихъ расширилось; они стали принимать болѣе дѣятельное участіе въ судѣ. Когда доводчики отдавали обвиняемаго на поруки и при этомъ не находили по-

ручителей, что они помогли ковать его въ желѣза, не явивъ старостамъ и цѣловальникамъ; въ противномъ случаѣ послѣдніе могли освободить арестованнаго, взявъ его на свою поруку. Итакъ теперь мѣстныя власти являются въ областномъ судѣ уже не пассивными ассистентами при намѣстникахъ или волостеляхъ, но земскими поручителями посредниками между судьей и міромъ. Итакъ съ двухъ сторонъ подвергалась надзору и стѣсненію власть удѣльныхъ кормленщиковъ.

Земскія учрежденія въ царствованіи Ивана Грознаго.

Уже въ первой половинѣ XVI столѣтія обозначается третій моментъ въ переустройствѣ областного управленія: онъ состоялъ въ попыткахъ замѣнить служилыхъ кормленщиковъ выборными земскими властями. Эта замѣна также совершалась постепенно и изъ нея развилась цѣлая система земскаго самоуправленія. Прежде всего сдѣлана была попытка предоставить мѣстнымъ обществамъ земскую полицію. До Ивана IV намѣстники и волостели вѣдали и уголовныя дѣла, сначала безъ докладовъ, потомъ перенося важнѣйшія изъ нихъ на докладъ въ центральныя учрежденія. Наиболѣе тяжелыя уголовныя преступленія, лихія дѣла татьба съ поличнымъ, разбой и душегубство, были для намѣстника и волостеля самою доходною судебною статьею, доставлявшею имъ наиболѣе значительныя пени, и потому личный интересъ областного управителя побуждалъ его преслѣдовать такія преступленія. Но, если выгодно было карать за нихъ, то областной кормленщикъ не имѣлъ тѣхъ средствъ, ни побужденій предупреждать ихъ, лишая себя тѣмъ

самыхъ дохода. Между тѣмъ успѣхи государственнаго порядка. Усиливали потребность въ административныхъ средствахъ предупрежденія преступленій. Намѣстники и волостели очевидно не годились для этого. Правительство сначала посылало въ области особыхъ сыщиковъ для преслѣдованія лихихъ людей; но эти сыщики, требуя себѣ содѣйствія отъ мѣстныхъ обществъ ложились на нихъ новымъ бременемъ, притѣсняли обывателей. Потому правительство пришло къ мысли поручить уголовную полицію самимъ мѣстнымъ обществамъ. Въ малолѣтство Грознаго, во время правленія Шуйскихъ, съ 1539 года правительство начало давать городскимъ и сельскимъ обществамъ такъ называемыя губныя грамоты, предоставлявшія имъ преслѣдованіе и даже казнь лихихъ людей, занимавшихся душегубствомъ, разбоемъ и татьбой. Сначала это преслѣдованіе поручалось прежнимъ земскимъ властямъ, старостамъ и сотскимъ; потомъ общества стали выбирать особыхъ губныхъ старостъ съ цѣловальниками. Каждый губной округъ дѣлился на полицейскіе участки, сотни, съ подраздѣленіемъ на полусотни и десятки, съ выборными полицейскими чинами, сотскими, пятидесятниками и десятскими. Это были исполнительныя орудія губнаго старосты съ его цѣловальниками. Въ XVII вѣкѣ выбирался обыкновенно одинъ губной староста на весь уѣздъ и въ выборѣ его участвовали всѣ классы мѣстнаго общества. Поимка и преслѣдованіе лихихъ людей возлагалась на общества, какъ обязанность: общества не только выбирали губныхъ старостъ, но и отвѣчали за ихъ дѣятельность. Если въ округѣ появлялись лихіе люди и совершалось лихое дѣло, то за него отвѣчали всѣ обыватели, уплачивая иски пострадавшихъ людей вдвое [illegible]. Такъ мѣстные міры призваны были участвовать

правительству въ огражденіи общественной тишины и безопасности.

Наконецъ около половины XVI века правительство сделало еще более смелую попытку – совсемъ устранить наместниковъ и волостелей, заменивъ ихъ выборными общественными властями, поручивъ самимъ обществамъ не только уголовную полицію, но и все управленіе вместе съ судомъ. Неизвестно въ точности, съ какого времени началась эта важная реформа. Общій планъ выработанъ былъ вскоре после взятія Казани. До насъ дошелъ указъ отъ 20-го сентября 1555 года. Здесь мы читаемъ, что государь для устраненія неудобствъ и злоупотребленій, какія обнаруживались въ управленіи наместниковъ и волостелей, поручилъ общественныя дела _излюбленнымъ старостамъ_, и за прежніе наместничьи доходы на города и волости указалъ положить оброки, которые должны идти на жалованье служилымъ людямъ, переставшимъ пользоваться кормленіями. Жалованье выдавалось _по отечеству_ и _дородству_: городовымъ (провинціальнымъ) дворянамъ и детямъ боярскимъ въ четвертый годъ, другимъ (высшимъ чинамъ) въ третій. Съ этого именно времени служилые люди въ дополненіе къ поместнымъ окладамъ стали получать и денежное жалованье, которое было какъ бы вознагражденіемъ служилыхъ людей за потерю кормленій. Въ грамоте, данной Устюжскимъ волостямъ въ томъ же году (1555), замена наместниковъ и волостелей выборными земскими властями является уже общею мерою. Царь говоритъ, что онъ „жалуя все крестьянство", позволилъ городамъ и волостямъ вместо наместниковъ и волостелей выбрать излюбленныхъ старостъ, „которыхъ себе крестьяне межъ собою излюбятъ и выберутъ всею землею, которые умели бы ихъ разсудить въ правду

безпошлинно и безволокитно" и собирали бы дань для доставленiя въ государеву казну. Послѣдующимъ актамъ видно, что земскiе старосты съ новымъ значенiемъ вводились по мѣстамъ еще раньше 1555 года. Замѣна намѣстниковъ и волостелей земскими старостами совершалась по просьбѣ самихъ обществъ, и далеко не всѣ общества воспользовались новымъ правомъ, которое покупалось новою повинностью, оброкомъ на жалованье служилымъ людямъ. Вотъ почему земское самоуправленiе въ то время получило названiе откупа, жалованныя грамоты на самоуправленiе - названiе откупныхъ. Земскiе старосты съ выборными присяжными помощниками вели всѣ земскiя дѣла подъ личною отвѣтственностью и мiрской порукой; недобросовѣстное исполненiе судебно-административныхъ обязанностей преслѣдовалось смертною казнью и конфискацiею имущества, которое шло пострадавшимъ отъ недобросовѣстности истцамъ и тѣмъ, кто на нихъ доведетъ. Но весь мiръ, выбиравшiй старосту и цѣловальниковъ, отвѣчалъ за ихъ дѣятельность, за добросовѣстный судъ и исправный казенныхъ налоговъ, платя за выборныхъ въ случаѣ ихъ несостоятельности. Въ 1556 году въ Новгородской области сборъ государственныхъ податей порученъ былъ самому земству. Для этого велѣно было всѣмъ сословiямъ въ каждой пятинѣ выбрать по одному сыну боярскому и по 3-4 человѣка лучшихъ земскихъ людей, да въ каждомъ погостѣ по одному человѣку, и эти выборные старосты и лучшiе люди должны были подъ личною и общественною отвѣтственностью собирать и доставлять Новгородскимъ дьякамъ казенныя подати. Дьяки отвѣчали за сборъ передъ центральнымъ

правительствомъ, а выборные передъ дьяками. Отсюда можно понять политическое значеніе этого самоуправленія. Разсматривая кругъ дѣлъ губныхъ и земскихъ старостъ, мы видимъ, что это были дѣла не мѣстныя земскія, а чисто государственныя, которыя прежде вѣдались мѣстными органами центральнаго правительства. Сущность земскаго самоуправленія состояла не столько въ правѣ обществъ вѣдать свои мѣстныя земскія дѣла, сколько въ обязанности исполнять извѣстныя общегосударственныя приказныя дѣла, выбирать изъ своей среды отвѣтственныхъ людей <u>къ государеву дѣлу</u>. Это былъ видъ государственной службы: земское самоуправленіе являлось лишь орудіемъ центральной администраціи. Всего лучше характеръ самоуправленія, какъ новой земской повинности, выражался въ участіи, предоставленномъ обществамъ въ финансовомъ управленіи. Земскія старосты собирали прямые налоги. Разныя казенныя статьи, отдавались <u>на вѣру</u>: для этого общества должны были выбирать <u>вѣрныхъ головъ</u> и цѣловальниковъ, которымъ правительство довѣряло подъ присягою сборъ доходовъ съ этихъ статей, обезпечивая себѣ исправность этихъ сборовъ отвѣтственностью личною или всего общества. Если голова съ цѣловальниками не добиралъ напередъ назначенной или ожидавшейся смѣтной суммы казеннаго сбора, онъ долженъ былъ доплатить изъ собственныхъ средствъ; при его несостоятельности за него платили его избиратели. Итакъ земское самоуправленіе было слѣдствіемъ обнаружившейся при новыхъ государственныхъ задачахъ и потребностяхъ недостаточности или негодности прежнихъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій. На помощь центральному правительству призвано было земство, которое дѣйствовало, связанное круговымъ поручительствомъ.

Происхожденіе, устройство и значеніе земскихъ соборовъ XVI в.

Такимъ мѣстныя земскія учрежденія, возникшія въ XVI в., они имѣли двойственный характеръ. Эти учрежденія были земскія, по источнику, изъ котораго органы мѣстнаго самоуправленія получали свои правительственныя полномочія: они выбирались мѣстными земскими мірами. Но эти учрежденія не были земскими по свойству дѣлъ, порученныхъ выборнымъ органамъ: это были дѣла обще-государственныя, приказныя, преимущественно казенныя, а не мѣстныя земскія въ собственномъ смыслѣ. Въ связи съ этимъ двойственнымъ характеромъ земскихъ учрежденій XVI в. введеніе ихъ сопровождалось двумя различными послѣдствіями: 1) еще болѣе прежняго раздробили мѣстное управленіе. Мы видѣли, что и прежде уѣздъ въ Московскомъ государствѣ не былъ цѣльной административной единицей: управленіе сельскихъ волостей было слабо связано съ управленіемъ городскихъ намѣстниковъ. Теперь мѣстные земскіе міры, сельскіе и городскіе съ своими излюбленными старостами еще болѣе обособились другъ отъ друга. 2) Раздробивъ мѣстныя управленія, земскія учрежденія за то болѣе прежняго сплотили мѣстныя общества. Эти учрежденія были построены на мысли о совмѣстной административно-судебной дѣятельности разныхъ классовъ мѣстнаго населенія. Для выбора губнаго старосты созывался уѣздный съѣздъ всѣхъ сословій. Таже мысль мелькаетъ по мѣстамъ и въ управленіи земскихъ старостъ и въ порученіи имъ сбора казенныхъ податей. Это была превосходная мысль, свидѣтельствующая о глубокомъ государственномъ смыслѣ правительства царя Ивана въ первую половину его царствованія. Дробность мѣстнаго управленія была слѣд-

ныхъ недостаткомъ земскихъ учрежденій XVI в.: въ дѣятельности этихъ мелкихъ мѣстныхъ міровъ не могло быть единства направленія. Центральные Московскіе приказы, которымъ подчинены были выборныя земскія власти, старосты и цѣловальники, не могли внести этого единства; они только контролировали ихъ дѣятельность, рѣшая дѣла, которыя не могли рѣшить мѣстные выборные правители, преимущественно слѣдя за неправильнымъ поступленіемъ казенныхъ сборовъ, порученныхъ старостамъ. Этотъ недостатокъ въ нѣкоторой степени восполнялся учрежденіемъ, въ которомъ встрѣчались представители разныхъ земскихъ міровъ. То былъ земскій соборъ или соборъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства, какъ онъ обыкновенно называется въ актахъ.

Первый земскій соборъ является въ половинѣ XVI в. въ то самое время, когда становится замѣтна усиленная дѣятельность Московскаго правительства по устройству мѣстнаго управленія. До насъ не дошло протокола этого собора и мы не знаемъ ни всѣхъ обстоятельствъ его созыва, ни его состава, ни дѣятельности. Въ одной лѣтописи читаемъ, что царь на 20 году своего возраста, видя государство въ великой тоскѣ и печали отъ неправды и насилія сильныхъ, умыслилъ привести всѣхъ въ любовь. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ, какъ бы утолить вражду повелѣлъ онъ „собрати свое государство изъ городовъ всякаго чина". Это значитъ, что въ Москву были собраны выборные отъ всѣхъ чиновъ, провинціальныхъ городовъ государства. 20й годъ жизни царя Ивана падалъ на 1549 и 50 г. Въ лѣтописи приведена превосходная рѣчь, произнесенная молодымъ царемъ передъ „духовенствомъ и всѣмъ народомъ на Красной

площади, куда онъ вышелъ изъ Кремля съ торжест-
веннымъ крестнымъ ходомъ, куда собрались выбор-
ные изъ городовъ. Обратившись съ Лобнаго места
около церкви Василія Блаженнаго къ митропо-
литу Макарію, царь просилъ его быть ему по-
мощникомъ и любви поборникомъ и яркими
чертами изобразилъ безпорядки боярскаго правле-
нія въ продолженіи своего несовершеннолетія. За-
темъ поклонившись народу на все четыре сторо-
ны, царь просилъ его забыть обиды и разоренія, не-
пытавшіяся имъ отъ дурнаго управленія и безу-
дія, обещая впредь быть судьей и обороной для
всехъ и между прочимъ сказалъ: „люди божіи и да-
рованные намъ Богомъ молю васъ оставьте другу
другу вражды и тяжбы". Итакъ это былъ царскій
призывъ всехъ сословій ко взаимному всепроще-
нію и дружной деятельности во имя общаго
блага. Государь принимая бразды правленія въ
свои руки, становился прямо передъ своимъ на-
родомъ и призывалъ высшаго пастыря церкви и
всю свою землю въ лице ея представителей
помочь ему въ предпринимаемомъ имъ установ-
леніи государственнаго порядка и правосудія. Зна-
читъ первый земскій соборъ былъ для верховной
власти средствомъ прямо и откровенно объясни-
ться съ народомъ, указать ему направленіе въ ка-
комъ она хочетъ действовать и согласить враж-
дебныя стремленія различныхъ общественныхъ эле-
ментовъ. Такое значеніе собора сказалось и въ
новомъ учрежденіи, какое тогда явилось среди
Московскихъ приказовъ. Въ этотъ самый день, ког-
да была произнесена царемъ речь къ народу, онъ
учредилъ Челобитный приказъ, начальникомъ ко-
тораго назначилъ своего любимца Алексея Ада=

шева. Адашеву поручено было „принимать челобитья отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ", докладывая объ нихъ царю. Этотъ приказъ можно назвать коммиссіей прошеній подаваемыхъ на Высочайшее имя; въ немъ была проведена мысль о непосредственныхъ отношеніяхъ подданныхъ къ своему государю. Такое же значеніе приписывалъ земскому собору 1550 г. и самъ царь. Въ слѣдующемъ году для устройства церковнаго управленія и религіозно-нравственнаго знанія народа созванъ былъ большой церковный соборъ, названный Стоглавымъ по числу главъ, въ которыя были соединены его постановленія. На этомъ соборѣ была прочитана, говоря языкомъ нашего времени, обширная тронная рѣчь царя съ длиннымъ рядомъ преобразовательныхъ проектовъ или вопросовъ, на которые онъ приглашалъ отцовъ собора дать по зрѣломъ размышленіи законодательные отвѣты. Въ этой рѣчи между прочимъ было написано, что въ предыдущемъ году царь съ боярами обращался ко святителямъ съ челобитьемъ, благословить его и простить во всѣхъ винахъ, что после того царь простилъ своихъ бояръ въ ихъ винахъ и велѣлъ имъ тогда испросить у всѣхъ христіанъ своего царства прощеніе во всѣхъ грѣхахъ боярскаго правленія и служилые люди тогда же „помирились со всѣми земщинами во всякихъ дѣлахъ". По всѣмъ этимъ признакамъ первый Московскій земскій соборъ является какимъ-то небывалымъ въ европейской исторіи актомъ всенароднаго покаянія царя и боярскаго правительства во своихъ политическихъ грѣхахъ. Однако этотъ соборъ повидимому занимался и другими болѣе практическими дѣлами. Въ томъ же самомъ 1550 г.

былъ составленъ новый Судебникъ, представляющій исправленную и распространенную редакцію стараго дѣдовскаго Судебника 1497 г. Въ той же тронной рѣчи царя на Стоглавомъ соборѣ есть намекъ на связь этого дѣла съ земскимъ соборомъ 1550 г. Сказавъ о примиреніи царя и бояръ съ народомъ на этомъ послѣднемъ соборѣ, царь прибавилъ обращаясь къ святителямъ: „до благословился у васъ тогда же судебникъ исправити по старинѣ". Очевидно, духовенство дало свое благословеніе царю на это дѣло, присутствуя на земскомъ соборѣ вмѣстѣ съ другими чинами государства. Но по этимъ словамъ трудно рѣшить, было-ли на земскомъ соборѣ только заявлено о предпринятой правительствомъ кодификаціонной работѣ или выборнымъ устно и прочитать новый кодексъ, какъ послѣ было прочитано земскому собору Уложеніе царя Алексѣя. Второй земскій соборъ былъ созванъ въ 1566 г. по поводу войны съ Польшею. Припомнимъ, что 1558 г. царь Иванъ, желая войти въ непосредственныя сношенія съ западной Европой моремъ, предпринялъ завоеваніе Ливонскаго ордена. Польскій король Сигизмундъ Августъ по договору съ магистромъ ордена заступился за Ливонію. Царь успѣшно началъ войну съ Польшей, взялъ Полоцкъ и другіе города. Польскій король просилъ перемирія, уступая Москвѣ всѣ завоеванные ею Ливонскіе и Литовскіе города. Для рѣшенія вопроса мириться съ королемъ на предложенныхъ условіяхъ царь и хотѣлъ посовѣтоваться съ выборными земли. Для этого созванъ былъ соборъ 1566 г. Актъ этого собора сохранился и по нему мы видимъ какъ составъ собора, такъ и порядокъ обсужденія предлагаемыхъ ему вопросовъ.

На соборѣ присутствовали элементы выборные и элементы невыборные, послѣдними были два высшія правительственныя учрежденія церковное Осв. Соб. и государственное Б.Д. Соборъ духовенства и Боярской Думы, который являлся на соборъ въ своемъ полномъ составѣ. Выборные элементы состояли изъ представителей разныхъ чиновъ государство служилыхъ и тяглыхъ. Это были представители Московскихъ служилыхъ чиновъ, приказныхъ и торговыхъ людей столицы. Чтобы понять представительство торговыхъ людей столицы надобно припомнить ихъ организацію. Торговое населеніе города Москвы состояло изъ гостей — высшаго купечества, соотвѣтствовавшихъ нашимъ коммерціи совѣтникамъ, изъ 2 сотенъ гостиной и суконной, положенныхъ на нашу первую и вторую гильдію и изъ черныхъ сотенъ, соотвѣтствовавшихъ нашимъ цехамъ. На Соборъ 1566 г. призвано было нѣсколько гостей и 40 человѣкъ изъ другихъ торговыхъ разрядовъ столичнаго населенія. Населеніе провинціальное представлено было очень слабо: на соборъ приглашено было всего 3 торопецкихъ помѣщика и 6 луцкихъ до 21 человѣкъ торговыхъ людей изъ города Смоленска. Вотъ и все представители областныхъ міровъ на соборѣ 1566 г. Эти мѣстные чины очевидно приглашены были потому, что вопросъ предложенный собору ближе всего ихъ касался, они представляли собою пограничное съ Литвой населеніе. И такъ на соборѣ 1566 г. рѣшительно преобладали чины столичные. До конца XVI ст. былъ созванъ еще одинъ соборъ, но по исключительному поводу. Въ 1598 г. со смертью царя Ѳеодора пресѣклась династія Рюрика на Московскомъ престолѣ; государство оставалось безъ правительства. Для выбора новаго царя и созванъ былъ земскій соборъ.

Земское представительство на этомъ соборѣ было гораздо полнѣе, чѣмъ на предшествующемъ: призвано было около 450 человѣкъ. Здѣсь явились также два высшія правительственныя учрежденія, Освященный соборъ духовенства въ составѣ 99 членовъ. Дума и служилые Московскіе чины въ числѣ 272 человѣкъ; къ нимъ примыкали и 7 головъ или полковниковъ стрѣлецкихъ, 21 чел. Московскихъ гостей и 2 старосты и высшихъ сотенъ, гостиной и суконной и 14 сотскихъ изъ черныхъ сотенъ столицы. Отъ областного населенія явились 34 городовыхъ дворянина, 2 торговыхъ человѣка отъ 2 пятинъ Новгородской земли и по одному сотскому отъ 2 другихъ провинціальныхъ городовъ, Вълева и Малоярославца. Значитъ и на этомъ соборѣ рѣшительно господствовали служилые и торговые люди столицы. Земскіе представители столицы и областей не получили никакихъ инструкцій отъ своихъ избирателей. Точно также какъ на соборѣ, предшествовавшемъ не было обсужденія предложеннаго вопроса, не было общихъ совѣщаній или преній. Всѣ чины раздѣлялись на отдѣльныя группы; каждая группа состояла изъ представителей одного или нѣсколькихъ чиновъ и подавала свое особое мнѣніе или сказку. Такъ на соборѣ 1566 г. духовенство подало такое мнѣніе по вопросу — продолжать ли войну съ Польшей добиваясь всей Ливоніи, или помириться на предложенныхъ короломъ условіяхъ: „стоять за Ливонскіе города, а какъ стоять въ томъ его государева воля, какъ его государя Богъ вразумитъ, нашъ долгъ за государя Бога молить. Московскіе бояре, окольничьи и приказные люди заявили: „выдать Богъ да государь нашъ, какъ ему государю Богъ извѣститъ, а намъ мнится продолжать войну". Московскіе дворяне

первой статьи подали такое заявленіе: „вѣдаетъ Богъ да государь, а намъ холопамъ его кажется, что за Ливонскіе города, занятые Польскимъ королемъ государю пригоже стоять". Въ томъ же смыслѣ высказались и другіе чины. Но печатникъ или канцлеръ Висковатовъ подалъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ изложилъ предварительныя условія для веденія переговоровъ съ Польскимъ королемъ.

Достаточно приведенныхъ чертъ, чтобы видѣть устройство и характеръ земскихъ соборовъ XVI в. Очевидно ни составъ, ни политическій авторитетъ ихъ еще не успѣлъ выработаться окончательно. Въ обществѣ существовала мысль о представительствѣ всей земли, но въ дѣйствительномъ составѣ собора не было проведено полнаго земскаго представительства. Оба земскіе собора, составъ которыхъ намъ извѣстенъ, представляли собою собственно столицу государства; изъ мѣстныхъ обществъ призывались представители немногихъ уѣздовъ тѣхъ, которыхъ ближе касалось дѣло или тѣхъ, представители которыхъ находились въ Москвѣ во время созыва собора. Теперь точно также неясно и политическое значеніе собора. Правительство предложило собору 1566 г. вопросъ о войнѣ съ Польшей. Всѣ чины высказались за войну, положивъ дѣло на волю государя и изъявили готовность умереть по его приказу, но черезъ нѣсколько лѣтъ въ 1570 г. начались переговоры съ Польшей и было заключено перемиріе. Перемиріе это заключено было безъ всякаго участія земскихъ представителей притомъ на тѣхъ самыхъ условіяхъ, которые были прежде отвергнуты представителями собора. Избирательный соборъ 1598 г. имѣлъ исключительный характеръ: онъ являлся съ учредительнымъ авторитетомъ, потому что сосредоточивалъ въ себѣ верховную власть въ государствѣ

оставшемся безъ царя. Однако для избранія новаго царя созывъ земскаго собора не считался необходимымъ условіемъ. Созыва собора потребовалъ самъ Годуновъ, которого можно провозгласить царемъ. Прежде патріархъ съ боярами и Московскими чинами просилъ Годунова принять царство не считая нужнымъ созывать для этого земскій соборъ. По отношенію правительства къ собору 1566 г. мы видимъ, что въ XVI в. земскій соборъ имѣлъ чисто совѣщательный характеръ. Представители земли вмѣстѣ съ высшими правительственными учрежденіями приглашались на совѣтъ, чтобы сказать, есть ли у народа необходимыя средства для несенія новой тягости, какую повлечетъ за собой продолжительная война. Итакъ соборъ имѣлъ значеніе правительственной справки о настроеніи и средствахъ народа. Такое же значеніе приписывало собору тогдашнее общество. Во второй половинѣ XVI в. написана была какимъ-то даровитымъ Московскимъ публицистомъ статья, направленная противъ монастырскаго землевладѣнія. Въ этой статьѣ публицистъ приглашаетъ духовныя власти благословить царя на такое доброе дѣло: видитъ ему призывать къ себѣ ежегодно людей всякихъ чиновъ для совѣта и тѣхъ людей каждый день добре и добре распрашивать про всякое дѣло міра; пользуясь указаніями этихъ совѣтныхъ людей царь узнаетъ все касающееся правленія, и объявлено будетъ тѣми людьми всякое дѣло передъ царемъ, чтобы правдою того въ благоденствіи царство его. Итакъ Московскіе политики XVI в. считали необходимымъ ежегодно созывать земскихъ представителей, какъ средство для царя имѣть за ходомъ управленія и за положеніемъ народа. Въ всемъ этомъ открывается двоякое побужденіе, вызывавшее земскіе соборы XVI в. 1) Соборъ 1550 г. служилъ для правительства средствомъ заявить народу

направленіе, въ какомъ оно намѣрено было дѣйствовать и средствомъ согласить враждебные интересы разныхъ классовъ общества. 2/ Соборъ 1566 г. показываетъ, что эти собранія должны были служить для правительства средствомъ справки о настроеніи и положеніи различныхъ классовъ общества. Этимъ двоякимъ потребностямъ и объясняется происхожденіе земскихъ соборовъ въ Московскомъ государствѣ XVI в. До половины XVI ст. мы не видимъ въ нашей исторіи подобныхъ собраній. Напрасно связываютъ земскіе соборы со старыми городскими вѣчами XI и XII в. Это были политическія собранія совсѣмъ различнаго характера и происхожденія. Городское вѣче не было земскимъ представительствомъ: это былъ городской сходъ. Земскій соборъ всего меньше былъ представителемъ городовъ. Въ XVI ст. завершая объединеніе Великороссіи, Московское правительство очутилось предъ двумя затрудненіями. Первое изъ нихъ заключалось въ составѣ объединеннаго общества. Московское правительство правило государствомъ, которое только что сложилось изъ различныхъ политическихъ міровъ, прежде разобщенныхъ между собою, изъ удѣльныхъ княжествъ и вольныхъ городскихъ общинъ. Это правительство руководило обществомъ, распадавшимся на множество разрозненныхъ и неустойчивыхъ классовъ, раздѣленныхъ несходными, часто враждебными интересами и стремленіями. Надо было сплотить эти пестрыя составныя части и объединить ихъ для дружной дѣятельности въ одномъ направленіи, а для этого надобно было всей землѣ высказать это направленіе. Средствомъ для этого и былъ созывъ выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ земли. Второе затрудненіе заключалось въ недостаткѣ административныхъ органовъ. Правительству при его новыхъ задачахъ и потребностяхъ становилось все труднѣе. Необходимо было знать настроеніе и средства общества. Обычнымъ посредникомъ между землей и выс-

нымъ правительствомъ въ этомъ отношеніи служитъ мѣстная администрація; но Московское правительство XVI в. располагало очень скудными или неудобными административными орудіями. Органами областного управленія были служилые люди, но это были собственно военные люди, а не административные дѣльцы; они являлись въ провинцію на короткое время, чтобы покормиться, а не изучать и руководить ими, да настоящими администраторами были дьяки съ подьячими. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, по свидѣтельству одного изъ подьячихъ, во всемъ Московскомъ государствѣ числилось не болѣе 100 дьяковъ и 1000 подьячихъ, въ XVI ст. было ихъ гораздо меньше. Эти дьяки и подьячіе наѣзжали на короткое время въ уѣзды, чтобы потомъ вернуться въ Москву, смѣнившись другими. При такихъ скудныхъ административныхъ средствахъ правительство должно было возложить часть административныхъ обязанностей на выборныхъ представителей земскихъ міровъ старостъ съ цѣловальниками. Какъ скоро центральное правительство начинало править государствомъ посредствомъ выборныхъ отъ мѣстныхъ обществъ, оно необходимо должно было созывать этихъ представителей для совѣта, когда возникали вопросы, касавшіеся не тѣхъ или другихъ уѣздовъ, а всего государства. Такимъ образомъ земскій соборъ былъ вызванъ двумя причинами: 1) политическимъ объединеніемъ Великороссіи, 2) введеніемъ земскихъ учрежденій, завершеніемъ которыхъ былъ соборъ. Земское самоуправленіе все держалось на круговой порукѣ мѣстныхъ міровъ. Земскій соборъ былъ высшей формой всенародной круговой поруки: представители земли, присутствуя на соборѣ, дѣйствіемъ [illegible] обязывались за избирателей [illegible] [illegible] нало-

емыя этимъ рѣшеніемъ.

Земскія учрежденія XVI в. съ ихъ политическимъ завершеніемъ Земскимъ соборамъ служили лучшимъ выраженіемъ характера Московскаго государственнаго строя. Это государство слагалось съ половины XV в. медленно и трудно и къ концу XVI в. стояло готовымъ цѣльнымъ зданіемъ. Это зданіе отличалось своеобразнымъ характеромъ. Какъ мы видѣли, оно держалось на развёрсткѣ государственныхъ повинностей между всѣми классами общества и на обязательномъ веденіи общегосударственныхъ дѣлъ выборными земскихъ міровъ. Такимъ образомъ въ основаніе государственнаго порядка положено было тягло, повинность. Различіемъ повинностей и различались классы общества. Когда мы подступаемъ къ оцѣнкѣ извѣстнаго государственнаго порядка, мы прежде всего спрашиваемъ, есть-ли это порядокъ основанный на централизаціи или порядокъ, который держится на участіи общества въ управленіи, на народномъ представительствѣ, на самодѣятельности общественныхъ классовъ. Въ Московскомъ государственномъ устройствѣ встрѣчаемъ учрежденія того и другого порядка: рядомъ съ учрежденіями, которыя проводили стремленія централизаціи, мы видимъ учрежденія, въ которыхъ выражалась самодѣятельность мѣстныхъ обществъ; но это земское самоуправленіе вмѣстѣ съ земскимъ представительствомъ служило лишь послушнымъ орудіемъ централизаціи. Вотъ въ чемъ заключался своеобразный характеръ Московскаго государственнаго устройства въ томъ видѣ, какой оно получило къ концу XVI ст.

Програма
по
Русской исторіи.

Б. I. Введеніе. Цѣль и пріемы изученія Русской исторіи. Дѣленіе Русской исторіи. Цѣль ея изученія.

Б. II. Источники. Древне-русскія лѣтописи. Ихъ составители. Лѣтописные своды.

Начальная лѣтопись; ея древнѣйшія списки. Мѣстныя лѣтописи въ XI вѣкѣ. Слѣды Кіевскаго лѣтописца въ Начальной лѣтописи. Несторъ и Сильвестръ.

Б. III. Составныя части Начальной лѣтописи: 1) Начальная лѣтопись Кіевская, 2) Сказаніе о крещеніи Руси Владиміромъ, 3) Повѣсть временныхъ лѣтъ. Время составленія начальнаго лѣтописнаго свода и его составитель.

Б. IV. Лѣтописи XIII вѣка. Списки Лаврентьевскій и Ипатьевскій.

Б. V. Славяне на Карпатахъ. Два главныхъ взгляда на начало Русской исторіи. Древнѣйшія извѣстія о Карпатскихъ Славянахъ. Извѣстія Повѣсти временныхъ лѣтъ о Дулѣбахъ и Масуди о Волынянахъ.

Б. VI. Разселеніе восточныхъ Славянъ. Византійскіе писатели VI и VII в. в. Направленіе разселенія. Послѣдствія разселенія: 1) Юридическія: ослабленіе связей родства и замѣна ихъ сосѣдствомъ; 2) Экономическія: внѣшняя торговля съ Хозарами и Арабами; образованіе большихъ торговыхъ городовъ.

Б. VII. Послѣдствія политическія разселенія восточныхъ Славянъ. Городовыя области. Варяги. Варяжскія княжества. Княжество Кіевское.

Б.VIII. Дѣятельность первыхъ Кіевскихъ князей. Повозы и полюдья. Поддержка заморскихъ рынковъ и торговыхъ путей.

Б.IX. Русская земля въ половинѣ XI в. Князь, дружина, города и купечество; низшіе классы.

Б.X. Русская земля въ XI–XII в.в. Порядокъ княжескаго владѣнія. Раздѣлъ Русской земли между Ярославичами. Владѣніе по очереди старшинства. Происхожденіе этого порядка.

Б.XI. Условія, разрушавшія очередной порядокъ владѣнія: 1) Ряды и усобицы князей; 2) Мысль объ отчинѣ; 3) Выдѣленіе князей изгоевъ; 4) Личное значеніе князей. 5) Значеніе главныхъ областныхъ городовъ.

Б.XII. Послѣдствія борьбы очереднаго порядка съ разрушавшими его условіями. Двойное политическое раздробленіе Руси: княжеское и земское. Элементы земскаго единства Руси. Политическій строй Русской земли въ XII в.

Б.XIII. Русское общество въ XI и XII в.в. Русская Правда. Ея происхожденіе. Особенности Русскаго права, указывающія на ея происхожденіе. Источники Русской Правды.

Б.XIV. Гражданскій порядокъ по Русской Правдѣ. Уголовное право: преступленія и наказанія. Экономическіе классы. Сдѣлки и обязательства. Отраженіе русскаго быта въ Правдѣ.

Б.XV. Церковные уставы Владиміра и Ярослава. Юрисдикція церкви. Вліяніе церкви на общество.

Б.XVI. Періодъ второй. Главные факты его. Условія, разрушавшія общественный бытъ, порядокъ и благосостояніе Кіевской Руси. Усиленное развитіе рабовладѣнія; вліяніе его на успѣхи частнаго землевладѣнія. Усобицы князей. Набѣги степныхъ кочевниковъ. Постепенное обѣдненіе и запустѣніе Кіевской Руси.

Б.XVII. Отливъ населенія изъ Поднѣпровья на за-

падъ и происхожденіе малорусскаго племени. Признаки отлива населенія на Суздальскій сѣверъ: 1) появленіе прямой дороги изъ Кіева на Клязьму, 2) появленіе новыхъ городовъ въ Суздальскомъ краю, 3) южно-русская географическая номенклатура на Суздальскомъ сѣверѣ, 4) переходъ былиннаго эпоса на сѣверъ.

Б. XVIII. Этнографическія послѣдствія русской колонизаціи Суздальской земли: Происхожденіе великорусскаго племени. Слѣды финскаго племени въ верхнемъ Поволжьѣ. Мирное сближеніе русскихъ переселенцевъ съ финскими туземцами и ихъ взаимодѣйствіе. Вліяніе финновъ 1) на этнографическій типъ Великоруссовъ, 2) на ихъ языкъ, 3) на ихъ повѣрья, 4) на складъ общества въ Суздальской Руси.

Б. XIX. Вліяніе природы верхняго Поволжья на народное хозяйство. Разбросанность населенія. Характеръ земледѣлія. Возникновеніе сельскихъ промысловъ. Вліяніе природы на племенной характеръ Великоруссовъ.

Б. XX. Политическія послѣдствія колонизаціи Суздальской земли. Андрей Боголюбскій и его отношенія къ Кіевской Руси. Паденіе старшихъ городовъ въ Суздальской землѣ. Усобица по смерти Андрея Боголюбскаго: ея значеніе. Преобладаніе Верхне-Волжской Руси на Днѣпровскою при Всеволодѣ III.

Б. XXI. Новый порядокъ княжескаго владѣнія въ потомствѣ Всеволода. Волости младшихъ Всеволодовичей и порядокъ владѣнія ими. Происхожденіе удѣльнаго порядка владѣнія.

Б. XXII. Послѣдствія удѣльнаго порядка владѣнія. Ходъ удѣльнаго дробленія. Обѣдненіе удѣльныхъ князей; ихъ взаимное разобщеніе; упадокъ правительственнаго значенія князей и гражданскаго чувства.

Б. XXIII. Московское княжество до половины XV в. Экономическія и политическія условія его возвышенія. Пер-

вые извѣстія о Москвѣ. Быстрый ея ростъ. Причины его. Географическое положеніе Москвы. Слѣдствія изъ него вытекавшія: 1) экономическія, 2) политическія. Дѣятельность первыхъ Московскихъ князей.

Б. XXIV. Политическіе и національные успѣхи Московскихъ князей до половины XV в.: 1) территоріальное расширеніе Московскаго княжества; 2) пріобрѣтеніе великокняжескаго стола Московскими князьями; 3) нравственное дѣйствіе этого пріобрѣтенія на русское общество; 4) національное значеніе Московскаго князя; 5) церковное значеніе г. Москвы.

Б. XXV. Внутреннія отношенія между Московскими князьями. Порядокъ наслѣдованія. Духовныя грамоты Московскихъ князей. Отношенія Московскихъ князей по владѣнію: 1) внѣшняя оборона, 2) отношенія къ Ордѣ. Значеніе старшаго наслѣдника. „Старшій путь". Значеніе Московскихъ князей въ исторіи Московскаго княжества.

Б. XXVI. Новгородъ Великій. Топографія Новгорода и его территорія. Стороны и концы Новгорода. Пятины и волости.

Б. XXVII. Условія и ходъ развитія Новгородской вольности. Условія географическія и историческія. Опредѣленіе отношеній Новгорода къ князьямъ: 1) отношенія административно-судебныя, 2) финансовыя и 3) торговыя.

Б. XXVIII. Управленіе въ Новгородѣ Великомъ. Вѣче. Посадникъ и тысяцкій. Совѣтъ господъ. Областное управленіе. Пятины и пригороды. Связь пригородовъ съ главнымъ городомъ.

Б. XXIX. Классы Новгородскаго общества. Классы городскіе: бояре, житые люди, купцы и черные люди. Классы сельскіе: смерды и половники, земцы. Основаніе общественнаго дѣленія въ Новгородской земле.

Б. XXX. Характеръ политической жизни Новгорода. Борьба княжескихъ партій. Борьба соціальныхъ пар-

тій. Причины паденія Новгородской вольности: 1) недостатокъ внутренняго единства въ Новгородскомъ обществѣ; 2) недостатокъ земскаго единства и политической централизаціи, 3) экономическая зависимость Новгорода отъ княжеской Руси, 4) слабость военной организаціи Новгорода.

Б. XXXI. Третій періодъ. Русь Московская или Великорусское государство. Основной фактъ періода. Ходъ территоріальнаго расширенія Московскаго княжества съ княженія Ивана III. Политическое объединеніе Великорусскаго племени. Ближайшія послѣдствія этого факта. Новыя національныя задачи внѣшней Московской политики.

Б. XXXII. Внутренніе и политическіе успѣхи Московскаго государя. Успѣхи политическаго самосознанія Московскаго государя въ XV-XVI в. в. Перемѣны въ придворной жизни при Иванѣ III. Новый титулъ и гербъ государя. Вѣнчаніе на царство Димитрія и Василія. Духовныя грамоты Ивана III и Ивана IV. Перемѣна во взглядѣ общества на государя.

Б. XXXIII. Московское боярство XV-XVI в. в. Перемѣна въ его составѣ и политическомъ настроеніи съ половины XV в. Московское боярство удѣльнаго времени. Приливъ новыхъ бояръ въ Москву съ половины XV в. Правительственное и хозяйственное положеніе новаго боярства и его стремленія.

Б. XXXIV. Мѣстничество. Отечество. Мѣстническій счетъ. Идея мѣстничества. Его происхожденіе и политическое значеніе для служилаго класса.

Б. XXXV. Отношенія Московскаго боярства къ государю съ половины XV в. Отношенія Московскаго боярства къ своему князю въ удѣльное время. Столкновенія боярства съ Московскими государями въ XV-XVI в. в. Причины этихъ столкновеній. Бесѣды Берсеня съ Максимомъ Грекомъ. Политическія идеи Курбскаго и Грознаго.

Б. XXXVI. Происхожденіе и значеніе опричнины. Удаленіе царя въ Александровскую слободу. Раздѣленіе государства на земщину и опричнину. Цѣль опричнины.

Б. XXXVII. Устройство служилаго класса. Составные его элементы. Причина его усиленной вербовки въ XV–XVI в. в. Чиновная іерархія.

Б. XXXVIII. Происхожденіе и развитіе помѣстной системы. Средства содержанія служилыхъ людей въ удѣльное время. Вопросъ о содержаніи служилаго класса съ половины XV в. Помѣстье. Его происхожденіе. Помѣстная система

Б. XXXIX. Слѣдствія помѣстной системы: 1) Перемѣна въ юридическомъ характерѣ вотчиннаго владѣнія; 2) развёрстаніе службы по землѣ; 3) уѣздныя дворянскія общества; 4) искусственное развитіе частнаго землевладѣнія; 5) вліяніе помѣстнаго владѣнія на города; 6) появленіе служилаго землевладѣльческаго пролетаріата.

Б. XL. Крестьяне въ Московскомъ государствѣ XV–XVI в. в. Крестьянскія поселенія. Отношенія крестьянъ 1) къ землевладѣльцамъ и 2) къ государству. Экономическое положеніе крестьянъ. Боярское «серебро». Заботы землевладѣльцевъ о личномъ прикрѣпленіи крестьянъ.

Б. XLI. Вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ въ концѣ XVI вѣка. Порядныя грамоты крестьянъ XVI и XVII в. в. Мѣры правительства противъ свозовъ и побѣговъ крестьянъ.

Б. XLII. Устройство управленія въ Московскомъ княжествѣ удѣльнаго времени. Дворецъ князя. Бояре введенные. Дума бояръ. Уѣздное управленіе. Намѣстники и волостели. Кормы и пошлины.

Б. XLIII. Перемѣны въ центральномъ управленіи Московскаго государства съ половины XV вѣка. Приказы. Боярская дума; составъ ея и правительственное значеніе.

Б. XLIV. Перемѣны въ областномъ управленіи Московскаго государства съ половины XV в. Постепенное ограниченіе власти намѣстниковъ и волостелей. Переложеніе кормовъ на деньги. Докладъ. Участіе земства въ судѣ намѣстниковъ и волостелей.

Б. XLV. Земскія учрежденія въ царствованіе Ивана Грознаго. Земская полиція и губные старосты. Замѣна намѣстниковъ и волостелей выборными земскими властями. Вѣрные головы и цѣловальники. Характеръ земскаго самоуправленія XVI в.

Б. XLVI. Происхожденіе, устройство и значеніе земскихъ соборовъ XVI вѣка.